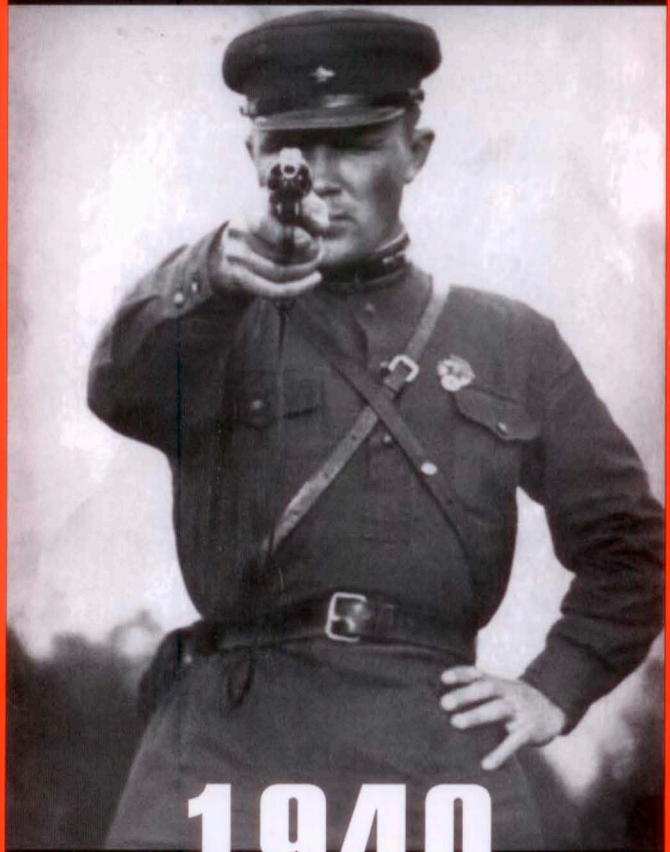
Никита ПЕТРОВ

НАГРАЖДЕНЫ ЗА РАССТРЕЛ

1940

ЦЕНТР ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО ДИАЛОГА И СОГЛАСИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «ДЕМОКРАТИЯ»

НИКИТА ПЕТРОВ

НАГРАЖДЕНЫ ЗА РАССТРЕЛ 1940

МОСКВА 2016

ББК 63.3(0)62
Н16

Центр польско-российского диалога и согласия

Центр польско-российского диалога и согласия является государственным юридическим лицом, созданным на основании закона, принятого Польским сеймом 25 марта 2011 г., с целью поддержки и развития польско-российских отношений, в том числе в области истории, культуры, науки и образования. Одним из приоритетов деятельности Центра является программа обмена молодежи. Кроме того, Центр ведет научные исследования и издательскую деятельность, предоставляет стипендии для молодых российских ученых, организует и финансирует мероприятия, предпринимаемые во имя диалога и согласия в польско-российских отношениях.

Общественный фонд «Международный фонд "Демократия" (Фонд Александра Н. Яковлева)»

Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»

Награждены за расстрел. 1940 / Н.В. Петров. — Н16 М.: МФД, 2016. — 368 с.
ISBN 978-5-89511-046-1

Эта книга повествует о работниках НКВД, принявших непосредственное участие в катынском преступлении — расстреле в 1940 г. польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей. За участие в этом расстреле приказом НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. они были награждены деньгами с формулировкой: «За успешное выполнение специальных заданий». На основе документов государственных и ведомственных архивов впервые представлены подробные биографические справки и портреты участников этого злодеяния.

ББК 63.3(0)62

© Петров Н.В., 2016
© Оформление.
Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2016

ISBN 978-5-89511-046-1

ОТ АВТОРА

Катынское преступление — собирательное название, обозначающее расстрел в 1940 г. польских военнопленных из трех лагерей: Козельского, Осташковского и Старобельского и гражданских лиц из тюрем западных областей Белоруссии и Украины. Эта книга о тех, кто непосредственно участвовал в расстрелах польских военнопленных. Что мы знаем об этих палачах, сколько их было, как сложилась дальнейшая жизнь и судьба? Ответ на эти вопросы чрезвычайно интересен и с исторической, и с человеческой точки зрения. Но есть еще и более общие вопросы, о которых нельзя не сказать. Есть ли вообще предел злодейству отдельных субъектов, и что ими движет? При знакомстве с публикуемыми в этой книге достаточно подробными биографическими справками о тех, кто участвовал в 1940 г. в расправе с польскими офицерами и был за это награжден, возникает жутковатое и непреходящее ощущение обыденности зла. Еще больше впечатляют их лица на портретах. На первый взгляд, вроде бы вполне обыкновенные — такие и сейчас можно встретить, но порой что-то видится настораживающее и нехорошее в их глазах. Какой-то неизгладимый отпечаток оставляет на лицах палачество. Наверное, подробная история каждого из этих расстрельщиков вполне может быть предметом отдельного повествования. Только вот собрать эти сведения — ох, как непросто. В Катыни, Медном и Пятихатках, в местах тайного захоронения расстрелянных, во рвах — тела невинно убиенных польских граждан. Кто они, отправленные волей Сталина и его Политбюро на смерть? Профессиональные военные, но боль-

шинство — офицеры запаса, мобилизованные в начале войны, ученые, юристы, инженеры, учителя и студенты, врачи, литераторы и журналисты — цвет нации.

Катынское преступление вписывается в череду преступлений советского режима, совершенных за долгие годы кровавых чисток и массового террора, и в то же время явно выделяется из общего ряда своим одномоментно спланированным злодейством и масштабом единовременного убийства. Сталинское решение от 5 марта 1940 г. раскрывает самую жуткую суть советского режима, его глубинные и потаенные черты. Это та правда, которой стыдятся, как ночных кошмаров, которые неловко пересказывать. Отсюда и желание власти все это закрыть от посторонних глаз, чтобы все вокруг забыли и не поминали больше.

В сегодняшнем отношении в российском обществе к катынскому преступлению проглядывает неизжитый комплекс почитания верховного вождя. Тут не просто нежелание, а паническая боязнь признать персональную ответственность Сталина за массовый расстрел польских граждан в 1940 г., назвать это деяние громогласно преступлением, а его самого — преступником. Мы видим особое, до священного трепета отношение к Сталину как олицетворению советской государственности, истинному творцу нового порядка.

Основа этой книги — биографии и лица. Лица тех, кто участвовал в массовых расстрелах. Эти лица — то последнее, что видели люди, отправленные одним сталинским росчерком на смерть. Вот почему так важно было собрать и представить на обозрение ныне живущих образы исполнителей приговоров из чекистских подвалов, их пособников и командиров. Во имя и в память тех — убитых.

Глава 1

КТО ПРИНИМАЛ РЕШЕНИЕ

Расстрелы польских граждан — военнопленных офицеров и гражданских лиц — в 1940 г. стали самой кровавой и массовой расправой после окончания Большого террора. Смысл и причины этой акции до сих пор вызывают споры и дискуссии среди историков. На первый взгляд столь масштабное, да еще и спешно проведенное, убийство выглядит иррациональным. Но это только на первый взгляд. Если внимательно прочесть приведенные в записке № 794/Б от марта 1940 г. (Берия — Сталину) формулировки, поясняющие причину, по которой предлагалось провести этот массовый расстрел, становится понятно, что это не просто отголосок, — это прямое продолжение линии Большого террора 1937—1938 гг. с положенной в его основу аргументацией массовых чисток: ликвидация представителей «враждебных классов», лиц «подозрительных по шпионажу», «перебежчиков», лиц «ведущих антисоветскую агитацию». В указанной записке Берии о польских гражданах прямо говорится: «Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю»[1].

Начиная с осени 1939 г. в пунктах приема и лагерях для польских военнопленных шла селекция. Генералов и офицеров отделяли от рядовых, изучали настроения, искали лояльных и готовых служить на предложенных Кремлем условиях. На тех, кто, по мнению лагерных чекистов, был враждебно настроен

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130—133.

к советскому режиму, заводились дела. Служащие польской полиции, пограничной стражи концентрировались в Осташковском лагере. Их, не взирая на чины, даже рядовых, поголовно рассматривали как классовых врагов. «Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжить к[онтр]-р[еволюционную] работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти», — констатировал Берия в своей записке[1].

Известно, что первоначально готовилось решение пропустить узников Козельска, Осташкова и Старобельска через Особое совещание НКВД, приговорив их к лагерным срокам. Ряд директив и распоряжений НКВД об этом четко свидетельствует. Соответствующая работа велась бригадами оперативников, направленных в декабре 1939 г. в эти лагеря. Что же заставило Сталина поторопиться и принять «окончательное решение»: неудача в войне с Финляндией, растущая тревога и ожидание военных действий со стороны Великобритании и Франции? Или уверенность, что сопредельное с Германией пространство поделено окончательно и навечно, а с Польским государством покончено навсегда и надо избавиться от опасной обузы — «неисправимых врагов»? Можно только предполагать, какой мотив был преобладающим в сталинской голове. В пользу «доктринально-классовой» мотивировки говорит решение об одновременном расстреле по той же мотивировке и гражданских лиц — узников тюрем западных областей Белоруссии и Украины.

Похоже, что многие формулировки этого письма продиктованы лично Сталиным: и постановка проблемы, и способ ее решения лежат в плоскости сталинских репрессивных практик прошлых лет. В российской литературе немало спекуляций относи-

[1] Там же.

тельно датировки записки Берии № 794/Б. Известно, что экземпляр письма, представленный на подпись Сталину и другим членам Политбюро, был помечен мартом 1940 г., без указания точной даты. В справке-заместителе в папке исходящих из НКВД документов значится описание содержания письма: «№ 794. Товарищу Сталину. О рассмотрении в особом порядке дел на военнопленных», и его датировка, согласно официальному ответу Центрального архива ФСБ, — 29 февраля 1940 г.[1] Подобная формулировка содержания письма не оставляет сомнений в том, что уже в первом варианте документа было четко сформулировано предложение о расстреле с оформлением дел в упрощенном внесудебном порядке[2]. Эвфемизм «особый порядок» известен с 1937 г., и он означал расстрел без каких-либо судебных формальностей.

Когда были учинены подписи членов Политбюро ЦК ВКП(б) на подлинном экземпляре письма Берии? Полной ясности здесь нет. Возможно, это произошло в ночь с 4 на 5 марта 1940 г., когда в кабинете Сталина в Кремле присутствовали Молотов, Ворошилов и Микоян, они покинули сталинский кабинет в 2 часа 10 минут ночи[3]. Судя по тому, что на письме Берии имеется помета о согласии Калинина и Кагановича, они, вероятнее всего, были опрошены по телефону. Согласие шести членов Политбюро было оформлено как решение 5 марта 1940 г.

Итак, кто принял решение от имени Политбюро ЦК ВКП(б), чьи подписи стоят на первом листе письма Берии с предложением о расстреле польских граждан: Иосиф Сталин, Климент Ворошилов, Вячес-

---

[1] Швед В., Стрыгин С. Тайны Катыни // Наш современник. 2007. № 4. С. 205, 207.

[2] Есть основания полагать, что письмо претерпело изменение в части уменьшения числа польских граждан, подлежащих расстрелу, и, соответственно, переделывались 1, 2 и 3-я страницы записки. При этом зарезервированный регистрационный № 794/Б остался прежним.

[3] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 293.

лав Молотов и Анастас Микоян — они собственноручно поставили свою подпись, кроме них еще два члена Политбюро, Михаил Калинин и Лазарь Каганович, проголосовали «за», как помечено чуть ниже подписей на первом листе там же. Именно эти лица несут персональную ответственность за тягчайшее преступление — бессудное убийство более 20 тысяч граждан Польши. Стоит отметить, что трое членов Политбюро ЦК ВКП(б) — Андрей Андреев, Андрей Жданов (1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома партии) и Никита Хрущев (1-й секретарь ЦК КП(б) Украины) — не участвовали в принятии этого решения. Отсутствие Жданова и Хрущева вполне объяснимо: первый находился в Ленинграде, второй — в Киеве, то есть оба не были в тот момент в Москве. Относительно Андреева можно только строить догадки: либо не посчитали нужным запрашивать его мнение, либо он по каким-то причинам также отсутствовал в Москве.

Биографии Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина и Кагановича широко публиковались в энциклопедиях и различных справочных изданиях, и нет необходимости перечислять все их должности и регалии на долгом политическом пути. Поэтому сконцентрируем внимание на персональной роли каждого из них в истории советских репрессий, оценим их личное участие в массовом терроре.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — родился 21 декабря 1879 г.[1] в городе Гори Тифлисской губернии в семье сапожника. Грузин. В 1894 г. окончил духовное училище в Гори и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. В 1898 г. примкнул к марксистскому движению, участвовал в нелегальной социал-демократической организации, вел пропагандистскую работу. В 1899 г. был исключен из семинарии и с этих пор занимался исключительно подпольной работой

[1] По современным уточненным данным, год рождения — 1878 (Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 32).

в интересах Российской социал-демократической рабочей партии. Участвовал в ряде налетов и ограблений банков — в так называемых экспроприациях для пополнения партийного бюджета. В 1901 г. был избран в члены Тифлисского комитета РСДРП. После разгрома полицией в 1902 г. Тифлисского комитета Сталин находился на нелегальном положении, неоднократно арестовывался, ссылался и бежал из ссылки. С 1904 г. примыкал к большевистскому крылу РСДРП. Выезжал в 1907 г. в Лондон на съезд РСДРП. С 1913 г. — в ссылке в Туруханском крае. После Февральской революции в Петрограде принимал активное участие в большевистском перевороте в октябре 1917 г., был избран членом Политбюро ЦК РСДРП(б) для подготовки и проведения переворота.

В правительстве, возглавляемом Лениным, в октябре 1917 г. Сталин получил пост наркома по делам национальностей, одновременно с 1919 г. был назначен наркомом государственного контроля (с 1920 г. наркомом РКИ). В 1919 г. избран в Политбюро ЦК РКП(б). В годы Гражданской войны на фронтах Красной армии в качестве члена Реввоенсовета Республики участвовал в обороне Царицына, Перми в 1918 г., в провалившемся походе в Польшу в 1920 г.

В 1922 г., после XI съезда РКП(б), Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). Постепенно прибрав к рукам руководство партийным аппаратом, Сталин после смерти Ленина объявил себя его верным и последовательным учеником и выбрал безотказный способ упрочения собственной власти — постоянное расширение состава ЦК за счет пополнения своими сторонниками. В тех же целях в 1922 г. он поставил под свой неослабный контроль органы ГПУ, издав предписание, что ни одна бумага из ГПУ не должна исходить в какие-либо ведомства, включая ВЦИК, минуя Политбюро. Используя органы ГПУ как полицейский и карательный орган, он стал преследовать оппозиционные элементы в партии. Разобщив и разгромив по отдельности представителей так назы-

ваемых левого и правого движений в ВКП(б), к 1930 г. Сталин стал абсолютным диктатором.

Так же как и Ленин, Сталин уделял повышенное внимание органам тайной политической полиции — ОГПУ (с 1934 г. — НКВД). Совмещение функций арестов, дознания и расправы в одном органе получило своеобразное сталинское теоретическое обоснование и объяснение: «военно-политический трибунал»[1]. В 1929 г. окончательно утвердился основной принцип советской карательной политики — использование принудительного труда заключенных для нужд экономики и освоения труднодоступных окраин страны. Было организовано Главное управление лагерей, ставшее символом сталинской тирании.

Период сталинского правления был ознаменован рядом крупнейших репрессивных кампаний. Так, в 1930 г. были осуществлены репрессии против крестьянства, в ходе которых сотни тысяч крестьян, объявленных кулаками, были насильно выселены в отдаленные районы, а часть из них расстреляны или оправлены в ГУЛАГ. Остальных крестьян загоняли в колхозы. Проведенная в 1930-х гг. коллективизация настолько подорвала сельскохозяйственное производство, что и до конца 1980-х гг. страна испытывала постоянные продовольственные затруднения и была не способна прокормить себя.

В 1937—1938 гг. Сталин развернул кампанию беспрецедентного массового террора. Всего за 15 месяцев Большого террора, с июля 1937 по ноябрь 1938 г., было арестовано свыше 1,5 миллиона человек, из них расстреляно около 700 тысяч. Ни до, ни после советская система не знала подобных масштабов народоубийства. Проведением этих репрессий Сталин преследовал несколько целей. Здесь и устранение политических противников, и ликвидация «враждебных классов» в целях искусственного выравнивания классового состава общества и приведения его в соответ-

---

[1] Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 10. С. 234.

ствие со сталинскими теоретическими постулатами о бесклассовом обществе, и борьба с так называемой «пятой колонной» — представителями наций граничащих с СССР иностранных государств и лицами, связанными с заграницей, которых рассматривали как «базу иностранного шпионажа». Подобные преступные постулаты стали для Сталина необходимым рецептом по проведению советизации сопредельных стран. После заключения в августе 1939 г. союза с Гитлером и подписания секретного плана по разделу сопредельного пространства, на захваченных СССР территориях Польши и Прибалтики были развернуты аналогичные репрессивные кампании, жертвами которых стали именно те же категории граждан.

В 1940 г. в сталинские планы входили захват и советизация Финляндии, Болгарии и Румынии. Именно такие директивы были выработаны Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1940 г. перед поездкой Вячеслава Молотова в Берлин. Новые советские экспансионистские устремления были отвергнуты Германией. Накануне войны СССР и Германии, 6 мая 1941 г. Сталин занял пост председателя Совета народных комиссаров СССР, а после 1946 г. — Совета министров СССР и сохранял его вплоть до смерти.

В годы войны с Германией (1941—1945) сталинские репрессии обрушились на целые народы. Были полностью выселены в отдаленные районы калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, карачаевцы и другие народы. Сталину в 1943 г. было присвоено звание Маршала Советского Союза, а в 1945 г. — Генералиссимуса Советского Союза.

На заключительном этапе войны и после победы над Германией сталинская репрессивная система стала выходить за пределы СССР. Страны Восточной и Центральной Европы, освободившиеся от немецкой оккупации, были подвергнуты советизации. В них, так же как и в СССР в 30-е гг., проводились репрессии против зажиточного крестьянства, коллективизация, аресты представителей «враждебных классов»,

показательные судебные процессы против «шпионов» и «заговорщиков».

Послевоенный период в СССР также был отмечен рядом репрессивных кампаний. В 1949 г. прошли массовое выселение крестьянства и коллективизация в Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии, в том же году была развернута кампания против так называемых космополитов, в ходе которой был разгромлен Еврейский антифашистский комитет, а его члены арестованы. Сталин отдавал распоряжения и об осуществлении индивидуальных политических убийств — так был убит руководитель Еврейского театра Соломон Михоэлс. Незадолго до смерти Сталин организовал ряд новых политических дел: «мингрельское дело», «дело врачей», «дело о "сионистском заговоре" в МГБ». После его смерти эти дела были тут же прекращены как совершенно необоснованные и сфальсифицированные.

Персональный культ Сталина по масштабам и первобытной дикости обожания и поклонения его личности не имел себе равных в XX веке. В январе 1938 г. на открытии 1-й сессии Верховного Совета СССР при появлении в президиуме Сталина овация продолжалась 40 минут, председательствующий на заседании никак не мог успокоить зал. Это был своего рода массовый психоз, замешанный на страхе.

Общий итог сталинского репрессивного правления в цифрах впечатляет: арестовано по политическим обвинениям более 4 миллионов человек, из них свыше 1 миллиона расстреляно. Подверглось принудительному выселению и ссылке свыше 7,5 миллиона человек (крестьян и различных народов). На 1 января 1953 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа находилось около 2,5 миллиона заключенных.

Сталин умер 5 марта 1953 г. Первоначально его забальзамированное тело поместили рядом с Лениным в Мавзолее, но после громких разоблачений сталинских преступлений на XX и XXII съездах КПСС тело Сталина в ноябре 1961 г. было изъято из Мавзолея и

захоронено на Красной площади. Лишь в 1970 г. на могиле Сталина появился обелиск — его гранитный бюст.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович — родился 9 марта 1890 г. в слободе Кукарка Вятской губернии в семье приказчика. В 1902 г. поступил в 1-е Казанское реальное училище. В годы учебы примкнул к радикально настроенной молодежи и с 1905 г. — в революционном движении, участвовал в митингах и демонстрациях. С 1906 г. — член социал-демократической организации в Казани. В апреле 1909 г. арестован и выслан на 2 года в Вологодскую губернию. Находясь в ссылке в Тотьме, Сольвычегодске и Вологде, изучал марксистскую литературу, вел нелегальную партийную работу. Сдав экстерном выпускные экзамены за курс реального училища, по окончании ссылки в июне 1911 г. поступил в Петербургский политехнический институт.

С 1912 г. работал в большевистской газете «Звезда» и принимал участие в создании газеты «Правда». К этому же году относится и его знакомство со Сталиным. С конца 1912 г., будучи членом Петербургской организации большевиков, перешел на нелегальное положение. В апреле 1913 г. арестован и выслан из Санкт-Петербурга, в конце этого же года вновь арестован, но за недостатком улик освобожден под надзор полиции. В мае 1914 г. вновь арестован и выслан, однако возвратился в Санкт-Петербург, затем переехал в Москву, где организовал несколько большевистских групп. В июне 1915 г. арестован и в сентябре выслан из Москвы этапом на 3 года в Иркутскую губернию. В мае 1916 г. бежал из ссылки и возвратился в Петроград.

Осенью 1916 г. кооптирован в состав Русского бюро ЦК РСДРП. В 1917 г. — член Петроградского комитета РСДРП(б) и Петроградского совета, один из редакторов «Правды». Активно участвовал в подготовке и проведении большевистского переворота в Петрограде в октябре 1917 г. С начала 1918 г. — председатель

Совета народного хозяйства Северного района (объединявшего 7 губерний вокруг Петрограда), проводил изъятие у владельцев фабрик и заводов. Теоретический опыт экспроприации обобщил в изданной им брошюре «Как рабочие учатся строить свое хозяйство» (1918), впервые подписавшись псевдонимом — Молотов.

С лета 1919 г. — уполномоченный ЦК РКП(б) в Поволжье, с конца 1919 г. — председатель Нижегородского губисполкома. Рассорился с местными работниками и получил партийное взыскание «за интриганство»[1]. С сентября 1920 г. — секретарь Донецкого губкома РКП(б). На IX съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК РКП(б). С сентября 1920 г. — член ЦК и секретарь ЦК КП(б) Украины. В марте 1921 г., на X съезде РКП(б), избран членом ЦК, ответственным секретарем и кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б). С этого времени вся работа Молотова протекает в Москве. В январе 1926 г. избран членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Выдвижение Молотова на работу в центральные органы партии было явлением закономерным в условиях формирования новой касты управленцев. В ряду работников «второго эшелона» он зарекомендовал себя вполне преданным и послушным исполнителем. За необычайную усидчивость и склонность к бюрократическому администрированию Ленин называл его «каменная жопа». Тем не менее не кто иной, как Ленин, способствовал продвижению Молотова на руководящие посты. В качестве секретаря ЦК Молотов отвечал за подбор и расстановку руководящих кадров и ведал вопросами партийного строительства. В середине 1920-х — в годы борьбы с различного рода оппозиционными течениями в большевистской партии — он быстро выдвинулся в качестве одного из наиболее верных и активных сталинских клевретов.

Когда Сталин развернул борьбу с так называемым правым уклоном, именно Молотову в ноябре 1928 г.

---

[1] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 542.

было доверено возглавить Московскую организацию ВКП(б) и провести ее «очистку» от сторонников Бухарина и Рыкова. В награду за преданность Сталин 19 декабря 1930 г. назначил Молотова председателем Совета народных комиссаров СССР вместо смещенного Рыкова. С этого времени Молотов на долгие годы становится вторым после Сталина человеком в стране.

Наряду со Сталиным несет полную ответственность за все проведенные в стране репрессивные кампании. В качестве члена Политбюро ЦК ВКП(б) и председателя СНК СССР принимал преступные решения о проведении массовых репрессий против крестьян в 1930—1931 гг. в ходе так называемой коллективизации, когда органами ОГПУ было расстреляно свыше 30 тысяч человек, отправлено в лагеря свыше 220 тысяч человек и выселено в отдаленные районы свыше 1,5 миллиона крестьян, а всего было ликвидировано около 1 миллиона крестьянских хозяйств. Другое решение, об изъятии хлебных запасов на селе, привело в 1932—1933 гг. к массовому голоду, унесшему, по различным оценкам, от 7 до 13 миллионов жизней на Украине, Юге России и в Казахстане. Разгром крестьянских хозяйств в начале 1930-х гг. — преступная акция, от последствий которой страна так и не оправилась до сегодняшнего дня. С этих пор СССР, а затем Россия были не в состоянии обеспечить собственное производство сельскохозяйственной продукции в достаточном для снабжения всего населения объеме.

В годы Большого террора 1937—1938 гг. подписью Молотова скреплены все основополагающие директивы и решения Политбюро ЦК ВКП(б) и постановления СНК СССР о проведении «массовых операций» НКВД. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) (1937) он выступил с программным докладом «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Вместе со Сталиным он подписывал так называемые «расстрельные списки», предрешая приговоры Военной коллегии Верховного

суда СССР. Всего за период с февраля 1937 по сентябрь 1938 г. по 383 спискам Сталиным и его соратниками было санкционировано 39 тысяч приговоров к расстрелу и около 5 тысяч — к лагерным срокам. Причем подпись Молотова на списках встречается чаще, чем Сталина. Молотов подписал 372, а Сталин — 357 списков.

В мае 1939 г. Молотов по совместительству с должностью председателя СНК СССР был назначен вместо смещенного Максима Литвинова наркомом иностранных дел. В этой должности он стал проводником новой сталинской внешнеполитической линии, направленной на заключение союза с Гитлером и реализацию экспансионистских планов Кремля. Договор о ненападении, заключенный между СССР и Германией в августе 1939 г., навсегда вошел в историю как «Пакт Молотова — Риббентропа». Согласно прилагавшемуся к договору секретному протоколу, подписанному Молотовым, между СССР и Германией были распределены «сферы интересов» в Восточной Европе и Прибалтике. Результатом стали оккупация и последующая советизация с включением в состав СССР части Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Бессарабии. Потерпев поражение в развязанной СССР войне с Финляндией, сталинское руководство стало нащупывать пути все-таки подчинить себе эту страну. Это было одной из целей состоявшегося в ноябре 1940 г. официального визита Молотова в Берлин и его переговоров с Гитлером, Герингом и Риббентропом. В директивах Сталина Молотову от 9 ноября 1940 г. к предстоящим переговорам подчеркивалась необходимость добиваться того, чтобы Германия «устранила всякие трудности и неясности» в отнесении Финляндии к «сфере интересов» СССР. Также на этих переговорах Молотов имел поручения Сталина распространить сферу интересов СССР на Болгарию (с перспективой ее оккупации Советами) и учесть советские интересы при решении судеб Румынии, Венгрии, Турции.

Переговоры Молотова с руководителями Германии в ноябре 1940 г. окончились безрезультатно. Более того, аппетиты Кремля не могли не насторожить Гитлера. В Берлине было принято решение о подготовке войны против СССР. В мае 1941 г. Молотов был освобожден от должности председателя СНК СССР и на его место был назначен Сталин. Молотов сохранил свой пост наркома иностранных дел и был назначен заместителем председателя СНК СССР (с 16 августа 1942 г. — 1-м заместителем).

С момента оставления Молотовым должности председателя СНК СССР его политическое влияние начинает ослабевать. В годы войны он еще входил в состав «узкого руководства» страной, являясь членом Государственного Комитета Обороны, но уже осенью 1945 г. впал в немилость у Сталина, и с этих пор стареющий диктатор постоянно обвинял его в «капитулянтстве перед Западом». В марте 1949 г. он был смещен с должности министра иностранных дел, а в октябре 1952 г., после XIX съезда КПСС, хотя и был избран в Президиум ЦК, но не вошел в состав Бюро Президиума ЦК КПСС, что было знаком скорого политического конца.

После смерти Сталина Молотов ненадолго восстановил свое влияние, став 1-м заместителем председателя СМ СССР и возглавив Министерство иностранных дел. Но теперь он постоянно находился под огнем критики со стороны хрущевского руководства за отсутствие гибкости в международных делах и догматизм. Молотов болезненно воспринял разоблачение Сталина на XX съезде КПСС. И хотя ему доверили возглавить комиссию по изучению материалов репрессий, имевших место в 1937—1938 гг., долго на этой должности он не задержался. В июне 1956 г. Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Через год, в июне 1957 г., ряд членов Президиума ЦК КПСС, и в их числе, как наиболее активный, Молотов, попытались сместить Хрущева, но потерпели поражение. Пленум ЦК КПСС объявил

участников выступления «антипартийной группой» и вывел из состава Президиума и из ЦК КПСС.

После изгнания из руководящих органов КПСС Молотов занимал малозначительные должности посла СССР в Монголии, а с 1960 г. — постоянного представителя СССР при Международном агентстве по атомной энергии. В октябре 1961 г., на XXII съезде КПСС, вновь был подвергнут уничижительной критике и публично обвинен в участии в сталинских беззакониях и массовых репрессиях. В 1962 г. изгнан из партии и отправлен на пенсию.

В июле 1984 г. стареющее Политбюро ЦК КПСС во главе с Константином Черненко восстановило Молотова в партии, и ему вернули партбилет. Молотов чуть не прослезился, заявив что-то вроде того, что Политбюро «верно ведет дело». Умер Молотов в Москве 8 ноября 1986 г. Газеты очень лаконично и скупо сообщили о его смерти, поместив короткое извещение от Совета министров СССР, что никак не являлось, даже отдаленно, формой, принятой для некролога, когда умирал кто-то из старейших и заслуженных членов партии[1]. Это было знаком, явным напоминанием не о заслугах, а о грехах усопшего.

Ворошилов Климент Ефремович — родился 4 февраля 1881 г. в селе Верхнее Бахмутского уезда Екатеринославской губернии в семье рабочего-железнодорожника. В 1895 г. окончил сельскую земскую школу, так и оставшись на всю жизнь с начальным образованием. С 1896 г. — рабочий на заводах, участвовал в забастовках и стачках в Луганске, в 1905 г. руководил созданием боевых дружин. Официальный стаж в большевистской партии с 1903 г. В 1908—1917 гг. вел подпольную работу, подвергался арестам, был отправлен в ссылку. С 1917 г. Ворошилов постепенно вошел в высший круг большевистского руководства. В годы Гражданской войны командовал армиями, в 1919—1921 гг. — член Реввоенсовета 1-й Конной армии.

---

[1] Вечерняя Москва. 1986. 11 ноября.

В марте 1921 г. участвовал в жестоком подавлении Кронштадтского восстания. С 1921 г. — командующий войсками Северо-Кавказского, затем Московского военных округов. С января — заместитель, а с ноября 1925 г. — нарком по военным и морским делам СССР. В 1921 г., на X съезде РКП(б), был избран членом ЦК, а с января 1926 г. стал членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Ворошилов целиком и полностью был ориентирован на Сталина, и, соответственно, тот продвигал его все выше и выше по карьерной лестнице. Ворошилов одним из первых стал раздувать безудержный культ личности Сталина, приписывая ему «выдающиеся заслуги» в годы Гражданской войны и в борьбе с оппозицией. К 50-летию Сталина, в 1929 г., он выступил со статьей «Сталин и Красная армия», в которой, вопреки историческим фактам, приписывал исключительно Сталину роль «одного из самых выдающихся организаторов побед Гражданской войны»[1]. И в дальнейшем все более и более подхалимские выступления Ворошилова обеспечивали ему положение человека «ближнего круга». В тени сталинского безудержного культа рос и культ Ворошилова, которого прославляли как «верного соратника», называли в его честь фабрики, районы, города, то есть создавался своего рода «мини-культ».

В годы Большого террора активно участвовал в эскалации репрессий, поддерживал решения о внесудебной расправе с военными кадрами, с легкостью давал санкции НКВД на арест подчиненных ему военнослужащих. Подписывал «расстрельные списки». Подписи Ворошилова имеются на 185 «сталинских расстрельных списках» из 383.

В 1940 г., после поражения в Советско-Финской войне, Сталин охладел к Ворошилову. Его сместили с должности наркома обороны, и с этих пор он подвизался на второстепенных военных и хозяйственных

---

[1] Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М.-Л., 1930. С. 44.

должностях. Хотя он и сохранял свое членство в Политбюро, но был отодвинут от принятия важнейших решений. Накануне своей смерти Сталин всячески третировал Ворошилова, отдалял его от руководства, считая «английским агентом». В октябре 1952 г. Сталин собирался и вовсе исключить Ворошилова из состава высшего руководства. Первоначально его не собирались включать в состав Бюро Президиума ЦК КПСС, но Ворошилов все же каким-то образом был туда вписан[1].

После смерти диктатора звезда Ворошилова ненадолго воссияла вновь. В 1953 г. он был назначен пусть и на декоративный, но очень почетный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Оступился Ворошилов в июне 1957 г., поддержав попытку Молотова и ряда других членов Президиума ЦК КПСС сместить Хрущева. Его до поры до времени не критиковали за это публично и в 1960 г. тихо отправили на пенсию. Но в октябре 1961 г., на XXII съезде КПСС, объявили на всю страну, что Ворошилов был членом «антипартийной группировки» и, более того, несет персональную ответственность за репрессии и расстрелы среди военных в годы сталинского террора.

После снятия Хрущева брежневское руководство простило Ворошилова, и он в 1966 г. вновь был избран членом ЦК КПСС. Умер в ночь со 2 на 3 декабря 1969 г., и центральные газеты посвятили ему пышные некрологи, поместив их на первых полосах[2]. Ему повезло умереть в относительном почете и быть похороненным на Красной площади в Москве. Более того, после смерти в его честь был вновь переименован Луганск, и Клим Ворошилов занял прочное место в галерее хрестоматийных «героев Октября».

Микоян Анастас Иванович — родился 25 ноября 1895 г. в селении Санаин Тифлисской губернии в се-

---

[1] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 89.

[2] Правда. 1969. 4 декабря.

мье плотника. Окончил в 1916 г. духовную семинарию в Тифлисе и поступил учиться в Духовную академию в Эчмиадзине в Армении. Вот что роднит Микояна со Сталиным — и тот и другой имели духовное образование, но вместо служения Богу оба выбрали коммунистическое движение. Партийный стаж Микояна официально считается с 1915 г. После Февральской революции 1917 г. Микоян — организатор Совета солдатских депутатов в Эчмиадзине, затем — на пропагандистской и партийной работе в Тифлисском комитете партии и в Баку. Был председателем Бакинского подпольного горкома партии, вместе с бакинскими комиссарами был арестован в сентябре 1918 г. в Красноводске, но каким-то образом избежал смерти. Дальнейшая карьера Микояна проходила в Баку и Ростове-на-Дону, где он возглавил краевой комитет партии. С 1926 г. он возглавлял в Москве ряд наркоматов, отвечающих за торговлю, снабжение и пищевую промышленность. С 1923 г. он член ЦК РКП(б), с 1926 г. — кандидат, а с 1935 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталин знал слабые места политической биографии Микояна. Иногда полушутя называл «27-м бакинским комиссаром», что было явным намеком на гипотетическую виновность в гибели 26 бакинских комиссаров. Если был среди них, отчего не погиб с ними, как смог спастись? А что же Микоян? Верно служил Сталину. Его личное участие в проведении сталинских репрессий — не секрет. Он, наряду с другими приближенными Сталина, в 1937—1938 гг. подписывал «расстрельные списки». Менее активно, но его подпись имеется под 8 списками, по которым к расстрелу и лагерным срокам было приговорено более тысячи человек.

Как и другие члены Политбюро, Микоян по указанию Сталина выезжал в регионы в качестве разъездного эмиссара террора. Его поездка в Армению в сентябре 1937 г. имела результатом массовые аресты и казни. Микоян проявил инициативу и рвение, добиваясь увеличения квоты на расстрелы. Об этом Ежов сообщил

Сталину 22 сентября 1937 г.: «Тов. Микоян просит, в целях очистки Армении от антисоветских элементов, разрешить дополнительно расстрелять 700 человек из дашнаков и прочих антисоветских элементов. Предлагаю расстрелять дополнительно 1500 человек, а всего с ранее утвержденной цифрой 2000 человек»[1]. На подлинном документе — резолюции: «За. И. Сталин; за (опросом): Молотов, Каганович, Калинин, Чубарь». Без промедления, 24 сентября, было принято решение Политбюро (П54/25) об увеличении расстрельного «лимита»[2].

Не кто иной, как Микоян, выступил 20 декабря 1937 г. на торжествах по случаю 20-летия ВЧК — НКВД. Его доклад изобиловал примерами активности населения в разоблачении врагов: брат донес на брата, жена — на бывшего мужа, а пионер Коля Щеглов не пожалел даже отца[3].

В годы войны Микоян входил в состав Государственного Комитета Обороны, а в послевоенное время был министром внешней и внутренней торговли СССР. В октябре 1946 г. Сталин при подготовке решения о порядке расходования хлеба обрушился с критикой на Микояна и даже продиктовал поручение: «Никакого доверия не оказывать в этом деле т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения»[4]. Микоян обещал Сталину извлечь «нужные уроки» из «суровой критики»[5]. На Пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 г. Микоян был вновь подвергнут резкой и злой критике со стороны Сталина и не был избран в состав «узкого руководства» — в Бюро Президиума ЦК КПСС, оставшись только членом Президиума ЦК.

После смерти Сталина верно служил Хрущеву и оказал ему твердую поддержку в июне 1957 г., когда

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 580. Л. 10.

[2] Там же. Л. 9.

[3] Микоян А.И. Славное двадцатилетие советской разведки // 20 лет ВЧК — ОГПУ — НКВД. М., 1938. С. 29—40.

[4] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 225.

[5] Там же. С. 224.

против него выступил Молотов и ряд других членов Президиума ЦК КПСС. С 1955 г. занимал пост 1-го заместителя председателя Совета министров СССР. Затем в награду был выдвинут Хрущевым на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. В октябре 1964 г. Микоян сыграл роль буфера между Брежневым и Хрущевым. С одной стороны, предупредил Хрущева о зреющем против него заговоре, с другой — всячески уговаривал не сопротивляться отставке. Брежнев ненадолго сохранил Микояна во власти. О политическом долгожителе Микояне ходили анекдоты. Самой популярной была шутка: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича»[1], но все же звезда его закатилась. С декабря 1965 г. он сохранял декоративную должность члена Президиума Верховного Совета СССР, пока не был в 1974 г. отправлен на пенсию.

Однако и на пенсии он был в почете, давал интервью прессе, публиковал свои воспоминания. Правда, в брежневские времена издавались они весьма урезано, с большими цензурными купюрами. Политические мемуары Микояна увидели свет сравнительно недавно, но в них он тщательно обходит стороной свое персональное участие в массовых репрессиях[2].

Микоян умер 21 октября 1978 г. Его похороны были обставлены несколько менее пышно, чем Ворошилова, но все же проститься с ним пришла верхушка Политбюро ЦК КПСС во главе с Леонидом Брежневым, хотя Микоян и не был удостоен места у Кремлевской стены, а был похоронен на Новодевичьем кладбище[3].

Каганович Лазарь Моисеевич — родился 22 ноября 1893 г. в деревне Кабаны Киевской губернии. В официальных биографиях подчеркивалось, что он родился в «бедной еврейской семье», без указания

---

[1] То есть занимал руководящие посты и при Владимире Ильиче Ленине, и при Леониде Ильиче Брежневе.

[2] Микоян А.И. Так было. М., 1999.

[3] Советская Россия. 1978. 26 октября.

профессии отца. Однако имеются свидетельства, что его отец был перекупщиком скота[1]. Систематического образования не имел. Писал о себе в анкетах — «самоучка». С 14 лет работал сапожником в обувных мастерских и под влиянием старшего брата Михаила в 1911 г. примкнул к большевистскому движению. Был руководителем нелегальных партийных кружков в Мелитополе и Юзовке. В Юзовке познакомился с молодым Никитой Хрущевым и позднее содействовал ему на раннем этапе его политической карьеры. В 1917 г. был призван в армию. Вел партийную работу в армейской среде в Саратове и Гомеле. С 1918 г. — на ответственных партийных постах в Нижнем Новгороде, Воронеже и Туркестане. С 1922 г. Каганович — аппаратчик ЦК, он заведует Организационно-инструкторским отделом, а в 1924 г. его избирают членом ЦК и секретарем ЦК РКП(б). Вот оно — растущее сталинское доверие! Сталин формирует группу своих ближайших сторонников и выдвиженцев. Среди них — Лазарь Каганович. В 1925—1928 гг. он партийный руководитель Украины, а с июля 1928 г. — вновь секретарь ЦК и с 1930 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б). Один из лучших учеников сталинской аппаратной школы, Каганович в числе первых выступил со славословиями, раздувая культ личности Сталина. В декабре 1929 г. на сталинский юбилей Каганович откликнулся статьей «Сталин и партия», в которой писал, что Сталин — «лучший продолжатель дела Ленина»[2].

Каганович олицетворял собой командно-административный стиль руководства. Его отличали грубость, административный нажим, жестокость к людям, которые ему виделись лишь «винтиками» государственного механизма. Если у Молотова, Ворошилова и Микояна еще были какие-то, пусть и небольшие, но собственные заслуги в большевистском движении, самостоятельный политический рост, то Каганович

---

[1] Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 91.

[2] Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. С. 43.

был воистину продуктом сталинского производства. Необразованный, слабо разбирающийся в вопросах марксистской теории, он стал именем нарицательным для партийной серости, возвышенной Сталиным. Бытовала шутка о принципах сталинской кадровой политики: «Наверх выдвинули очередного кагановича». Каганович платил Сталину сыновней преданностью, называя его в письмах «родителем»[1].

В годы Большого террора Каганович активно участвовал в проведении репрессий как в центре, так и на местах. Подписывал «расстрельные списки». Его подписи имеются на 188 «сталинских расстрельных списках» из 383. Был своего рода разъездным эмиссаром террора. В 1937 г. выезжал в Челябинск, Смоленск, Ярославль (июнь) и Иваново (август) для организации массовых арестов среди региональной партийно-советской верхушки[2]. С легкостью давал санкции на арест руководящих сотрудников подведомственных ему Наркоматов путей сообщения и тяжелой промышленности и сам обращался с просьбой об арестах своих подчиненных, списки которых направлял в НКВД[3].

Брат Кагановича — Михаил Каганович — нарком авиационной промышленности и член ЦК ВКП(б) был смещен с должности в январе 1940 г. и понижен до директора авиационного завода, затравлен органами госбезопасности (разумеется, по команде Сталина), и покончил с собой в 1941 г. Другой брат — Юлий Каганович — работал 1-м секретарем Горьковского обкома ВКП(б), но в декабре 1938 г. и его карьера пошла под откос, и он скатывался на должности одна другой мельче в системе внешней торговли, пока не был отправлен на персональную пенсию в 1951 г.

---

[1] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 148.

[2] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 117; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 — начало 80-х годов / Сост. А.Н. Артизов и др. М., 2003. С. 584–585.

[3] Реабилитация: как это было. Том II. С. 581–583.

Лазарь оказался не в силах им помочь. Растеряв старших братьев, он сохранил свои высокие позиции. В годы войны он член Государственного Комитета Обороны, заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР. В послевоенное время — заместитель председателя Совета министров СССР. На короткое время, в марте — декабре 1947 г., Сталин назначил Кагановича на должность 1-го секретаря ЦК Компартии Украины, но на этой работе он провалился, и Сталину пришлось вернуть на этот пост Никиту Хрущева. В последние сталинские годы Каганович был несколько отдален Сталиным, но тем не менее входил в высшие органы партии — Политбюро, а с октября 1952 г. — в Бюро Президиума ЦК КПСС.

С марта 1953 г. Каганович — 1-й заместитель председателя Совета министров СССР. В июне 1957 г., вместе с Молотовым и другими членами Президиума ЦК КПСС, выступил против Хрущева и потерпел поражение. Был изгнан из ЦК и из Москвы и направлен на должность директора Уральского калийного комбината. В 1961 г. был отправлен на пенсию и исключен из партии. Умер Каганович 25 июля 1991 г. в Москве.

Калинин Михаил Иванович — родился 19 ноября 1875 г. в деревне Верхняя Троица Корчевского уезда Тверской губернии в семье крестьянина. В 1889 г. окончил 4-классную сельскую школу, и на этом его образование завершилось, оставшись начальным. Работал токарем на заводах в Санкт-Петербурге. С 1898 г. — в социал-демократическом движении, был организатором марксистских кружков, неоднократно арестовывался и высылался полицией, скрывался в подполье. Молотов утверждал, что Калинин занимался в его нелегальном марксистском кружке, а перед Первой мировой войной, отойдя от рабочего движения, «собирался открыть пивную лавочку»[1]. В 1917 г. Калинин был членом Петроградского комитета большевиков,

[1] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 426.

входил в состав редакции «Правды». После октября 1917 г. был избран городским головой Петрограда, а с марта 1919 г. возглавил ВЦИК, заменив на этом посту умершего Якова Свердлова. Предложение о его избрании внес Ленин, мотивировав это тем, что именно Калинин «соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства»[1]. В 1922 г. Калинин стал председателем ЦИК СССР. С марта 1919 г. он кандидат в члены Политбюро, а с января 1926 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б). По отзыву Молотова, Калинин был необычайно популярен, потому что «был особенно близок для крестьянства»[2]. В 1920-е гг. был широко издан трехтомник выступлений, писем, записей бесед Калинина на крестьянскую тему[3]. В январе 1938 г. Калинин занял должность председателя Президиума Верховного Совета СССР — номинальную должность главы государства, а в марте 1946 г. в связи с болезнью покинул этот пост.

Калинин умер 3 июня 1946 г., и ему были устроены пышные похороны. У гроба в почетном карауле стояли члены Политбюро во главе со Сталиным, а местом упокоения стал некрополь на Красной площади.

Политические биографии Молотова, Ворошилова, Микояна и Кагановича тесно связаны с участием в массовых репрессиях. И Михаил Калинин не исключение. Правда, в отличие от них, Калинин не подписывал «сталинские расстрельные списки». Сталин держал его как будто на расстоянии. Его роль сводилась к декоративному представительству. В народе закрепилось снисходительно-панибратское прозвище Калинина — «всесоюзный староста». Ну да, возраст, благообразная внешность... Но его роль в массовых репрессиях и беззакониях не стоит умалять. Подпись Калинина стоит под принятыми ЦИК и ВЦИК законами, ужесточавшими нормы законодательства

---

[1] Калинин М.И. Статьи и речи. 1919—1935. М., 1936. С. 8.

[2] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 426.

[3] Калинин М.И. За эти годы (статьи, беседы, речи). Кн. 1. Л., 1926; Кн. 2. М.-Л., 1926; Кн. 3. М.-Л., 1929.

и отменявшими права подсудимых на открытость и гласность судопроизводства, на подачу кассационной жалобы, на подачу прошений о помиловании. Да, в 1937—1938 гг. Калинина «обносили» «расстрельными списками», не считали человеком из «близкого круга» и даже его жену арестовали и держали в лагере. Однако в 1940 г. ему дали на одобрение решение, по которому были расстреляны сразу 20 с лишним тысяч человек. Так Калинин «добрал» свой персональный счет бессудно убитых и сравнялся с остальными членами Политбюро, повинными в санкционировании массовых убийств. Характеризуя роль Калинина в проведении политических репрессий, Молотов довольно определенно и точно выразился: «Калинин в таких делах не либеральничал, поддерживал, но не брал на себя инициативу»[1].

Если бы не смерть Сталина, то и Молотов, и Ворошилов, и Микоян, и Каганович, несомненно, не только ощутили бы на себе весь ужас сталинской опалы, но и стали бы жертвами расправы. Нет, громких процессов устраивать бы не стали, они просто тихо исчезли бы из Президиума ЦК и из жизни. Зловещим признаком было то, что Сталин их больше ни разу не принял в своем кремлевском кабинете: Ворошилова после 13 июня 1952 г., Молотова и Микояна после 1 октября 1952 г., Кагановича после 22 ноября 1952 г.[2] Их спасла его смерть.

В годы хрущевских разоблачений был подготовлен реестр преступлений людей из ближайшего сталинского окружения. В итоговой записке комиссии Николая Шверника «О результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов» от 18 февраля 1963 г. был специальный раздел, где говорилось о личном участии Сталина, Молотова и Кагановича в «истреблении руководящих кадров партии и государства»[3].

---

[1] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 423.

[2] На приеме у Сталина. С. 589, 625, 665, 671.

[3] Реабилитация: как это было. Том II. С. 576—607.

Перечень приведенных в этой справке беззаконий и кровавых распоряжений Сталина и его ближайшего окружения внушителен, но не исчерпывающе полон. Им не ставился в вину расстрел 20 с лишним тысяч польских граждан в 1940 г. К раскрытию этого преступления Хрущев не был готов.

Доказательство персональной вины Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича и Калинина в бессудном убийстве более 20 тысяч польских граждан в 1940 г. — их подписи и согласие, зафиксированные на подлиннике письма Берии № 794/Б от марта 1940 г. Этот экземпляр письма является и подлинником соответствующего решения Политбюро ЦК ВКП(б) П13/144 от 5 марта 1940 г. Необходимые атрибуты решения с выделенным фрагментом письма (ставшим текстом решения) проставлены на самом письме.

Отдавали ли себе отчет члены Политбюро в том, что означают их подписи под документом, санкционирующим расстрел без суда? Да, вполне. По принятой ранее в 1937—1938 гг. практике «расстрельных списков» они это делали вполне осознано. Более того, задним числом находили себе и оправдание. Молотов это объяснял «доверием органам» НКВД, дескать, не мог же он всех, кто поименован в списке, сам проверить. И пояснял, что он и остальные члены Политбюро ставили свою подпись после Сталина, что освобождало их от сомнений: «Я подписывал Берии то, что мне присылал Сталин за своей подписью. Я тоже ставил подпись...»[1] Однажды Молотова спросили об одном эпизоде, когда он по собственной инициативе в списке жен «врагов народа», которым предлагалось дать по 10 лет лагерей, напротив одной фамилии вписал «ВМН»[2]. Это означало, что он лично приговорил

---

[1] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 440.

[2] Об этом публично рассказал в 1964 г. секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов на февральском Пленуме ЦК КПСС (Пленум ЦК КПСС. 10—15 февраля 1964 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 548).

женщину к смерти! И вот Молотов, через много лет рассуждая об этом случае, не отрицал, что так и было: «...моей рукой было написано решение, надо сказать, военное. Я должен к этому добавить: такой случай был. По решению, я имел этот список и поправлял его. Внес поправку.

— А что за женщина, кто она такая?

— Это не имеет значения»[1].

Молотов даже не считал нужным помнить фамилии убиенных по его распоряжениям. Его орудиями убийства были карандаш или ручка, а жертв он чаще всего и в глаза не видел. И не было у него ни раскаяния, ни желания сказать просто и ясно: «Я убил человека». Нет, все с бюрократическими вывертами и оправдательными иносказаниями: «написано решение, надо сказать, военное». В этом и была психологическая защита сталинских клевретов. Списки после автографа Сталина подписывали не глядя, демонстрируя полное послушание, соревнуясь в преданности. А если потом спросят, так скажут: «Мы же верили Сталину безоговорочно... его авторитет для нас был непререкаем!» Так и после смерти Сталина прятались за его спину, списывая все беззакония и преступления только на него.

Из проголосовавших за решение Политбюро от 5 марта 1940 г. до начала расследования «Катынского дела» дожил лишь Каганович. Насколько известно, прокуроры его не допрашивали. Он же в своих мемуарах ничего не писал о расстреле польских граждан в 1940 г., да и вообще предпочел не вспоминать о массовых репрессиях, лишь туманно рассуждая о «тяжелых последствиях культа личности» и «ошибках», допущенных Сталиным[2].

Итак, трое организаторов массового убийства польских граждан — Сталин, Ворошилов и Калинин — покоятся на почетных местах, в могилах на Красной

---

[1] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 415.

[2] Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996. С. 560.

площади в Москве, еще трое — Молотов, Каганович и Микоян — на престижном Новодевичьем кладбище. Их покой охраняет Главная военная прокуратура России. Обвинения против них в катынском преступлении так и не были выдвинуты и зафиксированы.

Сегодняшнее положение дел — это продолжение сокрытия правды. Даже после официального признания в 1990 г. вины СССР за совершенное преступление — массовое убийство польских граждан в 1940 г. — остается главный вопрос: кто персонально виноват? И на него публичного ответа по завершении следствия так и не дали.

Как будто какая-то неведомая сила останавливает прокурорских работников от признания Сталина и его ближайшего окружения виновными. Тут уместно вспомнить весьма показательный результат расследования дела о массовом расстреле в сентябре 1941 г. заключенных Орловской тюрьмы. В чем суть дела. Берия 6 сентября 1941 г. обратился к Сталину с предложением расстрелять 170 человек, отбывавших наказание в тюрьме (то есть уже имевших приговоры к тюремному заключению), мотивировав это тем, что они в условиях войны «проводят среди заключенных пораженческую агитацию» и готовят побеги «для возобновления подрывной работы». Рассмотрение материалов на них Берия предложил поручить Военной коллегии Верховного суда СССР[1]. В тот же день Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-634сс следующего содержания: «Применить высшую меру наказания — расстрел к 170 заключенным, разновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной коллегии Верховного суда СССР»[2]. Речь шла о заключенных Орловской тюрьмы.

---

[1] Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124–125.

[2] Там же. С. 124.

Военная коллегия в составе Василия Ульриха (председатель), Дмитрия Кандыбина и Василия Буканова 8 сентября 1941 г. без возбуждения уголовных дел, заочно, по списку, представленному из НКВД, вынесла приговор к расстрелу в отношении 161 заключенного. Расстрел состоялся 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу близ города Орла (четверо заключенных, переведенные к тому времени в другие тюрьмы, были расстреляны также в сентябре по месту их содержания).

Расследование этого преступления началось 18 января 1989 г. и закончилось 12 апреля 1990 г. постановлением о прекращении уголовного дела, и вот к каким интересным выводам пришла Главная военная прокуратура СССР. Лица, причастные к исполнению приговора, «не могли знать», что судебное решение «является незаконным, а поэтому в их действиях отсутствует состав какого-либо преступления». Лаврентий Берия и Богдан Кобулов, явившиеся «инициаторами принятия решения», уже приговорены в 1953 г. «за совершенные преступления, в том числе и за данные деяния», к расстрелу. В то же время расследование Главной военной прокуратуры установило, что приговор Военной коллегии от 8 сентября 1941 г. в отношении 161 заключенного «является незаконным и необоснованным», но, и тут самое главное: «Поскольку данное судебное решение вынесено на основании постановления Государственного Комитета Обороны — высшего в тот период времени органа государственной власти, действия Ульриха В.В., Кандыбина Д.Я. и Буканова В.В. состав какого-либо преступления не содержат»[1]. И это позорное решение о прекращении уголовного дела не постеснялись открыто опубликовать.

Вот так! Ульрих, Кандыбин и Буканов вынесли «незаконный и необоснованный» приговор, но они не виноваты, так как им приказали это сделать. Но вот

[1] Там же. С. 131.

вопрос, а почему не виноват тот, кто отдал преступный приказ, кто подменил своей волей правосудие? Разве входило в полномочия Государственного Комитета Обороны и его главы, Сталина, принятие решений о расстреле? Подмена правосудия и превышение власти, приведшие к убийству людей по внесудебной команде свыше, — тягчайшее преступление.

Но ведь не бывает так, что очевидное преступление налицо, и Главная военная прокуратура это признает, а вот виновных в его совершении нет. Это абсурд! У каждого преступления всегда есть фамилия имя и отчество, за ним всегда стоит конкретный человек.

Аналогичная ситуация и с постановлением о прекращении расследования «Дела № 159» («Катынского дела»). Виновными, за чьей смертью закрыто дело, признана верхушка НКВД: Лаврентий Берия, Всеволод Меркулов, Богдан Кобулов и Леонид Баштаков, а Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), подписавшие решение от 5 марта 1940 г. о бессудном расстреле польских граждан, выведены за скобки. Их вины Главная военная прокуратура не желает видеть. Или боится назвать виновными, до сих пор испытывая священный трепет перед именем Сталина. Перед тем, чье имя будоражит общественное сознание, кого отдельные россияне готовы и сегодня величать «именем России».

Тройка — итоги

После принятия решения Политбюро от 5 марта 1940 г. был разработан механизм массового расстрела. Примерно 14 марта 1940 г. на совещание в Москву для получения инструкций были вызваны начальники управлений НКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей (вместе с их заместителями и комендантами УНКВД). Совещание проводил Богдан Кобулов. Для руководства подготовкой дел на гражданских лиц, содержавшихся в тюрьмах в западных

областях Белоруссии и Украины, и подготовкой к расстрельной акции в Белосток выехал 1-й заместитель наркома внутренних дел Всеволод Меркулов, а во Львов — начальник Главного транспортного управления НКВД Соломон Мильштейн[1]. В их обязанности входили и организация дополнительных арестов, и ускорение подготовки дел на тройку в Москву. В помощь им, согласно приказу НКВД СССР № 00342 от 20 марта 1940 г., были выделены в каждую из областей на западе Белоруссии и Украины бригады работников центрального аппарата НКВД[2]. К апрелю 1940 г. Меркулов вернулся в Москву, ему предстояло подписывать протоколы тройки НКВД с решениями о расстреле польских военнопленных и гражданских лиц.

Члены тройки НКВД, подписывавшие протоколы с решениями о расстрелах польских граждан: Всеволод Меркулов и Богдан Кобулов были расстреляны в 1953 г. вместе с Лаврентием Берией[3]. Леониду Баштакову повезло больше, он пережил и Сталина, и Берию и не был наказан за свою чекистскую деятельность[4]. Ни Берии, ни его подельникам не предъявляли обвинения в катынском преступлении.

Новое кремлевское руководство, даже разоблачая Берию и выискивая все новые и новые факты его преступлений, не было готово вывалить на партию столь убийственную правду, какой была Катынь. Кремль погряз во лжи с 1943 г., трубя на весь мир о «вине гитлеровцев» и отрицая свою виновность. И после всего этого вот так взять и признаться, причем только потому что надо «утопить» Берию? Но ведь с ним и Сталина. А к этому еще не были готовы... Отсюда, наоборот, и Берию, и Меркулова пытались обвинить в

---

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 7. Д. 5. Л. 67–70.

[2] Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 28–29, 206–214.

[3] В «Приложении» даны их биографические справки. Подробные очерки о них также опубликованы в книге: Петров Н. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.

[4] См. главу «Первый спецотдел НКВД».

разглашении тайны Катыни. Они действительно дали слабину, разоткровенничавшись при беседе в октябре 1940 г. с польскими военнопленными офицерами. В материалах Специальной комиссии американского конгресса «по проведению расследования и изучению фактов, доказательств массового убийства в Катынском лесу» имеются свидетельские показания о том, что и Берия, и Меркулов в косвенной форме признали факт расправы с узниками Козельского и Старобельского лагерей. Принимая на Лубянке польских офицеров и ведя речь о создании бронетанковой дивизии, на вопрос, можно ли использовать польских офицеров, бывших ранее в Козельске и Старобельске, Меркулов ответил: «Мы совершили ошибку, эти люди более недоступны. Мы вам дадим других»[1]. И точно так же Берия на тот же вопрос польских старших офицеров ответил: «Мы совершили большую ошибку», повторив эту фразу дважды[2].

Генеральный прокурор Роман Руденко ухватился за возможность обвинить Берию и Меркулова в разглашении тайны катынского расстрела. Меркулову 21 июля 1953 г. был поставлен прямой вопрос: что он тогда ответил полякам? Меркулов вспомнил, что принимал в октябре 1940 г. поляков во главе с Берлингом, а какой он им дал ответ на вопрос о людях из Козельска и Старобельска — не помнит, и об ответе Берии тоже не помнит. Тогда его напрямую спросили: «А не ответили вы, что была допущена большая ошибка?» Меркулов: «Смешно было бы говорить о возможности такого ответа. Разумеется, я такого ответа не давал. В моем присутствии Берия тоже не давал польским офицерам такого ответа»[3].

По имеющимся на сегодняшний день данным, можно утверждать, что тройка НКВД в составе Всеволода Меркулова, Богдана Кобулова и Леонида Баш-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 157–162.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 201–207.

такова начиная с 1 апреля до начала июня 1940 г. подписала 72 протокола[1] с решениями о расстреле 21 857 польских граждан[2]. В то же время, согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 г., было намечено расстрелять 25 700 человек (14 700 военнопленных из лагерей и 11 000 гражданских лиц из тюрем Белоруссии и Украины). Следует пояснить, почему расстрельные цифры, заданные Политбюро, оказались «недовыполненными».

Заданная Политбюро ЦК 5 марта 1940 г. цифра подлежащих расстрелу вовсе не означает, что к этому моменту уже были подготовлены все дела и арестованы 25 700 человек. Были довольно полно учтены военнопленные, намеченные к расстрелу. И действительно, цифра 14 700 подлежащих расстрелу военнопленных польских граждан из Козельска, Осташкова и Старобельска практически выполнена — вынесено 14 552 расстрельных решения. Но относительно гражданских лиц, коих намечали расстрелять 11 000, а вынесли только 7305 решений о расстреле, вопрос интереснее. Ведь здесь и есть основное расхождение и источник «недовыполнения». Причина, надо полагать, в том, что в письме Берии № 794/Б была дана очень приблизительная и округленная цифра гражданских лиц, подлежащих расстрелу. Своего рода «запас». Как известно из опыта массовых операций НКВД 1937—1938 гг., превышать спущенные сверху «лимиты» на расстрелы было нельзя, тогда как вполне допускалось эти «лимиты» недовыполнить. К 5 марта 1940 г. еще даже не был оформлен арест многих из задержанных поляков из числа гражданских лиц. По материалам архивов Службы безопасности Украины (описи дел УНКВД западных областей УССР) видно, что аресты

---

[1] Есть основания полагать, что известные на сегодняшний день номера списков-предписаний соответствовали номерам протоколов тройки НКВД. Последний известный номер списка-предписания (072) относится к «украинскому списку».

[2] Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Сост. Н.С. Лебедева и др. М., 1997. С. 601.

части из них состоялись уже после 5 марта 1940 г. Более того, среди расстрелянных по «украинскому списку» даже есть арестованные в апреле 1940 г. Не случайно в марте 1940 г. Меркулов и Мильштейн были отправлены в Белосток и Львов для организации новых арестов и оформления дел. Началось «просеивание» имевшихся в тюрьмах западных областей арестованных, «добор» новых и подготовка их дел для отправки на тройку в Москву. Этот процесс затянулся, тройка продолжала выносить решения по арестованным в Белоруссии и Украине и в июне, а по некоторым данным, и расстрелы затянулись до июля 1940 г., когда в Москве к ним уже потеряли интерес. В этом и есть причина того, что предложенная в письме Берии округленная цифра 11 000 подлежащих расстрелу не была достигнута на практике. Да и Москва не требовала «догнать» заданный «лимит».

Согласно записке председателя КГБ Александра Шелепина от 3 марта 1959 г., были расстреляны в 1940 г. в Смоленске (Катыни) — 4421, в Калинине — 6311, в Харькове — 3820 и в тюрьмах УССР и БССР — 7305 человек, а всего — 21 857[1]. При подготовке письма в ЦК КПСС в 1959 г. работники Учетно-архивного отдела КГБ, вероятнее всего, привели не число расстрелянных, а число приговоренных по соответствующим протоколам тройки. Так было проще и быстрее получить итоговые цифры, ибо протоколы тройки были сгруппированы по лагерям и тюрьмам (месту нахождения военнопленных и гражданских), чем пересматривать все дела расстрелянных польских граждан, хранившиеся в специальном хранилище Центрального архива КГБ в Москве (до их тотального уничтожения). Насколько количество сохранившихся к тому времени дел соответствует числу приговоренных тройкой НКВД (в составе Меркулова, Кобулова и Баштакова), без сопоставления с протоколами этой тройки — сказать невозможно. Например,

[1] Там же.

цифры расстрелянных в Смоленске (Катыни), Калинине и Харькове имеют небольшие расхождения со списками-предписаниями (составленными на основе протоколов тройки). Эти расхождения рассматриваются ниже, в главах о расстрелах, проведенных в Калинине, Смоленске и Харькове.

Также стоит пояснить приведенные в справке начальника УПВИ НКВД Сопруненко от 3 декабря 1941 г. следующие сведения о польских военнопленных: «Передано в распоряжение УНКВД в апреле — мае 1940 г. (через 1 спецотдел) — 15 131 чел.»[1]. Что означает передача в УНКВД в таком контексте — понятно. То есть Сопруненко утверждает, что был расстрелян 15 131 военнопленный. Разница с числом приговоренных по трем лагерям (в записке Шелепина в сумме — 14 552) составляет 579 человек. Можно лишь предположить, что эти 579 военнопленных не содержались в трех лагерях: Козельском, Осташковском и Старобельском, «разгрузка» которых шла через расстрельные помещения Калинина, Смоленска и Харькова, а были арестованы в 1940 г. и их расстрелы состоялись в числе гражданских лиц, то есть учтены в протоколах тройки НКВД по категории «расстрелянных в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии». То есть они — в числе 7305 человек, вошедших в «украинский» и «белорусский» списки.

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. Zagłada: marzec — czerwiec 1940 / Oprac. W. Materski, E. Rosowska, B. Woszczyński, N.S. Lebiediewa, N.A. Pietrosowa. Warszawa, 1998. S. 411.

Глава 2

ТАЙНЫЙ КРУГ

В двухэтажном деревянном доме во Владимире незаметной жизнью тихого пенсионера жил Дмитрий Токарев, давным-давно уволенный на пенсию бывший начальник Управления НКВД по Калининской области. Он жил один. Два его взрослых сына уехали в другие города. В расследовании дела о расстрелах польских граждан в 1940 г. он стал ключевым свидетелем. 20 марта 1991 г. состоялся его допрос. Следственную группу встретил сгорбленный высохший старик с шаркающей походкой, слабым извиняющимся голосом, больным взглядом выцветших глаз. Однако первое впечатление о его старческом угасании было обманчивым. Токарев продемонстрировал внутреннюю собранность, быстроту реакции и логичность мысли, хорошую память, эрудированность и ум. И главное, неизжитую авторитарность и начальственные замашки, что особенно поразило пришедшего к нему следователя Анатолия Яблокова[1].

На сохранившейся аудиозаписи этого допроса голос Токарева звучит четко, его речь внятна и разборчива, и действительно не скажешь, что этот голос принадлежит глубокому старику. Он дает свои пояснения в скромно обставленной и опрятной комнате. О нем заботятся сотрудники КГБ, приносят пенсию, продукты. Когда-то он занимал весь этот двухэтаж-

---

[1] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 355–356.

ный дом, но потом, оставшись один, стал довольствоваться парой комнат. Старику достаточно. Здесь ему и назначено будет умереть.

А как вообще судьба занесла его во Владимир?

Дмитрий Степанович Токарев родился 1 октября 1902 г. в селе Исаево-Дедово Оренбургского уезда в семье крестьянина. Рано лишился отца, тот умер в 19 лет, когда Дмитрию исполнилось всего лишь полгода. В 1907 г. мать Токарева вторично вышла замуж за батрака Ивана Чурносова, и Дмитрий воспитывался отчимом. С девяти лет в летнее время работал по найму, а зимой учился. С 1917 г. стал работать мелким клерком в различных советских и профсоюзных организациях в родном селе, в 1923 г. вступил в комсомол. В мае 1924 г. был призван в РККА и направлен в пограничные войска ОГПУ. По окончании срочной службы остался в погранвойсках, был принят в июле 1927 г. в члены ВКП(б), и его дальнейшая карьера развивалась в системе ОГПУ — НКВД. В 1936 г. он уже помощник начальника погранотряда в звании капитана.

В январе 1937 г. Токарева отправили на учебу в Высшую пограничную школу НКВД в Москву, но долго учиться ему не пришлось. В мае 1937 г. его в числе самых избранных отправили в Париж, где до декабря он числился скромным сотрудником советского павильона на Всемирной выставке. Отправка за границу — это высочайшее доверие. Тем более что работа в советском павильоне, ставшем гнездом советского шпионажа в Париже, была делом суперответственным. Здесь в павильоне окопались Дуглас (заместитель начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД Сергей Шпигельглас) и Яша (руководитель террористического направления нелегальной разведки НКВД Яков Серебрянский) — организаторы серии политических убийств и похищений осенью 1937 г., возмутивших общественность Франции дерзостью и размахом.

В служебной анкете Токарев указал, что он никакими иностранными языками не владеет. И это пос-

ле 7-месячного пребывания в Париже! Можно лишь предположить, что его не очень-то и выпускали на парижские просторы. Было принято за правило — советские люди в условиях заграницы жили изолированно, своим узким, закрытым мирком. И остается вопросом, был ли задействован Токарев в тайных операциях НКВД в Париже, и если да, то в какой степени. Одно несомненно, к тайнам советской разведывательной деятельности в Париже он все же был приобщен, даже оставаясь в стенах советского павильона, куда для встреч с Дугласом, Яшей и другими представителями советской разведки прибывали под видом простых посетителей их многочисленные агенты.

По возвращении из Парижа Токарев был переведен на оперативную работу в центральный аппарат НКВД — в контрразведку, а в октябре 1938 г. ненадолго переключился на следственную работу, став заместителем начальника следственной части 3-го отдела ГУГБ НКВД. Именно с этой должности Берия в декабре 1938 г. отправил его руководить Калининским УНКВД и присвоил звание полковника.

Дальнейшая карьера Токарева вполне типична для бериевских выдвиженцев, большинство из них быстро выбились в генералы. В 1943 г. он получил звание комиссара госбезопасности (что в армии соответствовало званию генерал-майора), а в 1945 г. был переброшен из Калинина на руководящий пост наркома госбезопасности в Таджикистан, где проработал три года. Условия в южной республике были для здоровья Токарева совсем не хороши, он попросился куда-нибудь, где климат был бы более подходящий, и кадровики МГБ стали подыскивать для него руководящее кресло в европейской части России.

На Токарева составили благозвучную служебную характеристику. По всему выходило — работник отличный! Его предшественник в Таджикистане был снят с должности за развал работы, а Токарев сумел существенно поправить положение. В характеристике,

подписанной 13 марта 1948 г. заместителем министра госбезопасности Сергеем Огольцовым, говорилось: «Тов. Токарев уделил много внимания перестройке работы министерства, очищению органов МГБ от лиц, непригодных для работы, пересмотру расстановки руководящего состава и укреплению дисциплины... Органами МГБ Таджикской ССР проведена работа по выявлению и учету контингентов, представляющих собой базу для иностранных разведок, заведен ряд представляющих оперативный интерес агентурных разработок на лиц, подозреваемых в шпионской деятельности. В 1947 году министерством разоблачено и арестовано несколько агентов английской, американской, афганской и немецкой разведок. За последнее время несколько улучшилась следственная работа, меньше стало случаев прекращения и возвращения следственных дел на доследование»[1].

Отмечались и определенные недоработки: «Вместе с тем продолжают иметь место существенные недостатки. Состояние агентурно-оперативной работы по антисоветскому националистическому подполью находится на низком уровне. Разработка дел на троцкистов, правых и участников бывших антисоветских политических партий проводится слабо. Все еще недостаточно развернута работа по выявлению и разоблачению агентуры иностранных разведок, особенно по английской и американской линиям. Имеющиеся разработки ведутся вяло, без применения активных мероприятий по ним. Не уделяется должного внимания документации следственных дел, не всегда правильно используются имеющиеся в делах доказательства для разоблачения преступников, плохо оформляются следственные документы»[2].

Однако при этом, как отмечалось в характеристике, сам Токарев принимал меры к устранению имевшихся недостатков: «Тов. Токарев имеет значительный опыт

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 251233.

[2] Там же.

руководящей чекистской работы. Указания по делам дает продуманные, в решении вопросов осторожен и объективен. Сам лично работает с агентурой, участвует в допросах наиболее важных арестованных, часто выезжает в областные и районные органы МГБ для проверки работы и оказания помощи. К подчиненным работникам строг и требователен, жестко реагирует на нарушения и проступки сотрудников. Над повышением своего идейно-политического уровня работает самостоятельно, много читает политической и художественной литературы»[1].

Отмечался в характеристике и «высокий авторитет» Токарева в коллективе МГБ и среди партийно-советского актива Таджикистана, хотя тут же и одна важная деталь: «По характеру замкнут, в обращении с подчиненными сух и официален, в быту скромен»[2]. Был в биографии Токарева один все омрачавший факт. О нем сказано в составленном 5 марта 1948 г. заключении Управления кадров МГБ: «По данным проверки, Токарев Д.С. происходит из семьи крупного землевладельца, отец которого умер в 1903 г. Три дяди Токарева в 1929 г. подверглись раскулачиванию. В хозяйстве отца Токарев Д.С. не живет с 1905 г. (когда ему было 3 года). После того как отец умер, мать Токарева ушла от родственников отца жить к своей матери, в 1909 г.[3] вышла замуж за крестьянина-бедняка». Вот тебе и раз — три дяди раскулачено! Да с такими анкетными данными... Но, с другой стороны, — был мал, дядьев не знал, воспитывался в семье бедняка, с ранних лет трудился, опять же — комсомолец, потом партия. В общем, не компромат, но в личном деле на всякий случай отметить стоит.

Просьбу Токарева о переводе из Таджикистана уважили, да и врачебная комиссия пришла к выводу,

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] В автобиографии Токарев писал, что его мать вышла замуж в 1907 г. Вероятно, церковный брак был оформлен позже, в 1909 г.

что ему «необходимо проживание в местности с умеренным климатом»[1]. Приказом МГБ СССР 9 апреля 1948 г. Токарев был назначен министром госбезопасности Татарской АССР и перебрался в Казань.

В Татарии Токарев, как и подобает сталинскому министру, всюду искал врагов. Чекистская выучка в том и заключалась, чтобы создавать громкие дела против руководящих работников республики. Почему против руководителей? А кого в Москве могут впечатлить проводимые МГБ аресты всякой мелюзги. Вот на уровне республиканской верхушки — это да! Только так можно продемонстрировать Сталину свое служебное рвение, только так доказать, что ты на своем месте. И Токарев старался, писал докладные записки министру госбезопасности Виктору Абакумову, в которых разоблачал «врагов» в руководстве Татарии. Одну из его докладных записок, с разоблачением Галея Динмухаметова, председателя Президиума Верховного Совета Татарской АССР, Абакумов посчитал настолько важной, что 21 августа 1950 г. (№ 7050/А) направил ее в ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову[2]. Что интересного открыл Токарев в жизни и судьбе крупного республиканского сановника? На самом деле — ничего, все в традиционном советском духе. Токарев писал, что Галей Афзалетдинович Динмухаметов происходит из семьи муллы и был раньше связан с татарскими националистами. Причем свои выводы о «связях с националистами» Токарев базировал на полученных против Динмухаметова старых показаниях 1937—1938 гг., еще во времена Большого террора, когда под пытками арестованные оговаривали всех подряд[3]. Сигнал Токарева не возымел моментального

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 251233.

[2] ЦА ФСБ России. Ф. 4-ос. Оп. 8. Д. 8. Л. 269—272.

[3] Между тем в годы Большого террора Динмухаметов сам был проводником репрессий. На основании шифротелеграммы НКВД 18 сентября 1937 г. он, как исполнявший обязанности председателя ЦИК Татарии, был включен в состав тройки НКВД Татарской АССР, выносившей внесудебные решения о расстрелах.

действия. В следующем году Динмухаметова вполне благополучно избрали в Верховный Совет РСФСР[1], но по какому-то таинственному совпадению он умер 20 августа 1951 г., ровно через год после доноса Токарева. Центральные газеты откликнулись прочувственным некрологом[2].

Конечно, Сталин не забывал о «буржуазных националистах», но Токарев отстал от жизни. В Москве была «мода» на разоблачение шпионов, а тут Токареву совсем нечем было похвастать. После ареста в июле 1951 г. министра госбезопасности Абакумова, по решению Сталина в аппарате МГБ началась настоящая чистка с арестами, самокритикой и разоблачениями. Руководителей МГБ прямо с должностей заместителей министра и начальников главков отправляли в тюрьму. В регионах оперативный состав МГБ делал выводы. Некоторые подчиненные Токарева, и среди них начальник УМГБ по Казанской области Хаким Галиуллин, решили, что их час настал. Против Токарева открыто выступили на партийном заседании. Конечно, обвинения были типичными, дескать, Токарев «абакумовец», использующий порочные методы руководства. Но пока в его отношении еще не было сделано никаких «оргвыводов», пока только выражение политического недоверия.

Токарев, понимая, чем ему это грозит, сделал упреждающий ход. Он направил 13 декабря 1952 г. заявление на имя секретаря Татарского крайкома КПСС, а копию этого заявления — секретарю ЦК КПСС Георгию Маленкову. В этом заявлении все изложено предельно просто: «Как Вам известно, начальник УМГБ по Казанской области Галиуллин на заседании Секретариата крайкома КПСС, состоявшемся 11 декабря т.г., заявил, что я являюсь приятелем и ставленником Абакумова. Поскольку это заявление является

---

[1] Список депутатов Верховного Совета РСФСР. Правда. 1951. 22 февраля.

[2] Некролог: Динмухаметов Галей Афзалетдинович (1892—1951). Правда. 1951. 21 августа.

совершенно необоснованным, рассчитанным на то, чтобы совершенно незаслуженно дискредитировать меня, прошу Вас разобраться в этом деле и привлечь Галиуллина к ответственности как злостного клеветника»[1].

Итак, коммунист имеет право на честное разбирательство его дела. По заявлению Токарева Секретариат ЦК КПСС 19 декабря 1952 г. принял решение (ст. 3/223гс), гласившее: «Поручить Шкирятову (созыв), Пегову, Епишеву и Егорову с вызовом т.т. Токарева и Галиуллина рассмотреть заявление»[2].

А между тем события в Казани развивались стремительно. Вероятно, Токарев успел многих в местном руководстве восстановить против себя. Решением Татарского крайкома КПСС 19 декабря 1952 г. он был освобожден от работы министра госбезопасности Татарской АССР «как не обеспечивший руководство». Вообще-то это было началом конца, но формально Токарев оставался в должности министра, так как, во-первых, требовалось решение Секретариата ЦК КПСС о его освобождении с номенклатурной должности[3], во-вторых — приказ МГБ о его освобождении, а уже после всего — указ Президиума Верховного Совета Татарской АССР. Вот тогда министерские полномочия и заканчивались.

Министерство госбезопасности проявило готовность пожертвовать Токаревым, и 22 января 1953 г. в ЦК КПСС на имя Георгия Маленкова было направлено письмо с просьбой освободить Токарева от должности министра госбезопасности Татарии «как допустившего серьезные ошибки» и утвердить вместо него в должности министра Григория Зимина (рабо-

---

[1] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 574. Л. 43.

[2] Там же. Л. 42.

[3] Должности министров госбезопасности автономных республик и начальников УМГБ краев и областей РСФСР входили в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС. Лишь после утверждения кандидатур Секретариатом ЦК издавался приказ МГБ СССР о соответствующем назначении или смещении.

тавшего заместителем министра госбезопасности Белоруссии)[1]. В тот же день за подписью заместителя министра госбезопасности СССР Алексея Епишева в ЦК была направлена справка о причинах освобождения Токарева. В ней говорилось о том, что руководство МГБ Татарской АССР, вопреки указаниям партии, «не перестроило оперативно-следственную работу» и она находится «на низком уровне». И в частности: «В 1952 году МГБ Татарской АССР не разоблачило ни одного агента иностранных разведок. Работа по вскрытию враждебной деятельности бывших участников антисоветских партий и буржуазных националистов находится в запущенном состоянии. Руководство министерства и лично тов. Токарев не приняли мер к повышению уровня чекистской работы аппарата, в результате чего имеют место факты расшифровки методов работы органов МГБ, провалы разработок, фальсификация документов.

Вследствие слабой постановки воспитательной работы с оперативным составом ряд сотрудников аппарата министерства и районных органов допускают нарушения государственной и партийной дисциплины, халатно относятся к работе, пьянствуют, выбалтывают секретные данные, нарушают Устав сельскохозяйственной артели.

Министр государственной безопасности тов. Токарев руководил министерством порочными методами, грубо администрировал в отношении подчиненных, не советовался с руководящим составом, оторвался от партийной организации, плохо знал положение дел в министерстве.

Тов. Токарев не поддерживал правильную критику недостатков в работе, идущую снизу, а, наоборот, покрывал эти недостатки и под разными предлогами пытался устранить из аппарата работников, выступавших с критикой»[2].

---

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 21.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 251233.

Выводы серьезные, тут и «развал работы», и «зажим критики». Обычно по получении представления МГБ вопрос довольно быстро ставился в повестку дня заседаний Секретариата ЦК КПСС для оформления решения. По каким-то причинам в ЦК с решением тянули, и оно до самой смерти Сталина так и не было принято. Возможно, ловкий ход Токарева с заявлением на имя Георгия Маленкова подействовал как замедляющий фактор. Требовалось получить выводы председателя Комитета партийного контроля Матвея Шкирятова, которому было поручено разобраться. Ведь пока вызовут в Москву, пока разберутся... Время-то идет.

Токарев так и числился министром госбезопасности Татарии вплоть до проведенной Берией реорганизации в МВД. Лишь когда 16 марта 1953 г. была проведена серия назначений, и в Татарии во главе объединенного МВД (в которое вошло и бывшее МГБ) стал Михаил Запевалин, Токарев оказался не у дел. В Москве ему должны были предложить новую должность. И новый министр Берия, и его 1-й заместитель Богдан Кобулов хорошо знали Токарева, но почему-то не только не дали ему достойную генеральскую должность, но и вообще не спешили как-то его трудоустроить.

Лишь 6 мая 1953 г. приказанием МВД СССР № 214 Токарев был назначен на должность начальника 5-го отдела УМВД по Владимирской области. В его обязанности входило проведение контрразведывательной работы в сфере экономики, то есть «агентурно-оперативное обслуживание» народно-хозяйственных объектов. Крайне унизительное состояние для генерала — замещать полковничью должность. Но и это продлилось совсем недолго, и 27 февраля 1954 г. Токарев был уволен по болезни на пенсию. Жить он остался во Владимире.

Известно, что Берия, по-новому расставляя кадры весной 1953 г., особо выделил и возвысил тех, кого хорошо знал еще по довоенному НКВД. Вроде бы Тока-

рев был из их числа, но оказалось не так. Руководители МВД как будто имели что-то против него. Можно лишь предположить, что разгадка кроется в событиях далекого 1940 г. Именно тогда Богдан Кобулов сильно разочаровался в чекистской закалке Токарева.

Совещание у Богдана Кобулова

В марте 1940 г. в Москву вызвали начальство управлений НКВД трех областей: Калининской, Смоленской и Харьковской. Токарев отправился в Москву на автомобиле, с ним поехали его заместитель Василий Павлов и комендант УНКВД Андрей Рубанов. В Москве на Лубянке собрались в кабинете Кобулова, и он объявил собравшимся об «указании высшей инстанции» о расстреле пленных поляков[1]. Кобулов проводил инструктаж и предупреждал об особо тайном характере предстоящей расправы: «А тут никаких прокуроров, никаких посторонних лиц — ничего. Таково — как сказал Кобулов нам на этом совещании злополучном — никаких посторонних свидетелей... никаких живых свидетелей быть не должно. Прокуроры не нужны»[2]. В совещании принял участие и начальник Управления по делам военнопленных НКВД Петр Сопруненко, который докладывал, сколько должно быть расстреляно в каждой из областей, и давал пояснения, а из высоких руководителей присутствовал заместитель наркома внутренних дел по кадрам Сергей Круглов[3]. Всего, как вспоминал Токарев, в этом совещании принимало участие не более 15—20 человек.

Узнав о масштабе предстоящей акции, о том, что его управлению предстоит расстрелять более 6 тысяч человек, Токарев испугался, хотя был, как говорит о себе, не из пугливых. По окончании совещания поп-

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 433—434.

[2] Там же. S. 446. Здесь и далее приводятся точные цитаты из фонограммы допроса Д.С. Токарева.

[3] Там же.

росил у Кобулова разрешения остаться для разговора с глазу на глаз, Кобулов ответил: «Хорошо, оставайся». «Когда остался, я говорю: "Я в таких операциях никогда в жизни не участвовал. Тем более когда я узнал о масштабах этой операции, я боюсь, что я ничего не смогу сделать". "А мы на вас, говорит, и не рассчитывали", — зло сказал мне. По сути дела, он мне объявил о моем служебном несоответствии как бы. "Мы на вас не рассчитывали. Мы вас пригласили для того, что поскольку на территории вашей области будут эти операции проходить и без помощи ваших работников тут не обойтись, вот мы пригласили вас и заместителя, для того чтобы кто-нибудь из вас знал о том, что происходит". "Благодарю вас, говорю, мне все ясно". Я вышел из кабинета Кобулова с облегченной душой»[1].

Как пояснил Токарев, он не запомнил точной даты, когда состоялось это совещание у Кобулова. Помнил только, что дело было в марте 1940 г., и помнил, что вернулся из Москвы с новостью о присвоении ему звания майора госбезопасности, о чем и сообщил своей жене[2]. Важный штрих! Это звание Токареву присвоили приказом НКВД СССР от 14 марта 1940 г., то есть само совещание могло происходить либо день в день с этой датой, либо на день-два позднее. Если учесть, что решение Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских граждан было принято 5 марта, то логично предположить, что понадобилась неделя с небольшим для созыва работников на совещание в НКВД с инструктажем о подготовке и проведении акции.

Расстрел

По возвращении в Калинин Токареву и его заместителю Павлову предстояло сформировать группу работников УНКВД, которая должна была провести расстрелы. В показаниях 1991 г. Токарев умаляет

---

[1] Там же. S. 434–435.

[2] Там же. S. 447.

свою роль в деле формирования расстрельной команды, изображая дело так, что все было передоверено его заместителям.

«Вот Качин — принимал участие, Качин — помощник. Было приказано выделить необходимое число людей для оказания помощи такой-то операции. Все. Зам по кадрам отбирал людей, вот...»[1] Токарев помнил строгое указание Кобулова об особо секретном характере акции, о том, что «ни одного живого свидетеля быть не должно»[2]. Это означало, что люди, узнавшие о расстреле поляков, но не принявшие участия в качестве исполнителей, должны быть устранены. Токарев понял это буквально и даже полагал, что спас жизнь одному из своих сотрудников — водителю, поначалу отказывавшемуся принимать участие в расстрелах: «И вот один шофер, я не помню сейчас его фамилии, отказался. Я боялся, как бы его не приказали расстрелять как свидетеля. И я вызвал его к себе и говорю: "Миша[3], ты коммунист..." Взял грех на душу, но я в целях таких, чтоб его сохранить как человека»[4].

На прямой вопрос, отдавал ли он приказ конкретным работникам управления участвовать в расстреле, Токарев отвечал «нет», перекладывая вину на своих заместителей[5]. Согласно показаниям Токарева, определенную роль в формировании расстрельной команды сыграл и прибывший из Москвы начальник Комендантского отдела НКВД Василий Блохин, он лично знал ряд чекистов, например Николая Сухарева[6].

По словам Токарева, в Калининском УНКВД «всего около 30 человек участвовало в расстрелах <...>

---

[1] Там же. S. 440.

[2] Там же. S. 442.

[3] В списке награжденных 26 октября 1940 г. среди сотрудников УНКВД по Калининской области шофер с именем Михаил не выявлен.

[4] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 442.

[5] Там же. S. 470.

[6] Там же. S. 450.

шофера в основном и некоторые надзиратели»[1]. Если проанализировать список награжденных приказом НКВД СССР от 26 октября 1940 г.[2], видна определенная закономерность, кого именно включили в команду: сотрудников 1-го спецотдела (Учетно-архивного), комендатуры, надзирателей и вахтеров внутренней тюрьмы, водителей УНКВД. Это был своего рода обслуживающий персонал запущенной Блохиным машины смерти. Каждый отвечал за конкретный участок: сотрудники 1-го спецотдела оформляли бумаги на подлежащих расстрелу и составляли расстрельные акты, сотрудники комендатуры расстреливали, надзиратели выводили из камер узников и вели на расстрел, шоферы доставляли со станции прибывавших из Осташковского лагеря в здание НКВД, во внутреннюю тюрьму, а после казни грузили и отвозили тела расстрелянных для захоронения в Медном. И действительно, подсчет по списку награжденных (тех, о ком удалось выявить сведения) дает цифру — 40 сотрудников УНКВД по Калининской области. Что ж, память Токарева если и подвела, то чуть-чуть — его оценка числа участников расстрельной акции близка к истине.

Вскоре после совещания у Кобулова в Калинин прибыли заместитель начальника Главного транспортного управления НКВД Николай Синегубов, начальник штаба Главного управления конвойных войск НКВД Михаил Кривенко и начальник Комендантского отдела АХУ НКВД Василий Блохин. Прибывшие жили на станции Калинин, где в тупике размещался их салон-вагон. Сюда им доставляли и корреспонденцию, и питание. Это был своего рода штаб для организации и координации работы всех звеньев конвейера — от «разгрузки» Осташковского лагеря до закапывания тел казненных в Медном. Отъезд Блохина из Москвы можно датировать точно. Согласно приказам по

---

[1] Там же. S. 439, 457.

[2] См. главу «Загадки наградного списка».

Административно-хозяйственному управлению НКВД СССР, он числился в командировке с 16 марта по 23 мая 1940 г.[1] Сложно сказать, сразу ли он отправился в Калинин, не использовал ли он те полмесяца до начала акции для инспектирования и подготовки расстрелов еще и в Смоленске и Харькове.

Как вспоминал Токарев: «Вместе с Блохиным и Синегубовым приехал начальник Главного управления конвойных войск Кривенко. Он привел туда целый поезд тюремных вагонов. Вот в этих вагонзаках перевозились военнопленные с Осташкова до Калинина. А в автозаках уже перевозились со станции Калинин во внутреннюю тюрьму. Вот и вся технология»[2].

Блохин первым делом озаботился надлежащей подготовкой расстрельного помещения, и 5 апреля 1940 г. расстрелы начались. И по прошествии 50 лет Токарев вспоминал подробности массового расстрела с ужасом и содроганием: «...зашли ко мне они втроем — Синегубов, Блохин и Кривенко. Я сидел в кабинете: "Ну, пойдем". — "Пойдем..." Это в первый же день. Вот мы и пошли. И я увидел весь этот ужас. Пришли там через несколько минут, надел свое спецобмундирование Блохин... Кожаная коричневая кепка, кожаный коричневый фартук длинный, кожаные коричневого цвета перчатки с крагами выше локтей. И на меня это произвело впечатление ужасное. Я увидел палача»[3].

Пробыв непродолжительное время в комнате, где перед расстрелом проводился короткий опрос узников на предмет сличения личных данных с документами дела и расстрельным списком, Токарев ушел. Он не хотел присутствовать на казни: «В камеру, где расстрел производился, я не заходил. Там технология была отработана Блохиным, вот, вместе с комендантом нашего управления Рубановым. Они обшили

---

[1] ГА РФ. Ф. 9423. Оп. 35. Д. 19. Л. 210–211.
[2] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 448.
[3] Там же. S. 449.

кошмой двери, которые выходили в коридор, чтобы не были слышны выстрелы в камерах. Потом проводили осужденных, будем так говорить, через коридор, сворачивали налево — тут "красный уголок". В "красном уголке" сверяли по списку, совпадают ли данные, установочные данные, нет ли тут ошибки, вот, а потом, когда удостоверялись, что это тот человек, который должен быть расстрелян, тут же надевались на него наручники и вели его в камеру, где производился расстрел, стены которой тоже были обшиты звукопоглощающим материалом. Вот и все»[1].

Обреченным ничего не говорили о принятом в отношении них решении: «Никому не зачитывали ничего, ничего не говорили: наручники — и давай дальше...»[2]

Из расстрельного помещения был второй выход — во двор. Туда выносили тела казненных и грузили на машины для отправки в Медное, к месту захоронения. На вопрос, кто перетаскивал к машинам тела расстрелянных, Токарев пояснил: «Шофера в основном и некоторые надзиратели. Подтаскивали к машине и бросали в кузов»[3].

В Медном, где на участке, отведенном для НКВД, уже были массовые захоронения расстрелянных в годы Большого террора 1937—1938 гг., теперь предстояло закопать и тела 6 с лишним тысяч казненных узников Осташковского лагеря. Когда начальник УНКВД Токарев заговорил о привлечении землекопов для рытья ямы для захоронения тел — москвичи его высмеяли — какая наивность! В Москве для таких целей в 1937—1938 гг. использовалась «большая механизация» — экскаватор. Поручили коменданту УНКВД Рубанову раздобыть машину — справился, пригнал экскаватор «Комсомолец». Прибывший вместе с Блохиным из Москвы сотрудник «спецгруппы» Иван

---

[1] Там же. S. 440.
[2] Там же. S. 446.
[3] Там же. S. 457.

Антонов[1] сам сел за рычаги экскаватора и готовил ров[2].

Блохин приехал в Калинин не только со своим давним подчиненным Иваном Антоновым, был еще и третий сотрудник «спецгруппы» НКВД, прибывший вместе с ним, фамилию которого Токарев так и не вспомнил. Можно лишь предположить, что это мог быть либо Александр Емельянов, который числился в командировке с 16 марта по 29 апреля 1940 г., либо Петр Яковлев — был в командировке с 24 марта по 23 мая 1940 г.[3]

Согласно сохранившимся в архивах документам, Токарев исправно и регулярно докладывал в Москву шифровками на имя 1-го заместителя наркома внутренних дел Всеволода Меркулова о числе расстрелянных. Вел, так сказать, общую бухгалтерию. Тексты этих шифровок предельно лаконичны, например: «Первому наряду исполнен № 343» (от 5 апреля 1940), далее регулярно: «14/IV восьмому наряду исполнено 300», «20/IV исполнено 345», «22 апреля исполнен 296», «23 апреля исполнен 292», «24 апреля исполнен 195», «25 апреля исполнен № 294», «29 апреля исполнено 294» и вплоть до последней шифровки — «22 мая исполнено 64»[4]. Действительно, все сходится — 23 мая 1940 г. Блохин вернулся в Москву.

Токарев рассказывал, что в первый день, когда начались расстрелы, «привезли 300 человек, и это оказалось слишком много, ночь уже была короткая, и надо было как-то укладываться во время сумеречное. Стали потом по 250»[5]. Об этом как будто бы сам Блохин попросил[6]. На самом деле «нормой» для Бло-

---

[1] Согласно приказу АХУ НКВД СССР № 72 от 31 мая 1940 г., И.И. Антонов числился в командировке с 16 марта по 23 мая 1940 г. (ГА РФ. Ф. 9423. Оп. 35. Д. 19. Л. 210–211).

[2] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 451, 460.

[3] ГА РФ. Ф. 9423. Оп. 35. Д. 19. Л. 210–211.

[4] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 540, 561, 564, 567, 569, 570, 571, 576, 596.

[5] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 449.

[6] Там же. S. 458.

хина было не 250, а без малого 300 расстрелянных за ночь. Это видно из вышеприведенных шифровок Токарева.

Миссия Блохина в Калинине закончилась 22 мая 1940 г. Закатили банкет, прямо в своем «штабном вагоне», на станции. Звали Токарева: «И когда закончили все это дело грязное, в своем салоне-вагоне москвичи устроили банкет, что ли. Настойчиво приглашали меня. Я не пошел, не пошел...»[1]

Удивительно, но Токарев и в 1991 г. помнил точное число расстрелянных тогда в его управлении польских граждан — 6295. В то же время, согласно справке Управления по делам военнопленных НКВД, из Осташковского лагеря было отправлено в УНКВД по Калининской области 6287 человек[2]. На 8 человек меньше. И объяснение тут может быть одно — эти 8 человек были доставлены на расстрел в Калинин не из Осташковского лагеря, а из тюрем НКВД, куда были водворены раньше[3]. С другой стороны, количество дел на приговоренных тройкой в 1940 г. военнопленных из Осташковского лагеря, сохранившихся в архиве КГБ (согласно записке Александра Шелепина, 1959), составило 6311[4]. Можно предположить, что это превышение числа приговоренных над числом этапированных в УНКВД объясняется тем, что итоговая цифра 1959 г. получена простым суммированием лиц, поименованных в протоколах тройки НКВД СССР и включенных в направленные в Осташков списки-предписания на расстрел: и тут важно учитывать наличие ошибочно (повторно) включенных в списки, то есть когда один и тот же человек проходил в списке

---

[1] Там же. S. 450.

[2] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 597.

[3] Например, достоверно известно о трех военнопленных, содержавшихся в тюрьме НКВД в Великих Луках, дела которых Токарев 5 апреля 1940 г. просил оформить, надо полагать, на рассмотрение тройки НКВД (Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 444, 448).

[4] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 601.

дважды, и тех, кто, будучи приговоренным, умер в лагере до момента отправки в УНКВД. Таких примеров немного, но они есть и вполне объясняют это расхождение[1]. Таким образом, можно быть уверенным в точности сообщенного Токаревым числа расстрелянных польских военнопленных в апреле — мае 1940 г. в УНКВД по Калининской области и захороненных в Медном.

Жизнь после смерти

Перетрудившись в Калинине, Блохин с 20 июня взял на полтора месяца отпуск и на службе появился только 6 августа 1940 г.[2] Скорее всего, еще до ухода в отпуск он подготовил и подал на утверждение для поощрения список работников УНКВД по Калининской области, принимавших участие в расстрелах. Аналогичные списки были подготовлены и на работников УНКВД по Смоленской и Харьковской областям, и на работников центрального аппарата НКВД, выезжавших в эти области для участия в проведении расстрелов польских военнопленных.

Вот тут-то и дала о себе знать памятливость Богдана Кобулова. Он никогда и ничего не забывал. Вот что об этом поведал в 1991 г. Токарев: «Я встретил в коридоре как-то Блохина, вскоре после того, как бы-

---

[1] Там же, на стр. 591, приведены итоговые данные по отправке в УНКВД по Калининской области военнопленных из Осташковского лагеря: 6236 + 51 = 6287. Из пояснений видно, что лагерь не исполнил предписания в отношении 27 человек из включенных в списки-предписания: на одного человека дважды выписывалось предписание, 6 человек включены ошибочно, 16 умерло, 2 отправлены ранее в УНКВД в Калинин и Чернигов и 2 человека задержаны по письму Наркомата иностранных дел. То есть без учета дважды включенного в списки и двух человек, задержанных по письму НКИД (в отношении которых, надо полагать, решения тройки были отменены), получаем цифру 6311 приговоренных тройкой и включенных в списки-предписания по Осташковскому лагерю, как это и значится в записке Шелепина от 3 марта 1959 г.

[2] ГА РФ. Ф. 9423. Оп. 35. Д. 19. Л. 266, 343.

ла закончена "работа", — я тоже стал называть это "работой". Встретил в коридоре НКВД, он говорит: "Что против Вас имеет Кобулов? Я, говорит, решил и Вас в список для поощрения записать, поскольку Вы же все-таки начальник управления. Он, говорит, взял, собственноручно вычеркнул"»[1]. И далее Токарев сказал важнейшую вещь! Он указал на существование списка для поощрения всех, кто участвовал в расстрелах: «И вы найдете наверняка в финотделе, в архивах финотдела, список людей, награжденных месячным окладом за участие в этой операции. Фамилии Токарева вы там не найдете, не найдете. Я был рад тому, что я не получил сребреников...»[2] Здесь он был совершенно точен и прав, его фамилия в списке награжденных не значилась. Следователи, распутывавшие тогда дело о расстреле польских граждан, еще не знали о существовании этого списка расстрельщиков[3], но благодаря «наводке» Токарева быстро нашли его в архиве. Уже в июле 1991 г., когда допрашивали участника расстрелов поляков в Харькове — Сыромятникова, ему задавали вопросы о награждении по этому списку[4].

В списке награжденных приказом НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. «за успешное выполнение специальных заданий»[5] удалось вычленить 40 сотрудников УНКВД по Калининской области. О большинстве из них удалось собрать более или менее подробные биографические сведения. И в их судьбах есть определенные закономерности. Удивительно, но, в отличие от смоленских расстрельщиков,

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 442.

[2] Там же.

[3] Две реплики, которыми тут же обменялись ведший допрос Анатолий Яблоков и Дмитрий Токарев, почему-то не вошли в опубликованную по-польски стенограмму допроса, а они крайне важны. Яблоков: «Надо обратить внимание, кого поощрили». Токарев: «Конечно, можно догадаться» (так в фонограмме).

[4] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 490.

[5] Список награжденных см. в главе «Загадки наградного списка».

на них почти не отразилась война. Есть данные, что только один пропал в 1941 г. без вести, — надзиратель внутренней тюрьмы Иван Белов. В годы войны почему-то рано умер надзиратель Алексей Марусев — в 1942 г. в Рязани (и непонятно, как его туда занесло), и Дмитрий Орлов, умерший в 1945 г. в Калинине. Остальные вполне благополучно продолжали служить.

Своего персонального шофера Николая Сухарева Токарев в 1953 г. оставил в Казани, но не забыл. Много лет спустя, давая показания в 1991 г. о расстрелах поляков, он отчетливо помнил: «Участвовали в основном в расстрелах шофера, некоторые надзиратели. Я вот хорошо знаю, мой шофер Сухарев активное участие принимал, потом он застрелился сам. Теперь, значит, Богданов, мой же шофер, тоже принимал участие, но тот только возил уже расстрелянных, вот. А Сухарев в расстрелах принимал участие и мне еще хвалился, что вот он сегодня поработал здорово»[1]. Вероятно, Токарев не терял связи со своим подчиненным, так как когда тот в 1964 г. ушел из жизни, он каким-то образом узнал об этом[2]. Действительно ли Сухарев застрелился из наградного пистолета, или Токарев рисует хрестоматийный финал, когда злодей непременно должен пострадать сам?

В сознании Токарева массовый расстрел поляков оставил неизгладимый след. Он и через 50 лет отчетливо воспроизвел впечатление ужаса, который охватил тогда, в 1940 г., когда Блохин повел его в расстрельное помещение показать, как организована казнь.

Токарев лишь издали оценил все. Он не решился, а скорее, не захотел, увидеть саму процедуру убийства.

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 439.

[2] Нет никаких достоверных сведений о том, действительно ли Николай Сухарев покончил с собой. В партийном архиве, где хранятся его учетно-партийные документы, просто значится факт их погашения Татарским обкомом КПСС 22 декабря 1964 г. как на умершего.

В его представлении это то, после чего обеспечены вечные душевные муки. Не случайно он искренне считал, что непосредственно участвовавшие в расстрелах очень плохо кончили: «Зрелище это, видимо, страшное, хотя бы потому, что Рубанов сошел с ума. Павлов, мой первый заместитель, застрелился, теперь, Сухарев, мой шофер, застрелился. Сам Блохин — застрелился»[1].

Тут следует уточнить — это Токарев так полагал. На самом деле нет никаких твердых свидетельств и фактов о самоубийствах Василия Блохина и Василия Павлова. Понятно, что их относительно ранняя смерть была следствием подорванного многолетней ночной службой здоровья. Постоянное напряжение, моральные нагрузки и страх ошибиться и самому попасть в жернова системы — это то, что сопутствовало службе в госбезопасности и на более спокойных должностях, чем те, которые занимали Блохин и Павлов. А вот с Андреем Рубановым и вовсе непонятно. Он дослужился до звания подполковника, по-прежнему работал в должности коменданта — перед выходом на пенсию в 1957 г. — в КГБ Татарии. Рубанов дожил до глубокой старости, вполне благополучно трудился и умер в 80 лет. Будучи пенсионером, работал инспектором службы спасения на водах. По всему видно — крепкий был, деятельный старик. Трудно ожидать, что такой мог серьезно повредиться умом.

Многие свидетели хорошо знали и помнили Рубанова: «Это был сильный мужчина с большими усами, как у Буденного...»[2] Рубанов много пил. По одному из свидетельств, уже в 1950-е гг. Рубанов, как обычно выпивши, жаловался соседям, вот, дескать, меня называют пьяницей, а почему никто не спрашивает, отчего я пью? И с горечью сказал: «Господи, сколько людей прошло через мои руки, одних поляков

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 440.
[2] Там же. S. 467.

сколько!»[1] Помощник коменданта Рубанова — Александр Зайцев тоже, однажды выпив, вдруг признался своему сыну в том, что участвовал в расстрелах. Не могли они удерживать в себе страшную правду, она рвалась наружу!

Токарев на допросе 20 марта 1991 г. назвал своих сотрудников, о ком вспомнил, кто принимал непосредственное участие в расстрелах. Помощник начальника УНКВД Качин, помимо того что отбирал сотрудников для акции, и сам участвовал[2]. А начальник тюрьмы Цуканов, по словам Токарева, непосредственно в расстрелах не участвовал[3], а лишь следил за порядком в тюрьме, в которой на короткое время размещали привозимые партии офицеров из Осташковского лагеря, а с наступлением ночи начинали выводить на расстрел. Как категорично выразился Токарев: «Расстрелы производились шоферами и начальством»[4]. Под начальством он имел в виду Блохина и прибывших с ним из Москвы работников «спецгруппы».

Конечно, их было гораздо больше, чем те несколько имен, засевших в памяти у Токарева. В списке награжденных 26 октября 1940 г.: заместитель начальника УНКВД Василий Павлов, помощник начальника УНКВД Тимофей Качин, начальник 1-го спецотдела Михаил Козохотский и его помощник Михаил Лугинин, комендант Андрей Рубанов и дежурные помощники коменданта Василий Белогорлов, Александр Зайцев, начальник Автотехнического отдела Михаил Горячев, начальник гаража Николай Сенюшкин, начальник внутренней тюрьмы Алексей Цуканов, а также 7 шоферов и 19 надзирателей УНКВД по Калининской области.

---

[1] Там же. S. 465.
[2] Там же. S. 440.
[3] Там же.
[4] Там же.

Присматривать, чтоб не болтали

Уезжая из Калинина к новому месту работы, Токарев и не предполагал, какой за ним потянется «хвост». Люди, его люди — несколько его подчиненных, — а с ними и постоянное напоминание о том, о чем очень хотелось бы забыть: «И мне тогда из Москвы посоветовали забрать... Просто прислали Рубанова, потом, значит, Сухарева. Вот этих двух прислали, чтобы, поскольку я знаю об этой операции, чтоб я их держал в руках. Чтоб не болтали и молчали. Потом Сухарев привез Осипова. Того я вынужден был выгнать вскоре. Он спился, даже на работе напивался до потери сознания»[1].

О шофере Калининского УНКВД Владимире Осипове разговор особый. О нем не удалось найти каких-либо биографических сведений. Свидетели помнят о нем как о «многодетном отце» и сильно пившем человеке[2]. В Калинине Осипов жил неподалеку от площади Ленина, в доме на улице Урицкого[3]. Вернулся ли Осипов, изгнанный Токаревым с работы, назад в Калинин — неясно.

Андрей Рубанов и Николай Сухарев всюду следовали за Токаревым. Сначала работали с ним в Таджикистане, а с 1948 г. — в Татарии. Токарев освободился от них лишь в 1953 г., отправившись во Владимир. Они же остались дорабатывать до пенсии в Казани, здесь же оба и похоронены.

Большинство участников расстрела поляков в 1940 г. так и остались работать и жить в Калинине. Они составили своего рода сообщество — тайный круг. Люди отмеченные, но не выделенные. Ведь наградили их за тот расстрел не орденами и не медалями, не звучными званиями, не каким-либо заметным, выделяющим их среди других знаком. Дали деньги. Дали то, что универсально при расчетах за убийство.

---

[1] Там же. S. 464.

[2] Там же. S. 463.

[3] Ныне улица Трехсвятская в Твери.

И каждый из них знал и помнил каждого, но не выходил из своего круга.

За исключением Рубанова и Сухарева и еще нескольких работников Калининского УНКВД, их почти никуда не посылали, переводы на работу в другие области — редкость. Лишь несколько человек, да и то из числа начальства, как Василий Павлов, Тимофей Качин, Михаил Лугинин, или людей помельче (Алексей Марусев), но сделавших небольшую карьеру, в итоге оказались вдалеке от Калинина. Остальные выходили на пенсию и доживали незаметно свой век в Калинине. Как будто кто-то сознательно держал их всех вместе, плотно сбивая в группу. Группу, объединенную общим преступлением.

В Калинине они жили так, что были друг у друга на виду. Бывший дежурный помощник коменданта Василий Белогорлов и начальник 1-го спецотдела Михаил Козохотский жили в одном доме № 18 в Кооперативном переулке. Надзиратели Михаил Лебедев, Арсений Яковлев и дежурный помощник коменданта Александр Зайцев тоже жили в одном доме — по улице Бебеля, дом 3. И точно так же на улице Мусоргского, в доме 23, жили еще два участника расстрела — надзиратели Василий Жильцов и Александр Фадеев. Встречались на службе, встречались на улице, в близлежащем магазине, во дворе дома, где, возможно, дружно «забивали козла» за доминошным столиком.

Порой, завершив службу в «органах», оказывались на работе на одном предприятии. Бывший надзиратель Николай Головинкин трудился с 1949 г. токарем, потом станочником Калининского вагоностроительного завода. Может быть, он один из немногих, кто подался в рабочий класс, остальные предпочитали вахтерско-охранную службу. Здесь же, на этом заводе, стрелком охраны устроился его бывший сослуживец, тоже надзиратель, Василий Иванов. Правда, проработал недолго, с 1960 по 1966 г., а то бы был свидетелем триумфа Головинкина, который в 1971 г.

за ударный труд был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орден ему вручал в торжественной обстановке 29 апреля 1971 г. сам директор завода Владимир Наливайко. Интересно, кто-нибудь из присутствовавших тогда в зале знал или хотя бы догадывался о прошлых заслугах Головинкина на расстрельном поприще?

Награждение Головинкина, о котором писали в областной печати, скорее исключение. Участники расстрела чаще всего занимали скромные должности во вневедомственной охране, либо вели жизнь незаметных пенсионеров. И тихо, один за одним уходили из жизни, унося с собой тайну 1940 г. Лишь изредка газеты напоминали о них. Например, таким, опубликованным на последней странице областной газеты, скромным извещением: «Новопромышленный райком КПСС г. Калинина с прискорбием извещает о смерти члена КПСС с 1919 г. Козохотского Михаила Андреевича и выражает соболезнование семье»[1]. Но что это могло сказать широкой публике? Ничего! Кто в 1965 г. знал или помнил Козохотского? Никто, разве что его бывшие сослуживцы. Может быть, они-то и собирались, хороня друг друга, со значением молчали и расходились до следующих похорон.

Не все из расстрельщиков пребывали в почете. Двоих исключили из партии еще в первые послевоенные годы. В 1947 г. — Михаила Лебедева и в 1948 г. — Михаила Игнатьева. Лебедев был исключен по самой прозаической причине. Будучи секретарем первичной парторганизации, он присваивал партийные взносы коммунистов. Да, вот такое «крысятничество» в строгих стенах МГБ. На заседании бюро Калининского обкома ВКП(б) при рассмотрении апелляции было установлено: «Лебедев, исполняя обязанности секретаря парторганизации Отдела «В», систематически присваивал партийные взносы

[1] Калининская правда. 1965. 15 апреля.

с коммунистов, в результате им было присвоено 3386 рублей. Преступные действия свои Лебедев признал. Присвоенная сумма внесена им в сберкассу полностью»[1].

К 1990 г., когда началось расследование катынского преступления, в живых из бывших участников расстрела оставались единицы. Ведь большинству было под 80 и больше лет. В марте 1990 г. умер Трофим Якушев, а в мае того же года — Иван Мокридин. Уходили последние. Между тем 6 июня 1990 г. Калининской областной прокуратурой было начато расследование по факту исчезновения польских военнопленных из Осташковского лагеря в 1940 г.[2] Начался поиск уцелевших свидетелей из числа бывших работников НКВД. В самом начале марта 1991 г. следственной группе стало известно о том, что еще жив бывший начальник УНКВД по Калининской области Дмитрий Токарев. К нему отправились для проведения допроса. Токарев на допросе поинтересовался, нашли ли кого-нибудь из калининских пенсионеров НКВД, участвовавших в расстрелах? Ему ответили — ищем[3].

На основании данных о погашении партийных документов можно утверждать, что в 1991 г. еще были живы в Твери[4] последние три участника расстрелов 1940 г.: бывшие надзиратели Алексей Егоров, Василий Жильцов и Арсений Яковлев. Успели ли их допросить — остается вопросом. Если нет, то это вполне объяснимо позицией, занятой руководством областных управлений КГБ и МВД. Следователи прокуратуры отмечали, что сотрудники КГБ порой

---

[1] РГАСПИ. Протокол заседания бюро Калининского обкома ВКП(б) № 179, пункт 15, от 19 ноября 1947 г.

[2] В сентябре 1990 г. дела по расследованию расстрелов польских граждан в 1940 г. были объединены в одно дело, получившее номер 159 (Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 306–307).

[3] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 459.

[4] В июле 1990 г. Калинину было возвращено историческое название — Тверь.

демонстрировали свое неприятие и прямо противостояли расследованию дела[1]. Тем более не проявляли они никакой торопливости в поисках свидетелей из числа пенсионеров органов НКВД — КГБ, а 19 августа 1991 г., окрыленный событиями в Москве, начальник УКГБ по Тверской области Виктор Лаконцев вызвал к себе членов следственной группы и в категоричной форме потребовал прекратить эксгумацию в Медном. Антиконституционный путч, за которым стояла верхушка КГБ и армии, бесславно провалился. Уже через несколько дней Лаконцев самолично прибыл в Медное и пытался сгладить ситуацию и спасти лицо[2].

Показания Токарева интересны и тем, что позволяют высветить его подсознательное, глубоко спрятанное отношение к произошедшему. То, что он, будучи сотрудником НКВД — МГБ, не только никогда не высказывал, но даже и не допускал до уровня обдумывания, мысленного проговаривания — не ровен час вырвется наружу! Но оно было и таилось. И дело в том, какие именно слова и сравнения проскакивают в показаниях. Описывая казнь поляков в Калинине в 1940 г., Токарев рассказывал, как он искал повод исчезнуть из управления, где у него в подвале по ночам кипела «работа». Благо были подшефные районы области, закрепленные за ним как членом бюро обкома партии, — уехал на некоторое время. Потом просился в обкоме направить на учебу. Как рассказывал Токарев: «Возвращаюсь, а "свадьба" все продолжается»[3]. И словечко-то какое выскочило — «свадьба»! Эмоциональная окраска этого эвфемизма по отношению к ночным зверствам Блохина и его команды — неодобрительная, как отсылка к чему-

---

[1] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 312.

[2] Там же. С. 312–313. Эксгумация проводилась с 15 по 29 августа 1991 г. с участием представителей польских правоохранительных органов (Там же. С. 328).

[3] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 450.

то скорее неприличному и порочному, к торжеству животных инстинктов.

У каждого был свой кошмар, свое видение, гнетущее душу. Токарев никак не мог забыть совсем молодого польского паренька, из пограничников, всего-то прослужившего полгода. Токарев видел, как его опрашивают в «красном уголке», перед тем как наденут наручники и втолкнут в расстрельную комнату. Не удержался, спросил, сколько ему лет. Тот ответил. И Токареву наказанием, как гвоздь в голову, эта сцена запечатлелась на всю жизнь. «И улыбался так... мальчишка, совсем мальчишка — 18 лет», — повторял он на допросе в 1991 г.[1]

---

[1] Там же. S. 452. Здесь же по ходу допроса Токарев сделал одно очень значимое замечание, которое не вошло в опубликованный польский перевод. На вопрос о медицинском институте, который теперь располагается в бывшем здании УНКВД, Токарев ответил: «Я не знаю. Без меня было. Там, между прочим, двор-то замаран, говорят, двор замаран. Там, я не знаю, как выходили из положения» (1-й час 29-я минута фонограммы допроса). Это важное заявление означает, что во дворе УНКВД производились захоронения расстрелянных. Однако до сих пор этот факт не был изучен, и нет сведений, производились ли там раскопки.

Глава 3

«СТАРИКАШКА»

Вагоны с польскими военнопленными из Козельского лагеря прибывали на станцию Гнездово. По свидетельству местного жителя, «к вагонам подъезжала автомашина, так называемый "черный ворон". Из вагона переходили под охраной в автомашину польские офицеры (они были в военной форме), и их увозили в Катынский лес. Лес был огорожен, и что там происходило, никто не видел. Но слухи были о том, что там раздаются выстрелы. В то время, как мне помнится, никто не сомневался в том, что их там расстреливают. Но говорили об этом мало. Дело серьезное, опасное. Поэтому и старались как бы не замечать этого»[1].

Избежавший расстрела Станислав Свяневич был выведен из потока военнопленных на станции Гнездово, помещен в пустой вагон, откуда наблюдал за происходящим: «...площадка рядом с поездом оцеплена красноармейцами в форме НКВД. С интервалом в полчаса к составу подъезжал автобус с замазанными белой краской окнами. Он подавался к вагону таким образом, что пленные переходили в него, не ступая на землю»[2]. В центре площадки распоряжался всем полковник НКВД. Кто был этот полковник? Попробуем разобраться.

«Разгрузка» Козельского лагеря началась 3 апреля 1940 г., когда был отправлен первый эшелон[3].

---

[1] Абаринов В. Катынский лабиринт. М., 1991. С. 37.

[2] Swianiewicz S. W cieniu Katynia. Warszawa, 1990. S. 111.

[3] Парсаданова В. К истории катынского дела // Катынская драма. М., 1991. С. 117.

Следующие эшелоны были отправлены 4 и 5 апреля. Первые эшелоны прибыли на станцию Смоленск[1], откуда военнопленных доставили в здание УНКВД по Смоленской области, где расстреляли, но потом эшелоны стали направлять в Гнездово. По всей видимости, решили избежать лишних хлопот: отправка со станции Смоленск в здание УНКВД, затем вывоз тел расстрелянных к месту захоронения в Катынский лес — чересчур сложно. Многократная погрузка-выгрузка: трудоемкий подъем тел из подвала УНКВД во двор управления, погрузка на машины... Вернулись к практике расстрелов времен 1937—1938 гг., когда массовые казни совершались непосредственно в местах захоронения. От станции Гнездово до места расстрела в Катынском лесу около 5 км. Наблюдение Свяневича о возврате автобуса за новыми партиями военнопленных вполне подтверждается. Полчаса — достаточное время для того, чтобы машине обернуться туда-сюда, да еще на разгрузку время остается.

При эксгумации 1943 г. в одной из могил, обозначенной под № 5, у жертв обнаружена такая характерная деталь — шинели наброшены на голову и завязаны шнуром на уровне шеи[2]. Этот прием, скорее всего, применялся, когда расстрел происходил в помещении УНКВД. Так палачи стремились, чтобы расстрел не был «излишне кровавым», и не надо было потом смывать следы крови в помещении, да и грузить и перевозить тела было и физически, и психологически комфортнее. И грузовик почти чистый. По оценке

---

[1] Относительно второго эшелона, отправленного 4 апреля, станция разгрузки, Смоленск, установлена более или менее точно. Четвертый этап, отправленный из Козельска 7 апреля, также прибыл на станцию в Смоленск 8 апреля, простоял ночь, но на следующий день военнопленных, уже минуя подвалы НКВД, отправили на машинах сразу в Катынский лес, к месту казни (Абаринов В. Катынский лабиринт. С. 36).

[2] Фрагмент отчета доктора М. Водзиньского о катынском преступлении // Катынская драма. С. 101.

экспертов, в могиле № 5 было захоронено до 50 тел[1]. Если вспомнить, что первая партия военнопленных офицеров из Козельска была отправлена 3 апреля 1940 г. и насчитывала 74 человека[2], то, скорее всего, они-то и были расстреляны в здании УНКВД в Смоленске.

Вполне уместен вопрос, почему казни состоялись именно в Калинине, Смоленске (Катыни) и Харькове? Ставилась задача провести расстрелы узников трех лагерей, и сделать это можно было в любом ближайшем областном управлении НКВД, где они осуществлялись. Если посмотреть по расстоянию, то из Старобельска ближе было бы везти военнопленных в УНКВД по Ворошиловградской области, а из Козельска — в УНКВД по Орловской области. Скорее всего, выбор мест расстрела был не случаен. В управлениях НКВД в Смоленске и Харькове технология расстрелов была отработана и действовала давно. Были и отведенные в пригородах охраняемые «спецобъекты» — места для тайного захоронения казненных. Тогда как УНКВД по Орловской области было сравнительно «молодым», организовано в сентябре 1937 г., а Ворошиловградское УНКВД и того моложе — в июне 1938 г. То есть опыта в таких делах у работников этих управлений было явно недостаточно, ведь требовалось быстро «пропустить» поток в несколько тысяч подлежащих расстрелу. Вообще-то на вопрос о выборе мест расстрела мог бы детально ответить Петр Сопруненко — бывший начальник Управления по делам военнопленных НКВД, к началу 1990-х гг. живший в Москве незаметным пенсионером, но его об этом не спрашивали.

Первый допрос Петра Сопруненко, состоявшийся 25 октября 1990 г., был малорезультативен[3]. Понимая, что следователи прокуратуры еще недостаточно хо-

---

[1] Там же. С. 99.

[2] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 580.

[3] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 423–431.

рошо ориентируются в предмете, не осведомлены о том, кто и как принимал решение о судьбе польских военнопленных, как исполнялось это решение, — он уходил от ответов, ссылался на плохую память, отрицая свою руководящую роль в «разгрузке» лагерей. Вначале ему задавались вопросы общего плана: о его карьере, о создании и структуре Управления по делам военнопленных НКВД, об организации лагерей и расследовании дел польских военнопленных в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях, но когда вопросы дошли до истории отправки военнопленных трех лагерей в апреле — мае 1940 г. в УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей, Сопруненко тут же «вспомнил», что его в это время направили на долгий срок в Выборг, вести переговоры по итогам финской войны. Так что: не был, не видел, ничего не решал. И вообще все дела вел в это время его заместитель — Иван Хохлов, давно уже умерший. На ряд вопросов Сопруненко просто не дал ответа.

После того как бывший начальник УНКВД по Калининской области Дмитрий Токарев открыл глаза следственной группе на механизм реализации решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. в части расстрелов польских военнопленных Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей, новый допрос Сопруненко, состоявшийся 29 апреля 1991 г., стал более результативным. Теперь ему продемонстрировали видеозапись показаний Токарева с рассказом о его — Сопруненко — роли, и отпираться стало бесполезно. Постепенно бывший начальник Управления по делам военнопленных НКВД разговорился.

Сопруненко признал, что был на совещании у Богдана Кобулова в марте 1940 г., и там его ознакомили с решением Политбюро ЦК ВКП(б), под которым стояла подпись Сталина. Как выразился Сопруненко: «Мне стало плохо», когда узнал о масштабах предстоящей расправы. На допросе в 1991 г. он почему-то никак не мог вспомнить фамилию ответственного за «раз-

грузку» Козельского лагеря. Напрягая память, сказал: «...старикашка, забыл фамилию, полковник», наконец вспомнил: Степанов, был у Кривенко «на побегушках, на подхвате»[1].

Вот что за полковник НКВД распоряжался на станции Гнездово при разгрузке прибывавших из Козельска эшелонов с военнопленными поляками. По воспоминаниям Станислава Свяневича, в конце марта 1940 г. в Козельском лагере появился «полковник НКВД огромного роста с красным мясистым лицом»[2]. А потом, через месяц, именно его Свяневич увидел на станции Гнездово, как он надзирал за этапом военнопленных, когда их перевозили в Катынский лес[3]. Это был отвечавший за «разгрузку» Козельского лагеря Иван Степанов.

Одного взгляда на фотографию достаточно, чтобы убедиться в точности описания его внешности. Интересно, отчего Сопруненко назвал его весьма пренебрежительно: «старикашка»? Ну возраст — понятно. Степанов был много старше остальных. Но странно это уменьшительное прозвище, не вяжущееся с ростом и внушительностью его фигуры.

Степанов родился в семье крестьянина-середняка в 1890 г. Для людей его социального слоя получил неплохое образование, учился до 17 лет и окончил земскую школу. Работал на вполне приличной работе — практикантом сельскохозяйственной школы, инструктором полеводства. Не батрак, не поденщик, а почти сельская интеллигенция. С началом войны был призван в армию, и здесь делал карьеру: с июля 1915 г. — юнкер в школе прапорщиков, потом командовал взводом и ротой, был серьезно ранен на Северо-Западном фронте.

Революция застала Степанова на должности заведующего хозяйственной частью полка в чине пору-

---

[1] Архив НИПЦ «Мемориал». Фонограмма допроса П.К. Сопруненко от 29 апреля 1991 г., 48-я минута записи.

[2] Swianiewicz S. W cieniu Katynia. S. 106.

[3] Там же. S. 111.

чика. Старая армия распалась, и в апреле 1918 г. он вернулся в родное село работать в хозяйстве отца. Однако с июня 1918 г. он уже на службе в Красной армии: сначала в волостном военкомате, затем растет от делопроизводителя до начальника отделения связи военно-полевого строительства. С 1922 г. начинается его служба в войсках ГПУ — ОГПУ, где он делает карьеру в конвойных войсках. С 1932 г. он уже в Москве, на руководящих должностях.

Для новой власти Иван Степанов не до конца «свой». Он, даже будучи на руководящей работе в войсках ОГПУ — НКВД, довольно поздно был принят в партию. Пришлось семь с половиной лет, с августа 1931 г., ходить в кандидатах в члены ВКП(б). Столь долгий кандидатский срок требовался для выходцев из непролетарских слоев населения. Степанову, бывшему офицеру царской армии, оставалось ревностно служить, чтобы постоянно доказывать свою преданность и верность и новой власти, и своему ведомству. В 1940 г. ему доверили ответственное дело по отправке польских военнопленных из Козельского лагеря на расстрел. Справился, был награжден. В войну за сугубо карательные акции был отмечен фронтовыми орденами: за выселение крымских татар, болгар, греков и армян из Крыма (орденом Отечественной войны II степени — 7 июля 1944); за работу в оперативных группах НКВД в полосе действий фронтов в Польше и Германии, занимавшихся арестами немцев и отправкой на принудительные работы в СССР (орденом Отечественной войны I степени — 21 апреля 1945). Он все время находился в системе конвойных войск, хотя по службе почти не рос. Был уволен в отставку 2 января 1947 г. по болезни с должности заместителя начальника Оперативного отдела Управления конвойных войск МВД СССР. Умер в 1953 г. в Москве. Многие его коллеги после войны перешли на службу в невероятно разросшуюся систему лагерей для военнопленных — там были и резерв для роста, и широкие возможности, но были и свои подводные камни.

Начальник Степанова — Михаил Кривенко, дослужившись до генеральских высот, оказался вполне типичным повелителем лагерного хозяйства. Распоряжался с легкостью всем, что было под рукой, не связывая себя ни нормами морали, ни статьями законов. В конце концов дело о нем дошло до ЦК ВКП(б). Для секретаря ЦК Алексея Кузнецова была подготовлена объемная записка Управления кадров ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1947 г. «О результатах проверки работы с кадрами в Министерстве внутренних дел СССР». В ней, в частности, говорилось, что начальник Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД Кривенко и его заместители, «прикрываясь своим служебным положением, изготовляли бесплатно в Красногорском лагере для военнопленных дорогостоящую мебель, незаконно присваивали трофейное имущество»[1]. Кривенко использовал военнопленных на строительстве личной дачи, ну и классика жанра: «Тов. Кривенко ведет себя недостойно в быту, сожительствует с подчиненными ему сотрудницами, за что привлечен к партийной ответственности, но по служебной линии до сих пор выводов о нем не сделано»[2]. Результатом записки стали организационные выводы. Уже 5 апреля 1947 г. секретарю ЦК Кузнецову доложили, что Кривенко снят с должности начальника ГУПВИ[3].

Станиславу Свяневичу запомнился еще один человек, который присутствовал на станции Гнездово и находился рядом с черным автофургоном, — «капитан НКВД, пожилой человек, вероятно, сильно за пятьдесят лет»[4]. Потом он же и доставил Свяневича на «черном вороне» в Смоленск, в тюрьму. Это был начальник внутренней тюрьмы УНКВД по Смоленской области Иван Стельмах, имевший звание лейтенанта госбезо-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1505. Л. 18.
[2] Там же. Л. 19.
[3] Там же. Л. 59.
[4] Swianiewicz S. W cieniu Katynia. S. 113.

пасности, — одна шпала в петлицах, как у армейского капитана. Однако не только ради Свяневича Стельмах появился в Гнездово. Станция стала перевалочным пунктом, где конвойные войска сдавали военнопленных представителям тюрьмы УНКВД по Смоленской области — вахтерам и надзирателям, участвовавшим в расстрелах, и отвечал за прием Стельмах. Поэтому-то Свяневичу пришлось ожидать, пока Стельмах примет весь прибывший «контингент» и только потом заберет его с собой во внутреннюю тюрьму УНКВД в Смоленске, а в Гнездово Стельмах постоянно приглядывал за работой своих подчиненных.

Не стоял в стороне от дела и начальник УНКВД по Смоленской области Емельян Куприянов. По свидетельству его персонального водителя Ивана Титкова, он «весной 1940 года возил Куприянова в Гнездово, сам оставался в машине, а Куприянов выходил, наблюдал за разгрузкой эшелона, разговаривал с конвойными»[1]. Конечно, роль Куприянова в Смоленске была схожей с ролью Токарева в Калинине — ассистировать прибывшим из Москвы представителям, и он так же, как и Токарев, не был награжден в составе лиц, принимавших участие в расстрелах. Вот его заместитель Федор Ильин и помощник Владимир Зубцов, те были награждены как непосредственные участники.

Заместитель начальника УНКВД по Смоленской области Федор Ильин даже не стеснялся писать об этом в своей автобиографии: «В 1940 г. за образцовое выполнение спецзадания наркомом НКВД СССР вознагражден деньгами»[2]. Другие награжденные этим почему-то не хвастались. Там же Ильин пишет: «В декабре 1943 г., январе, феврале 1944 г. находился по распоряжению наркома НКГБ в спецкомандировке, г. Смоленск, а потом в Чечено-Ингушской АССР»[3],

---

[1] Абаринов В. Катынский лабиринт. С. 39.
[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 210011.
[3] Там же.

и это уже интереснее. Про Чечено-Ингушетию ясно: там он в феврале 1944 г. участвовал в тотальном сталинском выселении чеченцев и ингушей и медаль «За отвагу» за это получил указом от 8 марта 1944 г., а что он делал в Смоленске — легко догадаться: вместе с большой группой работников НКГБ заметал следы катынского преступления. Кто, как не Ильин — непосредственный участник расстрельной акции, — мог знать все детали, указать, где, как и что надо прятать, кого из очевидцев и бывших сотрудников как следует припугнуть, а кому и вовсе заткнуть рот, упрятав в тюрьму.

Относительно того, что происходило непосредственно на месте расстрела, оставил свидетельство сотрудник УНКВД по Смоленской области Петр Климов[1]. Он прекрасно знал тех, кто участвовал в расстрелах польских офицеров в Катыни, но, видно, к делу имел отношение «по касательной», так как не был награжден приказом НКВД от 26 октября 1940 г. Вот его рассказ, записанный 29 августа 1990 г.: «Польских военнослужащих расстреливали в 1940 году и в Козьих Горах. Расстреливала их команда Стельмаха Ивана Ивановича. Он был комендантом Смоленского НКВД. Я сам был в Козьих Горах, случайно видел: ров был большой, он тянулся до самого болотца, и в этом рву лежали штабелями присыпанные землей поляки, которых расстреляли прямо во рву. Это я знаю, потому что сам видел трупы (присыпанные землей) поляков. Обстоятельства расстрела мне рассказывал Устинов: он был шофер, возил поляков на расстрел и видел, как он сам говорил, расстрел. Из машин их выгружали прямо в ров и стреляли, а кого добивали и

[1] Климов Петр Федорович родился в 1910 г. в деревне Тесниково Вяземского района. Длительное время был на хозяйственной работе в УНКВД — УМГБ по Смоленской области. В 1952 г. работал заведующим складом Автотехнического отдела АХО УМГБ в звании сержанта. Конечно, в 1990 г. он уже не мог вспомнить фамилии большинства участников расстрела польских военнопленных.

штыками. Ограждение места расстрела было такое — двойная колючая проволока. Поляков в этом рву, когда я посмотрел, было много, они лежали в ряд, а ров был метров сто длиной, а глубина была 2—3 метра. После того как я посмотрел на расстрелянных поляков, меня сразу выпроводили и сказали, чтобы я больше не подходил. Тогда и после войны меня неоднократно Стельмах, Рейсон, Гвоздовский и Грибов предупреждали, чтобы я молчал»[1].

Все это Климов вспоминал много лет спустя, и в чем-то память его подвела. Во-первых, Стельмах к тому времени был уже начальником внутренней тюрьмы, а не комендантом; во-вторых, упоминаемые Климовым Устинов и Рейнсон не были награждены в 1940 г. как участники расстрела польских военнопленных. Рейнсон Карл Петрович служил в УНКВД в Смоленске лишь до марта 1938 г., когда его как латыша уволили, но не арестовали, как это бывало. Он устроился здесь же, в Смоленске, помощником директора кооперативного техникума, но связь с бывшими сослуживцами не порывал. Скорее всего, в памяти Климова участие Рейнсона в расстрелах времен Большого террора наложилось на события 1940 г. Климов уточнил: «Устинов, Грибов мне говорили, что польских офицеров расстреливали Стельмах, сам Грибов, Гвоздовский, Рейсон Карл. Они были самые заправилы при расстрелах, других не помню»[2], и тут же указал на характерную деталь: «Еще хочу добавить, что тем, кто стрелял людей, и тем, кто возил, давали спирт и закуску бесплатно. Они еще, помню, после расстрела мыли руки спиртом. Я тоже протирал руки спиртом, после того как смывал кровь. Спирт хранился у меня в подвале, а закуску брали в столовой (колбаса, осетрина и др. продукты)»[3].

---

[1] Жаворонков Г. О чем молчал Катынский лес, когда говорил академик Андрей Сахаров. М., 2006. С. 110.

[2] Там же. С. 111.

[3] Там же.

Петр Климов вспомнил также еще одного участника расстрелов польских офицеров: «Еще возил расстрелянных Зиновьев (ему сейчас под 70 и уехал в Симферополь)»[1], и это подтверждается полностью. Действительно, шофер УНКВД по Смоленской области Николай Зиновьев был награжден приказом от 26 октября 1940 г. и в 1945 г. был переведен вместе с начальником УНКГБ по Смоленской области[2] в Новосибирск, а в 1948 г. — в УМГБ по Крымской области, где и остался. Правда, Климов не знал, что Зиновьева уже 20 лет нет в живых: он умер в Крыму в 1970 г.

Расстрелы в Катынском лесу, у заранее вырытого рва, происходили днем. Также для расстрела использовался подвал «дачи НКВД», расположенной там же, в лесу, где расстрелы могли производиться и в темное время суток. Дмитрий Токарев, у которого расстрелы в Калинине проходили строго в подвале УНКВД, говорил на допросе с изумлением о смоленской практике: «Мне рассказывали, в Смоленске поступили глупее несколько. Там начали расстреливать на месте захоронения. И вот это послужило сигналом, с этого началось... Там один убежал, пытался убежать, кричал, люди слышали»[3].

Относительно методики расстрелов, которые осуществлялись в самом здании УНКВД в Смоленске, то она была схожей с той, что была в Калинине. Так же тела казненных выносили во внутренний двор здания и отправляли на машинах к месту захоронения. По описанию Петра Климова, «...трупы расстрелянных из подвала НКВД выносили на носилках. Выносили трупы обычно шоферы. Подвал, где расстреливали, находился под зданием нынешнего УВД Смоленской обл. на улице Дзержинского (третье окно)»[4].

Их было много, награжденных надзирателей и шоферов Смоленского УНКВД. Изучая их биографи-

---

[1] Там же.

[2] Начальником УНКВД — УНКГБ по Смоленской области с 1941 г. был Кондаков Петр Павлович.

[3] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 467.

[4] Жаворонков Г. О чем молчал Катынский лес... С. 109.

ческие справки, можно сделать немало интересных наблюдений. Большинство имело крестьянское происхождение — 70 % (из них 17 % — из крестьян-середняков); из рабочих — 24 % и из представителей других слоев — 6 % (из семей официанта и почтальона). Конечно, данная выборка весьма мала для того, чтобы делать серьезные обобщения и пытаться определить социальное происхождение как фактор, существенно влиявший на выбор места службы и дальнейшую судьбу.

Тем не менее обстоятельства детства и отрочества тоже играли свою роль. Некоторые рано потеряли отцов или вовсе росли сиротами (в детском доме воспитывался Владимир Соловьев — будущий шофер УНКВД по Смоленской области). Однако значительная часть будущих участников катынского расстрела все же не были изначально люмпенами, а имели крепкую крестьянскую закваску. Что же произошло, в чем были причины социального сбоя, что заставило большинство из них пополнить ряды смоленских безработных или перебиваться случайными заработками?

Большевистская революция 1917 г. ударила по крестьянству поборами и продовольственной разверсткой, но это был только первый этап. После относительно спокойного периода крестьянской жизни в годы новой экономической политики — новый тяжелейший удар, после которого крестьянству уже не суждено подняться. Коллективизация и раскулачивание, массовая высылка зажиточных крестьян и жестокие репрессии против всех несогласных — это прослеживается и в биографиях. Многие после службы в Красной армии не возвратились в деревню. Да и куда: в колхоз, что ли?

Возможно, для кого-то не только экономические и политические, но и личностные факторы сыграли свою роль. Скажем, особый склад характера, выразившийся в бунте против родителей. Как следствие, разрыв с семьей и с традиционным крестьянским ук-

ладом и устоями. В результате — уход в город, люмпенизация, биржа труда, неквалифицированный труд.

У ряда шоферов, надзирателей и вахтеров комендатуры Смоленского УНКВД жизненные перипетии середины 1920-х гг. как будто списаны под копирку. Интересная закономерность в том, откуда они рекрутировались в ОГПУ. Кадровый резерв — грузчики и шоферы городского транспорта. Здесь работали шоферами Михаил Григорьев, Игнатий Комаровский, Владимир Соловьев, и там же грузчиками — братья Владимир и Николай Костюченко, чернорабочим — Иван Чужайкин. Первым на работу шофером в ПП ОГПУ по Западной области (Смоленск) в августе 1929 г. устроился Игнатий Комаровский. Вероятно, он и перетащил постепенно туда своих бывших сослуживцев. Они знали друг друга, отсюда — особая спаянность и круговая порука, еще более усилившиеся в условиях закрытого коллектива ОГПУ.

У некоторых из них было асоциальное прошлое. Например, Николай Костюченко — долгое время безработный, потом грузчик товарной станции Смоленск — пару месяцев просидел под арестом в исправительно-трудовом доме. Интересно, что он натворил? На станцию его устроил более образованный и удачливый старший брат — Владимир Костюченко, но на работу шофером в ОГПУ в Смоленске сначала приняли Николая, а Владимир пришел туда вслед за ним, после учебы в вузе.

Так выясняется алгоритм общей судьбы, своего рода коллективный портрет. Грузчик, шофер, истопник-комендант. На службе в госбезопасности формируется психология охранника. Государственное довольствие, красивая форменная одежда. Хоть маленькая, но власть над людьми. Не надо думать и не надо ничего делать. Только сидеть на вахте. Конечно, скучно. А по ночам тайное и щекочущее нервы занятие — участие в расстрелах. Это неимоверно укрепляет самооценку, дает осознание тайного могущества: не такие уж мы никчемные и малозаметные!

Трудно сказать, как после столь массовой экзекуции чувствовали себя ее участники. Испытывали ли тяжелые душевные муки? Дочь Петра Карцева рассказала, что ее отец, служивший дежурным помощником коменданта, «остро переживал свою вину в массовой гибели польских офицеров. На дачах УКГБ в Катынском лесу отец показал место захоронения расстрелянных польских офицеров, лег на него и долго плакал»[1]. 18 января 1948 г. Карцев покончил с собой. Для смоленских расстрельщиков это, пожалуй, единственный известный пример трагичного исхода. Большинство жило вполне благополучно.

Некоторые не вернулись с войны. Пали на поле боя Малах Журавлев и Лазарь Тиваненко. Пропали без вести Владимир Зубцов, Александр Ковалев, Семен Лазаренко. Судьба ряда участников расстрела из Смоленского УНКВД сложилась более трагично, чем у калининских. Может, наиболее совестливые даже искали смерти...

Бывший заместитель начальника Смоленского УНКВД Федор Ильин безвременно умер в марте 1947 г., в должности заместителя начальника УМГБ по Кировоградской области УССР. Из тех, кто умер до срока, можно выделить не дожившего до 50 лет Николая Богданова и не доживших до 60 лет Михаила Григорьева и Василия Моисеенкова. Судьба начальника гаража УНКВД по Смоленской области Михаила Григорьева могла сложиться еще хуже. Он был привлечен к уголовной ответственности в июне 1941 г. за превышение власти по ст. 193, п. 17 «б», приговорен к расстрелу, но, на его счастье, в связи с войной была введена норма закона, по которой приговор заменили 10 годами лишения свободы с отправкой на фронт в действующую армию. Воевал и выжил. Вернулся в Смоленск после войны и вновь стал начальником гаража в УНКГБ.

---

[1] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 362.

После службы в органах НКВД — КГБ многие по привычке шли в сторожа и охранники. Ничего другого ведь и не умели. В ведомственной охране РОВД Промышленного района (в разные годы) работали Григорий Макаренков и Иван Сильченков, а в Заднепровском райотделе — Афанасий Моисеенков; сторожем автобазы — Тихон Гавриленков. Ныне сторож, а чаще охранник — одна из популярнейших профессий для не имеющих хорошей трудовой специальности мужчин, своего рода жизненное депо. Это особый тип сознания, особый тип личности. Рост этого социального слоя в сегодняшнем российском обществе — тревожный сигнал.

Как и в Калинине, смоленские отставники жили неподалеку друг от друга, хранили профессиональную спайку, и объединяла их улица с многоговорящим названием. Здесь, в Смоленске, на улице Дзержинского, в доме 13, располагалось УНКВД. На этой же улице в 1950—1960-х гг., в доме 2, жили Василий Моисеенков, Прохор Прудников и Владимир Соловьев; в доме 4 — Николай Гвоздовский; в доме 19 — Михаил Соловьев; в доме 21 — Григорий Зюськин; в доме 28 — Иван Стельмах, а на улице Большая Советская, в доме 20/3, — Иосиф Грибов и Иван Иванов.

Отдельного разговора заслуживает объект — «дача НКВД», расположенная недалеко от места массового захоронения в Катынском лесу. По некоторым данным, там, в подвалах, тоже расстреливали. Однако на даче и отдыхали, и не только чекисты. Места вокруг живописные. Санаторий Козьи Горы, например, скорее всего, относился к чекистскому ведомству. Как рассказал Петр Климов: «...в то время, когда был расстрел поляков, и после здесь, в Смоленске, в Козьих Горах, бывали Каганович Л.М., Шверник, еще помню, глушили на Днепре рыбу», а также «отдыхал в Козьих Горах еще Ворошилов К.Е.»[1]. Каганович и Ворошилов — члены Политбюро, санкционировавшие вслед

[1] Жаворонков Г. О чем молчал Катынский лес... С. 111.

за Сталиным массовый расстрел польских граждан. Интересно, почему их тянуло именно туда?

Наверное, это вовсе не писательская выдумка, будто преступников тянет на место преступления. Один из участников — Михаил Соловьев — в 1951 г. жил непосредственно в санатории Козьи Горы и лишь позднее перебрался в дом 19 по улице Дзержинского в Смоленске. Он был награжден высшими наградами: орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, но, надо сказать, никаких особых подвигов не совершал. Его заслуга только в том, что он на своей маленькой должности просто верно служил много лет.

Обращает на себя внимание перечень наград, которых были удостоены малозаметные надзиратели и шоферы управлений НКВД в Смоленске, Калинине и Харькове: ордена Ленина и Красного Знамени — высшие награды страны! Однако здесь нет никакого секрета и дело вполне обычное. До войны обладателей таких наград было немного, но в 1944 г. Сталин ввел порядок, согласно которому высшими орденами стали награждать за выслугу лет, то есть автоматически. За 15 лет выслуги — орден Красной Звезды, за 20 — орден Красного Знамени, а за 25 — орден Ленина[1]. Ветеранов в системе госбезопасности, несмотря на предвоенные чистки, оставалось немало, причем чаще на низовых должностях, и награды посыпались как из рога изобилия. Рядовые тюремщики, прослужившие в тюрьмах два с лишним десятка лет, шоферы и прочий мелкий персонал — все были отмечены... Только служи, и раз в 5 лет тебе будет награда!

Эта внешне строго упорядоченная система награждения за выслугу лет может служить индикато-

---

[1] По достижении стажа выслуги в 30, 35 и каждые последующие 5 лет следовало награждение вновь орденом Красного Знамени (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня и 2 октября 1944 г. // Указы Президиума Верховного Совета СССР с 1 апреля 1944 по 1 января 1945. М., 1945. С. 18—19, 81).

ром успешности прохождения службы. При наличии существенных служебных прегрешений награждение задерживали. Бывший начальник Козельского лагеря Василий Королев, например, по каким-то причинам не получил в 1950—1951 гг. орден Ленина, положенный ему за 25 лет выслуги. Он не получил его вообще, хотя прослужил в системе внутренних дел 28 календарных лет. В звании после войны он не рос, а в 1948 г. его отправили на службу в Береговой особый лагерь в Магадан, откуда он вернулся в Москву лишь в 1952 г. и в октябре 1953 г. уволился на пенсию с незначительной должности начальника лагерного отделения Управления Строительства Особого района в Московской области. Можно не сомневаться, определенно что-то случилось, какие-то служебные нарушения он допустил, когда работал начальником 13-го отделения лагеря для военнопленных в Новогорске.

Начальники лагерей отдавали себе отчет в том, что будет с польскими военнопленными, отконвоированными в распоряжение УНКВД. Получали поступающие из Москвы предписания на отправку, видели нарастающий итог. Из Козельского лагеря отправили свыше 4 тысяч. Начальник лагеря Василий Королев прекрасно знал, видел, что их отправляли на смерть, но не пропустил этот факт через свое сознание, абстрагировался. Его жизнь только начиналась — с молодой женой Галиной, которая была младше его на 16 лет. В 1941 г. у них родился сын, в 1943 г. — второй сын, а в 1945 г. жена порадовала дочкой. Королев прожил долгую жизнь и умер в Москве в сентябре 1983 г.

Из награжденных в 1940 г. участников катынского расстрела кое-кто дожил до начала прокурорского расследования. Прежде всего — бывший надзиратель Григорий Зюськин, благополучно живший в Смоленске и умерший лишь 16 июня 1994 г. Можно полагать, что были живы и еще трое — фельдъегерь Иван Иванов, шофер Андрей Сюрин, дежурный комендатуры

Иван Фроленков, — их партийные документы по состоянию на 1991 г. не значатся погашенными. Однако, как и в Калинине, руководители управления КГБ саботировали расследование и чинили препятствия в поиске свидетелей.

Бывший начальник УКГБ по Смоленской области генерал-майор Анатолий Шиверских с неприязнью пишет в мемуарах о сотруднике управления Олеге Закирове, оказавшем помощь журналисту Геннадию Жаворонкову: «Тем временем с Жаворонковым установил контакт один из сотрудников КГБ — переведенный из Ташкента "вечно недовольный" узбек Закиров О.З., который занимался пересмотром архивных дел по репрессированным. Материалов по Катыни Закиров не нашел и стал помогать журналисту выявлять очевидцев тех событий. Ясность в итоге они не внесли, а шуму наделали много. За эти заслуги Закиров отправил в Польшу учиться свою дочь, сам он, Жаворонков и два Яковлевых[1] получили награды Польши»[2].

Логика КГБ: помогать журналисту в поиске сотрудников, участвовавших в расстреле, — предосудительно. Это как будто нарушение корпоративной чекистской этики. Подобное обособление чекистов в закрытую касту со своими собственными представлениями о том, что хорошо, а что плохо, вполне укладывается в постулаты марксизма. Ну как тут не вспомнить знаменитую фразу Энгельса: «Каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль».

На Закирова посыпались обвинения. Как пишет Геннадий Жаворонков: «Майор Закиров, отыскавший Климова через живых ветеранов НКВД, был исключен из партии и представлен к увольнению из

---

[1] Речь о главном редакторе газеты «Московские новости» Егоре Яковлеве и бывшем члене Политбюро, а затем президенте Международного фонда «Демократия» Александре Яковлеве.

[2] Шиверских А.И. Разрушение великой страны. Записки генерала КГБ. Смоленск, 2005. С. 146.

органов КГБ. Так оценено его стремление к истине»[1]. Руководителям Смоленского КГБ удалось укрыть от взоров прокуратуры Григория Зюськина и других участников расстрела в Катыни, еще живших в Смоленске.

Расстрелянных узников Козельского лагеря принято называть офицерами, но это не совсем точно, ведь большинство из них призваны в начале войны из запаса. Среди них: «21 профессор высших учебных заведений, более трехсот врачей, военных и гражданских, более ста литераторов и журналистов, много юристов, инженеров и учителей, а также около десяти капелланов и один штатский священник»[2].

По данным расследования «Катынского дела», расстрелы в Смоленске (Катыни) шли с 3 апреля до 12—14 мая 1940 г.[3] Согласно записке Шелепина от 3 марта 1959 г., было вынесено 4421 решение тройки о расстреле польских военнопленных, содержавшихся в Козельском лагере[4]. В УНКВД по Смоленской области отправлено из лагеря 4403 человека[5]. В то же время, согласно сводке (не ранее 19 мая 1940), в Козельский лагерь было дано нарядов на отправку в УНКВД на 4419 человек[6].

Превышение нарядов на отправку над числом отправленных в УНКВД по Смоленской области на 16 человек объясняется следующим: из включенных в списки-предписания 2 человека были включены ошибочно, на 4 дважды выписывалось предписание, 3 были отправлены в Смоленское УНКВД ранее, 1 умер, 2 находились в психиатрической больнице, 2 чело-

---

[1] Жаворонков Г. О чем молчал Катынский лес... С. 112.

[2] Абаринов В. Катынский лабиринт. С. 28.

[3] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 293—296.

[4] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 601.

[5] Там же. С. 591. В документе карандашом сделана приписка «+1», что означает общее число отправленных в УНКВД — 4404. Как установил Александр Гурьянов — это Игнатий Журовский, на которого 19 мая 1940 г. из Москвы было направлено индивидуальное предписание.

[6] Там же.

века были задержаны по заданию 5-го отдела ГУГБ, 1 отправлен в распоряжение 2-го отдела ГУГБ, 1 задержан по письму НКИД[1]. В то же время УНКВД по Смоленской области 20 апреля 1940 г. самостоятельно (не через лагерь) оформило на тройку 7 дел польских военнопленных, которые содержались в Смоленской тюрьме[2].

Так сколько же человек было расстреляно в Смоленске (Катыни) в апреле — мае 1940 г.? Согласно недавно опубликованным уточненным данным, там было расстреляно 4415 человек, установленных поименно[3].

---

[1] Там же. С. 591—592.

[2] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 210.

[3] Zabici w Katyniu: Alfabetyczny spis 4415 jeńcyw polskich z Kozielska zabitych w kwietniu — maju 1940, według źrydeł sowieckich, polskich i niemieckich / Oprac. A. Gurjanow, A. Dzienkiewicz. Warszawa, 2013. S. 11—91; см. также полный поименный список: Убиты в Катыни. Книга Памяти польских военнопленных — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. М., 2015.

Глава 4

КОМЕНДАНТ КУПРИЙ

Народный суд Киевского района города Полтавы 26 сентября 1959 г. рассматривал вполне заурядное и даже типичное для советской эпохи дело. Проворовался директор базы. Конечно, база есть база, — всегда есть, что украсть. Дело-то обычное, вот только на скамье подсудимых оказался весьма непростой человек. В свои 50 с небольшим лет он сохранял быструю реакцию и умение защищаться. Живой, подвижный взгляд и начальственные нотки в голосе выдавали его многолетнюю привычку командовать и подчинять себе людей, но собравшаяся в зале суда публика вряд ли знала, какое на самом деле жуткое прошлое у подсудимого и сколько кровавых эпизодов в его деятельности. В каком-то смысле его можно было бы назвать серийным убийцей. Вот только убийства им совершались по воле государства и в русле советского государственного террора. Бывшего коменданта УНКВД по Харьковской области Тимофея Куприя, а на скамье подсудимых был именно он, судили не за убийства, а за банальные растрату и воровство.

Суд установил, что Куприй, будучи начальником базы «Маслоснаба», продавал «налево» кирпич и продукты, оформлял на подставных лиц фиктивные наряды на якобы выполненную работу. Уж как сумел Куприй произвести впечатление на суд — неясно. Приговор был мягкий: два года условно с взысканием суммы нанесенного ущерба в размере 3526 рублей[1].

[1] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 18. Д. 9543. Т. 2. Л. 338.

Хрущевская эпоха вообще отличалась от сталинской большей гуманностью. При Сталине за аналогичное меньше 7 лет лагерей не дали бы, а тут... Правда, приговор был тут же опротестован прокурором как слишком мягкий и решением Полтавского областного суда от 2 декабря 1959 г. отменен, дело направили на новое рассмотрение в суд, а Куприя даже взяли под стражу. Однако нашлись заступники в Киеве: прокурор УССР внес протест на решение Полтавского областного суда, и 19 января 1960 г. Верховный суд УССР отменил определение Полтавского областного суда и оставил в силе приговор районного народного суда, по которому Куприю назначалось прежнее условное наказание[1].

В общем, обошлось. Куприй оказался на свободе, но без партбилета в кармане. В октябре 1959 г. его исключили из рядов КПСС. С тех пор, сколько бы он ни писал жалоб и писем с просьбой о восстановлении в партии, — ничего не помогало. Писал в Москву Хрущеву. Писал лично новому 1-му секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу 10 ноября 1964 г. В этом письме Куприй напоминал, что он в партии с 1930 г., обвинения против него надуманы, просто его оболгали подчиненные за то, что был с ними строг и требователен, и за всей интригой против него, как уверял Куприй, стоят работники Полтавского обкома партии. О себе Куприй сообщал, что «происходит из батраков», прослужил 20 лет «в звании старшего офицера, уклонов или шатаний от генеральной линии партии не было»[2]. Не разжалобил. Брежнев не откликнулся. В 1966 г. он написал еще одно письмо и отправил XXIII съезду КПСС. Это заявление спустили в Полтавский обком, где на заседании 6 мая 1966 г. ему вновь отказали. В партии его так и не восстановили, и никому не было дела до его «великих заслуг» в 1940 г., а сам он об этом благоразумно помалкивал. Больше Куприй

---

[1] Там же.

[2] Там же. Л. 292—293.

никуда не писал и ничего не добивался, вел жизнь скромного пенсионера в Полтаве, где и умер от гипертонической болезни 3 степени 10 декабря 1981 г.

Интересно, как он дошел до жизни такой. Ведь в прошлом — чекист, человек «особой профессии». Как там у Дзержинского: «Холодная голова, горячее сердце и чистые руки». Однако это все в теории, а она, как известно, суха, жизнь и многообразнее, и богаче. Поведение Куприя и его стиль жизни были нетипичными для бывших комендантов, привыкших к ночным расстрелам. Им были свойственны замкнутость, мрачность и, конечно же, пьянство как способ заглушить кошмарные видения прошлого. Куприй тоже пил, но пил не где-то там втихую дома, прячась от людских взглядов. 18 июня 1958 г. райком партии вынес ему выговор с занесением в учетную карточку «за пьянку в рабочее время, грубость и оскорбление рабочих базы»[1]. На следующий день его сняли с директорского поста, но и после снятия с должности директора Куприй неоднократно приходил на базу, требовал выплаты денег по фиктивному больничному листу, угрожал рабочим, запугивал их и «оскорблял нецензурными словами» нового директора и бухгалтера[2]. Ну, а дальше — суд...

Однако это был не первый суд в его жизни и не первое обвинение в хищениях. Тут, оказывается, у него был стаж! В октябре 1941 г. немецкие войска вошли в Харьков. Накануне шла спешная эвакуация советских учреждений. Комендант УНКВД по Харьковской области Куприй взорвал подвал здания управления — именно там находилась комната, в которой обычно расстреливали приговоренных к смерти. Какие следы прятал в суматохе эвакуации Куприй, до конца не ясно. Работники Харьковского УНКВД во главе с начальником управления Петром Сафоновым перебрались временно в город Купянск, затем

---

[1] Там же. Л. 240.

[2] Там же. Л. 339—340.

все дальше на восток, пока не осели в Саратове. По дороге убывал состав управления, людей отправляли в армию, откомандировывали в другие подразделения НКВД. При начальнике неизменно оставались: его заместитель, начальник секретариата, работники бухгалтерии, финансовой части и, конечно, комендант Куприй. Управление кочевало, надо было как-то жить, снабжать себя, — в общем, нелегкие тыловые будни.

Непонятно, как и с чьей помощью вышло наружу, но стало известно, что начальство Харьковского УНКВД проворовалось. Как выяснилось, начальник управления Петр Сафонов, его заместитель Иван Кейс, комендант Тимофей Куприй, начальник секретариата Николай Лелюк и два работника Финансового отдела «путем составления фиктивных документов занимались расхищением государственных денежных средств»[1]. С октября 1941 по август 1942 г. Сафонов, Кейс и Куприй «присвоили и растратили около 76 тысяч рублей из средств, предназначенных для специальных целей комендатуры»[2]. Можно догадаться, что это за «специальные цели». Обычно после проведения расстрелов их участники устраивали выпивку и стол, и им выплачивались дополнительные деньги — так называемые «оперативные»[3]. Однако пока управление находилось в бегах, казни не осуществлялись. Соответственно, Куприй «составлял фиктивные расходные документы», получал деньги и передавал их частично начальству, а частично оставлял для питания в период эвакуации. Мало того, как выяснилось, Сафонов, «нарушая инструкции и приказы НКВД СССР, незаконно хранил у себя, а впоследствии безучетно расходовал золото, изъятое у арестованных»[4].

---

[1] Там же. Т. 1. Л. 147.

[2] Там же.

[3] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 362.

[4] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 18. Д. 9543. Т. 1. Л. 147.

Приговор был вынесен 10 июня 1943 г. военным трибуналом войск НКВД Приволжского округа. Петр Сафонов, Иван Кейс и Тимофей Куприй были приговорены к 8 годам, а заместитель начальника Финансового отдела Михаил Козлов — к 5 годам лагерей. При этом суд счел возможным исполнение приговора отсрочить до окончания военных действий и направить осужденных в действующую армию. Двое других подсудимых — начальник секретариата УНКВД Николай Лелюк и начальник Финансового отдела Марк Бунцер — судом были оправданы за недоказанностью их вины[1]. Так Сафонов и Куприй попали на фронт. Правда, ни тот, ни другой на фронте не задержались, но важно другое: судимость им простили. Когда в 1959 г. Куприя вновь судили за хищения, стали искать документы об освобождении его от наказания 1943 г. и снятии с него судимости, но так их и не нашли[2].

Сафонов пробыл на Брянском фронте простым оперативным работником опергруппы СМЕРШ лишь до сентября 1943 г., а затем устроился заместителем директора электромеханического завода в Харькове. Куприя отправили на Брянский фронт командовать батальоном Отдела контрразведки СМЕРШ, но уже в ноябре 1943 г. он стал начальником Комендантского отдела НКГБ Украины в Киеве. В январе 1944 г. его вновь отправили в Красную армию, на этот раз на курсы усовершенствования командного состава, затем на курсы военных комендантов городов. Высокое доверие! Ему предстояло возглавить военные комендатуры в городах, освобожденных Красной армией. В общем-то, работа совсем не по его профилю.

В декабре 1944 г. Куприй с войсками 1-го Украинского фронта попал в Польшу. Служил до февраля 1947 г. военным комендантом, представителем Военного совета Северной группы войск в Келецком воеводстве.

---

[1] Там же. Л. 145—146.

[2] Там же. Л. 150.

Здесь, в Кельце, советского офицера Куприя могли видеть родственники тех, кого он расстрелял в 1940 г., но им и в голову не могло прийти, кто перед ними.

Куприй и здесь не удержался. Парткомиссия Северной группы войск объявила ему в 1946 г. выговор «за перерасход трофейных продуктов для личного состава»[1]. В феврале 1947 г. служба Куприя в Советской армии закончилась, а на работу в госбезопасность его уже не взяли. Карьера завершилась, и он начал осваивать новую полюбившуюся ему сферу деятельности — рабочее снабжение, заведование базами. Работа в распределителе благ, где все под рукой и своя рука владыка, — отличное, но опасное занятие. Давно известна цепочка: товаровед, заведующий складом, арест, суд, тюрьма...

В 1943 г. верхушку Харьковского УНКВД судили серьезно, и никакие заслуги в счет не шли. О каких заслугах идет речь? Приказом от 26 октября 1940 г. была награждена группа работников УНКВД по Харьковской области за проведенный расстрел польских военнопленных из Старобельского лагеря. Среди награжденных: заместитель начальника УНКВД Павел Тихонов, комендант Тимофей Куприй, заместитель коменданта Александр Карманов, помощник коменданта Иван Смыкалов, начальник внутренней тюрьмы Филипп Доронин, шоферы и надзиратели тюрьмы (среди них Митрофан Сыромятников).

За без малого 2 года оккупации Харькова немцами тайна массового захоронения польских граждан в Пятихатках не была раскрыта, но уже в 1960-е гг. раздался тревожный сигнал. Дети — они всюду суют свой нос! Вездесущие подростки, шастающие после школы по округе, взялись раскапывать массовое захоронение. Ученики 5—6-х классов из Пятихаток нашли обручальное кольцо, пуговицы с польским орлом и другие предметы, оказавшиеся во рвах вместе с костями расстрелянных.

---

[1] Там же. Т. 2. Л. 338.

Председатель КГБ при Совете министров УССР Виталий Никитченко 7 июня 1969 г. проинформировал о произошедшем председателя КГБ Юрия Андропова: «УКГБ по Харьковской области 2 июня 1969 года был получен сигнал о том, что в лесу, около поселка Пятихатки, неизвестными лицами вскрыта могила массового захоронения. При проверке на месте оказалось, что в лесу, на удалении примерно 100 метров от шоссе Харьков — Белгород, на площади радиусом примерно 50 м имеется множество провалов почвы глубиной до 70 см в виде прямоугольников 3×6 и более метров. Один провал разрыт на глубину до 1 метра, где видны кости и черепа людей. Часть костей разбросана около вскрытой ямы. Там же имеются остатки военной обуви иностранного производства. <...> Установлено, что в указанном месте в 1940 году УНКВД по Харьковской области было захоронено значительное количество (несколько тысяч) расстрелянных офицеров и генералов буржуазной Польши, останки которых и обнаружены детьми при случайных обстоятельствах»[1].

Ну уж «при случайных обстоятельствах»! Надо признать — расслабилась, размякла советская власть и ее боевой страж КГБ, перестав кое-где охранять и огораживать места массовых захоронений жертв террора, и часто по природным причинам — ливни, размывы почвы — тайное становилось явным.

УКГБ по Харьковской области быстро выяснило, кто из бывших работников госбезопасности имел к этому расстрелу отношение и кто знал об этом месте массового захоронения. Помимо Сафонова, Тихонова и Куприя, в документе КГБ говорится о Ефиме Виговском, Николае Галицыне, Александре Карманове и Мельнике, живших на тот момент в Харькове[2].

---

[1] Отраслевой государственный архив СБУ. Ф. 16. Оп. 13. Д. 2. Л. 178–179.

[2] Там же. Л. 179. Вообще-то, А. Карманов проживал в Семипалатинске. Также неясно, о каком Мельнике идет речь. В документе КГБ нет инициалов, а приказом от 26 октября 1940 г. награждены два работника Харьковского УНКВД: Антон и Никита Мельник.

И действительно, их имена есть в приказе НКВД от 26 октября 1940 г. о награждении за расстрелы. Среди окрестного населения тут же провели разъяснительную работу, напугав тем, что в захоронении — дезертиры и умершие от очень опасных инфекционных болезней (тифа, холеры, сифилиса)[1], а потому приближаться к захоронению органы здравоохранения не рекомендуют. КГБ работал по шаблону, всегда включая старую песню о заразных могильниках и немецких расстрелах[2].

Однако проблема осталась, и необходимо было предпринять что-то кардинальное. Главной задачей КГБ было погасить распространение слухов о страшной находке школьников и скрыть следы преступления. Начальник УКГБ по Харьковской области Петр Фещенко выехал для консультаций в Москву, где пробыл с 16 по 18 июня 1969 г. и был принят 1-м заместителем председателя КГБ Семеном Цвигуном, а затем и самим Андроповым[3]. Дело было наиважнейшим. Нельзя было допустить, чтобы многолетняя ложь вот так рухнула из-за каких-то школьников.

В Москве решили закрепить за КГБ земельный участок, на котором располагалось захоронение, оградить его колючей проволокой и уничтожить останки казненных путем применения «чешуйчатого технического едкого натрия»[4]. Для этой цели собирались

---

[1] Отраслевой государственный архив СБУ. Ф. 16. Оп. 13. Д. 2. Л. 180.

[2] Точно так же в июне 1990 г. заместитель председателя КГБ Украины Георгий Ковтун утверждал, что в Пятихатках, помимо «польских перебежчиков», еще похоронены немецкие военнопленные, «умершие в инфекционном лагере» (Абаринов В. Катынский лабиринт. С. 58).

[3] Отраслевой государственный архив СБУ. Ф. 16. Оп. 13. Д. 2. Л. 188.

[4] Идея уничтожать массовые захоронения с помощью химических средств была не новой. Так, еще в 1952 г. руководители МГБ ЛитовССР обращались с запросом в МГБ СССР о ликвидации таким способом места массового захоронения расстрелянных, находящегося в черте Вильнюса (Vaitiekus S. Tuskulėnai: egzekucijų aukos ir budeliai (1944–1947). Vilnius, 2006. S. 208–209).

использовать буровую установку. По расчетам чекистов, им требовалось не менее 4 лет для полной ликвидации захоронения. Для обеспечения плана Управлению КГБ по Харьковской области были выделены дополнительные штатные единицы — 21 человек, четыре автомобиля и финансирование для проведения работ в размере 10 тысяч рублей. Вся эта активность маскировалась легендой, будто бы КГБ на этой территории строит для себя какой-то важный объект[1].

Трудно сказать, насколько успешны были усилия КГБ и сколь прочны познания в химии[2], но когда в июле — августе 1991 г. были произведены раскопки в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова, там были обнаружены следы бурения и применения химических средств, а также были найдены не менее 167 останков поляков, многочисленные предметы польской военной формы и военной атрибутики, письма, квитанции и обрывки газет, датированных весной 1940 г.[3] Похоже, что после того как участок массового захоронения был огорожен, дальнейшие усилия чекистов по уничтожению останков быстро сошли на нет. Зачем стараться-то, все и так под охраной!

Следственные действия по выяснению обстоятельств расстрела польских военнопленных в Харькове начались весной 1990 г. Довольно быстро разыскали жившего еще в городе Чугуеве Харьковской области Митрофана Сыромятникова, и уже 20 июня состоялся его первый допрос[4]. Он рассказал о своем участии в расстрелах польских офицеров.

В 1940 г. Сыромятников служил в должности старшего по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД

---

[1] Отраслевой государственный архив СБУ. Ф. 16. Оп. 13. Д. 2. Л. 188—189.

[2] Закачивание в могилы массового захоронения концентрированного раствора гидроокиси натрия (NaOH) вряд ли дало бы полное растворение костных останков.

[3] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 328, 482.

[4] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 472—476.

по Харьковской области. В его обязанности входило размещение прибывающих военнопленных в камерах внутренней тюрьмы. В тюрьме они находились совсем недолго — от нескольких часов до двух дней. Военнопленных расстреливала в подвале здания УНКВД группа чекистов под командованием коменданта Куприя. Сыромятников точно указал место захоронения расстрелянных — близ Пятихаток — и рассказал, что сам несколько раз грузил тела на машины и отвозил к месту погребения[1]. Он не назвал фамилии участников расстрелов, сославшись на свою память. Тем не менее описанная им картина была похожа на методику расстрела, принятую в Калинине. Единственное, что вызывает сомнения, — Сыромятников упомянул о наличии прокурора в расстрельном помещении. Скорее всего, здесь его действительно подвела память. В Харьковском УНКВД его привлекали к расстрелам еще с 1938 г., и у него в памяти отложилась процедура опроса перед расстрелом приговоренных судебными решениями, на которой обязательно присутствовал прокурор. Но в 1940 г. при расстрелах польских военнопленных прокуроров не было. Достаточно вспомнить категоричное указание, отданное Богданом Кобуловым на совещании в марте 1940 г.: «Никаких прокуроров». Его распоряжение неукоснительно выполнялось в Калинине и, нет никаких сомнений, — в Харькове и Смоленске. Как подчеркнул Сыромятников, «все действия по расстрелу поляков и их захоронению контролировались представителями НКВД из Москвы», но фамилий этих представителей не назвал[2].

На время Сыромятникова оставили в покое, но в следующем году, 10 апреля 1991 г., состоялся его второй допрос. Он вновь рассказал о месте тайного захоронения казненных в 1—1,5 км от Пятихаток и вспомнил фамилии некоторых работников коменда-

---

[1] Там же. S. 475.

[2] Там же.

туры НКВД, участвовавших в расстрелах, и в частности Александра Карманова[1].

На третьем допросе, 15 мая 1991 г., Сыромятников рассказал, что ямы для закапывания тел казненных копали вручную лопатами 6—7 работников комендатуры[2].

Сыромятников был разговорчив и вполне охотно давал показания. На четвертом допросе, 30 июля 1991 г., его вновь спрашивали о захоронении тел расстрелянных поляков, и он назвал фамилии участвовавших в расстрелах: дежурного помощника коменданта Ивана Смыкалова[3], старшего по корпусу тюрьмы Алексея Девятилова, шофера Николая Галицына и Ивана Михайловича Тихонова[4]. Сыромятников вновь утверждал, что при процедуре опроса перед расстрелом присутствовал прокурор, облаченный в штатскую одежду, и сам вел положенный перед расстрелом опрос. Вероятнее всего, что за прокурора он принял кого-то из работников НКВД, кого не знал лично[5]. В отличие от Калинина, в Харькове перед расстрелом не использовали наручники, а связывали руки[6]. На вопрос о награждении в октябре 1940 г. деньгами в размере 800 рублей Сыромятников ответил категорично: нет, не получал он этих денег.

Его последний допрос (из тех, что опубликованы) состоялся 6 марта 1992 г. Он вновь подробно рассказал об участниках расстрела (о ком помнил). Смыкалов, по его словам, сопровождал военнопленных поляков при доставке их из Старобельского лагеря, Девятилов и Мельник доставляли их в расстрельное помещение, расстреливали Куприй и Галицын. Правда, отвечая

---

[1] Там же. S. 479.

[2] Там же. S. 480.

[3] В протоколе его имя почему-то Вадим Яковлевич, а не Иван Павлович (Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 485).

[4] Тихонов Иван Михайлович в списке награжденных не значится.

[5] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 488, 491.

[6] Там же. S. 491.

на следующий вопрос, он вдруг заявил, что Галицын только привозил, так как был водителем[1]. На вопрос о степени участия Тихона Щепки в расстрелах Сыромятников лишь вспомнил, что тот служил в милиции, но ничего конкретного не добавил[2], и вновь, как и на предыдущем допросе, утверждал, что никаких премиальных денег не получал. Даже нашел объяснение: дескать, комендант Куприй «деньги получал, в карман забрал, а нас всех поставил туда под ведомость»[3]. То ли Сыромятников забыл, то ли просто не хотел сознаваться в том, что деньги за участие в расстрелах он получил. Вообще-то Куприй, как выяснилось, действительно был нечист на руку, но трудно представить, что в 1940 г. он мог безнаказанно присвоить деньги сотрудников, не подчинявшихся ему по службе. Он мог бы обобрать подведомственную ему комендатуру, но ведь наградили и надзирателей, и шоферов. Все-таки была и бухгалтерская ведомость с начислением, и премиальные деньги обычно выдавались под личную расписку в кассе вместе с зарплатой. В общем, Сыромятников продемонстрировал странное, но вполне объяснимое упорство в непризнании получения «кровавых денег».

На допрашивающих ошеломляющее впечатление произвела та обстоятельная и будничная манера повествования о массовых расстрелах, которая была свойственна Сыромятникову. В его рассказе чувствовался большой опыт участника расстрелов, и даже проскальзывали нотки профессиональной гордости: «У нас ведь не так, как у немцев. Там повели в Бабий Яр, да постановили всех с детьми и постреляли. А это у нас как положено, как говорится, по уставу. Решение такое. Какой бы он ни был ответственный, а получал свое наказание. И положат так, как положено. Как опускают, скажем, гроб в яму. Хотя хоро-

---

[1] Там же. S. 498.
[2] Там же.
[3] Там же. S. 499.

нили и без гробов. Но их все равно не просто так бросали»[1].

В заключение, когда Сыромятникова спросили о комнате, где производились расстрелы, он заявил: «Той комнаты уже нет, первый этаж Куприй взорвал, когда немцы уже на Холодной Горе были»[2]. Какие следы пытался скрыть комендант Куприй в октябре 1941 г., когда пришлось спешно покинуть Харьков, что там было в подвале и на первом этаже здания УНКВД, — архив, бумаги, бухгалтерские счета? Все же его финансовые махинации вышли наружу.

Сыромятников был наслышан о дальнейших злоключениях Куприя и рассказал на допросе: «Во время войны его судили и еще двоих, забыл кого. Послали их в штрафной батальон. Но они выкрутились. А потом, когда он приехал, война, кажется, закончилась, послали в Полтаву на жиркомбинат работать директором. И он мне говорил, поедем со мной...»[3]. Сыромятников отказывался, но Куприй уговаривал и обещал посодействовать, чтоб отпустили со службы, надо полагать, что уговаривал он не только его. Интересно, кого из своих бывших коллег-расстрельщиков из Харьковского УНКВД ему удалось перетащить в Полтаву? Ведь свои же, проверенные люди — не подведут!

К моменту, когда состоялся первый допрос Сыромятникова, никого из других участников харьковского расстрела, скорее всего, уже не было в живых. Сыромятников оставался последним свидетелем, который заговорил. Начальник УНКВД Петр Сафонов, старший по корпусу тюрьмы Тимофей Бурда и надзиратель Никита Мельник умерли в 1974 г.; вахтер Ефим Виговский и шофер Николай Галицын — в 1980 г.; начальник внутренней тюрьмы Филипп Доронин —

---

[1] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 363.

[2] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 499.

[3] Там же. S. 485.

в 1979 г.; надзиратель Тихон Щепка — в 1984 г. Еще раньше, в 1958 г., умер вахтер комендатуры Григорий Тимошенко. Помощник коменданта УНКВД Иван Смыкалов умер в Харькове в октябре 1985 г. Он, в отличие от остальных, всю войну был на фронте, вот только род занятий не сменил — служил комендантом в органах военной контрразведки СМЕРШ и по-прежнему расстреливал людей. После выхода на пенсию они, как правило, устраивались на работу сторожами, стрелками охраны или на незначительные и малозаметные должности слесарей и даже ассенизаторов, как Никита Мельник.

Бывший заместитель коменданта УНКВД по Харьковской области Александр Карманов умер в мае 1987 г. в далеком Семипалатинске. Его рано, еще в 1943 г., уволили из НКВД, и дальнейшая его работа не может не вызвать удивления и улыбки: от директора общепита и начальника снабжения до буфетчика, сторожа детского сада и распространителя театральных билетов. Кажется, он хорошо усвоил жизненные принципы коменданта Куприя, — главное, быть поближе к распределению благ.

Не успели допросить бывшего заместителя начальника УНКВД по Харьковской области Павла Тихонова, умершего в январе 1990 г. Этот сделал великую карьеру: дослужился до генерала, в 1970 г. возглавлял УКГБ по Киевской области, был членом Коллегии КГБ при Совете министров УССР.

Алексей Девятилов в 1940 г. был старшим по корпусу тюрьмы, затем работал в других тюрьмах, а закончил карьеру старшим лейтенантом, начальником надзорной службы в детской трудовой колонии в городе Изяславе Хмельницкой области. Он был жив в 1991 г., так как его партийные документы не значились погашенными. После увольнения на пенсию он остался в городе Каменец-Подольском и именно там прошел в 1973 г. обмен партийных документов. Вероятно, в 1990 г. его просто не смогли разыскать, а сам он, услышав о начале расследования харьковско-

го расстрела поляков, предпочел не «светиться». Он умер в октябре 1996 г. там же, в Каменец-Подольском, и по делу о расстреле поляков, скорее всего, так и не был допрошен.

Еще в 1951 г. в Москве умер бывший начальник Старобельского лагеря Алексей Бережков. Он был довольно крупным и заслуженным чекистом. Долгое время работал в органах ОГПУ на железнодорожном транспорте, занимал руководящие должности, в 1926 г. был награжден высшей ведомственной наградой — знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ», через год — золотыми часами, потом — почетным оружием. С фотографии смотрит злыми глазами представителя чекистской элиты. В 1935 г. получил звание капитана госбезопасности, но дальнейшая карьера его не заладилась. Он скатился по службе до начальника Воткинского горотдела НКВД в Удмуртии, потом в Иваново — инспектор, кадровик, а в 1939 г. был брошен на лагерную работу, и мотался начальником по лагерям от Свердловска до Московской области до 1946 г., вплоть до выхода на пенсию. В историю вошел в ореоле злодея, будучи начальником Старобельского лагеря, где содержались польские военнопленные и откуда под его бдительным присмотром их отправляли на смерть.

К сожалению, о представителях НКВД из Москвы, руководивших расстрелом польских военнопленных, известно немногое. Основную роль играл капитан госбезопасности Иван Безруков, заместитель начальника 6-го отдела Главного экономического управления НКВД СССР, командированный в Старобельский лагерь и отвечавший за расстрелы в Харькове[1]. По линии конвойных войск на участке Старобельск — Харьков действовал полковник Алексей Рыбаков, начальник Оперативного отдела Главного управления конвойных войск НКВД. Кто был прислан в Харьков

---

[1] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 123.

из состава «спецгруппы» Блохина для непосредственного участия в расстрелах — до сих пор неизвестно.

Точного ответа на вопрос, сколько польских военнопленных было расстреляно в УНКВД по Харьковской области, нет. По данным расследования «Катынского дела», расстрелы в Харькове шли с 3 апреля до 12—14 мая 1940 г.[1] Согласно записке Шелепина от 3 марта 1959 г., было вынесено 3820 решений тройки о расстреле польских военнопленных, содержавшихся в Старобельском лагере[2]. В то же время, согласно сводке (не ранее 19 мая 1940), было дано нарядов на отправку из Старобельского лагеря в УНКВД по Харьковской области на 3811 + 11[3] человек, то есть на 3822 человека[4]. К сожалению, в справке отсутствуют пояснения о неисполненных нарядах (хотя там же они приведены для Козельского и Осташковского лагерей). В то же время в итоговой справке Сопруненко, составленной не ранее 25 мая 1940 г., в УНКВД по Харьковской области значатся отправленными из Старобельского лагеря 3896 человек[5].

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 495.

[2] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 601.

[3] Цифра 11 вписана в документ от руки.

[4] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 592.

[5] Там же. С. 597. Тут следует сделать весьма существенное уточнение. В справке о количестве отправленных военнопленных из Старобельского лагеря от 17 мая 1940 г., подписанной начальником лагеря Бережковым (более поздних сведений об отправке не приводится), значатся отправленными 3888 человек. Помимо отправленных в УНКВД по Харьковской области, сюда включены отправленные в Юхновский лагерь: 63 человека — 25 апреля и 15 человек — 12 мая, а также отправленные во 2-й отдел ГУГБ НКВД СССР 3 человека — 12 мая. Получается, что до 12 мая 1940 г. включительно в УНКВД по Харьковской области было отправлено 3807 человек (Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 588—589). Трудно понять, откуда в справке, составленной Сопруненко после 25 мая 1940 г., взялись дополнительные цифры для Харькова (всего 3896), когда итоги для Осташкова и Смоленска в этой справке остаются неизменными.

Глава 5

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Имя Николая Синегубова часто можно встретить в очерках о железнодорожниках и их усилиях по обеспечению работы транспорта в годы войны под общей рубрикой «Герои стальных магистралей», но до того как перейти на руководящую работу в Наркомат путей сообщения, он тоже имел дело с транспортом, вот только это была не хозяйственная, а палаческая работа. Здесь он отличился еще в годы Большого террора и не случайно в 1940 г. был послан Берией в Калинин непосредственно руководить проводившимися там расстрелами польских военнопленных. Как итог — его имя значится в числе награжденных приказом НКВД от 26 октября 1940 г. среди многочисленных рядовых исполнителей катынского преступления, хотя и рангом, и должностью он явно всех превосходит: старший майор госбезопасности, начальник следственной части Главного транспортного управления НКВД СССР.

Вообще-то в координации расстрелов весной 1940 г. непосредственное участие принимал начальник Главного транспортного управления НКВД Соломон Мильштейн, непосредственный шеф Синегубова, но то ли его роль была слишком общей и эпизодической, то ли Берия поскупился на награду, — в списке награжденных Мильштейна нет. В общем, по мнению верхушки НКВД, его роль в расстрельной акции оказалась недостаточной для денежного поощрения, а вот Синегубов оказался весьма активным, причем на одном из самых трудных направлений — в Калинине, где расстрелы были самыми масштабными.

Из показаний бывшего начальника УНКВД по Калининской области Дмитрия Токарева становится более или менее ясной роль представителей центрального аппарата НКВД на местах проведения расстрелов. Им отводилась роль старших оперативных начальников, координировавших «разгрузку» лагерей, подачу вагонов, перевозку военнопленных в тюрьмы УНКВД и, наконец, агентурно-оперативное сопровождение всей операции. По словам Токарева, Синегубов постоянно присутствовал при расстрелах[1].

Николай Синегубов родился в 1895 г. в семье кузнеца на станции Дебальцево Екатерининской железной дороги. В семье был достаток, заработка отца хватало, и мать занималась детьми и домашним хозяйством. Окончив в 1910 г. 2-классное железнодорожное училище, Николай пошел работать на станцию. Трудился учеником маляра, молотобойцем и постепенно дослужился до десятника на строительстве. Потом война. Взяли в армию. Сначала служил в запасном полку в Самаре, затем был отправлен на Северный фронт, и, если бы не революция, служить бы ему в армии, где уже к 1917 г. он имел чин старшего унтер-офицера. В марте 1918 г. вернулся на должность конторщика на станции, благополучно работал при белых. Никаких симпатий к красным не выказывал, а после прихода советской власти вступил в коммунистическую партию в феврале 1920 г., во время «партийной недели» — кампании по массовому приему в партию. С июля 1920 г. начинается его чекистская карьера в транспортных органах ВЧК. Синегубов неуклонно растет по службе, и в 1928 г. он уже начальник Дорожно-транспортного отдела ОГПУ родной для него Екатерининской железной дороги. Потом он был переброшен в Читу, где возглавил Дорожно-транспортный отдел ОГПУ Забайкальской железной дороги, и здесь с ним приключился неприятный казус. Будучи в командировке в Москве, он купил для отдела автомашину, ко-

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 457.

торая, как оказалось, была краденой и принадлежала иностранному посольству. С должности его сняли и решением Коллегии ОГПУ в 1933 г. арестовали на 30 суток в дисциплинарном порядке[1]. Он пробыл 5 месяцев в резерве назначения, а потом получил должность в центральном аппарате ОГПУ. В 1935 г. ему присвоили звание капитана госбезопасности, а с июля 1937 г. он стал помощником начальника 6-го отдела (Транспортного) ГУГБ НКВД — активным проводником массовых репрессий на транспорте.

Вот только семья была поводом для беспокойства. Кадровики НКВД были уверены, что отец Синегубова «в прошлом принадлежал к партии эсеров (хотя в этом не сознавался)». Раскопали компромат и на самого Синегубова: он, по показаниям ряда свидетелей, состоял в 1918 г. членом контрреволюционного кружка антисоветской интеллигенции и «презрительно отзывался о Красной Гвардии»[2]. Не лучше обстояло дело и с его родными братьями и сестрами (у него было четыре брата и три сестры). Брат Алексей до 1919 г. был в плену в Германии, брат Яков в 1923 г. был судим за кражи, муж сестры Елизаветы работал председателем Донецкого облисполкома и был приговорен Военной коллегией в 1937 г. к расстрелу как «руководитель контрреволюционной организации правых в Донбассе», а сама она репрессирована как жена «врага народа». К середине 1930-х гг. круг родных заметно сузился. Как писал в автобиографии Синегубов, его отец в 1935 г. был задавлен трамваем в Москве; брат Константин, начальник транспортного цеха Тульского завода, умер в 1934 г.; брат Алексей, работавший в Наркомате иностранных дел, умер в 1938 г.[3]

Однако особенно компрометирующей была родня со стороны жены. Синегубов женился в мае 1920 г. на дочери паровозного машиниста Елизавете Лазаре-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 247717. Л. 7.
[2] Там же. Л. 9.
[3] Там же. Л. 5.

вой — польке по матери. Вся ее материнская родня жила в буржуазной Польше, а один из братьев матери с 1914 г. жил в Америке. В анкетах и автобиографиях Синегубов всегда подчеркивал, что никогда их не видел, но и родной брат жены Елизаветы оказался не лучше — в 1919 г. добровольно служил у белых[1]. Участвуя в массовом убийстве поляков, думал ли Синегубов о своей жене — наполовину польке, о ее польской родне?

Его служебные характеристики были исключительно хвалебными: «В августе 1939 года тов. Синегубов был назначен начальником Следственной части Главного Транспортного Управления НКВД. Умело руководя порученным ему ответственным участком работы, обеспечил спаянную работу всего коллектива Следственной части, в результате чего за истекший период был ликвидирован ряд серьезных контрреволюционных формирований на транспорте»[2]. Одна беда — в ноябре 1939 г. потерял партбилет (оправдывался, что тот был похищен «при исполнении служебных обязанностей»), за что получил выговор[3].

В марте 1941 г. Синегубов ненадолго возглавил железнодорожную транспортную милицию и стал заместителем начальника Главного управления милиции НКВД, а потом возглавил Транспортное управление НКВД. В 1942 г. он и вовсе сменил чекистскую работу на должность заместителя наркома путей сообщения. Интересно то, что ему продолжали присваивать звания по чекистскому ведомству: 16 августа 1943 г. дали звание комиссара госбезопасности.

На посту заместителя наркома Синегубов получил высшие награды. За обеспечение военных перевозок ему в 1943 г. присвоили звание Героя Социалистического Труда, в 1945 г. отметили полководческим орденом Кутузова I степени. В том же 1945 г. он был за-

---

[1] Там же. Л. 9.
[2] Там же. Л. 10.
[3] Там же. Л. 11, 15.

нят вывозом трофейного оборудования из Германии. До 1951 г. Синегубов занимал должность заместителя министра путей сообщения, затем работал главным ревизором, начальником отдела, вплоть до выхода в 1956 г. на пенсию.

После смерти Сталина начался процесс реабилитации жертв репрессий. Многие, выйдя из лагерей, писали письма в ЦК КПСС с рассказами о чудовищных издевательствах, выпавших на их долю после ареста органами НКВД. Конечно, в этих письмах поименно назывались и следователи-садисты, и одним из них был Синегубов, к тому времени увешанный наградами отставной пенсионер. В Комитет партийного контроля ЦК КПСС были направлены материалы о «грубых нарушениях социалистической законности» Синегубовым, и дело завертелось. Были собраны свидетельства о его личном участии в избиениях подследственных. Так, бывший начальник Финансового управления Наркомата путей сообщения Романов сообщил: «В Лефортовской тюрьме я в течение двух лет просидел в одиночной камере. Примерно в ноябре 1939 г. мне был предъявлен список на 16 человек, в отношении которых от меня требовали показаний о их принадлежности к враждебной правотроцкистской организации. Когда я отказался это сделать, Мильштейн и Синегубов избили меня резиновыми палками. В процессе всего периода нахождения в заключении я много писал заявлений во все советские и партийные органы. Однажды Синегубов явился ко мне в Лефортовскую тюрьму и, держа в одной руке мои заявления, а в другой резиновую палку, предложил мне выбрать одно из двух: или взять обратно свои заявления, или я буду избит. Так как я отказался взять обратно заявления, то был избит Синегубовым»[1].

В истязаниях подследственных он не был чересчур изобретательным — главным образом бил, при-

[1] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5829. Л. 185.

чем тем, что под руку попадется. Бывший начальник Томской железной дороги Петров сообщил в Комитет партийного контроля: «8.12.1939 г. Синегубов лично в подвале Лефортовской тюрьмы стал истязать меня резиновыми дубинками. Вначале меня бросили на пол, затем сняли с меня брюки с кальсонами на пятки, гимнастерку с нижней рубахой на голову, его помощники Петровский и Осюнькин и следователь Бирюков наступили мне на руки, на ноги и на голову. Синегубов поставил себе кресло, сел в него и начал меня истязать. После 30-го удара я потерял сознание. С этого дня начались систематические истязания и пытки надо мной со стороны лично Синегубова. Он бил меня, за редким исключением, каждый день, бил резиновыми палками, бил носками сапог, бил кулаками в лицо, бил пресс-папье по голове. Истязая меня, Синегубов бесконечно требовал от меня назвать побольше людей. Синегубов лично фабриковал фиктивные, якобы мои, показания, а затем истязаниями и пытками добивался от меня или их просто подписания, или переписывания своей рукой, как будто это были мои личные показания. По фиктивным обвинениям Синегубова я, будучи совершенно ни в чем не виновным, о чем Синегубов безусловно знал, был осужден и пробыл в заключении свыше 13 лет»[1].

Это же надо так устроить: один топчет руки, другой ноги, третий голову жертвы, а он — начальник в кресле, знай избивает. Наверное, это в цитированной выше характеристике и подразумевалось в переводе с канцелярского — «обеспечил спаянную работу всего коллектива». На допросе в прокуратуре Синегубов заявил, что не помнит дел Романова и Петрова, но вполне допустил, что «при существовавшей тогда практике он, возможно, и применял к указанным лицам меры физического воздействия». Помнил он дело расстрелянного наркома путей сообщения Алексея Бакулина и просто и буднично рассказал в

[1] Там же. Л. 184.

прокуратуре: «Дело Бакулина я помню. Бакулин был народным комиссаром путей сообщения и обвинялся в проведении шпионажа в пользу Японии. Так как он не давал признательных показаний, то был помещен в Лефортовскую тюрьму, где я и Мильштейн избили его, после чего он дал признательные показания»[1].

Предпринятое в конце 1950-х гг. расследование участия Синегубова в массовых репрессиях показало, что он был ответственен за «посадки» всей руководящей верхушки Наркомата путей сообщения: тут и заместители наркома, и начальники главков и железных дорог, и ответственный редактор газеты «Гудок». Все они были расстреляны по сфальсифицированным при его участии делам, а в 1950-х гг. реабилитированы[2]. По всем этим фактам он был вынужден объясняться в Комитете партийного контроля. Признал, что «нарушал революционную законность», сославшись на «обстановку того времени»[3]. Вот так просто и универсально: «Время было такое»!

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС на заседании 11 августа 1958 г. (протокол № 1255, пункт 1), рассмотрев материалы на Синегубова, постановил исключить его из партии и поручил Куйбышевскому райкому КПСС города Москвы изъять у него партбилет. Формулировка решения была лаконична: «За фальсификацию следственных материалов и применение незаконных методов при допросе арестованных».

Отчасти Синегубову повезло: его не арестовали и не расстреляли, как ряд видных бериевцев. Во-первых, он не был в числе особо приближенных к Берии лиц, во-вторых, в самом конце 1950-х гг. у хрущевского руководства не было желания привлекать к уголовной ответственности всех злостных нарушителей законности из числа сталинских чекистов. Чаще всего

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 183.

дело ограничивалось изгнанием со службы в системе КГБ и МВД, лишением генеральских званий, исключением из рядов КПСС.

Помимо исключения из партии, Синегубова настигло и еще одно наказание. По предложению Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, одобренному Секретариатом ЦК (23 декабря 1958) и Президиумом ЦК (30 декабря 1958), был выпущен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1959 г. о лишении его звания Героя Социалистического Труда и орденов и медалей. Прожив в глухой безвестности еще десяток лет, Синегубов умер в 1971 г. и был похоронен на Донском кладбище в Москве. Ведомственная центральная железнодорожная газета «Гудок» никак не отреагировала на смерть бывшего заместителя министра путей сообщения.

Дзержинец

Константин Зильберман, один из многочисленных сотрудников Транспортного отдела ГУГБ НКВД, был человеком необычной судьбы, и дело не только в том, что он награжден за участие в расстрелах польских военнопленных в 1940 г., он был из тех, кто стоял у истоков ВЧК — поступил туда на службу в сентябре 1918 г., был руководящим работником только что созданного Иностранного отдела ВЧК (Внешней разведки). О таких позднее говорили: «старый, заслуженный чекист». Зильберман не был наказан в хрущевские годы. Будучи пенсионером, он, наверное, выступал в школах и профтехучилищах перед детьми и молодежью с рассказами о Феликсе Дзержинском. Была такая советская форма патриотического воспитания. Скорее всего, Зильберман исправно рассказывал несколько заученных эпизодов своей ранней карьеры, вот только вряд ли говорил, что все годы Большого террора был руководящим работником Тюремного отдела ГУГБ НКВД. Что уберегло его от ареста, который был неминуем для многих руководящих работ-

ников ежовской формации? Начатая в конце 1938 г. чистка в оперативных подразделениях ГУГБ была серьезнее и жестче, чем в тюремно-лагерном ведомстве, хотя, конечно, от ареста не был гарантирован никто. Зильберман занимал должность помощника начальника Тюремного отдела НКВД и имел звание капитана госбезопасности. Он был в группе работников ГУЛАГа и Тюремного отдела, которых нарком Николай Ежов принял у себя в кабинете 17 ноября 1938 г. Это были последние визитеры, после этого, вплоть до смещения Ежова, в журнале посещений уже никто не зафиксирован[1]. Он пробыл там всего полчаса (с 20.45 до 21.15) и был последним, кого Ежов принял у себя в кабинете. Тем не менее Берия повысил Зильбермана до заместителя начальника Главного тюремного управления НКВД и 14 марта 1940 г. присвоил ему звание майора госбезопасности.

В качестве заместителя начальника Главного тюремного управления Константин Зильберман участвовал в апреле — мае 1940 г. в подготовке и проведении расстрелов польских военнопленных, за что был награжден приказом НКВД № 001365 от 26 октября 1940 г. Вот только вопрос: куда именно, в какую из трех областей он был командирован в качестве представителя центра. Награжден он был вместе с двумя другими высокопоставленными представителями центрального аппарата НКВД — заместителем начальника Главного транспортного управления НКВД Николаем Синегубовым и заместителем начальника 6-го отдела Главного экономического управления НКВД Иваном Безруковым. Точно известно, что Синегубов был командирован в Калинин, а Безруков — в Харьков. Следовательно, остается только один вариант — Смоленск. Можно с уверенностью говорить, что зоной ответственности Зильбермана была «разгрузка» Козельского лагеря. К сожалению, какие-либо детали его миссии в Смоленске не известны. Остается

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 92. Л. 33-об.

надеяться, что с открытием архивов госбезопасности этот пробел в его биографии удастся заполнить.

Была в послужном списке Зильбермана и еще одна тайна, о которой он также вряд ли повествовал на встречах с молодежью. Его успешная служба в центральном аппарате ВЧК была внезапно прервана в августе 1921 г., он был откомандирован на работу в Сибирь, в транспортные органы ЧК. В 1922 г. Зильберман занял в Омске заметную и руководящую должность начальника Окружного транспортного отдела ГПУ, а через год его перебросили в Екатеринбург в Дорожно-транспортный отдел ГПУ и вдруг в январе 1924 г. исключили из партии. В автобиографии он ограничился лишь краткой констатацией этого факта: «Быстрое продвижение по службе и зазнайство, прекращение работы над своим политическим ростом привели к отрыву от масс и даже к разложению в быту. Результатом явилось исключение меня из партии в январе 1924 г. с формулировкой "за некоммунистическое поведение, политическую невыдержанность и высокомерие"»[1].

Казалось бы, конец всему — уж карьере-то точно! Однако опытный чекист не впал в уныние. В феврале 1924 г. Зильберману удалось закрепиться в центральном аппарате ОГПУ на незаметной инспекторской работе в Транспортном отделе ОГПУ (будучи исключенным из партии — загадка!). Он подал заявление о вступлении в партию на общих основаниях, и лишь в октябре 1931 г. его приняли в кандидаты в члены ВКП(б), а в декабре 1936 г. — в члены, что тоже говорит о многом. Начальство просто смотрело сквозь пальцы на его неопределенный партийный статус. Ему доверяли руководить отделениями Транспортного отдела ОГПУ — НКВД, то есть держали на оперативной работе. Ценили, потому что свой, проверенный! И ведь это своего рода правило кадрового отбора в «органах». Его весьма точно и емко сформулировал

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 209641.

Феликс Дзержинский в записке своему ближайшему соратнику Генриху Ягоде: «Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным и не совсем нашим, но очень способным, у нас в ЧК необходимо оставить первого»[1].

Работа в Главном тюремном управлении стала вершиной карьеры Зильбермана. В 1943 г. он получил звание полковника госбезопасности, а в ноябре 1946 г. был уволен на пенсию с должности начальника 1-го отдела и заместителя начальника Тюремного управления МВД. Будучи на пенсии, он полтора года возглавлял военизированную охрану Министерства путей сообщения СССР, где в это же время Николай Синегубов занимал должность заместителя министра. После этого, в отличие от многих других чекистов-отставников, Зильберман уже не устраивался на подработку. Коротал жизнь свободным пенсионером и умер в Москве в мае 1978 г. Печать никак не отметила смерть старого соратника Дзержинского.

---

[1] Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 216.

Глава 6

ПЕРВЫЙ СПЕЦОТДЕЛ НКВД

В приказе НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. обращает на себя внимание большая группа награжденных работников 1-го спецотдела НКВД (Учетно-архивного отдела). Их имена следуют плотной группой: сначала, отдельно, — старший по званию капитан госбезопасности Анатолий Калинин, затем, чуть ниже по списку, — основная группа: Алексей Шевелев, Николай Киселев, Иван Баринов, Алексей Офицеров, Иван Новоселов, Клавдия Бланк, Ревекка Гецелевич, Николай Зубов, Серафима Кузнецова и Иван Стекольщиков, и еще ниже, во втором разделе приказа, — награжденные 800 рублями Анна Разоренова и Татьяна Бабаян, сотрудницы, выделенные для оформления дел на тройку.

Строго говоря, Николай Зубов числился младшим следователем следственной части Главного экономического управления НКВД, а Анна Разоренова трудилась машинисткой-стенографисткой секретариата 3-го отдела ГЭУ НКВД. Вероятнее всего, эти, непосредственно подчиненные Богдану Кобулову, работники были им включены в приказ о награждении, как его непосредственные помощники при оформлении дел на тройку и контроле рассылки бумаг с решениями о расстреле из Москвы на периферию — в Калинин, Смоленск и Харьков. Однако основная нагрузка легла на работников 1-го спецотдела, и это не случайно. 1-й спецотдел был ключевым подразделением не только в оформлении и хранении расстрельных документов, сотрудники этого отдела обязательно при-

сутствовали при самой процедуре казни — так было заведено. Выезжал ли кто-то из них в Калинин, Смоленск и Харьков для оформления бумаг на местах и непосредственной помощи сотрудникам 1-х спецотделов УНКВД этих областей? Возможно, что в апреле — мае 1940 г. такие командировки были предусмотрены, но и без этого служебная нагрузка на сотрудников Учетно-архивного отдела в связи с необходимостью оформления двух десятков тысяч дел польских граждан для их рассмотрения тройкой НКВД была велика. Требовалось не только «пропустить» дела через тройку, но и оформить необходимые протоколы, выписки, разослать предписания, затем собрать в отделе акты с мест о приведении решений тройки в исполнение. Горы бумаг!

Внесудебный и сверхсекретный характер расстрельной акции 1940 г. предопределил круг сотрудников 1-го спецотдела, задействованных в ней. Не случайно в числе награжденных несколько сотрудников 11-го отделения 1-го спецотдела: Алексей Шевелев, Николай Киселев и Алексей Офицеров. В функции этого отделения входили «прием, хранение и обработка дел особого архива». Под «особым архивом» в НКВД значились дела, решенные в так называемом «особом порядке», когда смертный приговор был вынесен даже без формального решения суда, например, в 1937—1938 гг. по «расстрельным спискам», завизированным Сталиным и его ближайшими соратниками. Так как решение о расстреле польских граждан выносил внесудебный, специально для этого сформированный орган — тройка НКВД, то, соответственно, основная нагрузка по оформлению этих дел была возложена на сотрудников 11-го отделения.

Итак, 11-е отделение 1-го спецотдела НКВД, которое возглавлял Алексей Шевелев, отвечало за оформление дел и списков на расстрелянных. Можно сказать, он заведовал бухгалтерией смерти. Большой террор 1937—1938 гг. обеспечил его работой на несколько лет. Ему и его сотрудникам пришлось разби-

рать и сортировать дела, времени на обработку которых в разгар массовых репрессий просто не было. Так что Шевелев и во второй половине 1940 г. продолжал обрабатывать «сталинские расстрельные списки», делал выписки о расстрелах с указанием номера тома и листов «расстрельного списка» и подшивал их к делам расстрелянных в «особом порядке». Следы его кропотливой работы можно и сегодня увидеть в хранящихся в архивах следственных делах казненных.

Награжденные Клавдия Бланк, Ревекка Гецелевич и Татьяна Бабаян работали во 2-й группе секретариата 1-го спецотдела, в их обязанности входили: прием и регистрация входящей и отправление исходящей корреспонденции, перепечатка всех материалов, связанных с вынесением решения тройки НКВД о расстрелах польских граждан. Им в помощь были выделены сотрудники Главного экономического управления, подчинявшиеся непосредственно Богдану Кобулову: Николай Зубов и Анна Разоренова.

Также в группе награжденных присутствуют бывший начальник 5-го отделения 1-го спецотдела НКВД, а на момент награждения помощник начальника 1-го спецотдела Анатолий Калинин и сотрудница 5-го отделения Серафима Кузнецова (бывшая модистка шляпной мастерской из Саратова, еще в 1921 г. устроившаяся на работу в ВЧК в Москве). Согласно штатному расписанию, в функции 5-го отделения входила статистическая работа: обработка статистических материалов и составление статистических отчетов. Привлечение Калинина и Кузнецовой в узкую группу лиц, посвященных в тайну расстрела польских граждан, можно объяснить тем, что им предстояло провести отдельную статистическую обработку дел польских граждан, приговариваемых тройкой НКВД в 1940 г. Цифровые итоговые показатели этой расправы не должны были включаться в общую репрессивную статистику НКВД. То есть применительно к этому массовому расстрелу в их задачу входило вести, как положено, статистику подготовки и прохождения

дел, состоявшихся решений и расстрелов, но строго отдельно от всей текущей следственно-судебной статистики НКВД.

Включили в число сотрудников 1-го спецотдела, задействованных в расправе с польскими гражданами, и совсем новичков. С приходом к руководству НКВД Лаврентия Берии в конце 1938 г. 1-й спецотдел подвергся серьезной чистке от ежовских выдвиженцев. Пошли аресты и увольнения и, конечно, открылись вакансии. В этот момент на работу в 1-й спецотдел был принят выпускник Московской межкраевой школы НКВД Алексей Офицеров. В середине следующего года ряды сотрудников пополнил Иван Стекольщиков. На первый взгляд кажется, что это приобретение не было удачным: за Стекольщиковым тянулся длинный шлейф служебных нарушений. До прихода в 1-й спецотдел он был мелким и незаметным работником Отдела фельдъегерской связи. Список наложенных на него взысканий довольно серьезен, хотя и однотипен. 10 февраля 1932 г. — арест на пять суток за пьянку, в том же году — арест на трое суток с исполнением служебных обязанностей и выговор за нарушение правил ношения военной формы. Позднее ему был объявлен выговор с предупреждением о более строгой ответственности за невнимательное отношение к служебным обязанностям. В 1935 г. ему был объявлен еще один выговор. В конце концов 8 марта 1939 г. от него в отделе избавились, уволив по сокращению штатов[1]. Казалось — все, карьера закончена, но каким-то образом Стекольщикова заметили и приняли на работу в Учетно-архивный отдел НКВД, на работу и более серьезную, и более ответственную. Кто был его благодетелем, благодаря кому он получил неплохое место — загадка!

Стекольщиков не очень долго проработал в архивной сфере органов НКВД — МГБ, по-видимому, время от времени проявлялась его недисциплинирован-

[1] ГА РФ. Служебная карточка И.А. Стекольщикова.

ность. Большой карьеры он не сделал — дослужился лишь до капитана и в 1952 г. был уволен с архивной работы в МГБ, опять же по сокращению штатов. Однако это еще не все. В 1957 г. он «механически выбыл» из партии. Такая формулировка могла означать, что он, выйдя на пенсию, снялся с учета в одной парторганизации и не встал на учет в другой, то есть тихо ускользнул, без скандалов, исключения и разбора персонального дела. Скорее всего, просто потерял всякий интерес к организации, которая ничего не дает, а только требует, а еще и денежные взносы надо платить — в общем, одна обуза.

Претензии нового наркома Лаврентия Берии к работе 1-го спецотдела в конце 1938 г. были вполне серьезны: прежде всего, «полная неразбериха в организации оперативного учета, обработке и хранении дел», регистрация арестованных проводилась с большим опозданием, давно осужденные продолжали числиться в картотеке арестованных, сотни тысяч дел в архиве не были зарегистрированы[1]. Все это делало невозможным получение достоверных сведений о состоянии текущей оперативной и следственной работы, тормозило работу оперативных отделов ГУГБ. Такое же положение дел наблюдалось в периферийных органах НКВД. Как в центре, так и на местах были проведены проверки состояния учетно-архивной работы и даны указания о приведении в порядок учетов и архивов. Через год за подписью Всеволода Меркулова был выпущен циркуляр № 251 от 27 ноября 1939 г., в котором подводились итоги «ликвидации организационного хаоса и последствий вредительства» по линии 1-го спецотдела НКВД. В этом циркуляре был отмечен ряд начальников 1-х спецотделов периферийных НКВД, добившихся «значительных достижений» в налаживании работы, и среди них начальник

[1] Приказ НКВД СССР № 00788 от 10 декабря 1938 г. «О результатах обследования 1 Специального отдела НКВД СССР» (ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 434. Л. 89–98).

1-го спецотдела УНКВД по Калининской области Михаил Козохотский[1].

Как правило, работники Учетно-архивного отдела сохраняли свою специализацию на протяжении всей чекистской карьеры, то есть редко переходили на другие участки работы. Их уделом были архивы. Так, Иван Баринов по окончании Правовой академии поступил в ноябре 1938 г. в 1-й спецотдел НКВД и проработал в учетно-архивной сфере органов НКВД — МВД вплоть до выхода на пенсию. То же можно сказать и о большинстве других награжденных.

Обращает на себя внимание ряд непонятных и ранних смертей сотрудников 1-го спецотдела. О начальнике отдела Георгии Петрове скажем ниже, а вот Анатолий Калинин совсем молодым пареньком, чертежником, попал на работу в статистическое отделение в ОГПУ, красиво тушью чертил таблицы с цифрами арестованных, приговоренных, расстрелянных, сделал карьеру и дослужился до начальственного кресла, но в 31 год — внезапный финал. О его смерти даже было помещено 13 июня 1941 г. извещение в газете «Правда» — высокая честь, сам он был кремирован, и урна с прахом захоронена на Новодевичьем кладбище, а по соседству с ним — урна с прахом знаменитого палача Петра Магго, скончавшегося прямо на рабочем месте месяцем раньше. Совсем не старыми умерли Николай Киселев — в 53 года и Алексей Офицеров — в 52 года.

Следы Татьяны Бабаян теряются после ее назначения в 1940 г. в Особый отдел НКВД Прибалтийского военного округа. Пережила ли она войну, продолжала ли службу в госбезопасности — все это остается под вопросом. Возможно, вышла замуж и сменила фамилию, и это значительно затрудняет поиск и выяснение ее судьбы.

Наличие Николая Зубова в списке награжденных как будто нарушает систему и вклинивается в строй-

[1] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 252. Л. 129–132-об.

ные ряды служащих 1-го спецотдела, ведь он весной 1940 г. занимал должность младшего следователя следственной части Главного экономического управления НКВД, то есть был совсем не из Учетно-архивного отдела. Как он оказался среди награжденных? Можно предположить, что его включил Богдан Кобулов — начальник ГЭУ НКВД, то есть его непосредственный начальник. Известно, что Кобулов ориентировал Зубова на выполнение самых деликатных и тайных поручений. В 1939 г. сотрудники Кобулова были задействованы в сборе компрометирующих материалов о дореволюционном периоде жизни Вячеслава Молотова, подбирали материалы на членов Политбюро Ворошилова и Калинина. Верный «оруженосец» Кобулова, Зубов принимал участие в избиениях (прямо в кабинете Берии) арестованного директора Института косметики и гигиены Ильи Белахова с целью добиться от него показаний на Полину Жемчужину — жену Молотова[1]. Несомненно, на то было непосредственное указание самого Сталина. Лаврентий Берия и Богдан Кобулов сами бы ни за что не решились проявлять такую «самодеятельность». В духе Сталина было искать и копить компрометирующие материалы на своих ближайших соратников, постоянно проверять их на лояльность и преданность.

Вероятнее всего, в ходе реализации решения Политбюро ЦК от 5 марта 1940 г. Зубов исполнял роль помощника Кобулова по работе в тройке, за что и был поощрен. Вообще говоря, узкий круг сотрудников 1-го спецотдела НКВД, награжденных за участие в оформлении дел расстрелянных в 1940 г. польских граждан, — это именно те, кого руководство облекло особым доверием. Их совсем не так много, если смотреть, сколько всего сотрудников было в 1-м спецотделе.

Общий штат сотрудников, занятых в учетно-архивной сфере центрального аппарата НКВД, имел тенден-

---

[1] Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В.Н. Хаустов. М., 2012. С. 91, 329, 332.

цию к постоянному увеличению. На 1 января 1940 г. в 1-м спецотделе НКВД СССР числилось 358 человек[1], а согласно штатному расписанию, объявленному приказом НКВД № 291 от 6 марта 1941 г., в 1-м спецотделе НКВД трудилось уже 620 человек, и это при том, что часть сотрудников ранее была направлена на укомплектование 2-го отдела (Учетно-архивного) самостоятельного Наркомата госбезопасности — НКГБ, созданного в феврале 1941 г.

До начатого в 1990 г. расследования «Катынского дела», возможно, дожили Анна Разоренова (в замужестве Булахова) и Иван Баринов. Разоренова, жившая в Москве, в июне 1990 г. по собственному желанию покинула ряды КПСС, что неудивительно. В поздние годы перестройки многие коммунисты, сохранившие советское реликтовое сознание, демонстративно, в знак несогласия с новой политикой, покидали партию. Нашло ли ее следствие и успело ли допросить — неизвестно. Известно только, что Иван Баринов был допрошен следователями прокуратуры.

Леонид Баштаков

Отдельного рассказа заслуживает начальник 1-го спецотдела НКВД Леонид Баштаков. Он не был награжден приказом от 26 октября 1940 г., но его роль в расстрельной акции огромна. Решением Политбюро от 5 марта 1940 г. он был утвержден членом тройки НКВД, которая выносила решения о расстрелах польских военнопленных и гражданских лиц. Как известно, эта тройка в составе Всеволода Меркулова, Богдана Кобулова и Леонида Баштакова за апрель — май 1940 г. вынесла свыше 21 тысячи приговоров к смерти (а точнее 21 857, согласно записке Шелепина от 3 марта 1959 г.[2]).

---

[1] Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1960. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 1997. С. 259.

[2] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 601.

Совпадение, но начальником 1-го спецотдела НКВД Баштаков был назначен приказом НКВД именно 5 марта 1940 г., до этого он исполнял обязанности начальника этого отдела[1]. Тоже своего рода аванс или стимул перед включением в тройку, чтобы старался. Неожиданная смерть предшественника расчистила Баштакову дорогу к начальственному креслу. Прежний начальник 1-го спецотдела Георгий Петров 30 ноября 1939 г. умер от сердечного приступа. Обстоятельства его смерти показались странными руководству НКВД, было начато расследование, но никаких результатов оно не дало. Тем не менее врача Рахмиэля Мариупольского, который постоянно лечил Петрова, в январе 1940 г. арестовали и в 1941 г. расстреляли. Спустя 8 лет министр госбезопасности Виктор Абакумов вновь пристально изучал дело о смерти Петрова, заподозрив, что Богдан Кобулов мог «устранить» Петрова, уничтожившего по его указанию некоторые архивные дела и потому ставшего опасным свидетелем[2].

В общем, наряду с оперативной и следственной, и архивная работа в НКВД порой могла быть крайне опасной. Скорее всего, Баштаков сделал нужные выводы и, прослужив в Учетно-архивном отделе НКВД до января 1942 г., поспешил уйти на учебную работу, возглавив Высшую школу НКВД СССР, — и безопаснее, и спокойнее. Однако до того, помимо участия в тройке, приговорившей к расстрелу более 20 тысяч польских граждан, он успел принять участие в других жутких акциях. Это и расстрел узников Орловской

---

[1] Письмо НКВД СССР № 834/б в ЦК ВКП(б) с просьбой утвердить Баштакова в должности начальника 1-го спецотдела НКВД Берия подписал 4 марта 1940 г. (первоначальная дата письма, 2 марта, исправлена в оригинале документа на 4 марта). Решение Оргбюро ЦК ВКП(б) (ОБ 31/454) об утверждении Баштакова в должности было принято в тот же день, 4 марта 1940 г., и на следующий день издан приказ НКВД СССР № 308 об этом назначении.

[2] Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. С. 187.

тюрьмы в сентябре 1941 г.[1], и массовые расстрелы заключенных московских тюрем в октябре того же года. Сменивший Баштакова на должности начальника 1-го спецотдела НКВД Аркадий Герцовский (с мая 1943 г. — начальник Отдела «А» НКГБ — МГБ), отвечавший за учетно-архивную работу и причастный к внесудебным тайным расправам, в 1953 г. был приговорен к 10 годам.

Баштакова спас ранний переход в ранг пенсионеров МГБ. В 1947 г. ему объявили выговор за то, что ослабил руководство школой и «в ущерб служебной работе значительное время занимался устройством личных дел» (строительством дачи), и освободили от должности начальника Высшей школы МГБ. Затем до выхода на пенсию он работал в Министерстве геологии, но в 1953 г. после ареста Берии ему пришлось изрядно поволноваться. Вызовы в прокуратуру, допросы, в общем, завертелось... Его продолжали допрашивать и после расстрела Берии и в январе 1954 г. вызывали в Генеральную прокуратуру. О преступлениях Берии Баштаков рассказывал охотно и подробно. Ему даже пришлось выступить в качестве свидетеля в 1956 г. на суде над знаменитым следователем-изувером Борисом Родосом[2]. Однако до катынских дел не дошло, даже и не спрашивали.

Несмотря на очевидное участие Баштакова в преступных акциях НКВД бериевского периода, звания его не лишили и не привлекли даже к минимальной ответственности. Более того, Указом Президиума Верховного Совета СССР 28 октября 1967 г. наградили медалью «За боевые заслуги». Тогда было массовое награждение членов партии «со стажем» в честь юбилея революции. Конечно, скромно, но ведь наградили, не забыли старика.

Пенсионер Баштаков жил в Москве вполне по-генеральски: отдельная квартира, домработница. Вот

---

[1] Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124—131.

[2] Петров Н. Палачи. С. 139—150.

только вселяла тревогу жена, пристрастившаяся азартно играть на бегах на ипподроме, но он был весьма снисходителен к этой открывшейся в ней одержимости — ведь это что-то вроде болезни. Трагедия, обрушившаяся на его семью, была внезапной. Беременная дочь Баштакова по нелепой случайности смертельно отравилась бытовым газом из-за погасшей нагревательной колонки. Его жена не пережила смерти дочери и вскоре скончалась. Баштаков остался совсем один. В заботах о сохранности квартиры он не нашел ничего лучшего, чем жениться на собственной домработнице. После его смерти в 1970 г. не умеющая даже писать домработница Груша стала полновластной хозяйкой в доме. Однако доставшаяся ей квартира и большие деньги притягивали различного рода мошенников, и Груша, став жертвой крупного обмана, сама скоро сошла в могилу[1]. Ее похоронили там же, где и Баштакова.

Урна с прахом кремированного Баштакова находится в одной из крытых галерей, примыкающих к зданию крематория Донского кладбища. В стене галереи от пола и почти до потолка — что-то вроде стенных шкафчиков с множеством небольших застекленных ячеек, в которых помещаются урны с прахом. Сквозь пыльные окна галереи пробивается яркий солнечный свет и освещает керамическую урну с небольшим портретом Баштакова в военной форме и датами: 1900—1970. В воздухе галереи едва уловимый запах высушенных цветов и еще чего-то музейного. Кажется, что время здесь остановилось. За стеклами ячеек видны искусственные букетики, какие-то самодельные веночки — все то, что родственники могли положить когда-то давно и потом уже не решались трогать. Эта урна — единственный материальный объект, оставшийся от тройки НКВД, выносившей в 1940 г. расстрельные внесудебные приговоры поль-

[1] Колесников Ю.А. Среди богов. Неизвестные стороны советской разведки. М., 2014. С. 836—839.

ским гражданам. Лаврентий Берия, Всеволод Меркулов и Богдан Кобулов были в декабре 1953 г. расстреляны, а их тела кремированы здесь же, на Донском кладбище, но их прах был тайно ссыпан в общую яму, в отличие от Баштакова, удостоенного пусть и скромного, но вполне легального места упокоения.

Наверное, есть какой-то особый смысл в том, что главные палачи нашли свое последнее пристанище рядом со своими жертвами. Это все то же, хорошо знакомое нам, Донское кладбище, где недалеко от входных ворот находятся могилы Василия Блохина и его многолетнего помощника по расстрельному ремеслу Петра Яковлева.

Глава 7

«СПЕЦГРУППА» БЛОХИНА

Имя бессменного и главного палача сталинской эпохи Василия Михайловича Блохина сегодня на слуху. Его подписью скреплено множество хранящихся в архиве Лубянки актов о приведении расстрельных приговоров в исполнение. Людям, не посвященным в тонкости палаческого ремесла, приходилось испытывать шок и трепет, когда им доводилось видеть его в деле. Кем же был этот человек, чьей рукой вершился сталинский произвол?

Скупые строчки его автобиографии повествуют о том, что он родился 7 января 1895 г. в селе Гавриловском Суздальского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина-середняка. Это дата по новому стилю, а по старому стилю — это рождественские праздники в декабре 1894 г. С 1905 г. одновременно с учебой работал пастухом, затем каменщиком, помогал в хозяйстве отца. 5 июня 1915 г. был зачислен рядовым в 82-й пехотный полк во Владимире, дослужился до младшего унтер-офицера. Со 2 июня 1917 г. — старший унтер-офицер 218-го Горбатовского пехотного полка на Германском фронте, был ранен, лечился в госпитале в Полоцке до 29 декабря 1917 г. Затем до октября 1918 г., оставаясь в стороне от политических бурь, он крестьянствовал в хозяйстве отца, а 25 октября 1918 г. добровольцем поступил на службу в Яновский волостной военкомат Суздальского района. Вскоре Блохин сделал свой политический выбор — в апреле 1921 г. вступил в коммунистическую партию и тут же, 25 мая 1921 г., был назначен в 62-й батальон войск ВЧК в Ставрополе.

Теперь развивается его чекистская карьера. С 24 ноября 1921 г. он помощник командира взвода в отряде особого назначения при Коллегии ВЧК, с 5 мая 1922 г. — комвзвода там же, с 16 июля 1924 г. — помощник командира 61-й дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ. 1 августа 1924 г. Блохин выдвигается на должность комиссара для особых поручений спецотделения при Коллегии ОГПУ, теперь, помимо прочего, в его обязанности входит и приведение расстрельных приговоров в исполнение. Действительно, с весны 1925 г. подпись Блохина регулярно встречается под расстрельными актами. Может быть, он и дальше был бы всего лишь одним из рядовых расстрельщиков, но внезапно открылась высокая вакансия. 3 марта 1926 г. Блохин был назначен временно исполняющим должность коменданта ОГПУ (вместо отсутствующего Карла Вейса), а 1 июня 1926 г. его утвердили в этой должности.

Судьба его предшественника Карла Вейса оказалась незавидной. В подписанном Ягодой приказе ОГПУ № 131/47 от 5 июля 1926 г. говорилось о причинах его снятия с должности и осуждения: «31 мая 1926 г. постановлением Коллегии ОГПУ комендант ВЧК/ОГПУ Вейс Карл Иванович приговорен к лишению свободы на 10 лет со строгой изоляцией по обвинению его в сношениях с сотрудниками иностранных миссий, явными шпионами. Имеющимися в деле установленными данными Вейс характеризуется как совершенно разложившийся, утративший всякое понимание лежавшей на нем, как чекисте и коммунаре, ответственности и не остановившийся перед фактом крайней дискредитации Объединенного Государственного Политического Управления, сотрудником которого он состоял»[1].

В отличие от Вейса Блохин вел себя правильно и на посту коменданта бессменно проработал долгие годы вплоть до выхода на пенсию. С 10 июня 1938 г.

---

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-а. Д. 10.

его должность стала именоваться — начальник Комендантского отдела АХУ НКВД СССР.

Будучи на работе в ОГПУ, Блохин экстерном сдал зачеты во втуз в 1932 г., окончил 3 курса строительного факультета в Институте повышения квалификации инженерно-технических работников. На этом его образование закончилось. Для него важнее было другое. Блохин рос в глазах чекистского начальства и выдвинулся в первые палачи. Он стал незаменим. Десятилетие его труда в расстрельном деле было отмечено специальным приказом наркома внутренних дел Генриха Ягоды № 142 от 27 апреля 1936 г. В приказе говорилось: «Отмечая безупречную 10-летнюю работу тов. Блохина В.М. комендантом ОГПУ, беспрерывный рост на этой работе, успешную техническую учебу без отрыва от своей непосредственной работы — приказываю: наградить коменданта НКВД СССР — капитана государственной безопасности Блохина Василия Михайловича — часами»[1]. Интересно, о какой такой технической учебе шла речь? Начальство было не в курсе: Блохин теперь учился только одному — он оттачивал мастерство в палаческом ремесле. Да и знал бы Ягода, подписавший этот приказ, что через пару лет его расстреляет именно Блохин, и рука его не дрогнет.

Как это все начиналось? В первые годы советской власти расправа, практикуемая большевиками, нередко носила публичный и демонстративный характер. В Архангельске расстреливали днем и публично, в Николаеве — под звуки духового оркестра[2]. Публичные казни одобрялись большевистским руководством. Под столь наглядную форму расправы подводилась и теоретическая база. Так, осенью 1918 г. Карл Радек в статье «Красный террор», опубликованной в «Известиях», писал: «Пять заложников, взятых у

---

[1] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 54.

[2] Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990. С. 144—147.

буржуазии, расстрелянных на основании публичного приговора пленума местного Совета... расстрелянных в присутствии тысяч рабочих, одобряющих этот акт, — более сильный акт массового террора, нежели расстрел пятисот человек по решению Чрезвычайной Комиссии без участия рабочих масс»[1].

По окончании Гражданской войны на смену романтической публичности террора пришла тайна. Большевистский режим задумался о том, чтобы выглядеть респектабельно и привлекательно. Все, что было связано с такой деликатной темой, как казни, стали тщательно прятать и скрывать. До сих пор не известно каких-либо ведомственных актов или инструкций органов ВЧК — КГБ, регламентирующих процедуру расстрела и порядок захоронения тел казненных. Единственное исключение — это циркуляр Верховного трибунала ВЦИК от 14 октября 1922 г., адресованный всем председателям трибуналов. Здесь говорится, что «тело расстрелянного никому выдаче не подлежит, предается [земле] без всяких формальностей и ритуала, в полном одеянии, в коем был расстрелян, на месте приведения приговора или в каком-либо другом пустынном месте, и таким образом, чтобы не было следа могилы, или отправляется в погребальный морг»[2].

Процедура расстрела и места захоронений были тщательно охраняемой тайной. Секретность в палаческом деле была столь велика, что даже среди чекистов об этом знал очень узкий круг посвященных. Более того, с начала 1920-х гг. факт расстрела, если решение о казни принималось во внесудебном порядке, стали скрывать и от родственников казненного, а если и сообщали, то всегда устно, не предоставляя никаких официальных бумаг[3]. В годы Большого тер-

---

[1] Известия. 1918. 6 сентября. № 192.

[2] Рогинский А.Б. Послесловие // Расстрельные списки. Москва. 1935—1953. Донское кладбище. М., 2005. С. 565.

[3] Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. М., 2007. С. 7—8.

рора, когда счет расстрелянным шел на сотни тысяч, на массовые обращения родственников казненных с просьбой сообщить о приговоре стали давать устный ответ: «Десять лет без права переписки». Завеса тайны окружала и судьбы арестованных, и казненных.

Первоначально в органах ВЧК не существовало ни специальных должностей, ни самой идеи о необходимости штатных палачей. Предполагалось (и это вошло в практику), что, если потребуется, исполнение приговоров к расстрелу должно быть обязанностью каждого чекиста. В Москве в 1918 г. расстрелы «царских министров» проходили на Ходынском поле, и их осуществляли красноармейцы, которых затем сменили китайцы. Позднее «появился как бы институт наемных палачей — профессионалов, к которым от времени до времени присоединялись любители-гастролеры»[1]. В начале 1920-х гг. сложилась устойчивая практика, когда приведением приговоров в исполнение в центральном аппарате ВЧК в Москве стали заниматься одни и те же люди[2]. Их круг был более или менее постоянен на протяжении десятилетий. Эта группа получила неофициальное название «спецгруппа», она состояла преимущественно из работников комендатуры, хотя все же формировалась по принципу, согласно которому, в нее включались чекисты, способные почти ежедневно участвовать в расстрелах людей. Этот критерий был неформальным, но важным, ведь не каждый работник комендатуры был способен на такое.

Если участие отдельных работников комендатуры в расстрелах более или менее объяснимо (комендату-

---

[1] Мельгунов С.П. Красный террор в России. С. 145.

[2] В Москве с 1918—1919 гг. регулярные казни путем расстрела стали совершаться во внутреннем дворе гаража ВЧК в Варсонофьевском переулке. По сохранившимся свидетельствам, процедура была следующей: приговоренных во внутреннем здании сначала раздевают до нижнего белья, а затем ведут по «двору, в задний конец, к штабелям дров и там убивают в затылок из нагана» (Мельгунов С.П. Красный террор в России. С. 146).

ра являлась, по сути, вооруженной охраной зданий и объектов органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ, и вполне логично было поручать подобные дела именно им), то удивление вызывает факт включения в «спецгруппу» людей из непосредственной охраны Сталина, единственной служебной задачей которых была охрана Сталина и других членов высшего кремлевского руководства, но никак не расстрелы приговоренных.

Акты о расстрелах на Лубянке в 1922—1930 гг. наиболее часто подписывались: Григорием Хрусталевым, Григорием Головым, Иваном Игнатьевым, Петром Магго, Андреем Черновым, Алексеем Роговым, Фердинандом Сотниковым, Василием Шигалевым, Василием Блохиным, Петром Пакалном, Робертом Габалиным, Иваном Юсисом[1]. Большинство из них были сотрудниками Специального отделения при Коллегии ОГПУ, которое занималось охраной советских вождей и персонально Сталина, то есть совмещали дело охраны вождей с участием в регулярных расстрелах «врагов народа». В штате центрального аппарата ОГПУ они значились как «комиссары для особых поручений»: Алексей Рогов, Иван Юсис, Фердинанд Сотников, Роберт Габалин, Андрей Чернов, Петр Пакалн, Яков Родованский[2]. Другая часть исполнителей служила в комендатуре ОГПУ. Это сам Блохин, а также Петр Магго, Иван Игнатьев и Василий Шигалев. Позднее в «спецгруппу» вошли Иван Шигалев (брат Василия Шигалева), Петр Яковлев (начальник правительственного гаража, затем начальник Автомобильного отдела ОГПУ), Иван Антонов, Александр Дмитриев, Александр Емельянов, Эрнст Мач, Иван Фельдман, Демьян Семенихин, а также Алексей Окунев (сотрудник Отдела охраны руководителей партии и правительства). Окунев отвечал за погребение и сжигание трупов.

---

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 7-ос. Оп. 1. Д. 163.

[2] По состоянию на 1 декабря 1929 г. (Свободная мысль. 1998. № 8. С. 96).

Нелегка была судьба палачей. В семьях их видели довольно редко, а когда те приходили после ночной «работы», то чаще всего были пьяны. Да и как не пить при таком злодейском занятии. Обычно после расстрела палачи устраивали пьянку. Как вспоминал один из них: «Водку, само собой, пили до потери сознательности. Что ни говорите, а работа была не из легких. Уставали так сильно, что на ногах порой едва держались. А одеколоном мылись. До пояса. Иначе не избавиться от запаха крови и пороха. Даже собаки от нас шарахались и если лаяли, то издалека»[1]. Неудивительно, что умирали исполнители рано, до срока, или сходили с ума. Умерли своей смертью Григорий Хрусталев — в октябре 1930 г.; Иван Юсис — 2 февраля 1931 г.; Иван Игнатьев — 15 октября 1937 г.[2]; Андрей Чернов — в 1940 г.; Петр Магго — в апреле 1941 г.; Василий Шигалев — в августе 1942 г., а его брат Иван Шигалев — в январе 1946 г.; Алексей Рогов — в 1947 г. Многие уволились на пенсию, получив инвалидность по причине шизофрении, как Александр Емельянов, или нервно-психической болезни, как Эрнст Мач[3]. Несколько раз лечился в психиатрической больнице и окончательно спился Алексей Окунев[4]. Не обошли расстрельщиков и репрессии. Роберт Габалин был арестован за гомосексуальные связи и без лишнего шума приговорен Особым совещанием при ОГПУ в феврале 1934 г. к трем годам лагеря. Разумеется, этого бывшего охранника Ленина тут же лишили знака «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)». А некоторые из них попали в руки Блохину — были доставлены в расстрельное помещение уже в качестве жертвы.

---

[1] Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. М., 1998. С. 275—276.

[2] Иван Григорьевич Игнатьев с октября 1934 г. служил комендантом ВКВС СССР. Ему адресованы предписания, и его подписью скреплено множество актов о приведении в исполнение приговоров к расстрелу, вынесенных Военной коллегией в 1937 г. И вот так умереть своей смертью осенью 1937 г. — непозволительная роскошь!

[3] Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. С. 278.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 62.

Так, в 1937 г. были расстреляны Григорий Голов, Петр Пакалн, Фердинанд Сотников. Интересно, что чувствовали Блохин и Магго, когда расстреливали своих бывших товарищей?

Особо нервировали палачей отдельные приговоренные, которые в момент расстрела славили Сталина. Возглавлявший группу расстрельщиков, приводивших в исполнение решения тройки УНКВД Московской области в 1937—1938 гг., Исай Берг, будучи арестованным, показал, что он получил от начальства строгое указание «не допускать таких явлений в дальнейшем» и среди работников спецгруппы НКВД «поднимать настроение, стараться доказать им, что люди, которых они стреляют, — враги». Хотя тут же Берг признал: «Много мы стреляли и невиновных»[1].

Берг прославился тем, что при его непосредственном участии в Московском НКВД была создана «машина-душегубка», в которой приговоренные умерщвлялись выхлопным газом. Отчасти это берегло нервы московским палачам. Загрузили в Таганской или Бутырской тюрьме живых, в Бутово выгрузили мертвых — и вся работа, и никаких славословий Сталину. Сам Берг пояснил следствию, что без такого усовершенствования «невозможно было исполнить столь большое количество расстрелов»[2]. Центральной группе расстрельщиков под руководством Блохина также было предписано «проводить воспитательную работу среди приговоренных к расстрелу, чтобы они в столь неподходящий момент не марали имя вождя»[3].

В период проведения массовых репрессий 1937—1938 гг. методика расстрелов была изменена. Сотрудники НКВД расстреливали ежедневно так много людей, что для их захоронения вблизи от областных центров были оборудованы специальные места. Час-

---

[1] Архив УФСБ по Москве и Московской области. Архивно-следственное дело И.Д. Берга. Л. 94.

[2] Там же. Л. 196. Опубликовано: Комсомольская правда. 1990. 28 октября.

[3] Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. С. 276.

то приговоренных расстреливали непосредственно в месте захоронения, куда доставляли на автомашинах.

В эти годы основным методом следствия в НКВД стали пытки для получения признаний арестованных. Мало кто выдерживал. Чтобы избежать мучений подписывали любые признания об участии в несуществующих заговорах, но и после приговора к расстрелу их не оставляли в покое. Осужденных избивали даже тогда, когда в этом не было никакого смысла. Так было, например, в Грузии. Руководивший в это время республикой Лаврентий Берия отдавал грузинским чекистам приказы избивать осужденных к расстрелу непосредственно перед казнью: «Перед тем, как им идти на тот свет, набейте им морду»[1]. Сотрудник НКВД Грузии, очевидец расстрелов, вспоминал позднее о том, какие «жуткие сцены разыгрывались непосредственно на месте расстрелов», сотрудники НКВД «как цепные псы набрасывались на совершенно беспомощных, связанных веревками людей и нещадно избивали их рукоятками от пистолетов»[2]. Принимавшие участие в расстрелах грузинские чекисты: Никита Кримян, Александр Хазан, Константин Савицкий, Георгий Парамонов и Богдан Кобулов были осуждены лишь после смерти Сталина[3].

Однако не только избиения отличали казни времен Большого террора. Фантазия и самодеятельность чекистов не ограничивались лишь банальным расстрелом, в некоторых регионах страны в эти годы применялись и нетрадиционные способы казни. Так, в Вологодской области сотрудники УНКВД в декабре 1937 г. вывезли в поле 55 человек, приговоренных тройкой к расстрелу, и порубили их топорами[4]. В Новосибирской области, по указанию начальника УНКВД, в ходе массовых казней применялось удуше-

---

[1] Реабилитация: как это было. Том II. С. 589.

[2] Там же.

[3] Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 430–436.

[4] Реабилитация: как это было. Том II. С. 589.

ние веревками[1]. В Минусинске (Красноярский край) чекисты также экономили патроны и добивали приговоренных ломом[2].

В 1937—1938 гг. Блохин участвовал в самых громких расстрелах. Он командовал расстрелом маршала Тухачевского и высокопоставленных военных, осужденных вместе с ним. При исполнении приговора также присутствовали прокурор СССР Вышинский и председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих[3].

Иногда при проведении казни присутствовал и сам «железный нарком» Ежов, при котором расстрельное действо обретало черты художественной постановки. Осенью 1937 г.: «Перед расстрелом своего приятеля в прошлом, Яковлева, Ежов поставил его рядом с собой — наблюдать за приведением приговора в исполнение». Яковлев, встав рядом с Ежовым, обратился к нему со следующими словами: «Николай Иванович! Вижу по твоим глазам, что ты меня жалеешь». Ежов ничего не ответил, но заметно смутился и тотчас же велел расстрелять Яковлева[4].

Не менее запоминающаяся сцена разыгралась в марте 1938 г., когда приводили в исполнение приговор по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды и других осужденных на показательном процессе «право-троцкистского блока». Ягоду расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных[5]. Ежов присутствовал и, вероятнее всего, был автором подобной изощренной затеи. Причем перед расстрелом Ежов велел начальнику кремлевской охраны Израилю Дагину избить бывшего наркома внутренних дел Ягоду:

---

[1] Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. С. 58.

[2] Там же. С. 73.

[3] Реабилитация: как это было. Том II. С. 692.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 375. Л. 43.

[5] Там же. Д. 456. Л. 107.

«А ну-ка, дай ему за всех нас». В то же время расстрел собутыльника Павла Буланова расстроил Ежова, и он даже приказал сначала дать ему коньяку[1].

Удивительно, скольких своих бывших коллег и начальников, которым раньше он глядел в рот, расстрелял Блохин. Близость к разоблаченному руководству НКВД могла стоить жизни и ему самому. По крайней мере дважды его жизнь висела на волоске, но оба раза его спасало палаческое ремесло. Ведь в каком-то смысле, благодаря своему опыту и стажу, он был незаменим, и Ежов, начавший чистку НКВД, понимал, что Блохин ему еще пригодится. Аресты только начинались, а на Блохина уже поступил донос о его «связях с врагами народа» Ягодой, Булановым и др. В материалах «спецархива Ежова», в документах, которым нарком не дал ход, а сохранил у себя в сейфе, отложился рапорт Блохина от 3 апреля 1937 г. на имя Ежова с объяснениями по поводу работы при Ягоде. На этом рапорте Ежов написал короткую резолюцию: «Т. Блохину. Все это чепуха, и ничего в этом лично я не вижу плохого»[2]. Все претензии к Блохину были исчерпаны.

Сталин также ценил надежных исполнителей смертных приговоров. Его почему-то совсем не пугало, что у него за спиной постоянно маячат люди, привыкшие стрелять в затылок. О его особом, почти бережном отношении к исполнителям приговоров красноречиво говорит следующий эпизод, когда Блохин вновь оказался под ударом. В начале 1939 г., когда Берия вовсю чистил НКВД от ежовских кадров, поступил материал о том, что комендант Блохин был слишком близок к бывшему секретарю НКВД Буланову, да и к самому расстрелянному наркому Ягоде. Тогда это рассматривалось как доказательство участия в их «заговорщических планах». Берия, подготовив постановление на арест Блохина, отправился к Сталину за санкцией,

---

[1] Там же. Д. 375. Л. 42.

[2] ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 6. Д. 9. Л. 49.

но, к своему удивлению, получил отказ. В 1953 г. Берия показал на следствии: «Со мной И.В. Сталин не согласился, заявив, что таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу. Тут же он вызвал начальника охраны Н.С. Власика и спросил его, участвует ли Блохин в исполнении приговоров и нужно ли его арестовать? Власик ответил, что участвует, и с ним вместе участвует его помощник А.М. Раков, и положительно отозвался о Блохине»[1]. Берия, вернувшись в свой кабинет, вызвал к себе Блохина и работников «спецгруппы» для разговора. Результаты «воспитательной» беседы нарком отразил на отправленном в архив, так и не исполненном постановлении: «Сов. секретно. Вызван был мною Блохин и руководящие сотрудники комендатуры, которым мною было сообщено кое-что из показаний на них. Обещались крепко поработать и впредь быть преданными партии и советской власти. 20 февраля 1939 г. Л. Берия»[2]. Больше к вопросу о Блохине Сталин не возвращался.

Обычно приговоренных привозили в Варсонофьевский переулок к месту расстрела, где их дожидался Блохин с командой, но иногда ему самому приходилось ехать за жертвой. Так было в 1940 г., когда потребовалось доставить из тюрьмы приговоренного к высшей мере наказания бывшего кандидата в члены Политбюро Роберта Эйхе. Непосредственно перед отправкой на расстрел его жестоко избили в кабинете Берии в Сухановской тюрьме: «У Эйхе при избиении был выбит и вытек глаз. После избиения, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, он приказал увести его на расстрел»[3].

А 6 февраля 1940 г. Блохин расстрелял самого наркома Ежова. Присутствовавший при этом главный военный прокурор Николай Афанасьев описал

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 43–53.

[2] Там же.

[3] Реабилитация: как это было. Том II. С. 648.

основное рабочее место Блохина в Варсонофьевском переулке, где проводились казни. Здание с толстыми стенами находилось в глубине двора. Приговор приводился в исполнение в комнате «больших размеров с покатым цементным полом. Дальняя стена из бревен, в боку шланги водопровода. Казнь проводилась именно у этой бревенчатой стены»[1].

Руководство ценило Блохина. Он быстро рос в званиях: в 1935 г. — капитан ГБ, в 1940 г. — майор ГБ, в 1943 г. — полковник ГБ, в 1944 г. — комиссар ГБ, а в июле 1945 г. получил звание генерал-майора. Был также щедро осыпан государственными наградами: орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1940, 1944, 1949), орденами Отечественной войны I степени (1945), Трудового Красного Знамени (1943), Красной Звезды (1936), «Знак Почета» (1937), а также двумя значками «Почетный чекист» и золотыми часами. Был награжден и почетным оружием — маузером, хотя расстреливать предпочитал из немецкого вальтера, он не так сильно нагревался при непрерывной стрельбе, да и калибр у него был не слишком большой, что позволяло «аккуратно» расстреливать, оставляя небольшие дырки в затылке жертв, а не сносить полчерепа. Когда исполнилось 20 лет его пребывания в должности коменданта, он был премирован легковым автомобилем «М-20» («Победа»). Обращает на себя внимание то, что Блохин и его подручные из «спецгруппы» обычно всегда щедро награждались в ходе проведения серьезных расстрельных кампаний. Достаточно взглянуть на даты награждений: 28 ноября 1936 г., 22 июля и 19 декабря 1937 г., 26 апреля 1940 г. По различным оценкам, общее количество расстрелянных лично Блохиным за все годы его службы на Лубянке составляет не менее 10—15 тысяч человек.

Покинув когда-то давно родное село, Блохин не терял с ним связь. В Москву к себе в домработницы

---

1 Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. М., 2000. С. 75.

он взял девушку из Гавриловского — Шуру Тихонову, а в начале 1950-х гг. и сам навестил жившего в селе своего дальнего родственника Михаила Блохина, державшего пасеку. По рассказам односельчан, запомнивших визит московского гостя, выбившегося в большие начальники: «Они пошли гулять по селу. Тот, москвич, с тросточкой, в шляпе, а этот, наш, с собачкой»[1]. Блохин решил не смущать односельчан своим генеральским мундиром, а тросточка была вовсе не «для форсу», — ноги у него от ночной стоячей работы были больны.

Домработница Шура, навещавшая родственников в селе, в свои нечастые приезды восторженно описывала роскошную обстановку в московской квартире Блохина и, переходя на шепот, говорила о жестоком характере хозяина. Страстью Блохина были лошади и коневодство. Он собрал в своей библиотеке не менее 700 книг по этому предмету[2]. Еще с середины 1930-х гг. у Блохина была дача в Томилино, под Москвой, где он проводил летнее время. Это был дачный поселок НКВД. Там же была дача и начальника Тюремного отдела НКВД. По выходным тюремщик и палач наносили друг другу визиты.

Сразу же после смерти Сталина и вторичного прихода Берии к руководству органами госбезопасности Блохин был отправлен на пенсию. Приказом МВД СССР № 3 от 14 марта 1953 г. новым начальником Комендантского отдела МВД СССР был назначен полковник Виктор Бровкин, а Блохин приказом МВД СССР № 107 от 2 апреля 1953 г. был уволен по болезни с объявлением благодарности за 34-летнюю «безупречную службу» в органах ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД СССР. Как пояснил Берия, Блохина освободили от должности как «засидевшегося»[3] — был такой

---

[1] Артюх Д. Палач из Суздальского района // Зебра-ТВ. 2013. 1 ноября. URL: http://zebra-tv.ru/novosti/chetvertaya-rubrika/palach-iz-suzdalskogo-rayona (дата обращения: 05.07.2016).

[2] Там же.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 469. Л. 43–53.

бюрократический термин, обозначавший долгое пребывание работника в одной и той же должности и утрату им активности и эффективности в работе. Хотя, как мы знаем, работа у него была как раз вовсе не сидячая и здоровье на ней он изрядно подрастерял.

Итак, в 1953 г. Блохина торжественно проводили на заслуженный отдых. После смерти диктатора нужда в его услугах отпала. Нет, конечно, сменивший его новый комендант не остался без «ночной работы», просто ее масштаб сразу же стал не тот. На смену прежним жертвам подоспели те, которые раньше сами чинили суд и расправу: при новом послесталинском руководстве стали казнить бывших подручных Берии и Абакумова. Их дела активно расследовались, и оказалось, что на пенсии Блохину тоже нет покоя. Он зачастил на допросы в Генеральную прокуратуру. В ходе расследования дела Берии и его ближайших подручных понадобились поистине бесценные знания бывшего коменданта, осуществлявшего все самые важные казни, и все же Блохин не был привлечен в качестве обвиняемого, хотя он и был исполнителем преступных акций. Наверное, решили: ведь это просто палач, выполнял приказ — работа у него такая.

После увольнения Блохину за 36 лет выслуги в армии и органах была назначена пенсия в размере 3150 рублей, но после лишения генеральского звания 23 ноября 1954 г. выплата пенсии от КГБ была прекращена. Не ясно, успел ли он оформить себе обычную пенсию по старости. Согласно медицинскому заключению, Блохин страдал гипертонической болезнью 3 степени и умер 3 февраля 1955 г. от инфаркта миокарда[1].

По воспоминаниям очевидцев, хоронить Блохина пришло много людей. Судя по тому, как они выглядели и как были одеты, — все его сослуживцы, но были не в военной форме, а чем-то похожи друг на

---

[1] Архив УФСБ по Москве и Московской области. Пенсионное дело В.М. Блохина.

друга, в черной одежде, и их лица почему-то внушали безотчетную тревогу и страх[1]. По иронии судьбы Блохина похоронили там же, где покоится прах большинства его жертв, — на Донском кладбище. Хотя тела расстрелянных сжигались здесь же в крематории, и прах ссыпался в безымянные общие ямы, а вот на могиле Блохина несколько лет назад появилось новое красивое надгробие с портретом. Не забывают!

Список «добровольцев»

В марте 1940 г. в Калининском, Смоленском и Харьковском управлениях НКВД формировались команды, которым предстояло провести массовые расстрелы польских офицеров. Как это происходило, можно догадаться и по составу участников этих команд, и по дошедшим до нас скупым свидетельствам. Совершенно очевидно, что костяк команд составили работники комендатур управлений в Калинине, Смоленске и Харькове, которые раньше участвовали в расстрелах. Однако этого было явно недостаточно. Их ожидала авральная ситуация, когда в каждом управлении за месяц-полтора требовалось расстрелять по несколько тысяч человек. Даже во время Большого террора, репрессий 1937—1938 гг., нагрузка на расстрельные команды в этих городах была существенно меньше.

В Москве на совещании у Богдана Кобулова в марте 1940 г., вероятнее всего, обсуждался также вопрос о том, что сотрудникам «спецгруппы» Блохина следует выехать непосредственно в Калинин, Смоленск и Харьков для участия в расстрелах. Их опыт и многолетняя практика были гарантией того, что массовые и скорые расстрелы пройдут как надо и местные сотрудники комендатур при таком наставничестве будут бодрее и смелее.

По состоянию на 15 февраля 1940 г., согласно штатному расписанию, объявленному приказом по АХУ НКВД № 38 от 16 марта 1940 г., в должности сотруд-

[1] Беседа с Владимиром Ильичом Илюшенко, 2 февраля 2015 г.

ников для особых поручений Комендантского отдела НКВД состояло 6 человек: Петр Магго, Демьян Семенихин, Василий Шигалев, Эрнст Мач, Иван Шигалев, Александр Емельянов[1]. Стоит отметить, что в списке награжденных в октябре 1940 г. отсутствуют двое из них — Петр Магго и Эрнст Мач. Видимо, они из Москвы не уезжали. В условиях, когда остальные работники «спецгруппы» во главе с начальником разъехались на места, надо было кого-то оставить в Москве «на хозяйстве». Понятно, ведь и в Москве дело не стояло и продолжались казни. Кто-то же должен был их осуществлять, нельзя было оставить столицу без палачей.

«Спецгруппа», осуществлявшая казни в Москве, состояла не только из сотрудников для особых поручений Комендантского отдела. В нее также входили многолетние участники расстрелов, работавшие в других подразделениях центрального аппарата НКВД: Иван Антонов, Александр Дмитриев, Алексей Окунев, Иван Фельдман и Петр Яковлев.

Согласно показаниям Дмитрия Токарева, в Калинин, где намечались наиболее массовые расстрелы, приехал сам комендант НКВД Василий Блохин. Сохранившиеся в архиве приказы по АХУ НКВД СССР позволяют установить точные даты нахождения Блохина и некоторых его подчиненных в командировках (к сожалению, в приказах нет данных о том, куда именно убыл и откуда прибыл тот или иной командируемый). В приказе по АХУ НКВД № 41 от 21 марта 1940 г. говорится: «Полагать убывшим в служебную командировку начальника Комендантского отдела АХУ НКВД майора госбезопасности Блохина с 19 марта с.г.»[2]. Приказ по АХУ НКВД № 72 от 31 мая 1940 г. дает перечень прибывших из командировок с указанием даты убытия. Согласно этому приказу: Василий Блохин прибыл 23 мая 1940 г. (убыл 16 марта); Александр Емельянов прибыл 29 апреля 1940 г. (убыл

---

[1] ГА РФ. Ф. 9423. Оп. 35. Д. 20. Л. 139–173.

[2] Там же. Д. 19. Л. 125.

16 марта); Петр Яковлев прибыл 23 мая 1940 г. (убыл 24 марта); Иван Антонов прибыл 23 мая 1940 г. (убыл 16 марта)[1].

Здесь видим некоторое разночтение в дате убытия Блохина из Москвы в командировку — 16 или 19 марта. Трудно сказать, какая дата истинная, но вероятнее всего — 16 марта, так как это отмечено в более позднем приказе. Итак, Блохин пробыл в командировке почти два месяца, также длительное время находились в командировках и сотрудники его «спецгруппы»: Емельянов — с 16 марта по 29 апреля 1940 г.; Антонов — с 16 марта по 23 мая 1940 г.; Яковлев — с 24 марта по 23 мая 1940 г. Известно, что Иван Антонов и еще один сотрудник комендатуры ассистировали Блохину в Калинине[2]. Однако, сопоставляя эти даты, трудно прийти к выводу о том, кто третий составил компанию Блохину в командировке в Калинин, а кто был направлен в Смоленск и Харьков, но очевидна закономерность — выехали они почти одновременно. Если учесть, что расстрелы польских офицеров начались в начале апреля, то видно, что на места они отправились заранее, чтобы подобрать «добровольцев» из числа надзирателей и шоферов Калининского, Смоленского и Харьковского УНКВД, сколотить из них расстрельные команды, провести нужный инструктаж и подготовить места расстрелов и захоронения тел.

К сожалению, командировки Дмитриева, Окунева, Семенихина, Фельдмана и братьев Шигалевых в данном массиве приказов по АХУ НКВД СССР за 1940 г. не отражены, что, впрочем, не означает, что они никуда не выезжали[3]. В конце концов, они же бы-

---

[1] Там же. Л. 210—211.

[2] См. главу «Тайный круг».

[3] Приказы об их командировках могли отложиться в других фондах. Например, приказ об откомандировании Окунева следует искать в фондах 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР, где он проходил свою основную службу. Дмитриев и Фельдман могли быть направлены в командировку приказом по автобазе АХУ, где они числились.

ли награждены за вполне конкретное участие в расстрелах польских офицеров. Всего 26 октября 1940 г. из числа сотрудников «спецгруппы» Блохина были награждены месячным окладом 10 человек: сам Василий Блохин, Иван Антонов, Александр Дмитриев, Александр Емельянов, Алексей Окунев, Демьян Семенихин, Иван Фельдман, Василий Шигалев, Иван Шигалев, Петр Яковлев. Никто из них не дожил до времени, когда в 1990 г. началось расследование «Катынского дела».

О безвременной кончине братьев Шигалевых говорилось выше. Другие работники «спецгруппы» также не задержались на этом свете: Александр Дмитриев и Александр Емельянов умерли в 1953 г., а на следующий год — Иван Фельдман (в марте 1954). Петр Яковлев умер в апреле 1959 г. и был похоронен рядом со своим начальником Блохиным на Донском кладбище, а в 1966 г. умер Алексей Окунев. К долгожителям, пожалуй, можно отнести Ивана Антонова и Демьяна Семенихина — оба умерли в августе 1975 г.

Не только особо тайная работа объединяла исполнителей смертных приговоров. Они и в жизни держались вместе. Антонов, Блохин, Семенихин и Василий Шигалев жили в одном доме в Москве по адресу: улица Большая Комсомольская, дом 3а, Окунев — в доме 5 на той же улице[1]. Другие участники расправы над польскими гражданами: Зильберман, Зубов и Синегубов проживали на улице Горького, в доме 41. Было это, конечно, не по личному желанию, а из-за особенностей выделения им квартир от НКВД (был в этом определенный смысл — пусть друг за другом присматривают).

Умершие в августе 1975 г. Иван Антонов и Демьян Семенихин дружили. Семенихин часто заходил к Антонову, и они вместе отправлялись на службу. Антонов

---

[1] Причем вселился в квартиру арестованного в ноябре 1937 г. майора госбезопасности Тимофея Прохорова, бывшего начальника инспекции ГУШОСДОР НКВД СССР.

занимал с семьей — женой и дочерью — две скромно обставленные комнаты в коммунальной квартире. По воспоминаниям соседей, был немногословен, никогда не распространялся о службе или политике, а говорил только так, по-соседски, о бытовых вещах. В общем, сосед как сосед — вполне обычный человек. Только одна деталь поражала воображение: довольно часто Антонова привозили на машине со службы под утро, втаскивали совершенно пьяным в квартиру и с ним — огромные букеты цветов. Отоспавшись, он долго мыл с мылом усеянные рыжими волосками руки. Долго-долго, как будто стараясь от чего-то тщательно отмыть[1]. Почти античный сюжет — он, проводник в царство мертвых, отмывался, возвращаясь к жизни. Интересно, возникали ли у его домашних вопросы — почему, откуда цветы? Просто какой-то декаданс с кладбищенским уклоном. Приносили бесчувственное тело в окружении охапок цветов, как будто каждый раз хоронили его самого, расстреливавшего свою собственную душу, а может быть, все прозаичней, и аромат цветов с Донского должен был скрыть едва уловимые запахи крови, пороха и могильного тлена.

После ареста Берии у прокуратуры, ведшей дело, появились вопросы к работникам «спецгруппы». Ведь именно они стояли на конечной стадии сталинского произвола, довершали его убийством невинно осужденных. Одним из тех, кем особенно заинтересовались, был Демьян Семенихин, участвовавший, на основании адресованного лично ему и подписанного Берией предписания № 2756/б от 18 октября 1941 г., в бессудном расстреле в Куйбышеве[2]. Семенихину поручалось выехать в Куйбышев и расстрелять группу заключенных — 25 человек. Среди них был давний недруг Берии — Михаил Кедров, оправданный судом, но для Берии, сводящего старые счеты, очень важно

---

[1] Беседа с Владимиром Ильичом Илюшенко, 2 февраля 2015 г.

[2] Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. С. 170, 339—340.

было с ним покончить. В куйбышевской тюрьме оказалось лишь 20 человек из этой группы, а пятерых расстреляли в Саратове. Акт о расстреле подписали Леонид Баштаков и Семенихин, также свою подпись поставил заместитель начальника следственной части НКВД Борис Родос[1]. Казалось, все! За расстрел невиновных, за оформление бумаг задним числом придется Семенихину ответить, как говорится, «по всей строгости», но нет, не стали мельчить и размениваться. По логике прокуратуры выходило, что он не виноват, а просто выполнял приказ. И все же проведенное в 1950-х гг. расследование эпизодов преступлений Берии и его предшественников в НКВД высветило и механизм расправ, и зловещую роль Донского крематория в сокрытии следов работы «спецгруппы» Блохина.

Директор крематория на Донском кладбище Петр Нестеренко жил в отдельно стоящем домике тут же неподалеку. Он многое знал и многое видел. За свою работу по сжиганию тел казненных получал дополнительное ежемесячное вознаграждение — 200 рублей. Его по праву можно считать действенным помощником «спецгруппы», почти ее участником. Вот только он никогда не был и не мог быть чекистом. Его история интересна. Нестеренко родился в 1884 г. в семье мелкопоместного дворянина. Служил в армии, окончил пехотное училище и Военно-воздухоплавательную школу[2]. В Гражданскую войну воевал на стороне белых — был полковником в армии Деникина. Эмигрировал, жил сначала в Сербии и Болгарии, затем перебрался в Париж. Там он всерьез заинтересовался техническими аспектами процесса кремации[3], чтобы набраться опыта ездил в Берлин. Решение вернуться в СССР толкнуло его в объятия заграничных представителей разведки ОГПУ. Прослужив пару лет тайным

---

[1] Там же. С. 647–648.

[2] Головкова Л.А. Где ты?.. М., 2013. С. 47.

[3] Рогинский А.Б. Послесловие. С. 572.

информатором, освещавшим жизнь белой эмиграции, он в 1926 г. получил право возвратиться в Москву, где реализовал полученные за границей опыт и знания[1]. Стал директором крематория на Донском кладбище прямо с момента его открытия.

Когда 1-й московский крематорий был открыт, пресса с восторгом писала о нем, как образце гигиены, положившем конец вековой отсталости: «Огонь, испепеляющий огонь! Тебе построен этот храм современности, это огненное кладбище... Крематорий — это зияющая брешь в китайской стене народного невежества и суеверия, на которых спекулировали попы всех верований»[2]. Сообщалось о прейскуранте (сжигание тел взрослых — 20, а детей — 10 рублей), о том, что, хотя объявленная производительность крематория составляет до 20 трупов в день, нагрузка большая и «рабочий день иногда, вместо 5 часов, заканчивается в 10 вечера...»[3] Однако совсем не писали о том, что потом начинается полноценная «рабочая ночь». Сотрудники «спецгруппы» привозили в Донской крематорий и сжигали тела расстрелянных. Пропаганда и популяризация нового вида похорон была поставлена на широкую ногу. В крематорий устраивались экскурсии, но, разумеется, в дневное время[4]. Ночная работа была окружена тайной.

Все шло более или менее размеренно до середины 1930-х гг., потом началась «настоящая работа» — расстрельная лихорадка, ночные авралы. Тел казненных привозили все больше и больше, а однажды Нестеренко был просто озадачен. В августе 1936 г. Григорий Голов и сотрудник Учетно-архивного отдела Сергей Зубкин попросили его выдать после сожжения прах казненных Григория Зиновьева и Льва Каменева. Ему оставалось теряться в догадках, для чего это

---

[1] Головкова Л.А. Где ты?.. С. 48—49.

[2] Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50.

[3] Там же.

[4] Головкова Л.А. Где ты?.. С. 51.

было нужно, но, как и просили, «выдал им ведро с прахом расстрелянных»[1].

Разгадка кроется в неожиданной находке оперативников, проводивших обыск в кабинете Ежова в апреле 1939 г. В ящике стола лежал пакет с пулями, которыми были расстреляны Зиновьев, Каменев, Смирнов, причем каждая пуля была завернута в отдельную бумажку с фамилией казненного[2]. Откуда они взялись? Ответ прост: просеяв прах, можно было найти пули, убившие этих видных сподвижников Ленина. Вот только кто сберег их и для чего? Первая мысль, приходящая в голову, — сам Сталин захотел подержать в руках материальные свидетельства смерти своих бывших ближайших соратников, мстительно насладиться их бесславным финалом, после навсегда опозорившего их процесса, где они прилюдно оболгали себя. Однако неясно, кого и как он мог попросить об этом. Ежов еще не был наркомом внутренних дел, хотя и отвечал за ход августовского процесса 1936 г., но с такими деликатными просьбами к рядовым чекистам из «спецгруппы» Сталину обращаться вроде бы не с руки, к тому же в это время его не было в Москве. Он был в отпуске в Сочи и вернулся в Москву только в октябре 1936 г.

Тогда кто? Скорее всего, команду своим подчиненным дал Генрих Ягода, романтик, не чуждый сентиментальности. Вот только вопрос: сам решил или все же это была просьба Сталина? Неясно, но вполне возможно, что и сам. Ведь когда-то Ягода смотрел на вождей революции снизу вверх, испытывая пиетет и священный трепет, а теперь все просто — именные пули в конверте. Это был первый расстрел вождей революции, и Ягода со смешанным чувством ощущал свою причастность к истории, ее началу и концу. Очевидно, что при смене власти в НКВД этот конверт с пулями «по наследству» перешел от Ягоды к Ежову.

---

[1] Рогинский А.Б. Послесловие. С. 572.

[2] Лиханов Д., Никонов В. «Я почистил ОГПУ» // Совершенно секретно. 1992. № 4; Цитриняк Г. Расстрельное дело Ежова: Штрихи к портрету палача // Литературная газета. 1992. № 7.

Больше всего Петра Нестеренко тревожило то, что стали привозить на кремацию хорошо известных ему людей. Тех, кого он знал по службе, с кем выпивал или с кем вот только вчера разговаривал. В июне 1937 г. поступил на кремацию расстрелянный Петр Пакалн, через два месяца, в августе, — Фердинанд Сотников и Григорий Голов, в марте 1939 г. пришла очередь Сергея Зубкина. Трудно сказать, что он испытывал, получая под расписку их тела для сожжения, ведь с Головым они дружили, вместе проводили время, — какая-то мрачная и мистическая гримаса судьбы. Некоторые из его знакомцев-чекистов не были расстреляны, а умерли сами. В октябре 1937 г. был кремирован комендант Военной коллегии Иван Игнатьев, в конце апреля 1941 г. привезли на кремацию Петра Магго, в начале июня 1941 г. — Анатолия Калинина. Нестеренко их отлично знал, как и тех сотрудников «спецгруппы», которых расстреляли в 1937 г., но эти умерли своей смертью, «на боевом посту»[1]. На кремацию их привезли не тайно ночью, а днем и торжественно — с венками и в сопровождении «группы товарищей», не скупых на надгробные прочувствованные речи. Да и похоронили Магго и Калинина не в колумбарии на Донском, а на более «почетном» Новодевичьем кладбище. В галерее в здании крематория на Донском кладбище находится урна с прахом Игнатьева. Вот так и случалось со многими: раньше они привозили тела жертв, а теперь их самих «доставили по назначению». Все закольцовано — и их срок вышел!

Повторил скорбный путь жертвы репрессий и сам Нестеренко, 23 июня 1941 г. его арестовали «за антисоветскую деятельность». Очевидно, просто предлог! Трудно представить, что при его работе он мог что-то кому-то рассказывать и уж тем более затевать. Прос-

---

[1] В личном деле Петра Магго записано: «26 апреля 1941 г. умер на объекте» (Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ — НКВД: 1932–1940 гг. Ч. 2. Владивосток, 2008. С. 383).

то пришла пора избавиться от человека, посвященного в зловещие тайны палаческого дела. По решению Особого совещания при НКВД Нестеренко был расстрелян, но произошло это не в Москве, а в Саратове — 9 сентября 1942 г.[1] Его показания на следствии чуть-чуть приоткрыли тайну захоронения праха казненных: «...после сжигания пепел расстрелянных участников процессов мною лично закапывался в специально отведенном месте во дворе крематория... Об этом, кроме меня, никто не знал и знать не мог, так как закапывание производил сейчас же после сжигания лично я один»[2]. На допросах Нестеренко сказал, что из работников НКВД он был ближе всех связан с Григорием Головым и Алексеем Окуневым, а кроме них при кремации тел казненных бывали секретарь НКВД Павел Буланов и заместитель начальника Учетно-архивного отдела Сергей Зубкин[3].

Обычно тела казненных в Донской крематорий привозил Окунев. Это был его участок работы. Стоит присмотреться. Алексей Окунев — одна из самых зловещих фигур «спецгруппы» Блохина. Он был на подхвате при палачах, заведовал погребением расстрелянных — своего рода профессионал по сокрытию следов. О нем сохранились лишь скупые отзывы: пил и вполне закономерно угодил в нервную клинику. Его лицо на фотоснимке холодное и злое, пустые глаза, глядящие в никуда, — лучшее свидетельство того, кто перед нами, наглядная демонстрация профессиональной деформации личности человека из чекистского полумрака, обитателя расстрельных подвалов и знатока кладбищенского мира.

Конечно, Алексей Окунев был из ночной жизни — основного времени активности «спецгруппы», но были и у него моменты выхода в свет. Дружбу он водил с самим начальником охраны Сталина Власиком.

---

[1] Головкова Л.А. Где ты?.. С. 206.

[2] Рогинский А.Б. Послесловие. С. 572.

[3] Там же.

Их связывало общее прошлое, когда Власик в конце 1920-х гг., еще не выбившись в главные охранники, подвизался простым работником Оперативного отдела, где уполномоченным также числился Окунев, чье умение организовать досуг большого начальства особо ценилось. Одна из бывших подруг Власика, Иванская, так описывала историю своего первого знакомства с всесильным сталинским телохранителем: «Кажется, в мае 1938 года мой знакомый сотрудник НКВД Окунев познакомил меня с Власиком. Помню, они заехали ко мне на автомашине, с ним была еще одна девушка, и все мы поехали на дачу к Власику. Не доехав до дачи, мы решили устроить пикник в лесу на поляне. Так началось знакомство с Власиком. Встречи наши продолжались до 1939 года»[1], и даже после замужества Иванской Окунев продолжал настойчиво приглашать ее к Власику на вечеринки.

По свидетельству Иванской, Окунев бывал у Власика очень часто, на застольях был своим человеком, завсегдатаем. Однажды одна из вечеринок на загородном объекте НКВД в 1938 г. окончилась пьяной стрельбой. Позднее этот эпизод стал предметом разбирательства на суде над Власиком в январе 1955 г., где в качестве свидетеля давала показания Иванская: «Приехали мы туда вчетвером: Окунев, Власик, я и еще какая-то девушка. Кроме нас там было несколько военных, в том числе два или три генерала. Девушка, бывшая с нами, начала выражать особую симпатию к одному из генералов. Это не понравилось Власику, и он, вынув наган, начал расстреливать бокалы, стоявшие на столе. Был он уже навеселе»[2]. Власик счел нужным дать пояснения суду: «Никакой стрельбы не было. Мы ездили с Окуневым, Иванской, Градусовой и Гулько на одно подсобное хозяйство, которым заведовал Окунев. Действительно, мы там выпили и заку-

---

[1] Логинов В.М. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000. С. 155.

[2] Там же. С. 156.

сили, но никакой стрельбы не было»[1]. Иванская продолжала настаивать в суде на своей версии событий, добавив, что на этот загородный объект или дачу, как она полагала, ехали вначале по Можайскому шоссе. Тогда Власик на вопрос суда, были ли у него неприязненные отношения с Иванской, ответил: «Нет, неприязненных отношений у нас не было. После того как ее бросил Окунев, я жил с ней как с женщиной. И должен сказать, что чаще звонила она мне сама, чем я ей. Я знал ее отца, который работал в особой группе НКВД, и никогда у нас ссор с ней не было»[2]. Иванская на суде заявила, что все ее знали как дочь старого чекиста, и отрицала интимную связь с Власиком, хотя и добавила характерный штрих: «...когда я пыталась отказаться от встреч с ним, он угрожал арестом»[3].

Итак, Власик отрицал, что была какая-то стрельба, а Иванская, что была в близких с ним отношениях. Важнее и интереснее другое — некий спецобъект НКВД, находившийся где-то по Можайскому шоссе, которым заведовал Окунев. Не очередной ли расстрельный полигон? Нет, скорее всего, это была государственная дача, объект охраны. Об этом можно судить по присутствию на пьянке, описанной Иванской, сталинского виночерпия, о котором Власик шепнул ей, что это «дядя Сталина»[4].

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 157.

[4] Там же. С. 156. Несомненно, речь идет об Александре Егнаташвили, заведовавшем в 1938 г. домом отдыха ЦИК и перешедшем в том же году в НКВД на работу по хозчасти в Отдел охраны руководителей партии и правительства.

Глава 8

ЗАГАДКИ НАГРАДНОГО СПИСКА

Кто был персонально награжден за проведение массовых расстрелов польских офицеров в 1940 г.? Этот вопрос не может не интересовать историков. Ответ на него прольет дополнительный свет на то, как была организована эта расправа, какие силы были привлечены и насколько широк был круг участников, посвященных в это тайное дело. Четкий и ясный ответ на этот вопрос должно было дать расследование обстоятельств «Катынского дела», законченное Главной военной прокуратурой России в 2004 г., однако официального обнародования имен расстрельщиков не произошло. Более того, само постановление о прекращении расследования и многие материалы дела были объявлены секретными. Виной тому изменение политической ситуации в России и возврат к стереотипам прошлого. Все явственнее обозначается новая государственная тенденция — замалчивать преступления советского времени.

Вместе с тем нежелание Главной военной прокуратуры России обнародовать список исполнителей расстрелов польских военнопленных выглядит абсурдно, так как их имена давно известны исследователям и опубликованы в сборнике документов о Катыни. Речь идет о публикации полного текста приказа НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г., которым были награждены деньгами все участвовавшие в подготовке и проведении казни, как работники центрального аппарата НКВД, так и управлений НКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям, где состо-

ялись расстрелы[1]. В «Приложении» приведены выявленные автором биографические сведения о тех, кто был упомянут в этом приказе. Кто и почему оказался в этом списке? Объяснение можно найти в той роли, какая отводилась областным управлениям НКВД в проведении расстрельной акции. Они были лишь инструментом реализации решения. Отсюда — упор на поощрение рядовых исполнителей.

Дмитрий Токарев совершенно определенно дал понять, что его УНКВД следственных дел на польских военнопленных из Осташковского лагеря не вело. Этой работой занимался особый отдел лагеря и специальная бригада следователей, присланная из Москвы, во главе со Степаном Белолипецким. Они не подчинялись УНКВД по Калининской области и не отчитывались перед ним. То есть возглавляемое Токаревым управление было только инструментом для расстрела, своего рода базой, где уже была отработана в годы Большого террора технология расстрела: имелись оборудованное расстрельное помещение, выученная комендантская команда и отведенное за городом место для тайного захоронения тел. Та же роль отводилась управлениям НКВД в Смоленске и Харькове.

Бригады следователей в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях проводили селекцию военнопленных, вели дела и отсылали их в НКВД в Москву — первоначально для проведения через ОСО НКВД, а в конце февраля 1940 г. в Москве созрело решение о массовом расстреле и рассмотрении дел на специально созданной тройке. Токарев вполне определенно заявил о Москве как о центре принятия решений по конкретным делам: «Управление к этому, повторяю еще раз, никакого касательства не имело. Сами работники лагеря направляли

[1] Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 275–279.

в Москву, а какая там была технология по каждому, я не знаю»[1].

По подготовленным этими бригадами делам и спискам в Москве принимались решения о расстреле и направлялись предписания в лагеря (откуда предстояло вывозить приговоренных) и в управления НКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей (куда военнопленных следовало доставить и на основании поступивших предписаний расстрелять). Технология, отработанная до деталей. Иногда в этот процесс вносились поправки. Вмешивалась Москва. Кого-то из приговоренных по требованию начальников отделов ГУГБ НКВД СССР в оперативных целях снимали с этапа, кого-то, уже доставленного во внутреннюю тюрьму, успевали отвести от расстрела и отправить в Москву, но это были единичные случаи.

Работники следственной части УНКВД по Калининской области непосредственно в расстрельной акции участия не принимали, и их нет в приказе о награждении в октябре 1940 г. Об этом весьма твердо высказался Токарев, когда его спросили о начальнике следственной части Борисе Шифрине: «Нет, в этой операции никакого участия... ответственно заявляю»[2]. В то же время сохранились документы о том, что Шифрин и его подчиненные в апреле 1940 г. оформляли в Москву на тройку НКВД дела на отдельных польских военнопленных, оказавшихся в тюрьмах, например, в тюрьме НКВД в Великих Луках[3].

Итак, всего приказом НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. денежными суммами были награждены 125 человек. К сожалению, не удалось идентифицировать или выявить биографические сведения о 6 из них. Однако на основании показаний, данных Токаревым, и предъявленного ему штатного расписания Административно-хозяйственного отдела УНКВД

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 445.
[2] Там же. S. 444.
[3] Там же. S. 444, 448.

по Калининской области, можно уточнить, что один из них — В.А. Осипов — в 1940 г. был шофером в этом управлении. Его фамилия в списке награждения идет среди работников НКВД из Калинина.

Если внимательно проанализировать порядок перечисления фамилий в приказе № 001365, можно сделать ряд интересных наблюдений. Дело в том, что в приказе фамилии работников НКВД даны не в алфавитном порядке. То есть в основе очередности в перечислении лежит какой-то иной принцип. Для того чтобы получить ключ к пониманию принципа, положенного в основу приказа и, соответственно, в основу организации расстрельной акции, достаточно было внести в приказ выявленные автором служебные должности награжденных. Результат превзошел все ожидания и прояснил очень многое. Ниже приводится текст приказа с внесенными в него должностями.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР за 1940 год

Содержание:

№ 001365. О награждении работников НКВД.

№ 001365. 26 октября 1940 г., гор. Москва.

За успешное выполнение специальных заданий
ПРИКАЗЫВАЮ:
наградить нижеследующих работников НКВД СССР, УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей

Месячным окладом:

Капитана ГБ[1] — Ильина Ф.К. (зам. нач. УНКВД по Смоленской области)

---

[1] Здесь при публикации введено сокращение «ГБ» вместо «государственной безопасности».

Ст. лейтенанта ГБ — Грибова И.И. (комендант УНКВД по Смоленской области)

Ст. лейтенанта ГБ — Рубанова А.М. (комендант УНКВД по Калининской области)

Ст. лейтенанта ГБ — Куприй Т.Ф. (комендант УНКВД по Харьковской области)

Лейтенанта ГБ — Караваева В.М. (нач. 1-го спецотдела УНКВД по Смоленской области)

Майора ГБ — Блохина В.М. (нач. Комендантского отдела АХУ НКВД)

Майора ГБ — Окунева А.В. (зам. нач. 1-го отделения 1-го отдела ГУГБ НКВД)

Капитана ГБ — Шигалева В.И. (сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД)

Капитана ГБ — Калинина А.М. (пом. нач. 1-го спецотдела НКВД СССР)

Капитана ГБ — Яковлева П.А. (зам. нач. Автотехнического отдела АХУ НКВД)

Ст. лейтенанта ГБ — Антонова И.И. (шофер автобазы № 1 Автотехнического отдела АХУ НКВД)

Ст. лейтенанта ГБ — Фельдман И.И. (шофер автобазы № 1 АХУ НКВД)

Ст. лейтенанта ГБ — Шигалева И.И. (сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД)

Ст. лейтенанта ГБ — Семенихина Д.Э. (сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД)

Лейтенанта ГБ — Дмитриева А.Д. (шофер автобазы НКВД)

Лейтенанта ГБ — Емельянова А.М. (сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД)

Старшего майора ГБ — Синегубова (зам. нач. Главного транспортного управления НКВД СССР)

Майора ГБ — Зильберман (зам. нач. Главного тюремного управления НКВД СССР)

Капитана ГБ — Безрукова И.Д. (зам. нач. 6-го отдела ГЭУ НКВД СССР)

Капитана ГБ — Тихонова П.П. (зам. нач. УНКВД по Харьковской области)

Капитана ГБ — Зубцова В.П. (пом. нач. УНКВД по Смоленской области)

Комбрига — Кривенко (нач. штаба Главного управления конвойных войск НКВД СССР)

Полковника — Рыбакова (нач. Оперативного отдела Главного управления конвойных войск НКВД СССР)

Полковника — Степанова (пом. нач. 1-го отдела штаба Главного управления конвойных войск НКВД СССР)

Ст. лейтенанта ГБ — Павлова В.П. (зам. нач. УНКВД по Калининской области)

Лейтенанта ГБ — Качина Т.Ф. (пом. нач. УНКВД по Калининской области)

Лейтенанта ГБ — Козохоцкого М.А. (нач. 1-го спецотдела УНКВД по Калининской области)

Лейтенанта ГБ — Шевелева А.М. (нач. 11-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР)

Мл. лейтенанта ГБ — Лугинина М.П. (пом. нач. 1-го спецотдела УНКВД по Калининской области)

Мл. лейтенанта ГБ — Горячева М.Д. (нач. Автотехнического отдела АХУ УНКВД по Калининской области)

Мл. лейтенанта ГБ — Киселева Н.А. (старший оперуполномоченный 11-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР)

Мл. лейтенанта ГБ — Баринова И.С. (старший оперуполномоченный 1-го спецотдела НКВД СССР)

Мл. лейтенанта ГБ — Офицерова А.Н. (пом. оперуполномоченного 11-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР)

Сержанта ГБ — Новоселова И.И. (сотрудник 1-го спецотдела НКВД СССР)

Сержанта ГБ — Бланк К.Е. (пом. оперуполномоченного 2-й группы секретариата 1-го спецотдела НКВД СССР)

Сержанта ГБ — Гецелевич Р.С. (зав. машинописным бюро секретариата 1-го спецотдела НКВД СССР)

Сержанта ГБ — Зубова Н.А. (мл. следователь следственной части ГЭУ НКВД СССР)

Сержанта ГБ — Кузнецову С.С. (пом. оперуполномоченного 5-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР)

Сержанта ГБ — Стекольщикова И.А. (оперуполномоченный 1-го спецотдела НКВД СССР)

— Цуканова А.И. (нач. внутренней тюрьмы УГБ УНКВД по Калининской области)

— Карманова А.А. (зам. коменданта УНКВД по Харьковской области)

— Смыкалова И.П. (дежурный пом. коменданта УНКВД по Харьковской области)

— Доронина Ф.И. (нач. внутренней тюрьмы УГБ УНКВД по Харьковской области)

— Гвоздовского Н.А. (пом. коменданта УНКВД по Смоленской области)

800 рублями.

Стельмах И.И. (нач. внутренней тюрьмы УГБ УНКВД по Смоленской области)

Тикунова И.Е. (сотрудник комендатуры АХО УНКВД по Калининской области[1])

Якушева Т.П. (старший надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Зайцева А.Г. (сотрудник АХО УНКВД по Калининской области)

Сенюшкина Н.М. (нач. гаража УНКВД по Калининской области)

Жила М.А. (?)

Тиваненко Л.А. (дежурный комендант комендатуры УНКВД по Смоленской области)

Карцева П.М. (дежурный комендант УНКВД по Смоленской области)

Разоренову А.И. (машинистка секретариата 3-го отдела ГЭУ НКВД СССР)

---

[1] Принадлежность к комендатуре означена в штатном расписании АХО УНКВД по Калининской области (Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 439).

Бабаян Т.Х. (машинистка 2-й группы секретариата 1-го спецотдела НКВД СССР)

Фроленкова И.Л. (дежурный бюро пропусков комендатуры АХО УНКВД по Смоленской области)

Соловьева М.М. (сотрудник УНКВД по Смоленской области)

Костюченко Н.К. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Григорьева М.П. (начальник гаража УНКВД по Смоленской области)

Белогорлова В.А. (дежурный помощник коменданта АХО УНКВД по Калининской области)

Сорокина В.К. (старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Сытина В.М. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Игнатьева М.Ф. (сотрудник УНКВД по Калининской области)

Сухарева Н.И. (шофер УНКВД по Калининской области)

Александрова А.С. (шофер УНКВД по Калининской области)

Осипова В.А. (шофер УНКВД по Калининской области[1])

Скородумова В.Е. (шофер УНКВД по Калининской области)

Журавлева Н.Т. (шофер УНКВД по Калининской области)

Красновидова И.И. (шофер УНКВД по Калининской области)

Богданова П.А. (шофер УНКВД по Калининской области)

Галицына Н.А. (шофер УНКВД по Харьковской области)

Мельник А.Т. (сотрудник УНКВД по Харьковской области)

---

[1] Упомянут как водитель в штатном расписании АХО УНКВД по Калининской области (там же).

Мельник Н.В. (пом. нач. внутренней тюрьмы УНКВД по Харьковской области)

Чужайкина И.М. (старший надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Журавлева М.М. (старший надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Захарова А.Е. (?)

Тарасова Г.Н. (старший по корпусу тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Зиновьева Н.П. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Гавриленкова Т.К. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Сюрина А.Б. (шофер АХО УНКВД по Смоленской области)

Мищенкова Н.А. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Фадеева А.М. (старший надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Зорина П.М. (надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД по Калининской области)

Яковлева А.М. (старший надзиратель политизолятора УНКВД по Калининской области)

Баранова П.М. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Орлова Д.И. (сотрудник УНКВД по Калининской области)

Головинкина Н.И. (надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД по Калининской области)

Жильцова В.И. (надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Егорова А.В. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Логинова Н.В. (делопроизводитель внутренней тюрьмы УГБ УНКВД по Калининской области)

Цикулина М.В. (надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Лебедева М.Д. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Мокридина И.П. (охранник УНКВД по Калининской области)

Леванчюкова Г.К. (надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД по Калининской области)

Иванова В.Г. (надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Марусева А.Е. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Баранова М.А. (?)

Белова И.И. (надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Чекулаева В.К. (надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Федорышко С.М. (надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области)

Гумотудинова И.А. (?)

Тимошенко Г.И. (вахтер комендатуры УНКВД по Харьковской области)

Виговского Е.А. (вахтер тюрьмы УГБ УНКВД по Харьковской области)

Девятилова А.Г. (старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД по Харьковской области)

Сыромятникова М.В. (старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД по Харьковской области)

Щепка Т.С. (надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД по Харьковской области)

Бурда Т.Д. (старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД по Харьковской области)

Лазаренкова С.М. (надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД по Смоленской области)

Прудникова П.Г. (старший по корпусу тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Дорогинина Ф.М. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Богданова Н.Ф. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Костюченко В.К. (заведующий снабжением Автотехнического отдела АХО УНКВД по Смоленской области)

Макаренкова Г.И. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Комаровского И.И. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Соловьева В.А. (шофер УНКВД по Смоленской области)

Моисеенкова В.П. (инспектор Хозяйственного отдела УНКВД по Смоленской области)

Медведева И.Б. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Карпова Г.Ф. (?)

Иванова И.М. (фельдъегерь УНКВД по Смоленской области)

Тихонова Д.Ф. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Моисеенкова А.А. (надзиратель следственной тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Зюскина Г.П. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Ковалева А.С. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Сильченкова И.М. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Давыдова М.Е. (надзиратель тюрьмы УНКВД по Смоленской области)

Точенова А.М. (вахтер Тюремного отдела УНКВД по Смоленской области)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Л. БЕРИЯ

ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Пор. 544. Л. 252–257. Подлинник.

Как указывалось выше, не удалось выявить какие-либо биографические сведения о 6 награжденных (в списке возле их имен стоит знак вопроса[1]).

[1] За исключением В.А. Осипова, место службы и должность которого обозначились в ходе допроса бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д.С. Токарева.

Однако если соотнести порядок фамилий в перечне, должности и места работы награжденных, можно предположить, что А.Е. Захаров и Г.Ф. Карпов были надзирателями УНКВД по Смоленской области (оба находятся в группе надзирателей из Смоленска). Точно так же можно полагать, что М.А. Баранов являлся надзирателем внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области. Сложнее обстоит дело с И.А. Гумотудиновым, чья фамилия в списке находится точно на стыке между сотрудниками из Калинина и Харькова. В картотеках ГА РФ о нем не было найдено никаких биографических сведений, и трудно сказать, где он служил — в Калинине или Харькове.

В предыдущих публикациях приводилась биографическая справка о И.И. Белове[1]. Анализ местоположения его имени в списке дал основание полагать, что он был ошибочно идентифицирован как младший лейтенант госбезопасности Иван Белов — начальник райотдела НКВД в поселке Бежаницы Калининской области (звание и начальственный статус явно диссонируют со служебным уровнем соседствующих с ним в перечне награжденных — рядовых надзирателей). В настоящем издании эта ошибка исправлена и, в соответствии с полученными архивными данными, в списке он указан как надзиратель тюрьмы УНКВД по Калининской области[2].

Не удалось определить место службы и найти достоверные сведения о награжденном — М.А. Жиле. Выше него в списке идут сотрудники из Калинина, а ниже — из Смоленска. Поиск по электронным ба-

---

[1] Петров Н. Палачи. С. 246—247.

[2] Автор выражает благодарность сотрудникам архивов УФСБ и УМВД по Тверской области и УФСБ по Смоленской области за помощь в поиске дополнительных сведений о награжденных приказом НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. (письма УФСБ России по Тверской области № П-520 от 15 января 2016 г., Информационного центра УМВД РФ по Тверской области № 3/200 от 20 января 2016 г. и УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9-839 н/с от 22 января 2016 г. в ответ на запросы НИПЦ «Мемориал»).

зам данных о погибших во время войны выявил несколько «претендентов»:

— Жила Михаил Антонович, родился в 1907 г. в селе Залиска Валковского района, был призван в РККА Валковским райвоенкоматом Харьковской области, красноармеец, 23 октября 1941 г. попал в немецкий плен, был освобожден[1];

— Жила Митрофан Антонович, родился в 1910 г. в селе Яковенково Балаклейского района, был призван в РККА в 1942 г. Балаклейским райвоенкоматом Харьковской области, красноармеец, пропал без вести в ноябре 1943 г.[2];

— Жила Михаил Артемович, родился в 1918 г., был призван в РККА Валковским райвоенкоматом, рядовой, пропал без вести в июне 1943 г.[3]

Трудно сказать, кто из них мог работать в УНКВД по Харьковской области, можно лишь предполагать, что это был Жила Митрофан Антонович. В пользу этого обстоятельства говорит дата призыва в армию. Судя по биографиям, представленным в «Приложении», чаще всего это был 1942 г. — сотрудники сначала эвакуировались вместе с управлением НКВД, и лишь затем некоторые из них призывались в РККА. Что касается Жилы Михаила Артемовича, то возраст не позволяет рассматривать его в качестве кандидата на награждение за расстрельную акцию. В приказе НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. не выявлены лица моложе 1914 года рождения[4].

Обращает на себя внимание одна закономерность. Сотрудники трех областей, награжденные 800 рублями, во второй части приказа разделены на два блока. То есть после группы надзирателей и шоферов из Калинина идут несколько сотрудников Харьковского УНКВД, затем — надзиратели и шоферы из Смолен-

---

[1] ЦА МО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1482.

[2] Там же. Оп. 18004. Д. 559.

[3] Там же. Оп. 977520. Д. 853.

[4] Кроме машинистки-стенографистки Анны Разореновой, выполнявшей технические функции.

ска, потом опять — большая группа надзирателей из Калинина, снова — надзиратели из Харькова, и, наконец, замыкают список шоферы и надзиратели из Смоленска, каждая из трех областей представлена дважды. Здесь возможно следующее объяснение. Компоновавший перечень Богдан Кобулов, вероятнее всего, опирался на представленные ему списки для награждения, сгруппированные по степени участия работников УНКВД в расстрелах — сначала шли имена тех, кто непосредственно расстреливал, а затем тех, кто им ассистировал: выводил из камер, грузил тела на машины, отвозил к месту захоронения и засыпал ямы. Вероятно, предусматривалось также дифференцированное награждение этих групп различными денежными суммами, но по какой-то причине всех наградили одинаково, а внутренняя структура этой части списка сохранилась.

Это предположение подтверждается в случае УНКВД по Калининской области. Дмитрий Токарев и другие свидетели прямо говорили о том, что расстреливали Василий Белогорлов, Александр Зайцев, Николай Сухарев и Петр Богданов[1], и, действительно, эти фамилии даны в первом блоке по Калининской области. Точно так же бывший шофер УНКВД по Смоленской области Иван Титков рассказал, что тела расстрелянных возили Комаровский и Костюченко[2], и их фамилии находятся во втором блоке награжденных по Смоленскому УНКВД. Здесь также есть один интересный момент. В списке представлены братья Костюченко — Николай и Владимир: в первом блоке по Смоленской области — шофер Николай Костюченко, во втором — работник гаража УНКВД Владимир Костюченко. Можно предположить, что Николай непосредственно участвовал в расстрелах, а отвозил тела Владимир. Однако на сегодняшний день

---

[1] Правда, Токарев делает оговорку о Богданове, что тот только возил тела (Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 439, 464–465).

[2] Жаворонков Г. Катынский лес начинает говорить // Новая Польша. 2007. № 1. С. 55–59.

еще недостаточно данных для окончательного вывода о непосредственном распределении ролей и степени участия сотрудников этих двух групп от каждого УНКВД в расстрелах польских военнопленных.

Анализ списка награжденных участников расстрела польских офицеров в Калинине, Смоленске и Харькове позволил выявить некоторые общие закономерности. Центральный аппарат НКВД отрядил из Москвы для участия в акции 29 сотрудников, среди них:

— от «спецгруппы» Блохина, включая его самого, — 10 человек;

— от 1-го спецотдела (Учетно-архивного) — 11 человек;

— от оперативных отделов НКВД — 3 человека (Синегубов, Зильберман, Безруков);

— от конвойных войск — 3 человека (Кривенко, Рыбаков, Степанов);

— технический персонал — 2 человека (машинистки Разоренова и Бабаян).

Представители оперативных отделов НКВД были координаторами расстрельной акции на местах. Как известно из материалов следствия: Синегубов — в Калинине, Безруков — в Харькове. Соответственно, можно сделать вывод, что Зильберман был направлен в Смоленск.

Представители руководящего звена конвойных войск руководили «разгрузкой» лагерей и перевозкой польских военнопленных к местам расстрела. Как известно из материалов следствия: Кривенко — в Калинине, Степанов — в Смоленске и Рыбаков — в Харькове.

Так же были направлены в Калинин, Смоленск и Харьков сотрудники «спецгруппы» Блохина для непосредственного участия в расстрелах[1].

Наконец, работники 1-го спецотдела (Учетно-архивного) НКВД и технический персонал — в их задачи

[1] См. главу «"Спецгруппа" Блохина».

входило оформление всех необходимых бумаг: протоколов тройки, списков-предписаний и т.д.

За вычетом тех, кого не удалось идентифицировать, в списке награжденных выявляется следующее распределение сотрудников местных управлений НКВД — участников расстрелов:

В Калинине — 40 человек, и среди них: заместитель начальника УНКВД Павлов, помощник начальника УНКВД Качин, начальник 1-го спецотдела Козохотский и его помощник Лугинин, комендант Рубанов и его помощники Белогорлов и Зайцев, начальник внутренней тюрьмы Цуканов, начальник Автотехнического отдела Горячев, начальник гаража Сенюшкин, 19 надзирателей и 1 делопроизводитель тюрьмы, 7 шоферов и еще 3 сотрудника[1].

В Смоленске — 37 человек, и среди них: заместитель начальника УНКВД Ильин, помощник начальника УНКВД Зубцов, начальник 1-го спецотдела Караваев, комендант Грибов и его заместитель Гвоздовский, начальник внутренней тюрьмы Стельмах, начальник гаража Григорьев, 3 работника комендатуры, 18 надзирателей тюрьмы, 6 шоферов и еще 3 сотрудника.

В Харькове — 14 человек, и среди них: заместитель начальника УНКВД Тихонов, комендант Куприй, его заместитель Карманов и помощник Смыкалов, начальник внутренней тюрьмы Доронин, 7 надзирателей тюрьмы, 1 шофер и еще 1 сотрудник.

Если предположить, что М.А. Баранов также относился к сотрудникам УНКВД по Калининской области, то общее число награжденных составит здесь 41 человек. Если А.Е. Захаров и Г.Ф. Карпов работали в Смоленске, то число награжденных от УНКВД по Смоленской области составит 39 человек. Соответственно, если М.А. Жила и И.А. Гумотудинов были со-

[1] Здесь и далее указаны сотрудники, чью должность не удалось в точности установить. То есть они могут относиться как к работникам комендатуры УНКВД, так и к надзирателям или шоферам.

трудниками Харьковского УНКВД, то число награжденных от этого управления составит 16 человек.

Обращает на себя внимание относительно небольшое количество награжденных сотрудников УНКВД по Харьковской области. Здесь может быть несколько причин. Во-первых, «меньший объем работы» — по числу казненных. Во-вторых, ввиду республиканской подчиненности, работники Харьковского УНКВД, возможно, были поощрены дополнительно приказом по Наркомату внутренних дел УССР. Хотя такого рода документы не обнаружены. Кроме того, в отличие от Калининского и Смоленского УНКВД, в Харькове в списке награжденных отсутствует начальник 1-го спецотдела, что труднообъяснимо. Между тем начальником 1-го спецотдела УНКВД по Харьковской области с 10 декабря 1939 г. служил Владимир Володарский, он не был отмечен наградой за участие в расстреле поляков, хотя и получил 29 мая 1940 г. повышение в звании до старшего лейтенанта госбезопасности.

Очевиден общий принцип, в соответствии с которым в наградном списке обязательно должны быть представлены: заместители и помощники начальника УНКВД, начальники 1-го спецотдела, коменданты и сотрудники комендатуры УНКВД, начальники внутренней тюрьмы, надзиратели и шоферы. Из показаний Токарева следует, что списки на награждение готовили представители «спецгруппы». В Калинине — сам Блохин. Возможно, что некие представители «спецгруппы», проводившие расстрелы в Харькове, просто поскупились на награды при составлении списков на харьковчан.

В приказе о награждении есть порядок и внутренняя логика. В нем отмечены все участники по принципу «никто не забыт, ничто не забыто». Он объединил имена работников НКВД самого разного уровня — от главного расстрельщика, коменданта НКВД Блохина, и его ближайших помощников: Яковлева, Антонова, Фельдмана, Емельянова и братьев Шигалевых, до мелких клерков Учетно-архивного отдела НКВД

(1-го спецотдела) и простых надзирателей тюрем и шоферов управлений НКВД в Смоленске, Харькове и Калинине, в чьи обязанности входило конвоирование несчастных к месту расстрела и транспортировка тел к месту захоронения. В приказе также есть женские имена, это низовые работницы Учетно-архивного отдела НКВД и машинистки-стенографистки, оформлявшие дела на поляков и занимавшиеся подготовкой и перепечаткой списков.

Приказ НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г., как это видно по номеру (два нуля в валовой нумерации), имел гриф «совершенно секретно». Как правило, совершенно секретными приказами награждали работников внешней разведки, находящихся за рубежом, или сотрудников негласного состава, а тут — десятки простых шоферов и надзирателей из трех областей. Очень необычно! Других подобных приказов в общем массиве приказов НКВД о награждениях и поощрениях за период 1930—1940-х гг. — нет. Очевидно, что здесь речь идет о награждении за особо тайную операцию. В приказах о награждениях всегда имелся некий ассортимент наград: от знаков «Почетный работник ВЧК — ГПУ» или «Заслуженный работник НКВД», до золотых часов, серебряных портсигаров и наградного оружия. Здесь же — награждение исключительно деньгами, то есть тем, что не вызовет лишних вопросов у окружающих. Ведь о появившемся вдруг почетном знаке, оружии или дорогих часах и портсигаре окружающие могут спросить, — за что дали, что такого героического совершил? Вывод однозначен: особый тайный характер акции обусловил и особую форму поощрения. Скорее всего, никто из исполнителей, даже самых рядовых, в этом приказе не был обойден. Так всем им давали понять исключительную важность и секретность совершенного, всю свою жизнь они обязаны были хранить эту жуткую тайну убийства поляков.

По крайней мере 10 участников расстрела дожили до времени, когда в 1990 г. было начато расследование «Катынского дела». Известно, что двое из числа на-

гражденных — Иван Баринов (Москва) и Митрофан Сыромятников (Харьков) — были допрошены и сделали признания в ходе расследования[1]. В 1991 г. был допрошен и отсутствующий в списке бывший начальник УНКВД по Калининской области Дмитрий Токарев, дослужившийся до генерала. Он пояснил, что его не поощрили в октябре 1940 г. лишь потому, что он сам непосредственно в расстрелах не участвовал, так как «не имел достаточного чекистского опыта». Токарев оставил важное свидетельство, что член тройки, выносившей приговоры полякам, Богдан Кобулов «приказал не оставлять в живых ни одного незапятнанного свидетеля»[2]. То есть если бы кто-то из сотрудников НКВД отказался участвовать в проведении расстрелов, то его неминуемо ждала бы участь жертвы. Те же, кто участвовал, держали язык за зубами, связав себя общей кровавой порукой. Это свидетельство наводит на мысль, что, возможно, большинство награжденных — это именно те, кто непосредственно участвовал в процедуре расстрела: присутствовал на месте казни, оформляя бумаги, перевозил тела к месту захоронения, засыпал могилы... Если не стрелял сам, то все видел **своими глазами**. Наверное, по тем же причинам, по которым не был поощрен в октябре 1940 г. Токарев, не было в приказе и имен начальников Харьковского УНКВД Петра Сафонова и Смоленского УНКВД Емельяна Куприянова. Скорее всего, как не имевшие достаточного чекистского опыта партийные выдвиженцы, они осуществляли лишь общее руководство расстрелами, а непосредственное участие поручили своим заместителям.

Карьера и того, и другого в органах НКВД не сложилась. Куприянов с 1941 г. работал на незаметных

---

[1] К сожалению, в 148 томах «Катынского дела», переданных польской стороне, протокол допроса Баринова отсутствует. Вероятно, он остался в тех 35 томах, копии которых российской стороной до сих пор Польше не переданы.

[2] Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 357.

должностях в системе ГУЛАГа, в 1945 г. был уволен в запас и в 1950-е гг. занимал место директора хлебокомбината в Смоленской области. Сафонов за злоупотребление служебным положением и хищения в 1943 г. был осужден на 8 лет (с отсрочкой приговора до окончания войны) и уволен из органов госбезопасности. В 1950—1960-е гг. работал в Харькове заместителем директора ряда заводов. Оба они не дожили до начала расследования «Катынского дела». Куприянов умер в Рославле в 1966 г., а Сафонов в Харькове — в 1974 г.

Непосредственно руководившие расстрелами заместители начальников УНКВД, Василий Павлов и Павел Тихонов, выдвинулись на вершины чекистской иерархии, дослужившись до генералов. Павлов, заместитель начальника УНКВД по Калининской области, с 1943 г. возглавил УНКВД по Калининской области, затем УМВД по Челябинской области. В июле 1945 г. получил звание генерал-майора. С 1948 г. — заместитель начальника Дальстроя в Магадане, затем начальник ряда управлений лагерей и строительств МВД. Умер в 1962 г. в Ленинграде (по утверждению Токарева, покончил с собой). Заместитель начальника УНКВД по Харьковской области Тихонов с 1954 г. был заместителем председателя КГБ при Совете министров УССР, а в 1959—1970-е гг. — начальником УКГБ по Киевской области. В феврале 1958 г. ему присвоили звание генерал-майора. Умер в год начала расследования «Катынского дела».

До сих пор сложно ответить на все вопросы, касающиеся наградного списка. Еще необходим поиск более подробных и точных биографических сведений о ряде награжденных, определение принадлежности 5 работников к тому или иному управлению НКВД, и, конечно же, очень важно понять роль каждого из них в расправе над польскими военнопленными.

Глава 9

«КАТЫНСКОЕ ДЕЛО» В РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...

А.Т. Твардовский

В 1943 г. мир узнал о страшной трагедии в Катыни, когда 13 апреля германское радио сообщило о массовом захоронении в Катынском лесу расстрелянных польских офицеров. Сталинское руководство сразу же встало на путь отрицания своей вины. Лишь в 1990 г., при Горбачеве, было официально признано — расстрелы осуществлены в 1940 г. органами НКВД. Началось расследование, которое шло долгих 14 лет, и хотя после 1994 г. ничего принципиально нового, ни документов, ни выводов, в ходе следствия получено не было, Главная военная прокуратура России по какой-то причине не спешила ставить точку и закрывать дело.

Почему столь затянулось следствие — понятно. Российская политика претерпевала серьезные изменения. Если в 1990-х гг. советское прошлое рассматривалось с точки зрения совершенных коммунистической системой преступлений, о которых писали много и открыто, то к началу 2000-х гг. задули новые ветры. Все чаще стали подчеркивать роль Сталина как победителя в войне, начали раздаваться голоса, в том числе и историков, о том, что не следует изображать весь советский период как цепь преступлений против народа, как один нескончаемый ГУЛАГ.

История, как стали объяснять согражданам кремлевские руководители, должна служить делу патриотического воспитания молодежи, и помимо негативных необходимо постоянно вспоминать и позитивные моменты. Подобный подход неизбежно привел к торжеству новой линии в государственной политике России — линии на замалчивание преступлений советского режима.

На этом внутриполитическом фоне в Главной военной прокуратуре не было ясности и велась борьба вокруг вопросов о том, кого конкретно следует обвинить в катынском преступлении и как его квалифицировать — как военное преступление или лишь как «превышение власти» должностными лицами. В первоначальном варианте постановления о прекращении дела, подготовленном в 1994 г. руководителем следственной группы Анатолием Яблоковым, в числе обвиняемых значились и члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным, подписавшие решение от 5 марта 1940 г. о проведении массовых расстрелов польских граждан, и верхушка НКВД, отвечавшая за проведение казней. Однако такой результат и круг обвиняемых не устроил российское руководство. Было принято решение не торопиться и продолжать следствие. Примерно тогда же возник слух о том, что дело будут затягивать до тех пор, пока не умрут последние сотрудники НКВД, участвовавшие в расстрелах и захоронении тел казненных в Катыни, Медном и Пятихатках, чьи имена стали известны следствию и кого допрашивали прокуроры.

И вот 21 сентября 2004 г. Главная военная прокуратура России вынесла решение о прекращении расследования по «Катынскому делу» за смертью виновных. Круг обвиняемых, что удивительно, не включил ни Сталина, ни членов Политбюро, подписавших известное решение от 5 марта 1940 г. о расстреле поляков, а ограничился лишь несколькими высокопоставленными сотрудниками НКВД, чья вина квалифицировалась лишь как «превышение власти», имевшее тяжелые

последствия[1]. Хуже того, общественность об этом решении проинформировали с большим опозданием — в марте 2005 г. При этом, вопреки российскому законодательству, объявили, что постановление о прекращении дела, где содержались основные выводы, секретно и не может быть обнародовано[2]. Так Главная военная прокуратура, по сути, встала на позицию укрывателя сталинских преступлений.

Умолчание и сокрытие результатов расследования «Катынского дела» под видом государственной тайны является нарушением действующего российского законодательства. В статье 7 Федерального закона «О государственной тайне» прямо говорится: не подлежат засекречиванию сведения «о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина» и «о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами». Сокрытие прокуратурой результатов следствия по «Катынскому делу» — факт беспрецедентный, но в условиях сегодняшнего российского политического климата неудивительный. После смоленской катастрофы 2010 г. появилась робкая надежда на то, что Кремль пересмотрит позиции и предпримет шаги для того, чтобы решить проблему Катыни.

Возникает вопрос, что же мешает открыть для всех постановление Главной военной прокуратуры по «Катынскому делу»? Что такого может выясниться, если это произойдет? Можно легко догадаться — произойдет международный конфуз, выяснится полная юридическая несостоятельность и беспомощность этого документа. Вот что должно было выявить следствие:

---

[1] По некоторым сведениям, в обвиняемых значатся лишь четверо: Лаврентий Берия, Всеволод Меркулов, Богдан Кобулов и Леонид Баштаков. То есть нарком внутренних дел, направивший письмо в Политбюро с предложением о расправе с польскими гражданами, и члены специально созданной тройки, которая вынесла внесудебные приговоры о расстреле.

[2] Постановление о прекращении дела до сих пор числится секретным.

— процессуально определить полный персональный состав жертв расстрела;

— процессуально определить полный состав виновных — как инициаторов преступления, так и его исполнителей всех рангов;

— установить полную юридическую квалификацию преступления в соответствии с нормами российского и международного права[1].

Результат расследования далек от честного ответа на все эти вопросы. Постановление о прекращении «Катынского дела» выглядит как профанация, свидетельствующая о попытке прокуроров уйти от предъявления обвинения в совершенном преступлении высшему руководству СССР, и как попытка замять или «смазать» все дело. Вот почему. Во-первых, дана неправильная квалификация катынского преступления лишь как «превышения власти» должностными лицами, а не как военного преступления. Во-вторых, заужен круг виновных — из-под обвинения выведен Сталин и члены Политбюро, одобрившие расправу. В-третьих, видна недоработка следствия — не был выявлен полный список жертв, что требовалось сделать для завершенности расследования и для возможности их реабилитации[2].

Вместе с тем в Польше в последние годы наблюдались неоправданно завышенные ожидания по поводу Катыни, своего рода немотивированный оптимизм. Питали эти настроения и щедро расточаемые обещания Кремля, что не сегодня завтра материалы «Катынского дела» будут рассекречены и переданы в Польшу, а расстрелянные поляки будут реабилитированы. После гибели президента Польши Леха Качиньского многим так и казалось. В апреле 2010 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы

---

[1] Гурьянов А.Э. «Катынская проблема» в современной России // 30 октября. 2010. № 97.

[2] Рачинский Я. Чтобы закрыть «Катынское дело», его надо открыть // Новая газета. 2010. 8 ноября.

говорил: «Искренне верю, как верит и надеется подавляющее большинство россиян и поляков, что сопереживание двух народов по поводу трагедии под Смоленском станет поворотным моментом в преодолении общего трагического прошлого»[1], и, отвечая на вопросы парламентариев, заверял, что для передачи готовятся «дополнительные документы, помимо тех, которые раньше передавались польской стороне»[2].

Передача первых 67 томов из 183-томного дела состоялась в Москве, в мае 2010 г., в ходе визита исполняющего обязанности президента Польши Бронислава Коморовского. Позднее были подготовлены и отданы тома дела, имевшие гриф «для служебного пользования», но дальше все серьезно затормозилось, и тома дела, снабженные грифом «секретно», передавать не стали. До сих пор не отданы 35 томов «Катынского дела»[3]. Более того, в апреле 2012 г. Москва, устами главного военного прокурора Сергея Фридинского, дала понять, что больше ничего передавать полякам не собирается, «поскольку комиссией по рассекречиванию так и не было принято решение о снятии грифа»[4]. В действиях российской стороны изначально был серьезный изъян. Ведь нормально и логично

---

[1] Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на весенней части 61-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы, Страсбург, 29 апреля 2010 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2010. 29 апреля. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJso/content/id/253246 (дата обращения: 05.07.2016).

[2] Стенограмма ответов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы парламентариев после выступления на весенней части 61-й сессии ПАСЕ, Страсбург, 29 апреля 2010 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2010. 30 апреля. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJso/content/id/253026 (дата обращения: 05.07.2016).

[3] Катынский экзамен // Ведомости. 2012. 17 апреля.

[4] Москва передала Варшаве почти все тома дела о Катыни // «Единая Россия». Официальный сайт партии. 2012. 5 апреля. URL: http://er.ru/news/80359 (дата обращения: 05.07.2016).

передачу любых законченных следствием дел начинать с итогового документа, который аккумулирует все важнейшие выводы расследования и подводит итог делу. Здесь же все произошло наоборот — отдали наиболее безобидные и малозначимые тома дела и отвели от передачи все ключевые материалы. Разве это правовой и цивилизованный подход?

Получается так, что важнейший и имеющий юридическое значение материал до сих пор польской стороне не известен и не передан. Вероятно, в том и заключается основная задача российского руководства — не отдавать Польше юридически значимые и имеющие доказательную силу документы, а признавать ответственность за катынское преступление лишь на словах. Каков же статус таких деклараций? Сообщение ТАСС, опубликованное в печати 14 апреля 1990 г., постановление Государственной думы Российской Федерации от 26 ноября 2010 г., а также оценки катынского преступления, прозвучавшие в заявлениях Дмитрия Медведева и Владимира Путина, безусловно, имеют статус официальных документов и важное политическое значение. Однако они не подходят для использования в суде ни в качестве доказательства вины лиц, принявших решение о расстреле, ни при рассмотрении вопросов о реабилитации жертв этого преступления.

То, что процедура передачи Польше материалов «Катынского дела» до сих пор не завершена, говорит о многом. Ведь технически все можно было бы оформить и скопировать за несколько месяцев, однако это не в правилах МИД России, где сегодня на вооружение взята практика «разменов»: если мы в чем-то идем вам навстречу, то и вы в обмен должны в чем-то нам уступить и что-нибудь предоставить. Какая-то боязнь жестов доброй воли!

Российское общество настолько привыкло (и приучено властью) к расчетливому цинизму в межгосударственных отношениях, что лишено даже в малейшей степени понимания важности и ценности

проявлений доброй воли. Оно испытывает недоверие к бескорыстным и благородным жестам со стороны других государств и еще хуже, с недоумением и неодобрением, воспринимает любую уступчивость своего правительства в международных делах, так, как будто речь идет о проявлении слабости и даже предательстве интересов страны. В такой идеологии выращена новая плеяда российских государственных бюрократов, занявших здания Администрации Президента и Министерства иностранных дел России, где принимаются решения о внешнеполитических инициативах и вырабатывается курс страны. По их логике, признание вины за катынское преступление чревато дальнейшими претензиями к России со стороны Польши, а затем и других соседних государств, которым есть что предъявить в качестве исторических обид.

По всей видимости, в сердцах российских государственников и патриотов сегодня борются две противоположные тенденции. С одной стороны, абсолютное неприятие любого порицания советского опыта и социалистического прошлого, а также неприязнь к современной российской политической системе и ее лидерам. С другой, горячая поддержка любых инициатив президента Путина, направленных на конфронтацию и военное противостояние с Западом. И надо сказать, российское руководство умело использует это противоречие.

В «Катынском деле» Кремль ведет двойную игру. Для внешнего пользования выпускает политические декларации и заявления о вине сталинского руководства в расправе с польскими гражданами в 1940 г., а внутри страны потакает ностальгической идеализации социалистического прошлого и не пресекает множащиеся спекуляции на тему, что, дескать, не все еще ясно в истории с этим преступлением, а вдруг все же немцы виноваты? Мутный вал книг и статей, ставящих под сомнение вину Сталина и НКВД в катынском преступлении и перекладывающих от-

ветственность на немцев, достиг небывалых высот. Если раньше дело ограничивалось немногочисленными маргинальными изданиями, то в последние годы статьи, сеющие сомнения в умах, появились в весьма респектабельных и имеющих огромные тиражи и аудиторию изданиях — журнале «Эксперт»[1], газетах «Комсомольская правда»[2], «Красная звезда»[3], «Московская правда»[4] и «Независимом военном обозрении»[5]. Их авторы готовы писать и о «ранах», и о «горечи души» для убеждения читателя в своем сопереживании семьям убитых поляков, но тут же вытаскивают на свет и повторяют всевозможные фальшивки. Так постепенно российское общество сбивается с толку и ему внушается мысль о том, что внешнеполитическое признание вины не так уж и важно, а полная правда в этом деле никогда не будет известна...

Надо сказать, что для устойчивых сомнений почва готовилась давно. Весь послевоенный период и вплоть до 1990 г. советскому населению внушалась мысль о том, что поляков в Катыни расстреляли немцы. Делалось это и с помощью прямых пропагандистских утверждений, и с помощью хитрой подмены предмета. Неслучайно из 619 сожженных в годы немец-

---

[1] Прудникова Е.А. Неудобная правда Катыни // Эксперт Online. 2014. 5 марта. URL: http://expert.ru/2014/03/5/skuchnaya-pravda-katyini (дата обращения: 05.07.2016).

[2] Баранец В. Известный историк Юрий Жуков: Расстрелы в Катыни — сомнения остаются // Комсомольская правда. 2011. 29 марта. URL: http://www.kp.ru/daily/25659/821651 (дата обращения: 05.07.2016).

[3] Оболенский К. Раны Катыни // Красная звезда. 2012. 17, 24 апреля. 10, 17, 24 мая. URL: http://www.redstar.ru/index.php/newspaper/item/1853-ranyi-katyini (дата обращения: 05.07.2016).

[4] Котляр Э.С. Катынь — горечь души моей... // Московская правда. 2010. 27 мая.

[5] Широкорад А.Б. Катынское дело на весах истории // Независимое военное обозрение. 2010. 21 мая. URL: http://nvo.ng.ru/history/2010-05-21/14_katyn.html (дата обращения: 05.07.2016). Его же. Кто захоронен в могилах близ урочища Козьи Горы // Независимое военное обозрение. 2009. 25 сентября. URL: http://nvo.ng.ru/history/2009-09-25/12_katyn.html (дата обращения: 05.07.2016).

кой оккупации белорусских деревень была выбрана небольшая деревня Хатынь недалеко от Минска для устройства там мемориального комплекса. Созвучие названий было призвано вытеснить понятие Катынь и все, что за ним стояло. 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии Кирилл Мазуров описывал в своих мемуарах, как в один воскресный день в сентябре 1964 г. он выехал вместе с председателем Совета министров республики Тихоном Киселевым по Витебскому шоссе в окрестности Минска, через 50 км они «свернули вправо по первой попавшейся дороге», немного проехав, остановились в березовом перелеске, и, пройдя его, на заросшей высокой травой поляне обнаружили «десятка два обгорелых печных труб» сожженной деревни[1]. Как будто бы все произошло спонтанно, и деревня обнаружилась случайно, но из мемуаров совершенно неясно, зачем вообще высокое партийное начальство республики в воскресный день отправилось в те места. В 1969 г. в Хатыни был открыт мемориал, ставший местом обязательного посещения для патриотического туризма и иностранцев. В рекламном деле подобный трюк называется «сходство до степени смешения». Такая подмена объекта способствовала закреплению в массовом сознании советских людей немецкой вины за расправу в Хатыни — Катыни.

Другая не менее действенная линия контрпропаганды Кремля — это искусственное увязывание темы Катыни с трагической историей пребывания красноармейцев в польском плену в 1920 г., когда многие из них умерли от тяжелых условий и эпидемий. Здесь также наблюдаются и подмена понятий, и прямые фальсификации, вплоть до завышения числа погибших в несколько раз. Государственные лица России в публичных выступлениях делают и то, и другое.

---

[1] Мазуров К.Т. Незабываемое. Минск, 1984. С. 348—350. Интересно, что в мемуарах, переизданных через 4 года, дата этого выезда в окрестности Минска и обнаружения сожженной деревни сдвинута на год раньше, на сентябрь 1963 г. (его же. Незабываемое. М., 1988. С. 365—367).

Бывший председатель Комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов с возмущением писал в центральной газете: «Нас заставляют каяться за Сталина, почему бы Польше не покаяться за Пилсудского, при котором, по данным российских историков, было расстреляно и замучено до 80 тысяч красноармейцев? И никаких извинений из Варшавы!»[1]. Вот так, просто и доходчиво, — «расстреляно и замучено»! Получается, какие-то историки крепко ввели его в заблуждение.

Историческая наука в России вновь готова идеологически обслуживать власть. Не имея никаких доказательств, историки с легкостью приписывают советскому руководству образца 1940 г. мотив мести полякам за пленных красноармейцев 1920 г., и такая схема проникает даже в вузовские учебники. Так, например, в подвергнутом серьезной научной критике учебнике для студентов исторического факультета МГУ прямо говорится, что «"Катынское дело" — своего рода "ответное преступление" сталинского режима»[2]. Между тем, каковы были мотивы Сталина, можно видеть из аргументации, внятно изложенной в документе НКВД (письме Берии № 794/Б от марта 1940 г.), где ставился вопрос о предстоящих расстрелах. В нем сделан особый упор на классовый состав польских военнопленных и гражданских лиц (офицеры, чиновники, фабриканты, помещики) и отмечено, что «все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти» и ждут освобождения, «чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти»[3]. То есть в основе — классовый подход, который был определяющим в ходе репрессий по так называемой кулацкой операции НКВД в 1937—1938 гг. В этом смысле «Катынское дело»

---

[1] Баусин А., Шестаков Е. Польша может потребовать у России компенсации за Катынь // Известия. 2004. 10 декабря.

[2] Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917—2009. М., 2010. С. 273.

[3] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 385—388.

явилось такой же «социальной чисткой» и логическим продолжением Большого террора, распространенного в 1939—1941 гг. на население захваченных Советским Союзом польских земель в целях уничтожения «классово чуждых» людей и подавления любого возможного сопротивления советизации.

Думал ли Сталин о погибших в 1920 г. в Польше красноармейцах? Безусловно, только тремя годами раньше и, скорее, не о тех, кто погиб, а о тех, кто имел несчастье возвратиться из плена. Тогда, в рамках «польской операции» НКВД, репрессии обрушились на всех «подозрительных по польскому шпионажу», и среди них были бывшие красноармейцы, прошедшие через польские лагеря[1]. Для чего же Сталину мстить полякам за попавших в польский плен красноармейцев, если в 1937 г. в СССР по его приказу добивали тех из них, кто выжил и вернулся? В этом свете ссылки на «ответность» катынского преступления с целью «расквитаться» за гибель пленных красноармейцев в 1920 г. выглядят нелепо.

Сегодня решение Россией катынского вопроса — есть весьма важный показатель. Это индикатор зрелости российской государственной системы, показывающий насколько она демократична, прозрачна и в какой степени опирается на закон. Это индикатор развития в России гражданского общества, свидетельствующий о том, насколько эффективно общественные организации могут бороться за рассекречивание материалов «Катынского дела» и добиваться реабилитации жертв. Это и индикатор научной состоятельности российской исторической науки, когда видно, как и в каком ключе историческое сообщество подает и объясняет это событие в трудах и публикациях. Увы, этот экзамен на зрелость, открытость, приверженность закону и научную состоятельность Россия провалила.

---

[1] Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937—1938 гг. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 27.

Сегодня Кремль в незавидной ситуации, какое действие ни предпринять, — проигрыш. Открыть материалы «Дела № 159» — и всем станет очевидна правовая и идейная беспомощность и несостоятельность Российского государства, его неумение и неспособность преодолеть тяжелое наследие тоталитаризма. Утаить и закрыть оставшиеся не рассекреченными 35 томов дела и резюмирующее постановление, отказать в реабилитации расстрелянным в 1940 г. польским гражданам — лишний раз подтвердить и усилить конфронтационный, неправовой и антиевропейский курс современной России. Катынский вопрос и его решение сегодня лежат уже не только в плоскости российско-польских отношений, это уже отношения между Россией и Европой, и готовность Кремля сделать решительный и конкретный шаг к тому, чтобы поставить точку в «Катынском деле», будет означать готовность подвести юридическую черту под советским прошлым, но события последних лет повода для оптимизма не дают.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографические справки о работниках НКВД, принимавших участие в вынесении внесудебных решений, оформлении дел, подготовке и проведении расстрела польских граждан в Калининской, Смоленской и Харьковской областях в 1940 г.

В «Приложении» приводятся биографические сведения и краткие послужные списки выявленных участников расправы с польскими военнопленными в 1940 г. Основу этого перечня составили сотрудники НКВД, награжденные 26 октября 1940 г. за непосредственное участие в процессе подготовки и проведения расстрелов[1]. В то же время важно не забывать и о верхушке НКВД — наркоме Лаврентии Берии и его приближенных: Всеволоде Меркулове, Богдане Кобулове, Леониде Баштакове, ставших членами тройки НКВД, сформированной для оформления решений о расстрелах. Таким образом, здесь представлены не только те, кто непосредственно был задействован в самом процессе убийства, захоронении тел и оформлении документов, но и те, кто принимал решения (члены тройки НКВД), осуществлял общее руководство (начальники УНКВД по Калининской, Смоленской и Харьковской областям), руководил «разгрузкой» трех лагерей для военнопленных (начальник

[1] В «Приложение» включены все выявленные к настоящему моменту биографические сведения о работниках НКВД СССР и УНКВД по Калининской, Смоленской и Харьковской областям, награжденных приказом НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. «за успешное выполнение специальных заданий». Список награжденных см. в главе «Загадки наградного списка».

Управления по делам военнопленных и руководители Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей), а также некоторые сотрудники НКВД, например, Петр Антонов (начальник следственной части УНКВД по Смоленской области), Григорий Корытов (начальник особого отделения Осташковского лагеря), Сергей Смирнов (заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД УССР) и Борис Шифрин (начальник следственной части УНКВД по Калининской области), оформлявшие и пересылавшие дела польских граждан на тройку НКВД[1]. Можно с уверенностью говорить, что все они были осведомлены о грядущем расстреле польских военнопленных, чьи бумаги оформляли. Точно так же начальники управлений НКВД по Калининской, Смоленской и Харьковской областям прекрасно знали, с какой целью в их управления привозят военнопленных, как и начальники Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей, отдававшие себе отчет, куда и зачем они отправляют военнопленных, «разгружая» лагерь. Все они знали о решении Политбюро о тайном убийстве польских военнопленных и способствовали выполнению этого преступного решения.

Публикация биографических справок о представителях высшего эшелона НКВД — Берии, Меркулове, Кобулове, Баштакове — и начальниках управлений НКВД по Калининской, Смоленской и Харьковской областям — Токареве, Куприянове и Сафонове — осуществлялась автором и ранее, и здесь они представлены на основе изданного обществом «Мемориал» справочника с более поздними уточнениями и добавлениями[2]. Гораздо сложнее обстояло дело с поиска-

---

[1] Биографические справки снабжены примечаниями с отсылкой к источнику сведений об их персональном участии в решении судеб польских военнопленных Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей.

[2] Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГА РФ; Под. ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999.

ми сведений о награжденных приказом НКВД СССР № 001365 от 26 октября 1940 г. К сожалению, в этом приказе были приведены лишь фамилии и инициалы награжденных и лишь в отдельных случаях указаны их специальные звания в системе госбезопасности. Для поиска биографических сведений эта информация крайне скудна. Первую серьезную попытку найти биографические сведения о них предпринял сотрудник Государственного архива Российской Федерации Александр Кокурин. Выявленные им сведения были опубликованы в 2000 г. в сборнике документов о Катыни[1]. Опубликованные в этом издании сведения об участниках расстрелов польских офицеров стали отправной точкой для дальнейших поисков.

От кратких биографических справок следовало перейти к полноценным жизнеописаниям палачей — участников расстрелов в Смоленске, Калинине и Харькове в 1940 г., но поиск и идентификация по скудным исходным данным — фамилиям и инициалам — дело крайне сложное и таящее в себе возможные ошибки. Следовало найти достаточно надежные источники, позволяющие не только идентифицировать расстрельщиков, но и постараться избежать при этом ошибок и неточностей. Основными источниками для поиска стали справочные картотеки на сотрудников НКВД — МВД, находящиеся в ГА РФ. Просмотр этих картотек и выявление сотрудников со схожими данными, работавших в 1940 г. в центральном аппарате НКВД в Москве и управлениях НКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям, потребовали немало времени. Одновременно поиск велся и в картотеке лиц, награжденных государственными наградами СССР, также имевшейся в том же архиве. Проведенная за несколько лет работа позволила раскрыть инициалы в списке участников расстрелов, найти год и место рождения, некоторые сведения о

[1] Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. С. 613–636.

прохождении службы, сведения о награждении государственными наградами.

Однако это еще было половиной дела. Требовалось найти более полные сведения о прохождении службы, определить даты смерти и, наконец, найти фотографии. Здесь, при условии невозможности работы в ведомственных архивах ФСБ и МВД, единственным надежным источником информации могли быть учетно-партийные документы. Эти материалы находятся на хранении в РГАСПИ. В этом архиве большую помощь в поиске номеров партбилетов и учетно-партийных документов, выданных парткомами НКВД СССР и парткомами управлений НКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям, оказали сотрудники архива Елена Караваева, Николай Сидоров и Ирина Бондаренко. Автор также благодарит коллегу по «Мемориалу» Леонида Григорьевича Новака за ценные советы и предоставленные сведения из послужных списков работников «спецгруппы» Блохина.

В регистрационно-партийных документах (регистрационных и учетных карточках членов КПСС, заполняемых при обмене партбилетов в 1936, 1954 и 1973 гг.)[1] содержались подробные биографические сведения о происхождении, образовании, прохождении службы в армии и госбезопасности, работе после выхода в отставку, о взысканиях, поощрениях и награждениях. Вместе с тем, следует отметить, что сведения, приводимые в учетно-партийных документах, не являются, собственно, готовой биографией, а представляют собой лишь хорошую основу для нее. То есть они нуждаются в дополнительных сведениях: из приказов ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ по личному составу (для конкретизации послужного списка, установления дат присвоения званий); из указов о награждении орденами (для установления точных дат награждения); из периодической печати

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99, 107, 108.

(для уточнения дат смерти и поиска некрологов). При прохождении процедуры обмена партийных документов делались фотографии. Таким образом, для большинства награжденных удалось получить и портреты. К сожалению, их качество оставляет желать лучшего, но таковы исходные размер и состояние этих фотокарточек. Разумеется, не удалось найти портреты тех, кто не состоял в ВКП(б) — КПСС. Собранные в архивах ГА РФ и РГАСПИ сведения тем не менее заведомо неполны, в приводимых данных возможен и ряд неточностей. На ряд лиц вообще не удалось найти уточняющих данных.

В ходе многолетней работы по поиску биографических сведений о работниках центрального аппарата НКВД и управлений НКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям, участвовавших в расстрелах польских офицеров, регулярно публиковались промежуточные результаты этого поиска. Состоялось несколько публикаций на русском и польском языках[1].

Служебный и образовательный уровень большинства награжденных столь мал, что становится очевидным отсутствие у них какого-либо заметного продвижения по службе. Они остались на весьма низких должностях в системе НКВД — МВД. Это обстоятельство весьма затрудняло их поиск. Действительно, очень непросто было собрать сведения о людях малозаметных по службе и канувших в безвестность после выхода на пенсию. Они как будто растворились в общей людской массе, но все же несомненно одно — дальнейшее выяснение подробностей их судеб и био-

---

[1] Петров Н. «Даже собаки от нас шарахались». Признания палачей, расстрелявших поляков и награжденных за это // Новая газета. 2008. 7 июля; Nikita Pietrow. Kto zabijał Polakyw strzałem w tył głowy // Zbrodnia katyńska, Naryd Państwo Rodzina / Zeszyty katyńskie Nr. 24, Warszawa, 2009, p. 176–202; Nikita Pietrow. Kto rozstrzeliwał Polakyw // Rosja a Katyń, Warszawa, 2010, p. 142–162; Петров Н. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. С. 236–283; Nikita Pietrow. Psy Stalina. Warszawa, 2012. P. 253–299.

графий было бы чрезвычайно интересно, важно и крайне поучительно.

Ниже представлен результат этой работы, и здесь же следует дать следующие пояснения относительно принципов построения формализованных биографических справок. Биографические данные приводятся по единой схеме: фамилия, имя, отчество (в скобках — сведения об изменении фамилий и имен либо варианты их написания в различных источниках), годы и места рождения и смерти. Даты до марта 1918 г. даны по новому стилю, но если указаны только месяц и год, как правило, сохранен старый стиль. Места рождения указываются в соответствии с принятым в то время административно-территориальным делением Российской Империи и лишь в отдельных случаях, когда не было возможности это сделать, приводятся в системе советского районирования. Далее указаны сведения о родителях, национальность, членство в комсомоле (ВЛКСМ), членство в Коммунистической партии (КП), означающее членство в РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, членство в выборных партийных и советских органах, почетные звания СССР (Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии), сведения об исключении из партии (как правило, только для тех, кто не был подвергнут репрессиям, так как арест влек за собой автоматическое исключение из партии).

Даты и места смерти приведены на основе сведений о времени и месте погашения учетно-партийных документов. До 1973 г. — начала выдачи партбилетов нового образца — регистрационные бланки образца 1936 и 1954 гг. погашались с некоторым запозданием (от месяца до полугода, а иногда и более) и без указания даты смерти. По этой причине даты смерти до 1973 г., приводимые в биографиях, могут быть неточны. Как ориентир для дальнейшего поиска и уточнения дат смерти в конце биографического блока приведены сведения о времени и месте погашения

партийных документов образца 1936 и 1954 гг. Это не касается случаев, когда выявлены публикации некролога, извещения о смерти или известна дата гибели во время войны[1]. Сведения о погашении учетных карточек к партбилетам образца 1973 г. вполне достоверны — на учетных карточках обязательно отмечались месяц и год смерти. Этот порядок существовал до прекращения деятельности КПСС в августе 1991 г. В биографиях отмечены все случаи, когда партийные документы образца 1973 г. числятся непогашенными, — это означает, что указанный человек был жив в 1991 г. Сведения о времени и месте смерти после 1991 г. приводятся на основе данных о прекращении выплат пенсии пенсионными отделами органов ФСБ, а также и на основе найденных на городских кладбищах надгробий. Серьезную помощь в поиске в Смоленске мест захоронения и дат смерти персонажей справочника оказал историк и краевед Сергей Семенов, за что автор выражает ему большую благодарность.

В рубрику «Образование» не включалось обучение в системе учебных заведений и на различных курсах органов госбезопасности, сведения об этом даны в хронологическом ряду послужных списков. Сведения об обучении в гражданских учебных заведениях всех уровней и высших военных учебных заведениях, наоборот, отражаются в этой рубрике и не приводятся в послужном списке.

Далее в справках следуют сведения о начале трудовой деятельности, службе в армии — о том, что предшествовало службе в органах госбезопасности. Рубрики этой части биографической справки весьма условны, так как за короткие отрезки времени нередко случались переходы с хозяйственной, партийно-

---

[1] См. также: Книга памяти сотрудников органов контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1995; Объединенная база данных о погибших в годы Великой Отечественной войны (ОБД «Мемориал» — сайт Министерства обороны РФ).

советской работы на работу в органы госбезопасности и обратно, служба в РККА в период Гражданской войны и в начале 1920-х гг. порой перемежалась с гражданской работой.

Датой начала чекистского стажа считается момент поступления на постоянную работу в систему ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ и органы СМЕРШ. При указании дат пребывания в должности приведены число, месяц и две последние цифры соответствующего года. Иногда только месяц и цифры, обозначающие год. В случаях, когда граничные даты пребывания в той или иной должности не выявлены, в скобках приводятся даты упоминания в этой должности.

В рубрику службы в органах госбезопасности (ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ) включены все виды деятельности в этом ведомстве, в том числе и служба в пограничных и внутренних войсках. Даты пребывания в должностях приведены согласно ведомственным приказам. Даты официального назначения (снятия) не всегда соответствуют реальному времени пребывания в должности. В тех случаях, когда разрыв значителен или не выявлены даты приказов, указаны сведения из учетно-партийных документов. Для подвергшихся репрессиям указываются даты ареста и осуждения, название осудившего органа, мера наказания, сведения о пересмотре дела и о реабилитации.

Даты присвоения специальных и воинских званий указаны по приказам НКВД — МВД, НКГБ — МГБ — КГБ. Для офицеров контрразведки СМЕРШ, подчинявшейся в 1943—1946 гг. Наркомату обороны, — по приказам ГУКР СМЕРШ (звания до подполковника включительно) и приказам наркома обороны Сталина о присвоении звания полковника. Даты присвоения или лишения генеральских званий даны по постановлениям Совнаркома — Совета министров СССР, а званий маршала и генерала армии — по Указам Пре-

зидиума Верховного Совета СССР. Случаи присвоения специальных званий вне очередности или минуя одну или несколько ступеней оговариваются особо. В тех случаях, когда даты присвоения званий не выявлены, в скобках приводятся даты упоминания в этом звании.

Сведения о награждении орденами СССР, союзных республик и ведомственными (системы госбезопасности) знаками отличия почерпнуты из разных источников. Присвоение наград союзного значения датируется по Указам ЦИК, Президиума Верховного Совета СССР, а для периода 1919—1924 гг. — по приказам Реввоенсовета. Даты награждения орденами в годы войны решениями Военных советов фронтов и армий помечены звездочкой (*). Сведения о награждении орденами союзных республик в 1920-е гг. большей частью взяты из справочника А.Н. Куценко и Ю.Д. Смирнова «Ордена советских республик» (Донецк, 1996) и дополнены автором на основе данных архивно-следственных или персональных дел. Награды в этой рубрике перечислены в порядке, установленном для ношения орденских лент[1]. При этом указываются общее число орденов определенного вида и далее, через запятую, — даты указов о награждении. Отсутствие дат (например, для трех орденов Ленина указано лишь две даты) не оговаривается и означает, что дата третьего награждения не выявлена.

Под рубрикой «Некрологи» отражены публиковавшиеся в периодической печати некрологи и краткие извещения о смерти.

Степень полноты биографических справок различна, и при отсутствии достоверной информации соответствующие рубрики опущены.

---

[1] См. пункт 6 Указа ПВС СССР от 28 марта 1980 г. «Об утверждении правил ношения орденов, медалей СССР, орденских лент и лент медалей на планках и других знаков отличия» (Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М., 1984. С. 272).

АЛЕКСАНДРОВ
Александр Сергеевич

(1907, Тверь — ?) — беспартийный.
Образование: низшее.
В органах НКВД с 1935: шофер УМГБ Калининской обл. (упом. 05.51).
Звание: старшина (упом. 05.51).
Награды: орден Красной Звезды, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 04.12.45.

АНТОНОВ
Иван Ильич

(05.10.1897, д. Копенкино Малоярославецкого уезда Калужской губ. — 08.1975, Москва) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 07.26 (кандидат с 02.24).
Образование: 4 класса сельской школы; трехгодичная школа механиков при автобазе ОГПУ, 1932.
Ученик на колбасной фабрике, продавец в акционерном обществе Грачева, Москва, 04.11—05.15; шофер на кожевенном заводе, Москва, 05.15—05.16.
В армии: рядовой 5 запасн. саперного батальона, Старица Тверской губ., 05.16—10.16; шофер 22 автомобильно-маршевой роты, Москва, 10.16—04.18.
Шофер Центрального товарищества льноводов, Москва, 04.18—08.18; шофер Бюро военного комиссариата, Москва, 08.18—04.19.
В РККА: шофер штаба Восточного фронта, Симбирск, 04.19—10.19; шофер штаба Западного фронта, Симбирск, Минск, 10.19—08.22.
В органах ГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: шофер службы связи ГПУ—ОГПУ, 08.08.22—15.10.23; шофер гаража службы связи ОГПУ, 15.10.23—17.12.26; шофер гаража Отдела связи ОГПУ, 17.12.26—01.09.30; пом. заведующего гаражом Отдела связи ОГПУ, 01.09.30—

01.02.31; дежурный пом. заведующего гаражом Отдела связи ОГПУ, 01.02.31—15.05.31; шофер гаража Отдела связи ОГПУ, 15.05.31—05.01.32; врид нач. диспетчерского отделения Отдела связи ОГПУ, 05.01.32—01.05.32; нач. диспетчерского отделения Отдела связи ОГПУ, 01.05.32—01.06.33; пом. нач. гаража № 1 Отдела связи ОГПУ, 01.06.33—10.07.34; пом. нач. гаража № 1 автобазы АХУ НКВД СССР, 10.07.34—01.04.38; инспектор 3 отделения Автотехнического отдела АХУ НКВД СССР, 01.04.38—01.11.38; старший инспектор 2 отделения Автотехнического отдела АХУ НКВД СССР, 01.11.38—14.04.39; инспектор 4 отделения Автотехнического отдела АХУ НКВД СССР, 14.04.39—01.06.39; шофер автобазы № 1 Автотехнического отдела АХУ НКВД СССР, 01.06.39—29.12.41; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 29.12.41—15.05.43; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХФУ НКГБ—МГБ СССР, 15.05.43—06.07.46; нач. группы Комендантского отдела АХФУ МГБ СССР, 06.07.46—12.12.46; нач. группы Комендантского отдела Упр. делами МГБ СССР, 12.12.46—19.05.53; старший оперуполномоченный Комендантского отдела МВД СССР, 19.05.53—07.04.54; нач. 5 спецотделения Комендантского отдела ХОЗУ КГБ при СМ СССР, 07.04.54—15.08.59; уволен приказом КГБ при СМ СССР № 310 от 30.07.59 в отставку по болезни с 15.08.59 с правом ношения военной формы. Пенсионер с 08.59, Москва; состоял на партийном учете в Московском техникуме механизации учета ЦСУ РСФСР.

Звания: лейтенант ГБ, 19.02.37; старший лейтенант ГБ, 17.03.40; майор ГБ, 11.02.43; подполковник ГБ, 10.12.43; полковник, 23.12.49.

Награды: орден Ленина, 21.02.45; 3 ордена Красного Знамени, 20.09.43, 03.11.44, 25.07.49; орден Красной Звезды, 22.07.37; орден «Знак Почета», 19.12.37; 7 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 19.12.36; почетная грамота и собрание сочинений Ленина, 12.27; почетное оружие, 12.32.

АНТОНОВ
Петр Антонович

(1899, д. Федорково Порховского уезда Псковской губ. — 1952, Винница) — родился в семье портного. Русский. В КП с 09.24[1] (кандидат с 09.22).

Образование: сельская школа, с. Поцелуево Порховского уезда, 1910; 2 класса высшего начального училища, Санкт-Петербург, 1912; вечерний комвуз, Смоленск, 1932—1934.

Портной в частной мастерской Батурина, Петроград, 1913—01.18; портной, секретарь коллектива портных, станц. Дно, 01.18—05.18; культработник ж.-д. клуба, Дно, 05.18—11.18; портной, секретарь коллектива швейников, Ардатов, 11.18—04.19.

В РККА: красноармеец 1 Симбирского полка, 04.19—08.19.

Секретарь комиссии по отсрочкам, заведующий культпросветотделом, заведующий ХОЗО продовольственного бюро при Уездном продовольственном комитете, Ардатов, 08.19—09.20; заведующий агитационно-пропагандистским отделом уездного комитета комсомола, Порхов, 09.20—01.21.

В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: уполномоченный, пом. уездного уполномоченного Политбюро ЧК—ГПУ Порховского уезда, 01.21—09.23; пом. уездного уполномоченного ГПУ, Великие Луки, 09.23—07.24; пом. уездного уполномоченного ГПУ, Велиж, 07.24—07.26; пом. уполномоченного КРО Псковского губотдела ГПУ, 07.26—09.27; уполномоченный информационно-регистрационного отделения Окружного отдела ГПУ, Великие Луки, 09.27—1929; нач. секретного отделения Окружного отдела ГПУ, Великие Луки,

---

[1] В декабре 1939 г. Смоленским обкомом ему был объявлен выговор «за ослабление партийной работы» в бытность секретарем парткома УНКВД.

1929—10.30; райуполномоченный ГПУ, Торопец, 11.30—12.30; старший уполномоченный секретного отделения, секретно-политического отделения Оперсектора ГПУ, Вязьма, 12.30—12.31; оперуполномоченный, нач. отделения СПО ПП ОГПУ по Западной обл., 12.31—07.34; нач. отделения СПО УГБ УНКВД Западной обл., 07.34—06.36; нач. райотделения НКВД, Новозыбков, 06.36—03.37; нач. райотделения НКВД, Сычевка Западной обл., 03.37—09.37; нач. 8 отдела УГБ УНКВД Смоленской обл., 09.37—06.38; нач. 1 спецотдела УНКВД Смоленской обл., 30.06.38—25.06.39; нач. следственной части УНКВД Смоленской обл., 25.06.39—07.08.40[1]; нач. следственной части УНКВД—УНКГБ Черновицкой обл., 08.40—08.41; нач. следственной группы НКВД—НКГБ УССР, Казань, Свердловск, 1941—10.43; зам. нач. УНКГБ—УМГБ Винницкой обл., 10.43—1952. Партдокументы погашены Винницким обкомом КП(б) Украины 27.11.52 как на умершего.

Звания: старший лейтенант ГБ, 09.02.36; капитан ГБ, 25.07.40; подполковник ГБ, 11.02.43; полковник ГБ, 29.04.44.

Награды: орден Ленина, 04.12.45; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Отечественной войны I степени, 10.04.45; медали; знак «Заслуженный работник НКВД», 28.01.44; награжден «за успешную работу» и «за борьбу с контрреволюцией» боевым оружием в 1932 и часами в 1927 и 1933.

БАБАЯН
Татьяна Христофоровна

(1904 — ?) — беспартийная.

В органах НКВД с 1937: машинистка 1 категории секретариата 1 спецотдела НКВД СССР с 01.11.38; сотрудница ОО НКВД Прибалтийского ВО (упом. 31.01.41).

---

[1] В 1940 г. «принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров из Козельского лагеря» (Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. С. 613; Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. S. 503).

БАРАНОВ
Петр Михайлович

(1913 — ?) — член ВЛКСМ.
В органах НКВД с 1938: надзиратель тюрьмы УНКВД Калининской обл. с 01.05.1938.

БАРИНОВ
Иван Спиридонович

(1911, с. Троицкое-Бачурино Белевского уезда Тульской губ. — 19.07.1996, Москва) — родился в семье рабочего (отец в 1914 погиб на фронте, мать после 1917 — крестьянка-середнячка, с 1930 — в колхозе). Русский. В ВЛКСМ в 1927—1936. В КП с 08.32 (кандидат с 07.31).
Образование: начальная школа, Троицкое-Бачурино, 1924.
Крестьянин, пом. заведующего мельницей сельского кооператива, почтальон, Троицкое-Бачурино, 04.20—06.30; ученик столяра Мособлжилсоюза, Москва, 07.30—04.31; токарь на заводе «Динамо», Москва, 04.31—11.33.
В РККА: курсант, командир отделения воинской части 1419, Витебск, Лесозаводск Дальневосточного края, 11.33—12.35.
Мастер, старший мастер на автозаводе им. Сталина, Москва, 12.35—09.38; слушатель Правовой академии, Москва, 09.38—12.38.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: оперуполномоченный 3 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 01.11.38—01.09.39; старший оперуполномоченный 1 спецотдела НКВД СССР, 01.09.39—01.09.40; старший оперуполномоченный 17 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 01.09.40—21.03.41; зам. нач. 10 отделения 2 отдела НКГБ СССР, 21.03.41—11.08.41; зам. нач. 17 отделения 1 спецотдела НКВД СССР,

11.08.41—07.12.41; зам. нач. 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 07.12.41—05.43; зам. нач. 1 отделения Отдела «А» НКГБ—МГБ СССР, 12.08.43—15.03.44; нач. 1 отделения (учет следственных дел и арестованных) Отдела «А» НКГБ—МГБ СССР с 15.03.44 (упом. 06.05.46); нач. 15 отделения Отдела «А» МГБ СССР, ?—16.05.50; зам. нач. Отдела «А» МГБ СССР, 16.05.50—04.53; нач. 1 спецотдела УМВД Киевской обл., 04.06.53—12.09.53; зам. нач. 4 отделения Отдела «П» МВД СССР с 12.09.53 (упом. 08.54); нач. 2 отделения 4 спецотдела МВД РСФСР с 29.03.55; сотрудник МВД РСФСР (упом. 31.05.58). В 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.

Звания: младший лейтенант ГБ, 17.01.39 (упом. 26.10.40, 07.12.41); капитан ГБ (упом. 15.03.44); майор (упом. 06.05.46); подполковник (упом. 16.05.50); полковник (упом. 22.09.53, 1958).

Награды: орден Красной Звезды, 25.06.54; медали.

БАШТАКОВ
Леонид Фокеевич

(05.03.1900, с. Самвольная Ивановка Самарской губ. — 1970, Москва) — родился в семье счетовода винного склада (отец умер в 1900, мать — в 1921). Русский. В КП с 06.26.

Образование: высшее начальное училище, 1911—1915; гимназия для взрослых, Самара, 1916—1917 (ушел из 7 класса).

Конторщик в Городском попечительстве о семьях призванных, Самара, 1915—1916; счетовод-конторщик в Самарском губпродкоме, 06.17—12.18; старший счетовод в конторе Центрального закупочного бюро по продовольствию, Самара, 12.18—04.19.

В РККА: красноармеец Самарского уездного военкомата и продмага губвоенкомата, 04.19—12.20;

заболел тифом; демобилизован; из-за голода уехал в Ташкент; счетовод в гужевом обозе Туркестанского округа путей сообщения, Ташкент, 04.21—09.22.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: счетовод-казначей ОО 33 стр. див., 10.22—1923; секретарь ОО 34 стр. див., 1923—1925; уполномоченный ЭКО Самарского губотдела ГПУ, 1925—1928; уполномоченный ЭКО ПП ОГПУ по Средневолжской обл., 1928—1929; курсант Школы внутренних органов ОГПУ, Москва, 1929—08.30; лаборант, старший руководитель дисциплин Центральной школы ОГПУ—НКВД СССР, 23.08.30—03.37; оперуполномоченный 7 отделения 8 отдела ГУГБ НКВД СССР, 20.03.37—09.06.38; оперуполномоченный 7 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 09.06.38—22.10.38; нач. 10 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 22.10.38—22.12.38; зам. нач. 1 спецотдела НКВД СССР, 22.12.38—05.03.40; нач. 1 спецотдела НКВД СССР, 05.03.40—26.02.41; нач. 2 отдела НКГБ СССР, 26.02.41—31.07.41; нач. 1 спецотдела НКВД СССР, 31.07.41—20.01.42; нач. Высшей школы НКВД—НКГБ—МГБ СССР (в/ч 351), 20.01.42—23.05.47.

Пенсионер МГБ, 05.47—05.49; нач. Секретно-шифровального отдела Министерства геологии СССР, 05.49—02.51; зам. нач. Гл. упр. геологических фондов Министерства геологии СССР с 02.51 (упом. в 1954); пенсионер (упом. 11.67), Москва. Урна с прахом — в колумбарии Донского кладбища.

Звания: лейтенант ГБ, 23.02.36; старший лейтенант ГБ, 25.07.38; капитан ГБ, 25.03.39; майор ГБ, 14.03.40; старший майор ГБ, 12.07.41; комиссар ГБ, 14.02.43; генерал-майор, 09.07.45.

Награды: орден Ленина, 30.04.46; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Красной Звезды, 26.04.40; орден «Знак Почета», 20.09.43; орден «Партизанская Звезда» I степени (СФРЮ); орден Красного Знамени (МНР); медаль «За боевые заслуги», 28.10.67; 3 медали; знак «Заслуженный работник НКВД», 19.12.42.

БЕЗРУКОВ
Иван Дмитриевич

(1900, с. Гремячка Скопинского уезда Рязанской губ. — 1965, Москва) — родился в семье крестьянина-бедняка (мать умерла в 1901, отец после 1917 — крестьянин-середняк). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 12.20 (кандидат с 07.20).

Образование: начальное, 3 класса сельской школы, Гремячка, 1911.

Рабочий трамвайного парка, Петроград, 11.16—03.18; работал в хозяйстве отца, Гремячка, 03.18—08.19.

В РККА: красноармеец отряда по борьбе с дезертирством, Скопин, 08.19—06.20; проводник литературы политотдела 6 кав. див., Таганрог, 06.20—03.21; секретарь партийной ячейки политотдела запасн. кав. див., Прилуки, Золотоноша Полтавской губ., 04.21—07.22; технический секретарь партбюро артиллерии 23 стр. див., Чугуев Харьковской губ., 07.22—12.22.

Пом. инспектора уездного финотдела, Скопин, 01.23—05.25; секретарь волкома ВКП(б), Михайлов, с. Горлово Скопинского уезда, 05.25—08.29; инспектор Всероссийского кооперативного банка, Москва, 08.29—06.31.

В органах ОГПУ–НКВД: сотрудник СПО ОГПУ СССР, 06.31—01.06.32; уполномоченный СПО ОГПУ СССР, 01.06.32—10.07.34; оперуполномоченный 5 отделения СПО ГУГБ НКВД СССР с 10.07.34 (упом. 23.06.35); зам. нач. 3 отдела ГЭУ НКВД СССР, 1939—04.03.40; зам. нач. 6 отдела ГЭУ НКВД СССР, 04.03.40—10.40; уволен из НКВД в запас 13.11.40.

Зам. пред. Правления Госбанка СССР, 10.40—07.46; нач. Упр. полевых учреждений Правления Госбанка СССР, 07.46—07.49; в загранкомандировке в Китае, 07.49—06.52; зам. нач. Упр. полевых учреждений

Правления Госбанка СССР с 08.52 (упом. 05.54). Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 19.11.65 как на умершего.
Звания: младший лейтенант ГБ, 14.12.35; лейтенант ГБ, 15.03.37; старший лейтенант ГБ, 07.06.39; капитан ГБ, 14.03.40 (упом. 26.10.40); подполковник интендантской службы (упом. 05.54).
Награды: орден Красной Звезды; 6 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 09.05.38.

БЕЛОВ
Иван Ильич

(1911, д. Завирье Осташковского уезда Тверской губ. — 1941, ?) — русский. Беспартийный.
В органах НКВД: надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл. в 1940[1]. Согласно данным МО РФ, был призван рядовым в РККА в 1941 в Калинине, считается пропавшим без вести в 1941[2].

БЕЛОГОРЛОВ
Василий Александрович

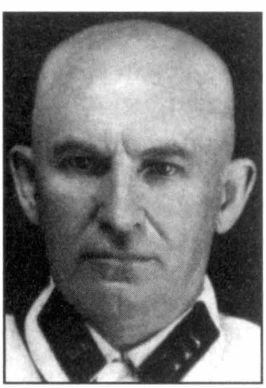
(1912, Вышний Волочек — 1971, Калинин) — родился в семье рабочего-стекольщика. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.40 (кандидат с 07.39).
Образование: начальное, 5 классов сельской школы, Вышний Волочек, 1922.

---

[1] В материалах «Катынского дела» (№ 159. Т. 9. Л. 46, 76) упомянут как сотрудник УНКВД по Калининской области. Согласно письму УФСБ России по Тверской области № П-520 от 15 января 2016 г. на запрос НИПЦ «Мемориал», Белов Иван Ильич родился в 1911 г., в деревне Хутор Кировского района Калининской области, в 1940 г. проходил службу на должности надзирателя внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области, при этом в письме указано, что «наград и поощрений не имел».

[2] ЦА МО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 544.

Мастер на стеклозаводе «Пролетарий», станц. Лисичанск, Донбасс, 06.27—10.32; мастер на стеклозаводе «9 января», Вышний Волочек, 10.32—11.34.
В войсках и органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: красноармеец погранотряда, с. Ухта Карельской АССР, 11.34—11.37; вахтер АХО УНКВД Калининской обл., 11.37—07.39; дежурный пом. коменданта АХО УНКВД Калининской обл., 07.39—03.41; дежурный пом. коменданта УНКГБ Калининской обл., 03.41—08.41; дежурный пом. коменданта УНКВД Калининской обл., 08.41—10.41; дежурный комендант УНКВД Калининской обл., д. Константиновка Калининской обл., 10.41—12.41; дежурный комендант УНКВД—УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 12.41—10.46; дежурный пом. коменданта АХО УМГБ Калининской обл., 10.46—03.53; дежурный комендант УМВД Калининской обл., 03.53—08.53; дежурный пом. коменданта УМВД Калининской обл., 08.53—10.53; инспектор ХОЗО УМВД Калининской обл. с 10.53 (упом. 03.54). Партдокументы погашены Калининским обкомом 18.01.72 как на умершего.
Звание: старший лейтенант (упом. 05.51).
Награды: орден Красной Звезды, 24.11.50; 3 медали.

БЕРЕЖКОВ
Алексей Георгиевич

(02.1885, д. Пелеши Гдовского уезда Санкт-Петербургской губ. — 1951, Москва) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец умер в 1908). Русский. В КП с 08.18.
Образование: церковно-приходская школа, Пелеши, 1898; 2 класса народного училища; технические курсы железнодорожников, 1915.
Чернорабочий на фабрике М. Конрада, Санкт-Петербург, 04.1900—05.1901; рабочий на фабрике Жоржа Бормана, Санкт-Петербург, 05.1901—10.1906.

В армии: солдат, старший писарь 101 пех. полка, Гродно, 11.1906—12.1909.
Отметчик фабрики Жоржа Бормана, Санкт-Петербург, 01.1910—07.14; старший писарь призывного пункта, Петроград, 07.14—10.14; конторщик в Упр. эксплуатации станц. Сортировочная Николаевской ж.д., Петроград, 10.14—1916; пом. нач. станц. Фарфоровый пост, Петроград, 1916—02.20.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД: уполномоченный отделения РТЧК, Петроград, 02.20—05.22; нач. линейного отделения ТО ГПУ, Ростов-на-Дону, 05.22—05.24[1]; пом. нач. ДТО ОГПУ Северной ж.д., Москва, 1924—01.04.29; нач. ДТО ОГПУ Пермской ж.д., Свердловск, 20.05.29—28.04.31; инспектор части ТО ОГПУ СССР, 27.05.31—01.06.31; старший инспектор части ТО ОГПУ СССР, 01.06.31—25.11.31; нач. ДТО ОГПУ Юго-Западной ж.д., Киев, 28.11.31—01.04.33; в резерве Отдела кадров ОГПУ с 01.04.33; зам. нач. ДТО ОГПУ—НКВД Московско-Белорусско-Балтийской ж.д., Москва, 05.33—22.11.34; нач. ДТО ГУГБ НКВД Юго-Восточной ж.д., 22.11.34—26.02.35; нач. ТО УГБ УНКВД Воронежской обл. по Юго-Восточной ж.д., 26.02.35—26.04.35; нач. ТО УГБ УНКВД Воронежской обл., 26.04.35—28.09.35; старший инспектор ТО ГУГБ НКВД СССР, 28.09.35—14.01.36; нач. ТО УГБ УНКВД Кировской обл., 14.01.36—27.09.36; нач. Воткинского горотдела НКВД Удмуртской АССР, 27.09.36—19.04.37; откомандирован в УНКВД Ивановской обл. с 19.04.37; инспектор при нач. УНКВД Ивановской обл., 03.06.37—09.09.37; нач. 11 отдела УГБ УНКВД Ивановской обл., 09.09.37—02.03.38; нач. Отдела кадров УНКВД Ивановской обл., 02.03.38—28.05.38; пом. нач. УНКВД Ивановской обл. по неоперативным отделам, 28.05.38—07.01.39; нач. Строительства № 211 и лагеря НКВД (строительство автомагистрали Емиль-

[1] В 1923 г. обвинен по ст. 105 (злоупотребление властью) и 109 (дискредитация власти) УК РСФСР, но дело Коллегией ОГПУ прекращено.

чино — Могилев-Подольский), 07.01.39—25.04.39; нач. Старобельского лагеря НКВД для военнопленных, 19.09.39—02.01.42; нач. Старобельского спецлагеря НКВД, 02.01.42—17.11.42; нач. Упр. Монетно-Лосиновского лагеря НКВД № 84 для военнопленных, Свердловск, 17.11.42—10.07.43; нач. Упр. лагеря НКВД № 201, Люберцы, 1943—1945; нач. Упр. лагеря НКВД № 0334, пос. Серебряный Бор Московской обл., 1945—1946; зам. нач. Упр. Спецстроя г. Москвы по проверочно-фильтрационным лагерям, 01.06.46—11.12.46; уволен в запас по болезни 11.12.46. Партдокументы погашены Московским горкомом ВКП(б) 20.04.51 как на умершего.
Звания: капитан ГБ, 14.12.35; подполковник ГБ, 11.02.43; полковник ГБ, 31.12.43.
Награды: орден Ленина, 12.05.45; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Отечественной войны II степени, 16.09.45; 2 ордена Красной Звезды, 05.08.44, 22.08.44; медали; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (V)», № 398, 1926; награжден золотыми часами в 1927 и боевым оружием в 1932 «за беспощадную борьбу с контрреволюцией».

БЕРИЯ
Лаврентий Павлович

(29.03.1899, с. Мерхеули Сухумского окр. — 23.12.1953, Москва) — родился в семье крестьянина-бедняка. Грузин. В КП с 03.17. Член ЦК ВКП(б)—КПСС (17, 18 и 19 съезды). Член Президиума Верховного Совета СССР, 17.01.38—31.05.39. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), 22.03.39—18.03.46. Член Политбюро ЦК ВКП(б), 18.03.46—16.10.52. Член Президиума ЦК КПСС, 16.10.52—26.06.53. Член Бюро Президиума ЦК КПСС, 16.10.52—05.03.53. Депутат Верховного Совета СССР 1—3 созывов. Герой Социалистического

Труда, 1943. Лауреат Сталинской премии 1 степени, 29.10.49.

Образование: Сухумское высшее начальное училище, 1906—1915, окончил с отличием; среднее механико-строительное техническое училище, Баку, 1919; Бакинский политехнический институт, 1920—1922. Казначей нелегального марксистского кружка механико-строительного училища, Баку, 1915—1917; практикант Гл. конторы Нобеля в Балаханах, 1916; организовал ячейку РСДРП(б), Баку, 03.17; техник-практикант гидротехнического отряда, Румынский фронт, 06.17—12.17; сотрудник секретариата Бакинского Совета, 01.18—09.18; остался в Баку при турецкой оккупации; конторщик на заводе «Каспийское товарищество Белый Город», Баку, 10.18—01.19; пред. подпольной ячейки РКП(б) техников, Баку, 02.19—04.20; по поручению партии «Гуммет» поступил на службу в мусаватистскую контрразведку, осень 1919—03.20; сотрудник Бакинской таможни, 03.20—04.20; уполномоченный Кавказского крайкома РКП(б) и Регистрационного отдела 11 армии в Грузии, 04.20; арестован грузинскими меньшевиками в Тифлисе, 04.20, освобожден с предписанием в трехдневный срок покинуть Грузию; под фамилией Лакербая работал в ПП РСФСР в Грузии, 04.20—05.20; арестован меньшевиками, 05.20; сидел в кутаисской тюрьме, 05.20—07.20; выслан в советский Азербайджан, 08.20[1]; управляющий делами ЦК КП(б) Азербайджана, 08.20—10.20; ответственный секретарь

---

[1] Полпредом РСФСР в Грузии в этот период был С.М. Киров. Именно он направил 09.07.20 министру иностранных дел Грузии ноту за № 327, в которой требовал освобождения и высылки за пределы Грузии нескольких заключенных, и в их числе Берии (Киров С.М. Статьи, речи, документы. Т. 1. М., 1936. С. 250). Этот эпизод был использован для героизации Берии. Однако согласно информации генерального прокурора Р. Руденко, направленной в ЦК КПСС 20.01.54, речь в ноте Кирова шла о солдатах 2 пехотного полка, осужденных военно-полевым судом за участие в вооруженном выступлении 1919 г., и в их числе о Лаврентии Игнатьевиче Берии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 474. Л. 33—34).

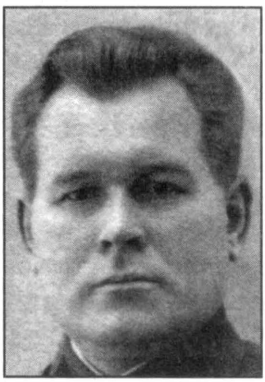
Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, Баку, 10.20—02.21.
В органах ВЧК—ОГПУ: зам. нач. секретно-оперативного отделения Азербайджанской ЧК, 04.21—05.21; зам. пред. Азербайджанской ЧК, нач. СОЧ, 05.21—11.22; зам. пред. Грузинской ЧК, нач. СОЧ, 11.22—03.26; зам. пред. ГПУ ГрузССР, нач. СОЧ, 03.26—02.12.26; зам. полпреда ОГПУ в ЗСФСР, зам. пред. Закавказского ГПУ, 02.12.26—17.04.31; нач. СОУ ПП ОГПУ в ЗСФСР и Закавказского ГПУ, 12.26—17.04.31; пред. ГПУ ГрузССР, 02.12.26—03.12.31; нарком внутренних дел ГрузССР, 04.04.27—12.30; нач. ОО ОГПУ Кавказской краснознаменной армии и полпред ОГПУ СССР в ЗСФСР — пред. Закавказского ГПУ, 17.04.31—03.12.31; член Коллегии ОГПУ СССР, 18.08.31—03.12.31.
2 секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), 31.10.31—17.10.32; 1 секретарь ЦК КП(б) Грузии, 14.11.31—31.08.38; 1 секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), 17.10.32—05.12.36; 1 секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии, 05.37—31.08.38.
В органах НКВД: 1 зам. наркома внутренних дел СССР, 22.08.38—25.11.38; нач. 1 упр. НКВД СССР, 08.09.38—29.09.38; нач. ГУГБ НКВД СССР, 29.09.38—17.12.38; нарком внутренних дел СССР, 25.11.38—29.12.45.
Зам. пред. СНК СССР, 03.02.41—15.03.46; член ГКО СССР, 30.06.41—04.09.45; зам. пред. ГКО СССР, 16.05.44—04.09.45; пред. Гос. комитета № 1 при СНК—СМ СССР, 20.08.45—26.06.53; зам. пред. СМ СССР, 19.03.46—15.03.53; 1 зам. пред. СМ СССР, 05.03.53—26.06.53; министр внутренних дел СССР, 05.03.53—26.06.53.
Арестован 26.06.53 на заседании Президиума ЦК КПСС; на Пленуме ЦК КПСС 02.07.53—07.07.53 выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии как «враг Коммунистической партии и советского народа»; приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.53 к ВМН.

Расстрелян. Определением ВКВС РФ от 29.05.2000 признан не подлежащим реабилитации.
Звания: комиссар ГБ 1 ранга, 11.09.38; генеральный комиссар ГБ, 30.01.41; Маршал Советского Союза, 09.07.45.
Награды: медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, № 80, 30.09.43; 5 орденов Ленина, 17.03.35, 30.09.43, 21.02.45, 29.03.49, 29.10.49; 2 ордена Красного Знамени, 03.04.24, 03.11.44; орден Суворова I степени, 08.03.44; орден Боевого Красного Знамени ГрузССР, 03.07.23; орден Трудового Красного Знамени ГрузССР, 10.04.31; орден Трудового Красного Знамени АзербССР, 14.03.32; орден Трудового Красного Знамени АрмССР; орден Красного Знамени (МНР), № 441, 15.07.42; орден «Сухбаатар» (МНР), № 31, 29.03.49; орден Республики (Тува), 18.08.43; медаль «XXV лет МНР», 19.09.46; 7 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (V)», № 100; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», № 205, 20.12.32.
Сочинения: Берия Л.П. Под великим знаменем Ленина — Сталина: Статьи и речи. Тбилиси, 1939; Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М., 1952.
Сообщение о суде и расстреле: Правда. 1953. 24 декабря.

БЛАНК
Клавдия Ефимовна

(1900 — ?) — беспартийная.
В органах ГПУ–НКВД с 1922: заведующая делопроизводством секретариата УСО ГУГБ НКВД СССР, 10.07.34—01.08.35; пом. инспектора камеры хранения УСО ГУГБ НКВД СССР с 01.08.35; заведующая делопроизводством секретариата 1 спецотдела НКВД СССР; пом. оперуполномоченного 2 группы секретариата 1 спецотдела НКВД СССР с 01.11.38; заведующая машинописным бюро секретариата 1 спецотдела НКВД СССР с 06.03.41 (упом. 07.12.41);

пом. оперуполномоченного секретариата 1 спецотдела МВД СССР (упом. 21.01.50).
Звание: сержант ГБ, 25.03.39 (упом. 26.10.40, 07.12.41).
Награда: знак «Почетный работник ВЧК–ГПУ (XV)», 07.03.39.

БЛОХИН
Василий Михайлович

(07.01.1895, с. Гавриловское Суздальского уезда Владимирской губ. — 03.02.1955, Москва) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 08.04.21.
Образование: незаконченное высшее, 2 класса сельской школы; Архитектурно-строительный институт, Москва, 09.31–01.33; Московский институт повышения квалификации хозяйственников, 01.01.33–29.05.37.
Пастух, д. Турово Ярославской губ., 10.05.05–15.11.10; каменщик у подрядчиков, Москва, 15.11.10–05.04.15.
В армии: рядовой, унтер-офицер, взводный унтер-офицер 3 роты 82 запасн. пех. полка, Владимир, 05.04.15–02.06.17; взводный старший унтер-офицер, и.о. председателя ротного комитета 218 Горбатовского пех. полка 55 пех. див., оз. Вилейка, 02.06.17–29.11.17; на лечении в 49 полевом госпитале, Западный фронт, Полоцк, 29.11.17–29.12.17.
Работал в хозяйстве отца, Гавриловское, 29.12.17–25.10.18.
В РККА: пом. военрука военкомата Яневской вол. Суздальского уезда, 25.10.18–20.06.19; командир взвода 1 роты 8 запасн. пех. полка, Владимир, 20.06.19–15.10.20; командир взвода 4 запасн. пех. полка 3 отдельной запасн. бригады, Моздок, Владикавказ, 15.10.20–25.05.21.

В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: командир взвода 62 батальона войск ВЧК, Ставрополь, 25.05.21–20.10.21; пом. командира взвода отряда ОСНАЗ при Коллегии ВЧК, 24.11.21–05.05.22; командир взвода отряда ОСНАЗ при ГПУ — Коллегии ОГПУ СССР, 05.05.22–16.07.24; пом. командира 61 дивизиона див. ОСНАЗ при Коллегии ОГПУ СССР, 16.07.24–01.08.24; комиссар для особых поручений спецотделения при Коллегии ОГПУ СССР, 01.08.24–03.05.26; врид коменданта ОГПУ СССР, 03.03.26–01.06.26; комендант ОГПУ СССР, 01.06.26–10.07.34; комендант ПП ОГПУ по Московской обл., 25.02.30–07.34; комендант АХУ НКВД СССР, 10.07.34–10.06.38; нач. Комендантского отдела АХУ НКВД СССР, 10.06.38–15.05.43; нач. Комендантского отдела АХФУ НКГБ–МГБ СССР, 15.05.43–12.12.46; нач. Комендантского отдела Упр. делами МГБ СССР, 12.12.46–01.04.52; зам. нач. АХУ — комендант МГБ СССР, 01.04.52–02.04.53; уволен на пенсию 02.04.53 по болезни.
Пенсионер с 04.53, Москва. Похоронен на Донском кладбище.
Звания: старший унтер-офицер (упом. 1917); капитан ГБ, 09.12.35; майор ГБ, 14.03.40; полковник ГБ, 14.02.43; комиссар ГБ, 14.10.44; генерал-майор, 09.07.45. Лишен звания генерал-майора 23.11.54 Постановлением СМ СССР № 2349-1118сс «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».
Награды: орден Ленина, 21.02.45; 3 ордена Красного Знамени, 26.04.40, 03.11.44, 25.07.49; орден Отечественной войны I степени, 13.09.45; орден Трудового Красного Знамени, 20.09.43; орден Красной Звезды, 28.11.36; орден «Знак Почета», 19.12.37; 3 медали; знак «Почетный работник ВЧК–ГПУ (V)», № 498; знак «Почетный работник ВЧК–ГПУ (XV)», 20.12.32.

БОГДАНОВ
Николай Филиппович

(1908, Смоленск — 1954, Смоленск) — родился в семье официанта (отец умер в 1925). Русский. В ВЛКСМ в 1931—1935. В КП с 09.38 (кандидат с 05.32). **Образование:** незаконченное среднее, 7 классов девятилетней школы, Смоленск, 1925. Слесарь-водопроводчик нефтесиндиката, строительства жилкооперации, 7-й столовой, хлебозавода № 1, Смоленскстроя, Смоленск, 08.25—11.30.
В РККА: красноармеец 190 стр. полка 64 стр. див., 11.30—11.35.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: слесарь-водопроводчик УНКВД Западной обл., 12.35—05.37; шофер УНКВД Смоленской обл., 05.37—03.41; шофер УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; шофер УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; шофер опергруппы УНКВД Смоленской обл., д. Малые Вяземы Звенигородского района Московской обл., 10.41—01.42; шофер УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 01.42—07.43; сотрудник УНКГБ Смоленской обл., Кондрово, Смоленск, 07.43—07.44; шофер автогаража УНКГБ—УМГБ—УМВД Смоленской обл., 07.44—10.53; нач. гаража — механик УМВД Смоленской обл. с 10.53 (упом. 02.54). Партдокументы погашены Смоленским обкомом КПСС 05.08.54 как на умершего.
Звание: младший лейтенант (упом. 1949).
Награды: орден Красной Звезды, 25.07.49; 4 медали.

БОГДАНОВ
Петр Алексеевич

(1910, д. Митениво Быковской вол. Тверского уезда Тверской губ. — 04.1983, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1929—1932. В КП с 04.32 (кандидат с 10.30).

Образование: 4-классная сельская школа, Митениво; 2 года вечернего рабфака при Бобриковском химкомбинате, Московская обл., 1931—1932.
Рабочий совхоза «Бреднево», д. Козлово Тверского уезда, 04.28—02.29; рабочий элеватора «Союзхлеб», Канск Восточно-Сибирского края, 02.29—12.30; молотобоец Тайнинского совхоза, хут. Сотниково Канского района, 12.30—02.31; курсант курсов шоферов Восточно-Сибирского потребсоюза, Красноярск, 02.31—07.31; слесарь 17 машино-дорожного отряда Мособлдортранса, станц. Бобрик Донской Московско-Курской ж.д., 07.31—12.32; слесарь механического парка Мособлдортранса, Москва, 12.32—11.33.
В РККА: красноармеец 202 авиабригады, Орша БССР, 11.33—01.35.
В органах НКВД–МВД: шофер УНКВД Калининской обл., 01.35—01.42; шофер УНКВД—УВД Калининской обл., 01.42—10.71.
Пенсионер с 10.71, Калинин.
Награды: 4 медали; знак «50 лет пребывания в КПСС».

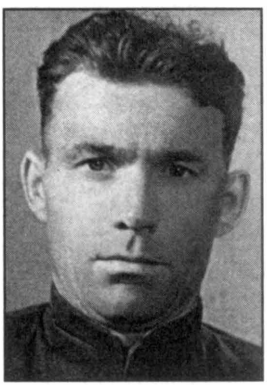

БОРИСОВЕЦ
Павел Федорович

(08.1891, д. Браново Слуцкого уезда Минской губ. — 1950, Москва) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец умер в 1909, мать — в 1900). Белорус. В КП с 04.25 (кандидат с 02.21).
Образование: учительская семинария, Несвиж Минской губ., 1908—1912; 1 семестр Минского

учительского института, 08.18—01.19; военные курсы «Выстрел», Москва, 1931.
Пастух общественного стада, Браново, 1905—1906; рабочий кирпичного завода, пос. Браслав, 1906—1908; учитель в народном училище, д. Сухличи Слуцкого уезда, 08.12—07.14.
В армии: рядовой 72 запасн. батальона, Орел, 07.14—1915; на ускоренных четырехмесячных курсах при Александровском военном училище, Москва, 1915—1916; командир взвода 236 запасн. полка, командир роты 540, 718 пех. полков 120 див., Двинск, Юго-Западный фронт, 1916—03.18.
Безработный, станц. Авдеевка, Пантелеевка Екатерининской ж.д., 03.18—08.18.
В РККА: пом. военного руководителя губвоенкомата, Минск, 01.19—09.19; военком, Сычевка Смоленской губ., 09.19—05.20; инспектор окружного военкомата, Новороссийск, 05.20—09.20; военком Вилейского уездного военкомата, 09.20—03.21; нач. территориального округа Минского губвоенкомата, 03.21—05.22; адъютант командующего ЧОН, Минск, 05.22—09.22; пом. нач. отдела Минского губвоенкомата, 09.22—09.23.
В органах ОГПУ–НКВД–МВД: пом. нач. школы 12 и 14 погранбатальонов ОГПУ, мест. Тимковичи, Заславль БССР, 09.23—04.24; пом. уполномоченного, уполномоченный комендатуры 12 погранотряда, Заславль, 04.24—12.24; комендант участка, нач. маневренной группы 15 погранотряда, Заславль, 12.24—12.28; пом. нач. 17 погранотряда, мест. Тимковичи БССР, 12.28—12.29; пом. нач. 14 погранотряда, мест. Плещаницы БССР, 12.29—09.32; нач. учебной части 3 пограншколы ОГПУ, Москва, 09.32—07.33; нач. штаба 3 ж.-д. бригады войск ОГПУ—НКВД, Москва, 07.33—09.34; инспектор отделения боевой подготовки Упр. внутренней охраны УНКВД Московской обл., 09.34—05.37; старший пом. нач. 2 отделения 3 отдела (Боевой подготовки) Упр. внутренних войск НКВД Московского округа, 05.37—03.39 (упом. 04.38); нач. 3 отделения Отдела боевой подготовки Гл. упр. конвойных войск НКВД

СССР, 03.39—19.09.39; нач. Осташковского лагеря НКВД для военнопленных, 19.09.39—1940; зам. нач. Упр. лагеря военнопленных № 150 НКВД—МВД по охране и режиму, Грязовец Вологодской обл., 1941—06.02.47 (упом. 10.45); уволен в запас по болезни 06.02.47. Партдокументы погашены Московским горкомом ВКП(б) 08.04.50 как на умершего[1].
Звания: подпоручик, 1916; майор, 08.04.38 (упом. 1937, 09.39)[2]; подполковник (упом. 10.45, 02.47).
Награды: орден Ленина, 21.02.45; орден Красного Знамени, 15.01.45; орден Красной Звезды, 02.06.45; медаль «20 лет РККА», 22.02.38.

БУРДА
Тимофей Дмитриевич

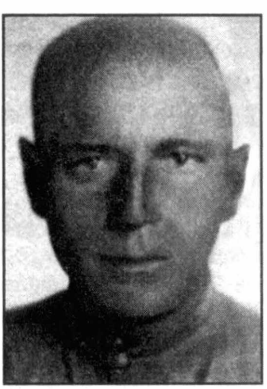
(1908, с. Дробиновка Новосанжарского района Полтавской обл. — 01.1974, Харьков) — родился в семье крестьянина. Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 07.47 (кандидат с 04.45). Состоял кандидатом в члены ВКП(б) в 1932—1934, механически выбыл ввиду утраты кандидатской карточки парторганизацией обл. милиции.
Образование: начальное, 5 классов неполной средней школы, Харьков, 1940.
Пастух у кулака Дехтяря, с. Крутая Балка Новосанжарского района, 04.17—04.24; работал в хозяйстве отца, Дробиновка, 04.24—11.30.

---

[1] Его сын, Владимир Павлович Борисовец (1924 г.р.), пошел по стопам отца. С ноября 1943 г. он служил в органах госбезопасности и в 1954 г. в звании старшего лейтенанта числился старшим экспертом УКГБ по г. Москве и области; в начале 1970-х гг. — капитан и оперуполномоченный 3 отделения 7 отдела 5 управления КГБ.

[2] В марте 1940 г. он был представлен к званию капитана ГБ, но в приказе НКВД СССР № 534 от 17 марта 1940 г. отсутствует.

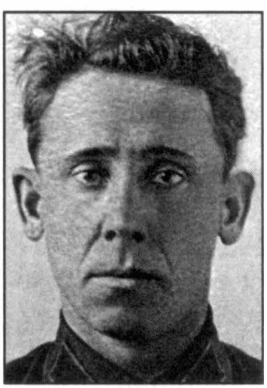
В РККА: красноармеец 135 стр. полка, Киев, 11.30—12.32.
В органах милиции и НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: старший милиционер УРКМ Харьковской обл., 12.32—01.36; вахтер комендатуры УНКВД Харьковской обл., 18.01.36—02.08.37; надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 02.08.37—02.03.38; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 02.03.38—26.10.39; старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 26.10.39—13.04.41; старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКГБ Харьковской обл., 13.04.41—12.09.41; пом. нач. тюрьмы УНКВД Харьковской обл., Купянск, 09.41—07.42; пом. нач. тюрьмы УНКВД, Сталинград, 07.42—08.42; пом. нач. тюрьмы НКВД, Энгельс, 08.42—09.42; комендант ИТК № 6 НКВД, Киров, 09.42—09.43; дежурный пом. нач. тюрьмы УМГБ Харьковской обл., 09.43—03.53 (упом. 1951); пом. нач. тюрьмы УМВД Харьковской обл., 03.53—09.56; уволен на пенсию по возрасту 07.01.59. Пенсионер, Харьков, 09.56—10.58; стрелок ВОХР п/я 201, Харьков, 10.58—07.66; стрелок завода «Коммунар», Харьков, 07.66—01.74.
Звание: лейтенант (упом. 1951).
Награды: орден Красного Знамени, 01.06.51; орден Красной Звезды, 30.04.46; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 4 медали.

ВИГОВСКИЙ
Ефим Андреевич

(1905, с. Альбиновка Житомирского уезда Волынской губ. — 03.1980, Харьков) — родился в семье крестьянина. Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 08.39 (кандидат с 02.32).
Образование: начальное, 1 класс сельской школы, Альбиновка, 1914.

В РККА: пулеметчик 135 стр. полка 45 стр. див., 10.27—11.29.
Стрелок ВОХР Наркомата почт и телеграфов, Харьков, 11.29—12.32.
В органах милиции и НКВД–МВД: милиционер дивизиона ОСНАЗ УРКМ, Харьков, 12.32—03.34; курсант 5 школы милиции, Полтава, 03.34—12.34; командир отделения дивизиона наружной службы УРКМ, Харьков, 12.34—12.37; надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД Харьковской обл., 01.38—06.39; вахтер тюрьмы УГБ УНКВД Харьковской обл., 06.39—10.41; надзиратель обл. тюрьмы № 1 НКВД, Омск, 10.41—10.43; надзиратель, старший надзиратель тюрьмы № 1 УНКВД—УМВД Харьковской обл., 10.43—04.59.
Пенсионер с 04.59, Харьков.
Звание: старший сержант (упом. 1952).
Награды: орден Красного Знамени, 20.03.52; орден Красной Звезды, 12.11.46; медаль «За боевые заслуги», 10.12.45; 2 медали.

ГАВРИЛЕНКОВ
Тихон Кузьмич

(1907, д. Мащиново Краснинского уезда Смоленской губ. — 01.1978, Смоленск) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 02.40 (кандидат с 05.38).
Образование: начальное, 5 классов сельской школы, с. Максимовское Смоленского уезда, 1920.
Работал в хозяйстве отца, Мащиново, 1920—09.29.
В войсках и органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: красноармеец войск ОГПУ, 09.29—02.31; вахтер, экспедитор, шофер ПП ОГПУ — УНКВД Западной — Смоленской обл., 02.31—03.41; шофер гаража УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; шофер УНКВД, Уфа, 07.41—04.42; шофер УНКВД—УМВД Смоленской

обл., Кондрово, Смоленск, 04.42—12.49; шофер УМГБ Смоленской обл., 12.49—03.53; шофер УМВД Смоленской обл., 03.53—07.56.
Пенсионер, Смоленск, 07.56—10.56; сторож автобазы хлебторга, Смоленск, 10.56—06.57; пенсионер, Смоленск, 06.57—09.57; сторож Отдела пожарной охраны УВД Смоленского облисполкома, 09.57—07.59; шофер транспортной конторы связи, Смоленск, 07.59—03.60; пенсионер с 03.60, Смоленск.
Награды: 2 медали.

ГАЛИЦЫН
Николай Александрович

(1908, Харьков — 01.1980, Харьков) — о родителях сведений не имел, воспитанник детского дома. Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.48 (кандидат с 02.47). Состоял кандидатом в члены ВКП(б) в 1931—1936, выбыл механически.
Образование: начальное, 6 классов неполной средней школы, Харьков, 1926.
Слесарь-электрик на электромеханическом заводе, Харьков, 01.28—09.30.
В РККА: курсант полковой школы 2 конно-артиллерийского дивизиона, Украинский ВО, 09.30—09.31; курсант бронетанковой школы, Украинский ВО, 09.31—10.32; командир танка, старшина в/ч 1515, Украинский ВО, 10.32—02.34; командир танка, старшина в/ч 2603, станц. Хадабулак, Дальневосточный край, 02.34—09.35; командир танка, старшина в/ч 3059, Киевский ВО, 09.35—10.36.
Шофер треста промышленно-строительных материалов, Харьков, 10.36—04.37.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: шофер УНКВД—УНКГБ Харьковской обл., 05.37—06.41; шофер УНКГБ—УНКВД Харьковской обл., 06.41—01.42;

шофер УНКВД, Энгельс, 01.42—11.42; комендант по режиму колонии № 3 НКВД, Петропавловск Северо-Казахстанской обл., 11.42—09.43; шофер УНКГБ—УМГБ Харьковской обл., 09.43—03.53; шофер УМВД Харьковской обл., 03.53—04.54; шофер УКГБ Харьковской обл., 04.54—05.60.
Пенсионер, Харьков, 05.60—07.60; старший препаратор Политехнического института, Харьков, 07.60—01.80.
Звание: старшина (упом. 1936, 1947).
Награды: орден Красной Звезды, 21.05.47; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 6 медалей.

ГВОЗДОВСКИЙ
Николай Афанасьевич

(1902, с. Коробино Смоленского уезда Смоленской губ. — 06.1987, Смоленск) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.38 (кандидат с 08.31).
Образование: незаконченное среднее, 4 класса сельской школы, Коробино, 1914; 2 курса вечернего рабфака при комбинате связи, Смоленск, 1934.
В РККА: красноармеец, курсант, командир отделения 4 артполка 4 стр. див., Западный ВО, Ленинградский ВО, 23.12.24—09.26.
Чернорабочий на спиртоводочном заводе, Смоленск, 09.26—11.26.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: надзиратель Смоленского изолятора, 11.26—02.30; младший надзиратель, дежурный комендант, пом. коменданта ПП ОГПУ по Западной обл. — УНКВД Смоленской обл., 02.30—03.41; пом. коменданта УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; пом. коменданта УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; дежурный пом. коменданта отдельного лагпункта

№ 174 УНКВД Чкаловской обл., 11.41—01.42; дежурный пом. коменданта УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 01.42—09.43; дежурный пом. коменданта УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 09.43—10.51; зам. нач. отделения, нач. административного отделения АХО УМГБ Смоленской обл., 10.51—03.53; нач. отделения УМВД Смоленской обл., 03.53—04.54; нач. отделения УКГБ Смоленской обл., 04.54—09.55.
Пенсионер, Смоленск, 09.55—11.59; рабочий завода железобетонных изделий треста «Смоленскпромстрой», 11.59—05.66; дежурный учетчик завода железобетонных изделий треста «Смоленскпромстрой», 05.66—11.67; дежурный учетчик ж.-д. ветки завода сборных железобетонных и строительных конструкций объединения «Смоленскстрой» и Смоленского упр. строительства, 11.67—12.72; дежурный учетчик ж.-д. ветки головного завода производственного объединения «Смоленскстройконструкция», 12.72—10.73; пенсионер с 10.73, Смоленск.
Звание: старший лейтенант (упом. 1952).
Награды: орден Ленина, 23.05.52; орден Красного Знамени, 04.12.45; орден Красной Звезды, 19.01.45; 4 медали.

ГЕЦЕЛЕВИЧ
Ревекка Соломоновна

(1906 — ?) — беспартийная.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ с 1932: машинистка вне категории 2 группы секретариата 1 спецотдела НКВД СССР с 01.11.38; заведующая машинописным бюро секретариата 1 спецотдела НКВД СССР; заведующая машинописным бюро секретариата 2 отдела НКГБ СССР, 21.03.41—11.08.41; пом. оперуполномоченного 17 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 11.08.41—07.12.41; секретарь 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР с 07.12.41; в органах НКГБ с 1943.
Звание: сержант ГБ (упом. 26.10.40, 07.12.41).

ГОЛОВИНКИН
Николай Иванович

(1913, д. Волхонск Калужской губ. — 08.1978, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1937—1940. В КП с 04.42 (кандидат с 09.40).
Образование: начальное, 4 года сельской школы, Волхонск, 1925.
Колхозник колхоза «20 октября», Волхонск, 05.31—09.35.
В погранвойсках и органах НКВД–НКГБ–МГБ: красноармеец 33 Ладожского морского погранотряда, Новая Ладога, 09.35—12.37; надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД Калининской обл., 01.38—10.41 (упом. 01.05.38); надзиратель УНКВД Калининской обл., Кимры, 10.41—12.41; надзиратель УНКВД Калининской обл., 12.41—05.43; надзиратель УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—07.49 (упом. 31.12.46).
Токарь на Калининском вагоностроительном заводе, 07.49—12.49; фуговщик на Калининском вагоностроительном заводе, 12.49—06.74; в 1971 станочник на Калининском вагоностроительном заводе; пенсионер с 06.74, Калинин.
Звание: старший сержант (упом. 31.12.46).
Награды: орден Трудового Красного Знамени, 05.04.71[1]; медаль «За боевые заслуги», 06.11.46; 3 медали.

ГОРЯЧЕВ
Михаил Данилович

(1906, д. Починки Тверского уезда Тверской губ. — 11.1984, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 08.28 (кандидат с 02.28).

---

[1] Орден вручен 29 апреля 1971 г. директором Калининского вагоностроительного завода Владимиром Наливайко.

Образование: неполное среднее, 7 классов областной заочной школы, Калинин, 1950.
Работал в хозяйстве отца, ученик сапожника, Починки, 04.18—10.24; сапожник коллектива безработных сапожников, Тверь, 10.24—09.28.
В РККА: красноармеец 48 арт. полка, Тверь, 09.28—11.28.
Работал в хозяйстве отца, Починки, 11.28—03.29; заведующий складом артели «Заря», Тверь, 03.29—05.30.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: фельдъегерь Оперсектора ГПУ, Тверь — Калинин, 05.30—02.32; фельдъегерь, инспектор Оперсектора ГПУ—НКВД, Калинин, 02.32—02.35; инспектор фельдсвязи УНКВД Калининской обл., 02.35—09.36; нач. отделения фельдсвязи УНКВД Калининской обл., 09.36—01.04.38; врид нач. автотехнического отделения АХО УНКВД Калининской обл., 01.04.38—01.08.38; нач. автотехнического отделения АХО УНКВД Калининской обл., 01.08.38—31.10.39; нач. Автотехнического отдела АХУ УНКВД Калининской обл., 31.10.39—10.41; нач. отделения фельдсвязи, нач. Автотехнического отдела УНКВД Калининской обл., Кашин, 10.41—12.41; нач. отделения фельдсвязи, нач. Автомеханического отдела УНКВД Калининской обл., 12.41—03.44; зам. нач. ХОЗУ УНКВД—УМВД Калининской обл., 03.44—01.50; зам. нач. АХО УМГБ Калининской обл., 01.50—04.53; нач. отделения ХОЗО УМВД Калининской обл., 04.53—08.53; нач. комендантского отделения УМВД Калининской обл., 08.53—13.05.55; уволен 13.05.55 по болезни.
Пенсионер с 05.55, Калинин.
Звания: младший лейтенант ГБ (упом. 26.10.40); капитан (упом. 1947); подполковник административной службы (упом. 1950, 13.05.55).

Награды: орден Красного Знамени, 24.11.50; орден Красной Звезды, 12.05.45; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 4 медали; знак «50 лет пребывания в КПСС».

ГРИБОВ
Иосиф Иванович

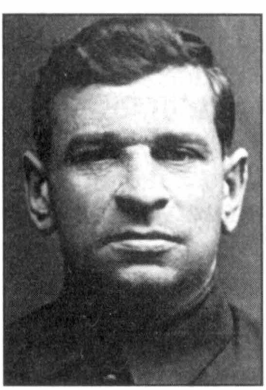
(24.02.1905, д. Куты Кревской вол. Ошмянского уезда Виленской губ. — 27.01.1976, Смоленск) — родился в семье крестьянина. Белорус. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 04.47 (кандидат с 11.45).

Образование: незаконченное среднее, 8 классов средней школы, д. Низголово БССР, 1923; 2 курса вечернего механико-строительного техникума, Витебск, 1924.

Пастух у разных лиц, Кревская вол., 04.13—08.15; воспитанник детского приюта, Витебск, 08.15—04.20; батрак у разных лиц, д. Грибуны Витебского уезда, 04.20—10.20; учащийся средней школы, Низголово, 10.20—05.23; регистратор Витебского губкома РКП(б), 05.23—09.23; укладчик в редакции газеты «Заря Запада», Витебск, 10.23—12.24.

В органах ОГПУ–НКВД–МВД: курьер, конторщик изолятора, Смоленск, 02.25—04.25; переписчик, делопроизводитель Смоленского губотдела ГПУ, 15.04.25—12.26; делопроизводитель ОО ОГПУ корпуса, Бобруйск, 12.26—01.10.27; пом. уполномоченного 12 погранотряда, Дрисса и станц. Бигосово, Полоцкий уезд, 01.10.27—25.03.28; уполномоченный Смоленского губотдела ГПУ, пом. уполномоченного РСО ПП ОГПУ по Западной обл., 25.03.28—07.29; пом. уполномоченного Окружного отдела ГПУ, Сухиничи, 07.29—09.30; пом. уполномоченного ПП ОГПУ по Западной обл., 09.30—25.03.32; пом. уполномоченного по обслуживанию 127 стр. полка ОО ПП ОГПУ по Западной обл., 25.03.32—17.08.32; уполномоченный УСО ПП ОГПУ по Западной обл., 17.08.32—

14.10.33; пом. коменданта ПП ОГПУ по Западной обл. — УНКВД Смоленской обл., 14.10.33—15.07.38; пом. нач. тюрьмы УГБ УНКВД Смоленской обл., 15.07.38—02.11.38; врид коменданта Комендантского отдела АХО УНКВД Смоленской обл., 02.11.38—22.07.40; комендант АХО УНКВД Смоленской обл., 22.07.40—07.41; комендант УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—09.41; комендант отдельного лагеря в Соль-Илецке ОИТК УНКВД Чкаловской обл., 09.41—12.41; инструктор Бутырской тюрьмы НКВД в Соль-Илецке, 12.41—01.42; комендант, старший пом. нач. отделения МПВО УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 01.42—10.43; старший пом. нач. отделения МПВО, нач. отделения, старший инженер, инструктор службы МПВО УМВД Смоленской обл., 10.43—04.55; нач. ХОЗО УМВД Смоленской обл., 04.55—08.56 (упом. 01.11.50, 01.08.53); уволен в запас по болезни 06.08.56 в звании подполковника.
Пенсионер, Смоленск, 08.56—06.61; бухгалтер Смоленского объединения Союза художников, 06.61—01.76. Похоронен на Братском кладбище в Смоленске.
Звания: младший лейтенант ГБ, 31.05.38; старший лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из младшего лейтенанта); подполковник (упом. 1950, 1953).
Награды: орден Ленина, 30.01.51; орден Красного Знамени, 12.05.45; 2 ордена Красной Звезды 15.01.45, 11.04.55 (Указ ПВС № 214/2); 4 медали.

ГРИГОРЬЕВ
Михаил Порфирьевич

(1903, Смоленск — 1961, Смоленск) — родился в семье рабочего — истопника вагонов (отец умер в 1916, мать жила на иждивении детей, умерла в 1954). Русский. В ВЛКСМ не состоял. Член КП с 03.31 (кандидат с 01.30).
Образование: низшее, церковно-приходская школа, Смоленск, 1914.

Разносчик газет на станц. Смоленск, 05.14—10.16; не работал, Смоленск, 10.16—03.17; чернорабочий конторы смотрителя ж.-д. зданий, Смоленск, 03.17—03.18; батрак у кулака Дрелинга, имение Давыдково Катынской вол. Смоленского уезда, 04.18—09.18; не работал, Смоленск, 09.18—03.19.

В РККА: красноармеец 69 батальона ВОХР, 03.19—03.21.

Рабочий-кряжекат деревообделочного завода «Пролетарий», Смоленск, 03.21—11.21; не работал, Смоленск, 11.21—01.22; пом. шофера, шофер 2 автогрузового отряда, Смоленск, 01.22—01.24; шофер, грузчик коллектива безработных шоферов при Смоленской бирже труда, 01.24—07.25; рабочий-кряжекат деревообделочного завода «Дворец труда», Смоленск, 07.25—12.25; не работал, Смоленск, 12.25—03.26; грузчик ж.-д. пакгауза, Смоленск, 03.26—04.28; шофер гаража городского транспорта, Смоленск, 04.28—04.31.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер гаража ПП ОГПУ — УНКВД Западной обл., 04.31—07.35; заведующий гаражом, старший шофер Брянского горрайотдела НКВД, 07.35—08.36; нач. гаража УНКВД–УНКГБ Западной — Смоленской обл., 08.36—06.41; в 1941 привлечен к уголовной ответственности за превышение власти по ст. 193, п. 17 «б», приговорен к расстрелу, приговор заменен 10 годами лишения свободы с отправкой на фронт в действующую армию[1]; красноармеец 539 стр. полка, Западный фронт, 06.41—08.41; на лечении в госпитале, Коломна, 08.41—10.41; шофер 152 особой мотостр. бригады, Западный фронт, 10.41—11.41; шофер 368 отдельной автороты 43 армии, Западный фронт, 11.41—06.42; шофер 7 автополка, Калининский фронт, 06.42—09.45; нач. гаража УНКГБ—УМГБ—

[1] Судимость снята в 1942 г. Военным советом Западного фронта.

УМВД Смоленской обл., 10.45—10.53[1] (упом. как зам. нач. автотехнического отделения АХО УМГБ Смоленской обл. в 1952); в резерве Отдела кадров УМВД Смоленской обл., 10.53—12.53.
Пенсионер с 12.53, Смоленск. Партдокументы погашены Смоленским обкомом КПСС 31.07.61 как на умершего.
Звание: младший лейтенант (упом. 1952).
Награды: орден Красного Знамени, 23.05.52; 4 медали.

ДАВЫДОВ
Митрофан Елисеевич

(1911, д. Бовка Быховского уезда Могилевской губ. — 09.1990, Смоленск) — родился в семье крестьянина. Белорус. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.42 (кандидат с 01.40).
Образование: начальное, 6 классов неполной средней школы, Бовка, 1924.
Батрак у кулаков Сидоренкова и Лачева, хут. Азаричи, Бовка, 04.23—04.26; пастух общественного стада, пос. Зеленая Быховского уезда, 04.26—11.26; работал в хозяйстве родных, Зеленая, 11.26—04.27; чернорабочий на торфозаводе «Ленинский шлях», Быховский район, 04.27—04.29; чернорабочий на торфозаводе «Червоный белорус», Быховский район, 04.29—04.30; чернорабочий на торфозаводе «Большевик», Гомель, 04.30—07.30; колхозник в колхозе «Червоный стяг», Бовка, 08.30—10.33.
В РККА: красноармеец 190 стр. полка 64 стр. див., 10.33—10.35.

---

[1] Бюро Красноармейского райкома КПСС 22 декабря 1953 г. объявлен строгий выговор «за злоупотребление служебным положением, грубые нарушения в служебно-производственной работе, ослабление дисциплины в гараже, отрыв от партийной организации и неискренность в объяснении своих поступков».

Чернорабочий артели «Металлист», Быхов, 10.35—10.36.

В органах НКВД–МВД: надзиратель тюрьмы № 1 УНКВД Западной — Смоленской обл., 10.10.36—07.41; надзиратель тюрьмы, Вязьма, 07.41—10.41; надзиратель спецтюрьмы НКВД, Казань, 10.41—10.44; дежурный пом. нач. тюрьмы № 6 УНКВД Смоленской обл., Сычевка, 10.44—06.45; слушатель школы НКВД, Владимир, 06.45—01.46; дежурный пом. нач. тюрьмы № 4 УНКВД—УМВД Смоленской обл., Рославль, 01.46—05.46; нач. тюрьмы № 4 УМВД Смоленской обл., Рославль, 05.46—06.53; пом. нач. тюрьмы № 2 УМВД Смоленской обл., Сычевка, 06.53—04.55; инспектор отделения службы дорожного отдела милиции Калининской ж.д., Смоленск, 01.04.55—12.56; инспектор службы милиции линейного отдела милиции, Смоленск, 12.56—08.58; командир взвода, инспектор, дежурный линейного отдела милиции, Смоленск, 08.58—03.60.

Пенсионер, Смоленск, 03.60—07.60; комендант УВД Смоленского облисполкома, 07.60—01.61; зам. главврача по административно-хозяйственной части больницы № 3, Смоленск, 01.61—06.76; пенсионер, Смоленск, 06.76—12.76; контролер по режиму завода «Кристалл», Смоленск, 12.76—05.81; пенсионер с 05.81, Смоленск.

Звания: старшина (упом. 1944); младший лейтенант, 12.01.46; старший лейтенант (упом. 1955).

Награды: медаль «За боевые заслуги», 12.05.45[1]; 6 медалей.

ДЕВЯТИЛОВ
Алексей Григорьевич

(1909, с. Озерки Беловского уезда Курской губ. — 24.10.1996, Каменец-Подольский) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ в 1932—1940. В КП с 01.46 (кандидат с 02.40).

---

[1] Медаль вручена в Смоленске 27 января 1947 г.

Образование: незаконченное среднее, 7 классов вечерней общеобразовательной школы, Каменец-Подольский, 1951. Работал в хозяйстве родителей, Озерки, 1922—01.30; колхозник в колхозе «Новый путь», Озерки, 01.30—10.31.
В РККА: красноармеец, курсант, младший командир учебного полка, мест. Старые Дороги БССР, 10.31—11.34.
В органах НКВД: милиционер див. наружной службы УРКМ УНКВД Харьковской обл., 11.34—26.02.36; вахтер комендатуры УНКВД Харьковской обл., 26.02.36—01.03.38; старший надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 01.03.38—?; старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., ?—07.40; дежурный пом. нач. тюрьмы № 1 УНКВД Черновицкой обл., 07.40—06.41; дежурный бюро пропусков Отдела комендатуры УНКВД Харьковской обл., Купянск, Сталинград, 06.41—08.42; дежурный пом. нач. тюрьмы № 1 УНКВД Омской обл., 08.42—09.43; дежурный пом. нач. тюрьмы № 2 УНКВД Омской обл., 09.43—1944; дежурный пом. нач. тюрьмы № 2 УНКВД—УМВД Каменец-Подольской обл., 1944—06.53; нач. хозчасти тюрьмы № 3, Изяслав, 06.53—10.53; дежурный пом. нач. тюрьмы № 3, № 2 УМВД Хмельницкой обл. в Изяславе с 10.53 (упом. 11.54); уволен 13.11.58 с должности нач. надзорной службы Изяславской детской трудовой колонии УМВД Хмельницкой обл. В 1973 прошел обмен партийных документов в Каменец-Подольском горкоме КПУ. На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звания: лейтенант (упом. 1954); старший лейтенант внутренней службы, 27.05.58.
Награды: орден Красного Знамени, 25.06.54; орден Красной Звезды, 06.08.49; 4 медали.

ДМИТРИЕВ
Александр Дмитриевич

(26.08.1896, д. Кахново Островского уезда Псковской губ. — 1953, Москва) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.28 (кандидат с 09.27). Состоял членом партии в 1919—1920, выбыл механически.

Образование: начальное, 3-классная сельская школа, Кахново, 1909.

В армии: рядовой 198 запасн. пех. полка, Коломна, 08.15—01.16; рядовой конного горного арт. дивизиона, Орел, 01.16—02.16; рядовой 1 запасн. арт. бригады, Москва, 02.16—04.18.

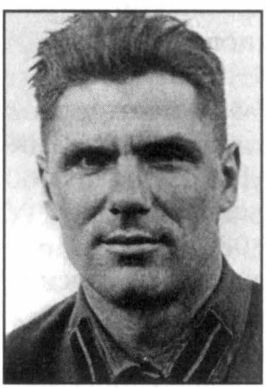
В РККА: пом. шофера автоколонны штаба Московского ВО, 04.18—05.18; шофер 3 армейского автосанитарного отряда, 5 армия Восточного фронта, 15 армия Западного фронта, 28.05.18—10.20; шофер 17 пункта автосанитарного отряда Гл. военного санитарного упр., Москва, 10.20—02.21; шофер 17 пункта санитарного отряда, Сочи, 02.21—10.21; шофер штаба Московского ВО, 10.21—10.23; шофер Политуправления Московского ВО, 10.23—03.24. Безработный, Москва, 03.24—08.24; шофер 2 Российского товарищества ответственного труда, Москва, 08.24—09.25; шофер строительного бюро Совета района Сокол, Москва, 10.25—04.27; шофер Моссовета, 04.27—07.32

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: шофер 1 гаража АХУ ОГПУ — АХУ НКВД СССР, 02.07.32—1941; дежурный автобазы АХУ НКВД СССР (упом. 01.04.32); шофер автобазы НКВД СССР (упом. 12.38); сотрудник для особых поручений Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 13.08.41—15.05.43; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХФУ НКГБ—МГБ СССР, 15.05.43—06.07.46; нач. группы Комендантского отдела АХФУ МГБ СССР, 06.07.46—

12.12.46; нач. группы Комендантского отдела Упр. делами МГБ СССР, 12.12.46—06.50; уволен в запас 09.06.50. Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 02.11.53 как на умершего.
Звания: сержант ГБ, 21.01.38; лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из сержанта); старший лейтенант ГБ, 06.11.42; майор ГБ, 11.02.43; подполковник (упом. 09.06.50).
Награды: орден Красного Знамени, 21.05.47; орден Трудового Красного Знамени, 20.09.43; 2 ордена Красной Звезды, 19.12.37, 03.11.44; 3 медали.

ДОРОГИНИН
Федор Михайлович

(17.09.1904 — 06.11.1964, Смоленск) — русский. Беспартийный.
В органах НКВД: шофер ХОЗО УНКВД Смоленской обл. в 1940[1].

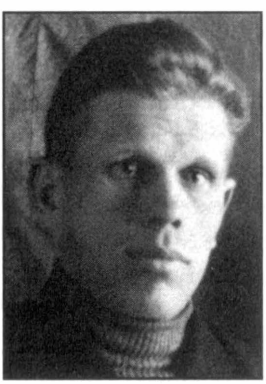

ДОРОНИН
Филипп Иванович

(1902, с. Проходное Корочанского уезда Курской губ. — 10.1979, Харьков) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1924—1927. В КП с 03.29 (кандидат с 11.27).
Образование: начальное, 2 класса сельской школы, Проходное, 1914.
Батрак у кулаков, хут. Прутки Корочанской вол., 06.14—05.24.
В погранвойсках и органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: красноармеец 24 погранотряда, 05.05.24—03.26; фельдъегерь ГПУ, Харьков, 03.26—07.26; фельдъегерь Синельниковского райотдела

[1] Согласно письму УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9-839 н/с от 22 января 2016 г. на запрос НИПЦ «Мемориал», личное дело Дорогинина Федора Михайловича находится на хранении в архиве данного управления.

ГПУ, 07.26—09.26; фельдъегерь Окружного отдела ГПУ, Артемовск, 09.26—12.30; нач. связи Краматорского горотдела ГПУ, 12.30—03.34; слушатель курсов заместителей начальников политотделов МТС по работе ОГПУ, Харьков, 03.34—06.34; пом. уполномоченного Краматорского горотдела НКВД, 06.34—01.35; фельдъегерь райотдела НКВД, пос. Новая Водолага Харьковской обл., 01.35—05.38; дежурный пом. нач. тюрьмы УГБ УНКВД Харьковской обл., 05.38—10.39; нач. внутренней тюрьмы УГБ УНКВД Харьковской обл., 10.39—10.41; нач. внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., Купянск, 10.41—06.42; нач. общей тюрьмы НКВД, Уфа, 07.42—09.43; нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Харьковской обл., 10.43—08.46; нач. внутренней тюрьмы УМГБ Львовской обл., 08.46—12.49; нач. отделения УМГБ—УМВД Харьковской обл., 12.49—04.54; нач. внутренней тюрьмы УКГБ Харьковской обл., 04.54—10.55.
Пенсионер, Харьков, 10.55—11.56; сторож вневедомственной охраны, Харьков, 11.56—05.57; нач. района охраны Упр. сторожевой охраны, Харьков, 05.57—04.60; дежурный по Отделу вневедомственной охраны при РОВД Киевского района Харькова, 04.60—01.69; пенсионер с 01.69, Харьков.
Звание: майор (упом. 1954).
Награды: орден Ленина, 24.11.50; 2 ордена Красного Знамени, 19.01.45, 05.11.54; 5 медалей.

ЕГОРОВ
Алексей Васильевич

(1913, д. Семеновское Медновской вол. Тверского уезда Тверской губ. — ?) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В ВЛКСМ в 1936—1939. В КП с 07.42 (кандидат с 09.39).
Образование: начальное, 4 класса сельской школы, д. Волынцево Тверского уезда, 1924.

Работал в хозяйстве отца, Семеновское, 01.23—05.31; рабочий на фабрике «Пролетарская победа» № 2, Ленинград, 05.31—08.32; колхозник в колхозе «Дружба», Семеновское, 08.32—11.35.
В войсках и органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: красноармеец отдельного дивизиона НКВД, Горький, 11.35—01.38; сотрудник АХО УНКВД Калининской обл., 01.38—01.05.38; надзиратель тюрьмы УНКВД Калининской обл., 01.05.38—10.40; дежурный пом. нач. тюрьмы НКВД, Осташков, 10.40—05.41; вахтер Калининского межрайотдела НКГБ, 13.05.41—08.41; вахтер УНКВД Калининской обл., 08.41—10.41; надзиратель Горотдела НКВД, Нижний Тагил, 10.41—02.42; надзиратель УНКВД Калининской обл., 02.42—05.43; надзиратель УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—05.53; старший надзиратель внутренней тюрьмы УМВД Калининской обл. с 05.53 (упом. 03.54). На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звание: старшина (упом. 1951).
Награды: орден Красной Звезды, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 30.04.46; 2 медали.

ЕМЕЛЬЯНОВ
Александр Михайлович

(15.08.1893, с. Федоровское Мещеринской вол. Коломенского уезда Московской губ. — 14.01.1953, Москва) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. Беспартийный.
Образование: 3 класса сельской школы, Федоровское, 1905.
Печник у подрядчика Быкова, Москва, 05.1906—09.1915.
В армии: 09.15—01.18.
Работал в хозяйстве родителей, 01.18—05.18; печник в Москве, 05.18—23.08.18; возчик обоза Наркомата

земледелия, Москва, 09.18—10.18; возчик при продотряде, Борисоглебский уезд Воронежской губ., 10.18—11.18; взят в плен белоказаками, работал как военнопленный, Александровск-Грушевский, Ростов-на-Дону, 11.18—01.20.
В РККА: красноармеец 16 див., Ростов-на-Дону, 01.20—11.20; красноармеец 143 строительного отряда, Полоцк, 11.20—01.05.21.
В органах ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ: печник инженерной роты ВЧК, 10.05.21—01.22; печник дома № 2 на ул. Большая Лубянка, 01.22—01.07.30 (дома № 11 — упом. 04.11.25); истопник и кочегар комендатуры ОГПУ—НКВД СССР, 01.07.30—01.09.34; вахтер 2 категории комендатуры АХУ НКВД СССР, 01.09.34—01.08.37 (упом. 19.12.36); старший вахтер отделения охраны зданий комендатуры НКВД, 01.08.37—01.11.38; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД СССР, 01.11.38—1941; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 13.08.41—15.05.43; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХФУ НКГБ—МГБ СССР, 15.05.43—06.07.46; нач. группы Комендантского отдела АХФУ МГБ СССР, 06.07.46—12.12.46; нач. группы Комендантского отдела Упр. делами МГБ СССР, 12.12.46—12.04.49; уволен приказом МГБ СССР № 1237 от 12.04.49 по болезни в звании подполковника; исключен из офицерского запаса приказом МГБ СССР № 3624 от 27.06.52.
Звания: сержант ГБ, 07.07.37; лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из сержанта); старший лейтенант ГБ, 06.11.42; майор ГБ, 11.02.43; подполковник (упом. 04.49).
Награды: орден Ленина, 25.07.49; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Трудового Красного Знамени, 20.09.43; орден Красной Звезды, 22.07.37; орден «Знак Почета», 19.12.37; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 19.12.36.

ЖИЛЬЦОВ
Василий Иванович

(1912, д. Поддубье Тверского уезда Тверской губ. — ?) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец после 1917 — крестьянин-середняк). Русский. В ВЛКСМ в 1932—1939. В КП с 09.39 (кандидат с 02.38).

Образование: начальное, 6 классов сельской школы, Поддубье, 1925.

Пастух, с. Лисица Тверского уезда, 05.26—10.27; работал в хозяйстве родителей, Поддубье, 10.27—03.28; ученик сапожника-кустаря Суслова, д. Кужрома Тверского уезда, 03.28—03.30; работал в хозяйстве родителей, Поддубье, 03.30—10.30; сапожник артели «Объединение», Тверь, 10.30—01.31; чернорабочий пекарни № 9, Тверь, 01.31—05.31; пом. бригадира хлебозавода № 1, Тверь, 05.31—02.34.

В РККА: курсант школы им. ВЦИК, Москва, 02.34—11.36.

В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: сотрудник АХО УНКВД Калининской обл., 11.36—04.05.38; надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 04.05.38—11.40; надзиратель 1 категории внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 11.40—06.41; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 06.41—10.41; сотрудник УНКВД Калининской обл., 10.41—12.41; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД—УНКГБ Калининской обл., 12.41—09.45; пом. нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 09.45—09.48; слушатель офицерской школы МВД, Владимир, 09.48—05.49; сотрудник УМГБ Калининской обл., 06.49—08.52; пом. нач. отдельной военизированной пожарной команды № 4 УМВД Калининской обл., 16.08.52—10.52; пом. нач. отдельной военизированной пожарной команды № 6 УМВД

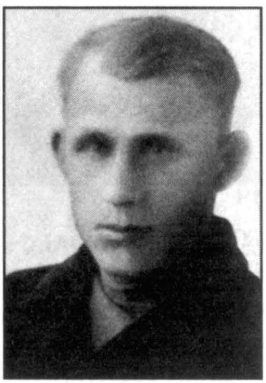
Калининской обл., 10.52—04.53; пом. нач. отдельной военизированной пожарной команды № 2 УМВД Калининской обл. с 04.53; сотрудник УМВД Калининской обл. (упом. 16.06.58). На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звание: лейтенант (упом. 16.08.52, 16.06.58).
Награды: орден Красной Звезды, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 3 медали.

ЖУРАВЛЕВ
Малах Малахович

(1902, д. Лопино Спасской вол. Смоленского уезда Смоленской губ. — 19.05.1944) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 04.41 (кандидат с 10.39).
Образование: начальное, 5 групп школы, Лопино, 1918.
Работал в хозяйстве родителей, Лопино, 1918—10.24.
В РККА: красноармеец 3 ж.-д. полка, 10.24—09.26. Безработный на бирже труда, Смоленск, 09.26—04.27.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ: надзиратель тюрьмы ГПУ, Смоленск, 04.27—04.30; дактилоскопист, библиотекарь ПП ОГПУ по Западной обл., 04.30—26.09.33; старший надзиратель ДПЗ ПП ОГПУ — УНКВД Западной обл., 26.09.33—01.01.37; фельдъегерь 2 разряда Отдела связи УНКВД Западной обл. с 01.01.37; дактилоскопист-библиотекарь УНКВД Смоленской обл., 15.07.38—06.39; старший надзиратель Тюремного отдела УНКВД Смоленской обл., 06.39—03.41; старший надзиратель АХО УНКГБ Смоленской обл. с 03.41 (упом. 04.41).
В РККА с 15.08.41: командир стр. роты 45 гвардейского стр. полка 17 гвардейской стр. Духовщинской Краснознаменной див. (упом. 04.44); зам. командира

стр. батальона 17 гвардейской стр. Духовщинской Краснознаменной див. Убит в бою[1].
Звание: гвардии старший лейтенант (упом. 06.04.44).
Награда: орден Отечественной войны I степени, 06.04.44*.

ЖУРАВЛЕВ
Николай Тихонович

(26.08.1909, с. Шехмань Липецкого уезда Тамбовской губ. — 1968, Калинин) — родился в семье крестьянина-середняка (отец умер в 1921). Русский. В КП с 08.44.
Образование: 4 класса сельской школы, Шехмань, 1922.
Разнорабочий в совхозе, имение Орлова, Шехманская вол., 05.25—01.27; работал в хозяйстве матери, Шехмань, 01.27—04.27; электромонтер на шахте им. Рухимовича, Лисичанск, 04.27—10.32.
В РККА: красноармеец 45 стр. див. в в/ч 1442, Киевский ВО, 10.32—11.34.
В органах НКВД–МВД: шофер 1 класса Автотехнического отдела АХО УНКВД Калининской обл., 12.34—10.41 (упом. 1940); шофер УНКВД Калининской обл., Кашин, 10.41—12.41; шофер УНКВД Калининской обл., 12.41—03.46; шофер УМВД Калининской обл. с 03.46 (упом. 12.03.54).
Награды: 3 медали.

ЗАЙЦЕВ
Александр Григорьевич

(1911, д. Поповское Ярославского уезда Ярославской губ. — 1971, Калинин) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В ВЛКСМ в 1934—1939.
В КП с 05.41 (кандидат с 04.39).

---

[1] Сообщение о смерти направлено жене, Журавлевой Марии Ивановне, Смоленск, Советский пер., д. 6.

Образование: незаконченное среднее, 6 классов школы 2 ступени, Калинин, 1932; 1 курс механического рабфака, Калинин, 1933.
Печник Центрального рабочего кооператива, Тверь, 03.29—10.30; ленточник обойного цеха вагонного завода, Калинин, 10.30—11.33.
В РККА: красноармеец, командир отделения див. ОСНАЗ, Москва, 11.33—01.36.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: сотрудник АХО УНКВД Калининской обл., 02.36—09.40; дежурный пом. коменданта УНКВД Калининской обл., 09.40—03.41; дежурный пом. коменданта УНКГБ Калининской обл., 03.41—08.41; дежурный пом. коменданта УНКВД Калининской обл., 08.41—10.41; дежурный пом. коменданта УНКВД Калининской обл., Кашин, 10.41—12.41; дежурный пом. коменданта УНКВД Калининской обл., 12.41—05.43; дежурный пом. коменданта АХФО УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—10.46; дежурный пом. коменданта АХО УМГБ—УМВД Калининской обл., 10.46—08.53; инспектор ХОЗО УМВД Калининской обл. с 08.53 (упом. 03.54).
Пенсионер с 1957, Калинин. Партбилет погашен Калининским обкомом КПСС 18.02.72 как на умершего.
Звание: лейтенант (упом. 1951).
Награды: орден Красной Звезды, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 2 медали.

ЗИЛЬБЕРМАН
Константин Сергеевич

(1895, Москва — 05.1978, Москва) — родился в семье телеграфиста на ж.д. (позднее отец — нач. ж.-д. станции). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 12.36 (кандидат с 10.31). Ранее состоял в КП 09.18—01.24, исключен «за некоммунистическое поведение, политическую невыдержанность и высокомерие».

Образование: 5 классов Солодовниковского высшего начального училища, Москва, 1910.
Ученик и коммерческий корреспондент торгового дома Б. Рейнина, Москва, 07.10—02.14; коммерческий корреспондент акционерного общества К. Зиллера, 02.14—04.15.
В армии: рядовой 2 запасн. кав. полка, Острогожск, 05.15—08.15; переписчик округа путей сообщения, Вытегра, 08.15—12.15; рядовой, младший унтер-офицер 9 запасн. кав. полка, 12.15—03.17; младший унтер-офицер гусарского полка кав. школы 41 корпуса 12 армии, Рига, Северный фронт, 03.17—01.18.
Инструктор жилищной комиссии Моссовета, 01.18—03.18.
В РККА: инструктор 1 Советского конного полка, Москва, 03.18—06.18; инструктор Отдела народного образования Моссовета по организации красноармейских и рабочих клубов, 07.18—08.18.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД: сотрудник ВЧК, Москва, 09.18—1920; пом. нач. иностранного отделения ОО ВЧК, 1920—01.01.21 (упом. 10.20); пом. нач. ИНО ВЧК, 01.01.21—21.03.21; уполномоченный для особых поручений Президиума ВЧК с откомандированием в распоряжение Дзержинского, 21.03.21—13.08.21; по совместительству пом. нач. 10 отделения ТО ВЧК, 27.06.21—13.08.21; сотрудник Сибирской ТЧК, 08.21—02.22; нач. Окружного ТО ГПУ в Омске, 02.22—06.03.23; сотрудник ДТО ОГПУ, Екатеринбург, 03.23—01.24; в резерве назначения Административного отдела АОУ ОГПУ СССР, 01.24—25.02.24; инспектор организационно-инспекторской части ТО ОГПУ, Москва, 25.02.24—01.11.25; старший инспектор ТО ОГПУ, Москва, 01.11.25—01.05.28 (упом. 01.11.25); нач. 6 отделения ТО ОГПУ, 01.05.28—01.04.29; нач.

3 отделения ТО ОГПУ, 01.04.29—16.01.30; пом. нач. Мобилизационного упр. НКПС СССР, 01.30—12.30; сотрудник особого резерва ОГПУ СССР, 01.30—01.02.31; нач. 2 отделения ТО ОГПУ СССР, 01.02.31—27.05.31; инспектор части ТО ОГПУ СССР, 27.05.31—01.06.31; старший инспектор части ТО ОГПУ СССР, 01.06.31—21.07.32; старший инспектор ТО ОГПУ СССР, 21.07.32—01.03.33; нач. ж.-д. части ТО ОГПУ, 01.03.33—01.10.33; нач. секретной части ТО ОГПУ СССР, 01.10.33—10.07.34; нач. 4 отделения ТО ГУГБ НКВД СССР, 10.07.34—27.04.35; по совместительству нач. 5 отделения ТО ГУГБ НКВД СССР, 10.07.34—27.04.35; нач. 9 отделения ТО ГУГБ НКВД СССР, 27.04.35—03.11.36; сотрудник для особых поручений ТО ГУГБ НКВД СССР, 03.11.36—20.12.36; нач. 2 отделения 10 отдела ГУГБ НКВД СССР, 20.12.36—01.03.38; пом. нач. 10 отдела ГУГБ НКВД СССР, 01.03.38—28.03.38; пом. нач. Тюремного отдела НКВД СССР, 28.03.38—01.11.38; врид нач. Гл. тюремного упр. НКВД СССР, 23.10.38—23.11.38; зам. нач. Гл тюремного упр. НКВД СССР, 01.11.38—05.04.41; нач. 1 отдела и зам. нач. Тюремного упр. НКВД—МВД СССР, 05.04.41—01.11.46; уволен 22.11.46 по состоянию здоровья.
Пенсионер, Москва, 11.46—02.47; нач. Центрального отдела ВОХР МПС СССР, 02.47—07.48; пенсионер с 07.48, Москва.
Звания: капитан ГБ, 14.12.35; майор ГБ, 14.03.40; полковник ГБ, 14.02.43.
Награды: орден Ленина, 21.02.45; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Красной Звезды, 20.09.43; орден «Знак Почета», 26.04.40; 2 медали; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 20.12.32.

ЗИНОВЬЕВ
Николай Прохорович

(27.07.1910, Смоленск — 1970, Симферополь) — родился в семье почтальона. Русский. В ВЛКСМ в 1926—1939. В КП с 05.39 (кандидат с 04.38).

Образование: низшее, 6 групп школы-девятилетки им. Тимирязева, Смоленск, 1926 (упом. 01.54), среднее (к 09.66).
Пом. киномеханика клуба ГПУ, Смоленск, 05.26—09.29.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер гаража ПП ОГПУ по Западной обл. — УНКВД Смоленской обл., 01.09.29—07.41; работник опергруппы НКВД, Можайск, 07.41—01.42; оперативный работник УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 01.42—09.43; оперативный работник УНКГБ Смоленской обл., 09.43—12.44; сотрудник УНКГБ—УМГБ Новосибирской обл., 01.45—03.48; зам. нач. секретариата УМГБ Крымской обл., 03.48—08.52; старший оперуполномоченный УМГБ—УМВД Крымской обл., 08.52—08.53; нач. внутренней тюрьмы УМВД Крымской обл. с 08.53 (упом. 01.54); инспектор УООП Крымского облисполкома (упом. 09.66).
Партдокументы погашены Крымским обкомом КПУ 15.07.70 как на умершего.
Звание: майор (упом. 04.51).
Награды: орден Красного Знамени, 24.11.50; орден Красной Звезды, 19.01.45; медаль «За отвагу», 23.09.65; 3 медали.

ЗОРИН
Петр Михайлович

(1910, с. Квакшино Тверского уезда Тверской губ. — 02.1985, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1933—1939. В КП с 10.40 (кандидат с 04.39).
Образование: начальное, 4 класса сельской школы, Квакшино, 1922.

Каменщик треста Тверстрой, 05.28—01.31; каменщик райстройконторы, Тверь, 01.31—11.32.
В войсках ОГПУ: красноармеец отдельной див. ОСНАЗ, Москва, 11.32—01.35.
Работал в хозяйстве отца, Квакшино, 01.35—04.35.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД—КГБ: вахтер-надзиратель УНКВД Калининской обл., 04.35—01.05.38; надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД Калининской обл., 01.05.38—03.41; надзиратель УНКГБ—УНКВД Калининской обл., 03.41—05.43; надзиратель УНКГБ Калининской обл., 05.43—04.45; надзиратель Торопецкого райотдела НКГБ Великолукской обл., 04.45—11.45; сотрудник Тюремного отдела УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 11.45—04.46; надзиратель внутренней тюрьмы УМГБ Калининской обл., 04.46—03.53; надзиратель внутренней тюрьмы УМВД Калининской обл., 03.53—04.54; надзиратель 1 категории внутренней тюрьмы УКГБ Калининской обл., 04.54—05.55; надзиратель тюрьмы № 1, Калинин, 05.55—08.58.
Рабочий базы Главобувьторга, Калинин, 08.58—11.58; приемщик базы Главобувьторга, Калинин, 11.58—12.58; пожарный Научно-исследовательского института войск ПВО, 12.58—05.59; пом. нач. пожарной охраны Научно-исследовательского института № 2 МО, 05.59—12.69; пом. нач. пожарной охраны в/ч 03444 МО, 01.70—12.70; пожарный в/ч 03444 МО, 12.70—01.74; дворник квартирно-эксплуатационного отдела в/ч 03444 МО, 01.74—10.76; пенсионер с 10.76, Калинин.
Звание: старшина (упом. 12.54).
Награды: орден Красного Знамени, 05.11.54; орден Красной Звезды, 25.07.49; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 4 медали.

ЗУБОВ
Николай Алексеевич

(1908, Тула — 07.1978, Москва) — родился в семье служащего-контролера. Русский. В ВЛКСМ в 1924—1936. В КП с 11.28 (кандидат с 03.28).

Образование: школа ФЗУ при Тульском патронном заводе, 1927; 10 классов школы рабочей молодежи № 169, Москва, 1958. Ученик слесаря патронного завода, Тула, 08.22—06.27; слесарь патронного завода, Тула, 06.27—09.30; слушатель курсов по рационализации при производственном объединении «Патрубвзрыв», Москва, 09.30—07.31; уполномоченный по рационализации производства патронного завода, Тула, 07.31—10.32; слушатель курсов техников-нормировщиков при объединении «Патрубвзрыв», Москва, 10.32—01.33; нач. бюро рабочего изобретательства цеха патронного завода, Тула, 01.33—05.34; контрольный мастер патронного завода, Тула, 05.34—03.37; сменный мастер завода № 176, Тула, 03.37—03.38. **В органах НКВД–НКГБ–МВД–КГБ:** слушатель школы НКВД, Москва, 03.38—01.39; сотрудник следственной части ГУГБ НКВД СССР, 01.39—04.09.39; младший следователь следственной части ГЭУ НКВД СССР, 04.09.39—03.41; оперуполномоченный учетно-оперативного отделения следственной части НКГБ СССР, 03.41—08.41; сотрудник НКВД СССР, 08.41—07.42; сотрудник ОО НКВД — ОКР СМЕРШ 2 гвардейской армии, Сталинградский, 4 Украинский, 1 Прибалтийский фронты, 07.42—01.45; сотрудник секретариата Особого совещания НКВД СССР (упом. 31.01.45); переведен в МГБ СССР, 03.01.47; сотрудник следственной части МГБ СССР (упом. 12.50); секретарь нач. следственной части по особо важным делам МВД СССР, 22.04.53—03.54 (упом. 02.54); нач. секретариата Следственного упр. КГБ при СМ СССР с 03.54 (упом. 07.54); сотрудник КГБ при СМ СССР до 03.60. Зам. нач. 1 отдела Центрального аэрогидродинамического института, Жуковский Московской обл., 04.60—08.60; старший техник филиала Научно-ис-

следовательского института № 380, Москва, 10.60—02.64; старший инженер-диспетчер предприятия п/я 4123, Москва, 02.64—12.66; старший инженер-диспетчер, диспетчер Московского научно-исследовательского телевизионного института, 12.66—08.72; инженер Московского научно-исследовательского телевизионного института, 08.72—07.78.
Звания: сержант ГБ, 03.01.39; младший лейтенант ГБ, 15.07.41; майор (упом. 12.50, 07.54).
Награды: орден Красной Звезды, 25.06.54; медаль «За боевые заслуги», 24.11.50; 7 медалей.

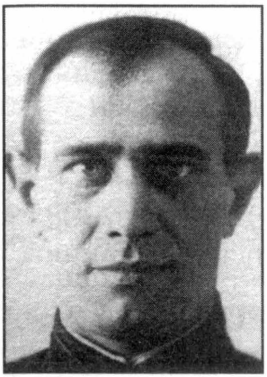
ЗУБЦОВ
Владимир Петрович

(27.12.1889, слобода Заворожская Стрелецкой вол. Козловского уезда Тамбовской губ. — 1941?) — родился в семье машиниста паровоза (отец умер в 1911). Русский. В КП с 11.18. Был исключен из партии в 1921 «за неподчинение парторганизации», вновь вступил в 1926, партийный стаж с 1918 восстановлен решением Крымской обл. КК ВКП(б) 09.27.
Образование: 4-классное городское училище, Самара, 1906.
Конторщик, счетовод, агент по розыску грузов в Упр. Самаро-Златоустовской ж.д., Самара, 09.06—25.12.18; комиссар Агитационного и культурно-просветительского отдела Упр. Самаро-Златоустовской ж.д., 25.12.18—17.04.19.
В РККА: красноармеец, прод. каптенармус, квартирмейстер, нач. хозчасти 1 самарского коммунистического добровольного полка (позднее переименован в 10-й, 436-й, 200-й полки), Уральский, Оренбургский, Южный фронты, 17.04.19—01.02.21.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД: секретарь ОО 3 стр. див., Феодосия, 01.02.21—07.05.21; секретарь

ОО погранотделения, Феодосия, 07.05.21—31.05.21; нач. особого пункта Крымской ЧК, Судак, Феодосия, 31.05.21—23.10.21; нач. политотделения ЧК Крыма, Феодосия, 23.10.21—12.02.22; секретарь, нач. общей части погранотделения Крымского ГПУ, Феодосия, 12.02.22—30.12.22; сотрудник резерва ГПУ Крыма, Симферополь, 30.12.22—08.03.23; нач. ИНФО, уполномоченный спецгруппы погранотделения ГПУ, Ялта, 08.03.23—27.08.25; райуполномоченный ГПУ, Джанкой, 27.08.25—26.09.26; уполномоченный СО ГПУ Крыма, Симферополь, 26.09.26—01.10.28; нач. СО Севастопольского окружного отдела ГПУ, 01.10.28—01.10.30; пом. нач., нач. Горотдела ГПУ, Керчь, 01.10.30—16.09.31; нач. Отдела кадров ПП ОГПУ по Крыму, 16.09.31—01.04.34; нач. Отдела кадров ПП ОГПУ по Свердловской обл., 04.05.34—07.34; врид нач. Отдела кадров УГБ и нач. Сектора кадров УНКВД Свердловской обл., 21.07.34—05.11.34; нач. Отдела кадров УНКВД Свердловской обл., 05.11.34—23.02.37; нач. Отдела кадров УНКВД Западной — Смоленской обл., 27.03.37—03.07.38; врид пом. нач. УНКВД Смоленской обл., 03.07.38—04.09.38; пом. нач. УНКВД Смоленской обл. по отделам, не входящим в УГБ, 04.09.38—08.41. Пропал без вести 08.41 во время боев в Смоленской обл. Исключен из списков личного состава приказом МВД СССР № 1101 от 31.07.46 «как пропавший без вести во время военных действий в 1941 г.».
Звания: старший лейтенант ГБ, 25.12.36; капитан ГБ, 10.07.38 (упом. 26.10.40).
Награда: знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 09.05.38.

ЗЮСЬКИН (ЗЮСКИН) Григорий Петрович

(1912, д. Зимницы Прутковской вол. Краснинского уезда Смоленской губ. — 16.06.1994, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец после 1917 — крестьянин-середняк). Русский. В ВЛКСМ в 1932—1939. В КП с 01.41 (кандидат с 06.39).

Образование: начальное, 4 класса сельской школы, Зимницы, 1926; 6 классов областной заочной средней школы, Смоленск, 1952.
Колхозник, пос. Осотов Угол Починковского района Западной обл., 02.30—04.32; агент почтового отделения, Починковский район, 04.32—10.34.
В РККА: командир отделения 190 стр. полка, Смоленск, 10.34—10.36.
Колхозник, Осотов Угол, 10.36—08.37.
В органах НКВД–НКГБ: надзиратель тюрьмы УНКВД Смоленской обл., 04.08.37—03.41; надзиратель внутренней тюрьмы УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; надзиратель тюрьмы УНКГБ—УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; дежурный комендант Сибирского ИТЛ, Новосибирск, 10.41—01.42.
В РККА: командир расчета 31 запасн. бригады, Новосибирская обл., 01.42—07.42; командир расчета 150 Сталинской добровольческой сибирской див., Калининский, Центральный фронты, 07.42—04.43; командир расчета минной роты, пом. командира взвода 3 стр. батальона 62 гвардейского стр. полка 22 гвардейской див., Гжатский район Смоленской обл., 04.43—08.43; на лечении в госпитале № 1787, Гусь Хрустальный, 08.43—11.43; парторг батальона 22 гвардейской див., Калининский фронт, 11.43—01.44; на лечении в эвакогоспитале, Торопец Калининской обл., 01.44—05.44; нач. направления связи штабной батареи командующего артиллерией 12 гвардейского стр. корпуса (упом. 03.45); пом. командира взвода 12 и 26 гвардейских стр. корпусов, 1 Прибалтийский, 1 Белорусский фронты, 05.44—11.45.
В органах НКВД–МВД–МГБ: старший экспедитор фельдсвязи УНКВД—УМВД Смоленской обл., 01.46—03.49; старший оперстрелок отдельной заставы УМВД Смоленской обл., 03.49—08.50; старший

оперстрелок отдельной заставы УМГБ Смоленской обл., 08.50—02.51; сыщик Отдела уголовного сыска Упр. милиции УМГБ Смоленской обл., 02.51—04.09.51; фельдъегерь УМВД Смоленской обл. с 04.09.51 (упом. 01.54). На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звания: гвардии старший сержант (упом. 10.07.43); гвардии старшина (упом. 03.45); старшина милиции (упом. 06.52).
Награды: 2 ордена Красной Звезды, 12.03.45*, 23.05.52; медаль «За боевые заслуги», 10.07.43*; 5 медалей.

ИВАНОВ
Василий Григорьевич

(1909, д. Напрудново Тверского уезда Тверской губ. — 20.12.1975, Калинин) — родился в семье стрелочника ж.д. Русский.
В ВЛКСМ не состоял. В КП с 03.39 (кандидат с 08.32).
Образование: начальное, 4 класса сельской школы, Напрудново, 1922.
Работал в хозяйстве отца, Напрудново, 05.23—11.31.
В погранвойсках ОГПУ: красноармеец, командир отделения 25 Молдавского погранотряда, Тирасполь, 11.31—04.34.
Колхозник в колхозе «Волна», Напрудново, 04.34—08.35.
В органах НКВД: сотрудник УНКВД Калининской обл. с 08.35; надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл. с 13.08.38; сотрудник УНКВД Калининской обл. до 01.42; упом. как пом. нач. Отдела кадров УНКВД Ивановской обл. по административно-хозяйственной части в 1942.
В РККА: пом. командира взвода 275 стр. полка, Северо-Западный фронт, 01.42—04.42; на лечении в госпитале, Златоуст, 04.42—09.42.

Не работал, Калинин, 09.42—12.42; нач. Мобилизационного отдела областного Упр. легкой промышленности, Калинин, 12.42—01.45; не работал, Калинин, 01.45—05.45; технорук типографии «Пролетарская правда», Калинин, 05.45—12.45; не работал, Калинин, 12.45—08.47; слесарь радиоэлектромеханического завода, Калинин, 08.47—10.48; не работал, Калинин, 10.48—12.48; пильщик дров витаминно-кондитерской фабрики, Калинин, 12.48—07.49; десятник склада № 1 городского топливного треста, Калинин, 07.49—09.50; не работал по инвалидности, Калинин, 09.50—01.51; инспектор по кадрам городского топливного треста, Калинин, 01.51—08.51; не работал, Калинин, 08.51—06.52; хозяйственный десятник 120 инженерно-строительного участка 41 упр. инженерных работ Московского ВО, 06.52—04.56; пенсионер, Калинин, 04.56—11.56; агент по снабжению, заведующий складом, бригадир сцепщиков на заводе им. 1 мая, Калинин, 11.56—07.59; пенсионер, Калинин, 07.59—05.60; сторож, нач. караула вагоностроительного завода, Калинин, 05.60—03.66; кладовщик камвольного комбината, Калинин, 03.66—03.69; пенсионер, Калинин, 03.69—10.73; сторож Отдела вневедомственной охраны при Новопромышленном РОВД, Калинин, 10.73—09.74; пенсионер с 09.74, Калинин.

Звание: старший сержант (упом. 1942).

Награды: орден Славы III степени, 15.02.68; 2 медали.

ИВАНОВ
Иван Михайлович

(1911, пос. Крапивенская Рославльского уезда Смоленской губ. — ?) — родился в семье кочегара (отец умер в 1916). Русский. В ВЛКСМ в 1928—1942. В КП с 06.44 (кандидат с 11.42).

Образование: незаконченное среднее, школа 1 ступени, Крапивенская, 1924; 7 классов заочной вечерней школы, Смоленск, 1951.

Пастух, д. Шкуратовка, Быковка Крапивенского сельсовета, 05.24—10.29; кочегар депо станц. Рославль, 10.29—08.31.
В погранвойсках и органах ОГПУ–НКВД–МВД: красноармеец 53 погранотряда, 17.09.31—04.34; фельдъегерь ПП ОГПУ — УНКВД Западной — Смоленской обл., 04.34—07.41; нач. экспедиции фельдсвязи УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; комендант Упр. авиастроительства № 174, Чкалов, 10.41—01.42; нач. экспедиции фельдсвязи УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 01.42—10.43; нач. экспедиции фельдсвязи УНКВД–УМВД Смоленской обл., 10.43—05.47; нач. отделения фельдсвязи УМВД Смоленской обл., 05.47—1959 (упом. 16.04.58); уволен в запас по болезни 04.02.59. На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звания: сержант ГБ, 20.06.42; капитан (упом. 1950, 1954); майор внутренней службы, 18.06.58.
Награды: орден Красного Знамени, 25.06.54; орден Красной Звезды, 21.05.47; 3 медали.

ИГНАТЬЕВ
Михаил Федорович

(1909, д. Лебедево Тверского уезда Тверской губ. — ?) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ с 1930. В КП с 04.40 (кандидат с 02.39).
Образование: начальное, 5 классов начальной школы, Лебедево, 1922.
Ремонтный рабочий отдела пути станц. Тверь, 01.27—01.33.
В войсках ОГПУ: курсант школы младшего начсостава погранохраны и войск ОГПУ, Ленинград, 01.33—09.33; командир отделения 2 отдельного дивизиона войск ОГПУ, Кемь, 09.33—01.34.
Заведующий сельпо, Лебедево, 01.34—03.35.
В органах НКВД–МВД: командир отделения УНКВД Калининской обл., 03.35—11.39; старшина УГБ

УНКВД Калининской обл. с 11.39; сотрудник УНКВД Калининской обл. (упом. 25.03.43); нач. тюрьмы № 5 в Кашине УМВД Калининской обл. (упом. 1946). Партдокументы погашены Калининским обкомом ВКП(б) 11.11.48 как на исключенного.
Звания: старшина (упом. 1939); младший лейтенант ГБ, 17.01.44 (упом. 1946).
Награды: медаль «За боевые заслуги», 10.12.43; медали.

ИЛЬИН (ЧИЖОВ)
Федор Климентьевич

(05.1902, д. Игнаши Островского уезда Псковской губ. — 20.03.1947, Кировоград) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В ВЛКСМ с 01.24 до 1928. В КП с 09.27 (кандидат с 05.26).
Образование: незаконченное высшее, земская школа, д. Грихново Юховской вол. Холмского уезда Псковской губ., 1914; 3 курса Всесоюзного сельскохозяйственного комвуза им. Сталина, Ленинград, 12.34—01.37.
Работал в хозяйстве отца, Грихново Локнянской вол. Холмского уезда до 01.22; организатор по техническому содействию сельскому хозяйству, с. Осипово Локнянской вол., 01.22—01.23; работал в хозяйстве отца, Грихново, 02.23—02.24; заведующий избой-читальней и секретарь комсомольской ячейки, Осипово, 03.24—02.25; зам. пред. потребсоюза, Осипово, 03.25—12.26; пред. сельсовета, с. Рожново Троицкого района Ленинградской обл., 01.27—04.28; заведующий избой-читальней и секретарь комсомольской ячейки, с. Немчиново Троицкого района Ленинградской обл., 04.28—04.29; зам. пред. сельскохозяйственного кредитного товарищества, с. Троица-Хлавица Ленинградской обл., 04.29—09.29; заведующий избой-читальней и секретарь парторганизации, Осипово, 09.29—07.30; заведующий орготделом районного

потребительского общества, Троица-Хлавица, 07.30—09.30; пред. райпотребсоюза, Холм, 10.30—10.32; зам. пред. Холмского райисполкома, 11.32—12.34; студент Всесоюзного сельскохозяйственного комвуза им. Сталина, Ленинград с 12.34; зам. директора Коропской МТС по политчасти, пос. Короп Черниговской обл., 02.37—09.37; 1 секретарь Коропского райкома КП(б) Украины, Черниговская обл., 09.37—05.38; заведующий Отделом школ и науки, заведующий Сельскохозяйственным отделом и член бюро Черниговского обкома КП(б) Украины, 05.38—12.38.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ: слушатель краткосрочных курсов при Центральной школе НКВД СССР, 15.12.38—28.01.39; зам. нач. УНКВД Смоленской обл., 28.01.39—03.41; зам. нач. УНКГБ Смоленской обл., 03.41—08.41; пом. нач. Упр. по строительству оборонительных сооружений, Ельня, Дорогобуж, Горький, 09.41—02.42; в резерве Отдела кадров НКВД СССР, в специальной командировке в Суздале Ивановской обл., 03.42—04.42; зам. нач. войск НКВД по охране тыла Брянского фронта по оперативной работе, 28.04.42—01.43; нач. опергруппы УПВИ НКВД СССР, станц. Карпинск, Свердловская обл., 02.43—11.43; в специальной командировке в Смоленске, в Чечено-Ингушской АССР, 12.43—02.44; зам. нач. УНКГБ Тернопольской обл. по кадрам, 21.03.44—03.46; зам. нач. УМГБ Кировоградской обл. по кадрам, 03.46—20.03.47. Умер «после тяжелой продолжительной болезни». Партдокументы погашены Кировоградским обкомом КП(б) Украины 07.07.47 как на умершего.
Звания: капитан ГБ, 21.02.39; подполковник ГБ, 11.02.43; полковник ГБ, 15.12.44.
Награды: орден Красной Звезды, 20.10.44; медаль «За отвагу», 08.03.44[1]; 3 медали.
Некролог: Кіровоградська правда. 1947. 21 марта.

---

[1] Награжден за участие в выселении чеченцев и ингушей. Награждение отменено Указом Президиума Верховного Совета СССР 4 апреля 1962 г.

КАЛИНИН
Анатолий Михайлович

(04.1910, Санкт-Петербург — 06.1941, Москва) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ с 1928. В КП с 1939 (кандидат с 09.37).
Образование: неполное среднее, 7 классов школы; специальные курсы чертежников, 1926—1928.
В органах ОГПУ–НКВД: чертежник статистического отделения Отдела центральной регистратуры ОГПУ, 1927—1930; пом. уполномоченного, уполномоченный УСО ОГПУ СССР, 1930—10.07.34; уполномоченный 4 отделения УСО ГУГБ НКВД СССР, 10.07.34—01.08.35; инспектор 4 отделения, инспектор 3 отделения Учетно-архивного отдела ГУГБ НКВД СССР, 01.08.35—1936; оперуполномоченный 8 отдела ГУГБ НКВД СССР, 1936—1938; оперуполномоченный 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 1938—22.10.38; пом. нач. 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 22.10.38—01.11.38; нач. 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 01.11.38—09.01.40; пом. нач. 1 спецотдела НКВД СССР, 01.03.39—01.04.40; нач. 3 отделения и пом. нач. 1 спецотдела НКВД СССР, 01.04.40—06.03.41; нач. 2 отделения и зам. нач. 2 отдела НКГБ СССР, 20.03.41—06.41. Урна с прахом — в колумбарии Новодевичьего кладбища.
Звания: младший лейтенант ГБ, 05.01.36; лейтенант ГБ, 25.07.38; старший лейтенант ГБ, 25.03.39; капитан ГБ, 17.03.40.
Награда: орден Красной Звезды, 26.04.40.
Некролог: Правда. 1941. 13 июня.

КАРАВАЕВ
Владимир Михайлович

(1903, Лысьва Пермской губ. — 07.1982, пос. Украинка Обуховского района Киевской обл.) — родился в семье плотника. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 09.24 (кандидат с 01.24).
Образование: начальное, 3-классная начальная земская школа, Лысьва, 1914.

Рассыльный и ученик слесаря Лысьвенского механического завода, 07.14—09.20.
В РККА: курсант 95 пехотных командных курсов, Уфа, 09.20—02.22.
Слесарь Лысьвенского металлургического завода, 02.22—09.25.
В войсках ОГПУ: красноармеец 4 Украинского полка войск ОГПУ, Харьков, 09.25—09.27.
Слесарь-бригадир, секретарь партколлектива Лысьвенского металлургического завода, 09.27—10.32.
В органах ОГПУ–НКВД–СМЕРШ–МГБ: пом. уполномоченного Лысьвенского горотдела ГПУ, 10.32—06.33; слушатель курсов ОГПУ, Свердловск, 06.33—11.33; зам. нач. политотдела Воткинской МТС по работе ОГПУ—НКВД, Воткинск, 11.33—02.35; пом. оперуполномоченного Татауровского райотдела НКВД Кировской обл., 02.35—01.38; оперуполномоченный Котельничского райотдела НКВД Кировской обл., 01.38—04.39; зам. нач. 2 отдела УГБ УНКВД Кировской обл., 04.39—10.39; нач. 1 спецотдела УНКВД Смоленской обл., 10.39—07.41; в резерве Отдела кадров НКВД, Куйбышев, 07.41—10.41; нач. 1 отделения ОО НКВД — ОКР СМЕРШ 10 армии, Западный фронт, 10.41—08.43; нач. ОКР СМЕРШ 64 стр. див., Западный фронт, 08.43—08.44; нач. ОКР СМЕРШ 226 стр. див., 1 Белорусский фронт, 08.44—10.45; нач. ОКР СМЕРШ 86 стр. див. ГСОВГ, Берлин, 10.45—05.46; нач. ОКР МГБ 86 стр. див., Харьковский ВО, 05.46—06.46; зам. нач. горотдела МГБ, Кизел Молотовской обл., 06.46—11.47.
Зам. директора базы «Заготзерно», Зуевка Кировской обл., 11.47—01.48; директор райпищекомбината, Зуевка, 01.48—01.49; инструктор политотдела отделения ж.д., станц. Зуевка, 01.49—12.50; секретарь узлового парткома станц. Зуевка, 12.50—01.55; не рабо-

тал, Харьков, 01.55—06.55; директор дома отдыха «Сокол», Лысьва, 06.55—07.57; политрук общежитий треста «Казметаллургстрой», Темиртау Карагандинской обл., 07.57—09.59; пред. месткома жилищно-коммунальной конторы треста «Казметаллургстрой», Темиртау, 09.59—07.62; слесарь жилищно-коммунальной конторы треста «Казметаллургстрой», 07.62—10.64; пенсионер, Темиртау, 10.64—07.73; пенсионер, пос. Обухов Киевской обл., 07.73—12.76; пенсионер, Украинка Киевской обл., 12.76—07.82.
Звания: сержант ГБ, 07.04.36; младший лейтенант ГБ, 22.08.38; лейтенант ГБ, 25.06.39 (упом. 26.10.40, 17.05.42); майор, 1943 (упом. 07.09.43).
Награды: 2 ордена Красной Звезды, 07.09.43*, 03.11.44; медаль «За отвагу», 10.06.42*; 6 медалей; знак «50 лет пребывания в КПСС».

КАРМАНОВ
Александр Андреевич

(1908, с. Ужга Усть-Сысольского уезда Вологодской губ. — 05.1987, Семипалатинск) — родился в семье крестьянина. Коми. В ВЛКСМ в 1924—1936. В КП с 11.38 (кандидат с 06.30).
Образование: неполное среднее, сельская школа, Ужга, 1920; профессионально-техническая школа, Усть-Сысольск, 1926.
Ученик слесаря, подручный слесаря, Усть-Сысольск, 05.20—06.26; слесарь индустриального техникума 1 кожевенного завода, Архангельск, 06.26—09.28.
В РККА: курсант Ленинградской высшей кав. школы, 09.28—05.31; командир взвода 52 кав. полка 9 Крымской див., Украинский ВО, 05.31—12.31; командир танкового взвода в/ч 1515, Украинский ВО, 12.31—05.35; техник-танкист в/ч 1515, Харьковский ВО, 05.35—10.36.
В органах НКВД: слушатель Харьковской школы НКВД, 10.36—11.36; нач. боепитания школы НКВД,

Харьков, 11.36—07.38; зам. коменданта УНКВД Харьковской обл., 1939—07.42; пенсионер, Усть-Каменогорск, 07.42—10.42; комендант УНКВД Восточно-Казахстанской обл., 20.10.42—04.43.
Пенсионер, Ташкент, 04.43—11.43; старший инспектор военно-физкультурной подготовки Обл. упр. трудовых резервов, Семипалатинск, 11.43—12.45; пред. спортивного общества «Большевик», Семипалатинск, 12.45—11.46; директор общепита спецторга, Семипалатинск, 11.46—04.47; директор областного Дома учителей, Семипалатинск, 04.47—08.48; пом. заместителя пред. облисполкома, Семипалатинск, 08.48—05.51; нач. снабжения областной строительно-монтажной конторы, Семипалатинск, 05.51—09.51; зам. пред. Добровольного спортивного общества «Водник», Семипалатинск, 09.51—02.55; агент госстраха, Семипалатинск, 02.55—05.58; боец ВОХР мукомольно-комбикормового комбината, Семипалатинск, 05.58—06.59; продавец продовольственного магазина филиала ОРС НОД-7, Семипалатинск, 06.59—07.59; буфетчик ОРС НОД-7, Семипалатинск, 07.59—04.61; лебедчик понтонного моста, Семипалатинск, 04.61—11.61; уполномоченный по распространению билетов театра им. Абая, Семипалатинск, 11.61—05.62; вахтер, Семипалатинск, 05.62—09.65; агент по сбору фотопортретов комбината непромышленных услуг, Семипалатинск, 09.65—02.66; пенсионер, Семипалатинск, 02.66—11.69; сторож детского сада «Ласточка», Семипалатинск, 11.69—06.72; сторож Зооветеринарного института, Семипалатинск, 06.72—02.73; пенсионер с 02.73, Семипалатинск.
Звания: воентехник 2 ранга (упом. 1936); младший лейтенант (упом. 20.10.42).
Награды: не имел.

КАРЦЕВ
Петр Михайлович

(12.07.1907, Смоленск — 19.01.1948, Смоленск) — родился в семье рабочего-десятника. Русский. В ВЛКСМ в 1928—1931. В КП с 10.30 (кандидат с 01.30).

Образование: начальное, 3 года городской школы № 13, Смоленск, 1920—1923 и 1926; 4 группы вечерних общеобразовательных курсов при средней школе № 7, Смоленск.
Рабочий в хозяйстве огородника Калашникова, Смоленск, 03.23—08.25; грузчик на кирпичном заводе им. 1 мая, Смоленск, 08.25—10.29.
В войсках ОГПУ: командир отделения 20 полка войск ОГПУ, 10.29—12.31.
Чернорабочий тракторных мастерских МТС, Смоленск, 01.32—03.32.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: дежурный комендант ПП ОГПУ — УНКВД Западной обл. с 03.32; дежурный комендант УНКВД Смоленской обл. с 09.37; дежурный пом. коменданта УНКВД Смоленской обл. с 18.01.42; откомандирован в НКГБ с 23.03.44; сотрудник УНКГБ Смоленской обл. (упом. 1945). По сведениям ГВП, покончил с собой 19.01.1948. Похоронен на Братском кладбище Смоленска. Партдокументы погашены Смоленским обкомом 21.02.48 как на умершего.
Звания: сержант ГБ, 30.04.42; младший лейтенант ГБ, 11.02.43; лейтенант (упом. 1945).
Награды: орден Красной Звезды, 12.05.45; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; награжден приказом наркома внутренних дел «за ударную оперативную работу» часами, 05.1938.

КАЧИН
Тимофей Федотович

(1900, д. Большая Речка Посольской вол. Кабанского уезда Иркутской губ. — 02.1983, Курск) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 05.28 (кандидат с 03.25).

Образование: среднее, 3 класса сельской школы, Большая Речка, 1914; рабфак, Омск, 1926.
Работал в своем хозяйстве, Большая Речка, 06.14—04.17; ученик слесаря ж.-д. мастерских, станц. Мысовая Забайкальской ж.д., 04.17—04.18.
В Красной гвардии и РККА: красногвардеец 1 добровольческого отряда, Иркутск, 04.18—08.18; скрывался от службы в армии Колчака, Большая Речка, 08.18—02.20; красноармеец отряда ОСНАЗ при ВЧК, Красноярск, 02.20—05.21; командир взвода арт. полка 12 стр. див., Омск, 05.21—01.24.
Контролер достижений редакции газеты «Рабочий путь», Омск, 01.24—05.27; секретарь профсоюза при райкоме водников, Омск, 05.27—10.27; заведующий секретной частью отдела местного хозяйства, Омск, 10.27—06.28.
В органах ОГПУ–НКВД–МВД: сотрудник Окружного отдела — Оперсектора ГПУ, Омск, 06.28—08.33; зам. нач. политотдела молочно-мясного совхоза № 252 по работе ОГПУ—НКВД, Платоновский сельсовет Татарского района Западно-Сибирского края, 08.33—03.36; нач. райотделения НКВД, Куйбышев Западно-Сибирского края, 03.36—10.36; прикомандирован к УНКВД, Новосибирск, 10.36—03.37; нач. райотделения НКВД, Татарск Новосибирской обл., 03.37—12.38; нач. горотдела НКВД, Ленинск-Кузнецкий, 12.38—11.39; пом. нач. УНКВД Калининской обл., 11.39—03.04.41; зам. нач. УНКВД Калининской обл. по кадрам, 03.04.41—08.41; пом. нач. УНКВД Калининской обл., 08.41—22.07.42; зам. нач. ОО НКВД 58 армии, Калининский фронт, 06.42—08.42; зам. нач. ОО НКВД — ОКР СМЕРШ 39 армии, Калининский фронт, 08.42—12.43; зам. нач. УНКВД Винницкой обл., 12.43—08.02.46; в резерве МВД СССР, Москва, 15.02.46—06.46; с 14.08.46 зам. нач. Оперативного отдела Упр. лагеря

МВД № 145 для военнопленных, Курская обл.; затем зам. нач. Отдела по борьбе с бандитизмом УМВД Курской обл. до 08.01.49; нач. Отдела по борьбе с бандитизмом УМВД–УМГБ Курской обл., 08.01.49–1950; зам. нач. отдела УМГБ Курской обл., 1950–04.51; уволен 07.04.51 по состоянию здоровья. Пенсионер, Курск, 05.51–12.51; инспектор по кадрам автоколонны № 9, Курск, 12.51–05.54; пенсионер, Курск, 05.54–12.57; директор Упр. местных предприятий Всероссийского общества слепых, Курск, 12.57–06.59; пенсионер, Курск, 06.59–07.62; вахтер штаба Гражданской обороны по Курской обл., 07.62–04.63; пенсионер, Курск, 04.63–01.67; управляющий домоуправлением № 2, Курск, 01.67–03.71; пенсионер, Курск, 03.71–11.71; заведующий хозяйством областного суда, Курск, 11.71–04.72; директор Центральной производственной мастерской ДПО, Курск, 05.72–10.73; пенсионер, Курск, 10.73–03.74; зам. директора музыкального училища по хозчасти, Курск, 03.74–05.78; пенсионер с 05.78, Курск.
Звания: младший лейтенант ГБ, 22.03.36; лейтенант ГБ, 29.01.37; старший лейтенант ГБ, 22.10.40; капитан ГБ, 07.12.42; подполковник ГБ, 11.02.43 (упом. 08.01.49, 07.04.51).
Награды: орден Красного Знамени, 15.01.45; орден Красной Звезды, 18.10.43*; 6 медалей; знак «50 лет пребывания в КПСС».

КИСЕЛЕВ
Николай Алексеевич

(05.1908, Москва — 1961, Москва) — родился в семье рабочего-скорняка (мать — ткачиха, умерла в 1922). Русский. В ВЛКСМ в 1927–1938. В КП с 05.29 (кандидат с 11.28).
Образование: среднее, 6 групп школы-семилетки, Москва; рабфак при Московском авиаци-

онном институте, 1930—1931; 1 курс Московского авиационного института, 1932—1933.
Курьер Всероссийского инвалидного объединения при Наркомате социального обеспечения, Москва, 10.25—06.26; безработный на бирже труда, Москва, 06.26—06.27; красильщик шелка на фабрике «Красная Роза», Москва, 06.27—02.29; зам. пред. райсовета Общества пролетарского туризма Хамовнического района, Москва, 02.29—12.30; член КК Московского горкома ВЛКСМ, 1929—1931; инспектор особой инспекции Моссовета, 12.30—07.32; студент Московского авиационного института, 07.32—01.33.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КИ–МВД–КГБ: инспектор Паспортного отдела ГУРКМ ОГПУ СССР, 01.33—07.34; пом. уполномоченного УСО НКВД СССР, 07.34—01.08.35; инспектор книгохранилища УСО ГУГБ НКВД СССР, 01.08.35—1937; пом. оперуполномоченного 3 отделения 8 отдела ГУГБ НКВД СССР, 1937—1938; пом. оперуполномоченного 3 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 1938—22.10.38; оперуполномоченный 6 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 22.10.38—01.11.38; старший оперуполномоченный 11 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 01.11.38—1940; зам. нач. 16 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 1940—06.03.41; нач. 4 отделения 2 отдела НКГБ СССР, 20.03.41—11.08.41; нач. 3 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 11.08.41—07.12.41; нач. 8 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 07.12.41—01.42; зам. нач. 1 отделения 2 отдела 4 упр. НКВД СССР, 01.42—14.05.43; нач. 6 отделения 2 отдела 4 упр. НКГБ СССР, 14.05.43—01.09.43; нач. 1 отделения 2 отдела 4 упр. НКГБ СССР, 01.09.43—07.44; нач. 2 отделения 1 отдела 4 упр. НКГБ СССР, 07.44—01.07.45; откомандирован в распоряжение НКВД СССР с 01.07.45; нач. 2 отделения 1 отдела 4 упр. НКГБ СССР с 01.09.45; сотрудник Комитета информации при СМ СССР, 09.47—05.49; сотрудник МГБ СССР, 05.49—11.51; сотрудник 1 гл. упр. МГБ СССР с 11.51 (упом. 20.11.52); зам. нач. отдела 2 гл. упр. КГБ при

СМ СССР с 04.54. Партдокументы погашены 28.02.62 как на умершего.
Звания: сержант ГБ, 21.01.37; младший лейтенант ГБ (упом. 26.10.40, 07.12.41); майор ГБ, 11.02.43 (упом. 08.09.43); подполковник ГБ, 29.05.45 (упом. 09.49); полковник (упом. 07.54).
Награды: орден Красного Знамени, 25.06.54; орден Отечественной войны I степени, 21.04.45; 3 ордена Красной Звезды, 20.09.43, 05.11.44, 25.07.49; медаль «За отвагу», 26.04.40; медаль «Партизану Отечественной войны» I степени; 5 медалей; знак «Заслуженный работник НКВД», 12.42.

КОБУЛОВ
Богдан Захарович (Захарьевич)

(01.03.1904, Тифлис — 23.12.1953, Москва) — родился в семье портного. Армянин. В ВЛКСМ в 1921—1927. В КП с 01.25. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (18—19 съезды). Депутат Верховного Совета СССР 2 созыва.
Образование: гимназия, Тифлис, 1911—1922.
В РККА: красноармеец учебно-кадрового полка, на политработе в 66 кав. бригаде, 1921—1922; участвовал в создании отряда им. 26 бакинских комиссаров Тифлисского горкома КП(б) Грузии, один из руководителей отряда.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МВД: сотрудник Грузинской ЧК, 05.22—05.23; сотрудник Политбюро ЧК Ахалцихского уезда, 05.23—01.24; сотрудник информ. пункта ЧК Грузии, Боржом, 01.24—05.25; сотрудник информ. пункта ЧК Грузии, Ахалкалаки, 05.25—07.25; сотрудник информ. пункта ЧК Грузии, урочище Манглис, 07.25—02.26; сотрудник Закавказского ГПУ и ГПУ ГрузССР, 02.26—?; старший уполномоченный СО Закавказского ГПУ, ?—03.31; нач. 1 отделения СПО ГПУ ГрузССР, 03.31—01.32; пом.

нач. СПО ГПУ ГрузССР, 01.32—?; сотрудник УГБ НКВД ЗСФСР и УНКВД ГрузССР, 07.34—1935; в командировке в Персии, 1935; зам. нач. СПО УГБ НКВД ЗСФСР, 1935—17.02.36; нач. ЭКО УГБ НКВД ЗСФСР и УНКВД ГрузССР, 17.02.36—11.36; зам. нач. 4 отдела УГБ НКВД ГрузССР, 19.03.37—03.04.37; нач. 4 отдела УГБ НКВД ГрузССР, 03.04.37—16.02.38; и.о. зам. наркома внутренних дел ГрузССР, 12.37—16.02.38; зам. наркома внутренних дел ГрузССР, 16.02.38—15.09.38; нач. 4 отдела 1 упр. НКВД СССР, 15.09.38—29.09.38; нач. 2 отдела ГУГБ НКВД СССР, 29.09.38—29.07.39; зам. нач. ГУГБ НКВД СССР, 17.12.38—04.09.39; нач. следственной части НКВД СССР, 22.12.38—04.09.39; нач. ГЭУ НКВД СССР, 04.09.39—25.02.41; зам. наркома ГБ СССР, 25.02.41—30.07.41; зам. наркома внутренних дел СССР, 30.07.41—14.04.43; 1 зам. наркома ГБ СССР, 14.04.43—04.12.45[1]; зам. нач. ГУСИМЗ (по Германии) при МВТ СССР, 1946—04.47[2]; зам. нач. ГУСИМЗ при СМ СССР, 04.47—10.51; 1 зам. нач. ГУСИМЗ при СМ СССР, 10.51—03.53; 1 зам. министра внутренних дел СССР, 11.03.53—29.06.53. Арестован 27.06.53; приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.53 к ВМН. Расстрелян. Определением ВКВС РФ от 29.05.2000 признан не подлежащим реабилитации.
Звания: капитан ГБ, 13.01.36; майор ГБ, 20.12.36; старший майор ГБ, 11.09.38; комиссар ГБ 3 ранга, 28.12.38; комиссар ГБ 2 ранга, 04.02.43; генерал-полковник, 09.07.45.
Награды: 3 ордена Ленина, 22.07.37, 30.04.46, 29.10.49; 5 орденов Красного Знамени, 26.04.40, 20.09.43, 07.07.44, 03.11.44, 01.06.51; орден Суворова I степени,

---

[1] При регистрации кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР в январе 1946 г. назван заместителем наркома ГБ СССР.

[2] Одновременно в период с 26 мая 1947 по 5 ноября 1949 г. был заместителем Главноначальствующего СВАГ по вопросам деятельности советских акционерных предприятий в Германии. С 1949 г. — заместитель председателя Советской контрольной комиссии в Германии по делам акционерных обществ.

08.03.44; орден Кутузова I степени, 24.02.45; орден Отечественной войны I степени, 03.12.44; орден Трудового Красного Знамени, 24.06.48; орден Трудового Красного Знамени ГрузССР (№ 280), 10.04.31; 6 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)» (№ 202), 20.12.32.
Сообщение о суде и расстреле: Правда. 1953. 24 декабря.

КОВАЛЕВ
Александр Сергеевич

(1911 — 1942?) — в ВЛКСМ с 1934.
В органах НКВД с 1937: надзиратель-выводной комендатуры УНКВД Западной обл. с 01.04.37; надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Западной обл. с 20.07.37; надзиратель 1 категории следственной тюрьмы УНКВД Смоленской обл. с 09.04.38; эвакуирован в Новосибирск.
В РККА: призван 03.42 Дзержинским райвоенкоматом Новосибирска; находился на фронте, пропал без вести в 1942[1].

КОЗОХОТСКИЙ
Михаил Андреевич

(1901, Череповец — 04.1965, Калинин) — родился в семье мастера-кустаря по производству гармоней (отец умер в 1905). Русский. В ВЛКСМ в 1918—1923. В КП с 11.19 (в кандидатах не состоял).
Образование: неполное среднее, Череповецкое высшее начальное училище, 1918.
Конторщик уездного финотдела, Череповец, 06.18—12.18; счетовод Союза кооперативов, Череповец, 12.18—05.19.

---

[1] О пропаже без вести извещена семья: жена, Мещенкова Татьяна Ивановна, с сыном 1940 г.р., проживавшая в Смоленске (ЦА МО. Ф. 58. Оп. 977521а. Д. 916. Л. 39).

В РККА: красноармеец-доброволец 1 запасн. Петроградского стр. полка, Петроград, 06.19—09.19.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД: линейный агент уездной ТЧК, Череповец, 10.19—05.20; военный контролер контрольно-пропускного пункта № 3 ОО ВЧК 16 армии, Орша, 06.20—08.20; секретарь Военного отдела Череповецкой губЧК, 09.20—08.21; слушатель курсов ВЧК, Москва, 09.21—05.22; пом. уполномоченного губотдела ГПУ, Череповец, 06.22—09.22; слушатель политкурсов политического секретариата войск ГПУ Петроградского ВО, 10.22—03.23; политрук, секретарь военкома конвойной команды войск ГПУ, Череповец, 04.23—05.23; пом. уполномоченного губотдела ГПУ, Череповец, 06.23—01.25; секретарь губотдела ГПУ, Череповец, 02.25—02.26; пом. уполномоченного ПП ОГПУ Ленинградского ВО, 03.26—05.26; контролер, пом. инспектора по налогам, пред. месткома губфинотдела, Череповец, 06.26—04.27; секретарь облотдела ГПУ, Баталпашинск Карачаево-Черкесской автономной обл., 05.27—10.28; секретарь Окружного отдела ГПУ, Миллерово Северо-Кавказского края, 11.28—06.30; секретарь Оперсектора ГПУ, Краснодар, 07.30—04.33; секретарь Оперсектора ГПУ, Саратов, 05.33—10.33; не работал, пенсионер ГПУ, Саратов, 11.33—01.34; секретарь Оперсектора ГПУ—НКВД, Вологда, 01.02.34—05.35; секретарь Окружного отдела НКВД, Великие Луки, 05.35—01.06.37; врид нач. 5 отделения Окружного отдела НКВД, Великие Луки, 01.06.37—10.08.37; нач. 5 отделения Окружного отдела НКВД, Великие Луки, 10.08.37—01.01.38; нач. секретариата УНКВД Калининской обл., 01.01.38—13.07.38; врид нач. 8 отдела УНКВД Калининской обл., 13.07.38—01.02.39; нач. 1 спецотдела УНКВД Калининской обл., 01.02.39—10.41; нач. 1 спецотдела УНКВД Калининской обл., Чкалов, 10.41—01.42; нач. 1 спецотдела УНКВД Калининской обл., 01.42—07.42; пом. нач. УНКВД Калининской обл. по неоперативным отделам, 08.42—05.43; нач. 1 спецотдела УНКВД—УМВД Калининской обл., 05.43—10.09.46; уволен 10.09.46 по болезни.

Пенсионер с 11.46, Калинин. Партдокументы погашены Калининским обкомом КПСС 20.08.65 как на умершего.
Звания: младший лейтенант ГБ, 07.04.36; лейтенант ГБ, 19.06.39; старший лейтенант ГБ, 29.05.40; майор ГБ, 11.02.43; подполковник ГБ, 22.07.44 (упом. 19.09.46).
Награды: орден Ленина, 10.12.45; орден Красного Знамени, 15.01.45; орден «Знак Почета», 20.09.43; 1 медаль; знак «Заслуженный работник НКВД», 27.04.40.
Некролог: Калининская правда. 1965. 15 апреля.

КОМАРОВСКИЙ
Игнатий Исаакович

(1893, д. Ногавки Оршанского уезда Могилевской губ. — 07.1975, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка. Белорус. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 04.29 (кандидат с 11.27).
Образование: низшее, 3 класса сельской школы, с. Репухово Оршанского уезда, 1906; 1 год общеобразовательных курсов, Смоленск, 1926.
Ученик у кустаря, Орша, 09.08—03.11; ученик слесаря на фабрике Фермана, Москва, 03.11—05.13; подмастерье слесаря на заводе «Янке», Москва, 05.13—09.14.
В армии: курсант 3 школы шоферов, Санкт-Петербург, 09.14—02.15; шофер 5 автороты, Турецкий фронт, 02.15—12.17.
Шофер в школе шоферов, Смоленск, 01.18—03.18.
В РККА: шофер транспорта РККА, Смоленск, 03.18—06.18.
Шофер автосекции губсовнархоза, Смоленск, 06.18—05.19; шофер городского транспорта, Смоленск, 05.19—08.28; шофер автотранспортной конторы, Брянск, 08.28—08.29.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МВД–МГБ: шофер ПП ОГПУ по Западной обл. — УНКВД Смоленской обл., 08.29—03.41; шофер гаража УНКГБ Смоленской обл., 03.41—08.41; шофер УНКВД Смоленской обл., 08.41—10.41; шофер тюрьмы № 2 НКВД, Сызрань, 11.41—09.43; шофер Автотехнического отдела УНКВД—УМВД Смоленской обл., 09.43—01.50; шофер, механик гаража УМГБ Смоленской обл., 01.50—10.52.

Шофер областного Добровольного общества охотников, Смоленск, 10.52—08.55; пенсионер с 08.55, Смоленск.

Награды: 2 медали.

КОРОЛЕВ
Василий Николаевич

(23.12.1902, с. Квашенки Калязинского уезда Тверской губ. — 09.1983, Москва) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1921—1925. В КП с 02.25.

Образование: высшее начальное училище, 1917.

Работал в хозяйстве отца, Квашенки, 02.18—1919; батрак у кулаков, Тимский район Курской губ., 1919—05.20; счетовод скорняжной артели, Квашенки, 05.20—07.22.

В РККА: курсант 27 военно-пехотной школы среднего командного состава, Иваново-Вознесенск, 01.09.22—01.08.25.

В органах ОГПУ–НКВД–МВД: командир взвода отдельного Особого Соловецкого полка ОГПУ, 01.08.25—02.28; командир взвода 100 отдельного дивизиона ОГПУ, пос. Рошаль Московской обл., 02.28—03.32; адъютант 104 отдельного дивизиона ОГПУ—НКВД, Шатура, 03.32—10.34; слушатель погранШколы НКВД, 10.34—01.01.36; пом. командира дивизиона 176 полка НКВД по охране промышленных предприятий,

Москва, 01.36—11.36; командир дивизиона 75 ж.-д. полка НКВД, Москва, 11.36—05.38; старший пом. нач. отделения службы Штаба войск НКВД Московского округа, 05.38—03.39; старший пом. нач. отделения Отдела кадров Гл. упр. войск НКВД по охране предприятий промышленности, 03.39—19.09.39; нач. Упр. Козельского лагеря НКВД для военнопленных, 19.09.39—08.41; зам. нач. Упр. лагеря № 100 НКВД для военнопленных, Марийская АССР, 08.41—03.42; зам. нач. по охране и режиму Упр. Темниковского лагеря № 58 НКВД для военнопленных, пос. Явас Мордовской АССР, 03.42—09.43; зам. нач. Упр. лагеря № 173 (176) НКВД для военнопленных, 1 Белорусский фронт, 09.43—02.44; зам. нач. Упр. ИТЛ № 0308 НКВД, Тула, 02.44—19.12.46; нач. лагерного отделения № 69 УПВИ УМВД Московской обл., пос. Новогорск Химкинского района, 19.12.46—15.04.47; нач. 13 отделения ИТЛ № 435 МВД, Московская обл., Новогорск, 15.04.47—18.08.48; зам. нач. 1 отдела Берегового ИТЛ МВД, Магадан, 18.08.48—1950; нач. Отдела режима Берегового ИТЛ МВД, 1950—03.10.50; старший инспектор Отдела режима и надзора 3 упр. ГУЛАГ МВД СССР, 03.10.50—15.12.50; зам. нач. 3 лагерного отделения Упр. ИТЛ и Строительства № 560 МВД, Москва, 19.12.50—12.52; нач. лагерного отделения Упр. Строительства Особого района Главпромстроя, Москва, 12.52—10.53.
Пенсионер, Москва, 10.53—11.55; старший инспектор по кадрам автобазы № 19 Мосавтотреста № 4, Москва, 11.55—10.69; пенсионер с 10.69, Москва.
Звания: старший лейтенант, 1936; капитан, 1938; старший лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из капитана)[1]; майор ГБ, 11.02.43; подполковник ГБ, 29.05.45.
Награды: орден Красного Знамени, 15.01.45; 6 медалей; знак «50 лет пребывания в КПСС», 04.05.82.

---

[1] Упомянут в звании майора в приказе НКВД СССР № 0308 от 19 сентября 1939 г. «Об организации при НКВД СССР Упр. по делам военнопленных» (Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 71).

КОРЫТОВ
Григорий Васильевич

(1900, с. Смердово Юрьевского уезда Владимирской губ. — 1950, Астрахань) — родился в семье крестьянина-середняка (отец умер в 1918). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 04.27 (кандидат с 01.24).

Образование: сельская школа, Смердово, 1913.

Разнорабочий в гостинице «Савой» частного владельца Шановича, Гомель, 01.16—08.17; рассыльный и переписчик продовольственного упр., Гомель, 08.17—07.18; переписчик, контролер уездного продовольственного комитета, Новозыбков, 07.18—06.19.

В РККА: красноармеец городской комендатуры, Новозыбков, 06.19—05.20; красноармеец 16 стр. полка 27 див., Западный фронт, 05.20—10.20; военнопленный в польском плену, Познань, Белосток, 10.20—08.21; делопроизводитель приемного пункта военнопленных, Минск, 08.21—12.21; делопроизводитель военкомата, Кольчугино, 01.22—08.23.

Нач. вол. милиции, Кольчугино Владимирской губ., 09.23—07.24; нач. вол. милиции Гаврилов-Посад Владимирской губ., 07.24—09.25; нач. вол. милиции, Кольчугино, 09.25—04.27; нач. подотдела службы уездной милиции, Александров, 04.27—08.28; нач. уездного административного отдела, Александров, 08.28—02.30; заведующий бюро жалоб Александровской окружной КК — РКИ, 02.30—08.30; партийный следователь районной КК — РКИ, Переславль-Залесский, 08.30—10.31.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: уполномоченный райотдела ГПУ—НКВД, Переславль-Залесский, 10.31—05.35; уполномоченный секретно-политического отделения Ярославского горотдела НКВД, 05.35—03.36; оперуполномоченный СПО УНКВД

Ярославской обл., 03.36—09.37; нач. райотдела НКВД, Гаврилов-Ям, 09.37—10.38; зам. нач. горотдела НКВД, Рыбинск, 10.38—09.39; нач. особого отделения Осташковского лагеря НКВД для военнопленных, 09.39—10.40[1]; зам. нач. ЭКО НКВД Крымской АССР, 10.40—03.41; нач. секретариата НКГБ Крымской АССР, 03.41—08.41; зам. нач. ЭКО НКВД Крымской АССР, 09.41—11.41; прикомандирован к УНКВД Краснодарского края, 11.41—01.42; зам. нач. ЭКО НКВД Крымской АССР, 01.42—05.42; прикомандирован к Новороссийскому горотделу НКВД, 05.42—08.42; прикомандирован к НКВД Абхазской АССР по должности зам. наркома, 09.42—04.43; прикомандирован к УНКГБ Краснодарского края по должности следователя, 04.43—10.43; зам. нач. 2 отдела НКГБ Калмыцкой АССР, 10.43—01.44; зам. нач. 2 отдела УНКГБ Астраханской обл., 01.44—04.44; нач. 5 отдела УНКГБ Астраханской обл., 04.44—03.46; нач. отдела УМГБ Астраханской обл. с 03.46. Партдокументы погашены Астраханским обкомом ВКП(б) 20.01.51 как на умершего.

Звания: сержант ГБ, 23.02.36; младший лейтенант ГБ, 19.05.39; старший лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из младшего лейтенанта); подполковник ГБ (упом. 10.44, 11.46).

Награды: орден Ленина, 06.11.46; орден Красного Знамени, 03.11.44; медали.

КОСТЮЧЕНКО
Владимир Кузьмич

(1896, Смоленск — 04.1988, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец с 1903 — кучер, мать — домохозяйка; родители умерли в 1907, воспитывался у дяди — крестьянина-середняка). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.25 (кандидат с 06.24).

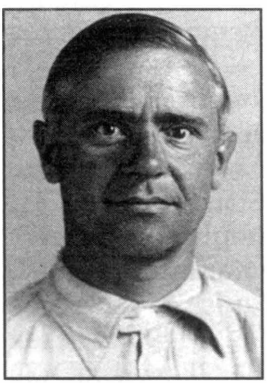
---

[1] В 1940 г. «подписывал справки, высылавшиеся в Москву для тройки. Принимал активное участие в операции по "разгрузке" лагеря» (Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 446).

Образование: среднее, школа ликвидации безграмотности, Смоленск, 1924; вечерняя общеобразовательная школа, Смоленск, 1925—1927; 4 семестра вечернего рабфака, Смоленск, 1929—1931; 2 курса автодорожного института, Харьков, 1933; двухгодичная вечерняя городская партшкола, Смоленск, 1937.
В армии: рядовой 316 стр. полка, 08.16—04.18.
Работал в хозяйстве дяди, д. Ивашенцево Корохоткинской вол. Смоленской губ., 04.18—07.18.
В РККА: красноармеец, караульный 33 ж.-д. трудового батальона, 07.18—09.22.
Грузчик городского транспорта, Смоленск, 09.22—11.27; грузчик товарной станции, Смоленск, 11.27—12.28; заведующий складом акционерного общества «Транспорт», Смоленск, 01.29—11.29; заведующий хозяйством «Союзтранса», Смоленск, 11.29—04.31; студент автодорожного института, Харьков, 04.31—02.33.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МВД: кладовщик гаража Отдела связи ПП ОГПУ по Западной обл., 21.03.33—21.02.34; заведующий складом Автотехнического отдела ПП ОГПУ по Западной обл. — УНКВД Смоленской обл., 21.02.34—06.39; заведующий снабжением Автотехнического отдела АХО УНКВД Смоленской обл., 06.39—03.41; заведующий складом гаража УНКГБ Смоленской обл., 03.41—06.41; надзиратель тюрьмы № 2 НКВД, Сызрань Куйбышевской обл., 06.41—07.42; заведующий складом ОО НКВД 8 армии, 07.42—08.42; заведующий складом УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 08.42—08.43; инспектор по эксплуатации жилищно-ремонтной группы, нач. снабжения ХОЗО УНКВД—УМВД Смоленской обл., 09.43—05.48 (упом. 01.01.44); старший инструктор и инспектор общего снабжения ИТК № 8 УМВД Смоленской обл., 05.48—10.51; старший инспектор снаб-

жения лаготделения № 1 УМВД Смоленской обл., 10.51—11.52; заведующий столовой лаготделения № 1 УМВД Смоленской обл., 11.52—04.53; не работал, Смоленск, 04.53—09.53; старший инспектор п/я ЯО-100/4, Смоленск, 09.53—11.54; экспедитор, стрелок лагпункта № 4 ОИТК УМВД Смоленской обл., 11.54—10.56. Пенсионер, Смоленск, 10.56—04.88.
Награды: 3 медали; знак «50 лет пребывания в КПСС».

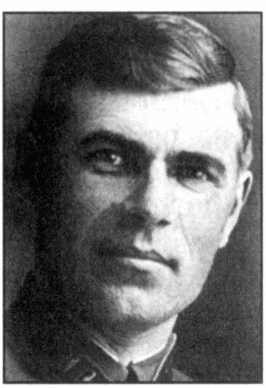
КОСТЮЧЕНКО (КОСТЮЧЕНКОВ) Николай Кузьмич

(1901, Смоленск — 1966, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец с 1903 — кучер, мать — домохозяйка; родители умерли в 1907, воспитывался у дяди — крестьянина-середняка). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.30 (кандидат с 10.29).
Образование: низшее, школа ликвидации безграмотности в РККА, 1924.
Безработный на бирже труда, Смоленск, 02.18—06.20.
В РККА: красноармеец 15 полка связи, Можайск, 06.20—02.24.
Безработный на бирже труда, Смоленск, 02.24—04.24; грузчик городского транспорта, Смоленск, 04.24—02.27; грузчик товарной станции, Смоленск, 02.27—06.28; находился под арестом в исправительно-трудовом доме, Смоленск, 06.28—08.28; грузчик городского транспорта, Смоленск, 08.28—02.31.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер ПП ОГПУ — УНКВД Западной — Смоленской обл., 02.31—03.41; шофер УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; шофер тюрьмы № 2 НКВД, Сызрань, 07.41—11.41; шофер отделения военной цензуры НКГБ № 129 5 гвардейской армии, Сталинградский, 1 Украинский, 2 Украинский фронты, 11.41—12.45; шофер

УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 12.45—03.53; шофер УМВД Смоленской обл., 03.53—01.54.
Пенсионер с 01.54, Смоленск. Партдокументы погашены Смоленским обкомом 22.02.67 как на умершего.
Звания: старшина спецслужбы (упом. 09.06.45); старшина (упом. 1946).
Награды: орден Красной Звезды, 30.04.46; 2 медали «За боевые заслуги», 09.06.45*, 04.12.45; 2 медали; награжден часами (приказ НКВД СССР № 305 от 09.05.38).

КРАСНОВИДОВ
Иван Иванович

(1911, д. Купилово Тверского уезда Тверской губ. — ?) — беспартийный.
Образование: 4 класса школы.
В РККА и органах НКВД с 1933: шофер УНКВД Калининской обл., 1940; шофер УМГБ Калининской обл., 1951.
Звание: старшина.
Награды: орден Красной Звезды, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45.

КРИВЕНКО
Михаил Спиридонович

(27.06.1904, с. Слободка Царевского уезда Астраханской губ. — 10.1954, Сталинградская обл.) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец и мать умерли в 1922). Украинец. В ВЛКСМ в 1919—1927. В КП с 10.20 (кандидат с 08.20).
Образование: высшее, сельская школа, Слободка, 08.12—04.16; Военная академия РККА им. М.В. Фрунзе, 09.37—01.39.
Работал в хозяйстве родителей, Слободка, 1915—01.20.
В РККА: красноармеец укрепрайона при Николаевском уездном военкомате, Царицынская губ.,

01.20—06.20; красноармеец 243 стр. полка 27 див., Самарская, Царицынская губ., 06.20—07.21; курсант школы младшего комсостава 27 и 32 див., Саратов, 07.21—03.22; младший командир 96 стр. полка 32 див., Царицын, 03.22—05.25; статистик-информатор Николаевского укома РКП(б) Царицынской губ., 05.25—08.25; курсант кав. школы, Тверь, 08.25—09.28. **В войсках и органах ОГПУ–НКВД–МВД:** командир взвода 41 погранотряда, Нахичевань, 09.28—04.30; командир взвода 37 погранотряда, Батум, 04.30—09.32; командир дивизиона 82, 20 полков войск ОГПУ—НКВД, Гянджа — Кировабад, 09.32—11.35; пом. командира 20 отдельного полка НКВД по хозчасти, Кировабад, 11.35—09.37; в распоряжении НКВД СССР, 01.39—03.39; нач. штаба Гл. упр. конвойных войск НКВД СССР, 04.39—04.41; одновременно член парткомиссии Гл. упр. конвойных войск, 07.39—08.40; зам. нач. Упр. конвойных войск НКВД СССР, 04.41—1941; зам. нач. Гл. упр. внутренних войск НКВД СССР по кадрам, 1941—01.42; нач. Упр. конвойных войск НКВД СССР, 19.01.42—03.01.44; зам. нач. ГУПВ НКВД СССР, 03.01.44—02.02.45; с частями РККА был в Польше, Австрии, Чехословакии и Манчжурии, 1944—1945; нач. ГУПВИ НКВД—МВД СССР, 02.02.45—08.03.47[1]; зам. нач. УМВД Свердловской обл. по административно-хозяйственной работе, 21.04.47—26.04.49; нач. УМВД Свердловской обл., 26.04.49—08.06.51[2]; в распоряжении Упр. кадров МВД СССР, 08.06.51—17.07.51; зам. нач. Упр. Строительства № 585 и ИТЛ МВД по

---

[1] Секретариатом ЦК ВКП(б) 7 апреля 1947 г. объявлен выговор за использование служебного положения в личных целях — использование военнопленных лагеря № 27 для ремонта квартир, изготовления мебели, срубов домов и обработки огородов начальства НКВД в 1945 г.

[2] Бюро Свердловского обкома ВКП(б) 8 августа 1950 г. объявлен выговор за невыполнение постановления бюро обкома «О мерах улучшения воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями в Нижнетагильской детской трудовой колонии МВД» и слабое руководство Отделом борьбы с детской беспризорностью.

лагерю, 17.07.51—09.11.51; зам. нач. Упр. ИТЛ и Строительства Волго-Донского соединительного канала МВД, нач. ВОХР, 09.11.51—14.04.52; зам. нач. Упр. ИТЛ и Строительства Волго-Донского соединительного канала МВД по лагерю, 14.04.52—29.07.53; и.о. нач. Упр. Строительства Волго-Донского судоходного канала им. Ленина с 19.08.52[1]; уволен в запас 29.07.53. Партдокументы погашены Сталинградским обкомом КПСС 25.11.54 как на умершего.
Звания: майор (упом. 03.39); полковник, 29.03.39; комбриг, 29.04.40 (упом. 26.10.40); генерал-майор, 24.01.42; генерал-лейтенант, 17.11.44.
Награды: орден Ленина, 12.05.45; 3 ордена Красного Знамени, 14.04.43, 03.11.44, 21.06.45; орден Кутузова II степени, 08.03.44; 5 медалей.
Некролог: Сталинградская правда. 1954. 20 октября.

КУЗНЕЦОВА
Серафима Семеновна

(1900, Саратов — 1966, Москва) — родилась в семье рабочего-носильщика. Русская.
В ВЛКСМ не состояла. В КП с 10.42[2] (кандидат с 04.39). Ранее, в 1918—1920, состояла в РКП(б), выбыла механически из-за непосещения партсобраний.
Образование: 3-классное начальное училище, Саратов, 1913.
Модистка в шляпной мастерской, Саратов, 07.13—09.16; учащаяся школы машинописи, Саратов, 09.16—03.17; модистка в шляпной мастерской, Саратов, 03.17—09.18; машинистка в милиции, Саратов, 09.18—05.20; не работала, домохозяйка, Саратов, 05.20—04.21.

---

[1] Назначен приказом МВД СССР № 974лс от 19 августа 1952 г. в связи с болезнью начальника управления И.С. Шикторова.
[2] Исключалась из КПСС в 1959 г.

В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: сотрудница ВЧК—ГПУ, Москва, 04.21—10.23; не работала, домохозяйка, Москва, 10.23—04.30; сотрудница ОГПУ—НКВД СССР, 04.30—11.38; пом. оперуполномоченного 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР с 01.11.38; оперуполномоченный 8 отделения 2 отдела НКГБ СССР, 03.41—06.41; оперуполномоченный 1 спецотдела УНКВД Свердловской обл., 06.41—01.06.43; откомандирована в Отдел кадров НКВД СССР с 01.06.43; сотрудница НКГБ—МГБ СССР, 06.43—11.50. Пенсионерка с 11.50, Москва. Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 29.04.66 как на умершую.
Звания: сержант ГБ, 08.04.38 (упом. 22.12.38, 26.10.40); капитан.
Награды: орден Красного Знамени, 25.07.49; орден Красной Звезды, 19.01.45; 3 медали.

КУПРИЙ
Тимофей Федорович

(03.05.1906, с. Веселый Подол Хорольского уезда Полтавской губ. — 10.12.1981, Полтава) — родился в семье батрака. Украинец. В ВЛКСМ с 1924. В КП с 12.30 (кандидат с 06.30). Исключен из партии 10.10.58 Полтавским обкомом КПУ «за систематическое пьянство, злоупотребление служебным положением в корыстных целях, угрозы, неискренность и обман».
Образование: начальное, церковно-приходская школа, Веселый Подол, 1917.
Батрак у кулака Кременовского, Веселый Подол, 04.14—10.16; батрак у кулака Калиенко, Веселый Подол, 10.16—11.18; батрак у кулака Харитоненко, Веселый Подол, 11.18—11.19; батрак у кулака Гетьмана, Веселый Подол, 11.19—11.20; батрак у кулака Колодко, Веселый Подол, 11.20—10.26; чернорабочий се-

лекционной станции Московского сахарного треста, Веселый Подол, 10.26—10.28.
В войсках и органах ОГПУ–НКВД–СМЕРШ–НКГБ: нач. пулеметной команды 9 погранотряда, Псков, 10.28—12.30; фельдъегерь райотделения ГПУ, с. Семеновка Харьковской обл., 12.30—12.32; фельдъегерь райотделения ГПУ—НКВД, Хорол Харьковской обл., 12.32—02.35; нач. фельдъегерского пункта райотделения НКВД, с. Покрово-Богачка Харьковской обл., 02.35—07.37; нач. фельдъегерского пункта связи райотдела НКВД, Балаклея Харьковской обл., 07.37—10.38; комендант АХО УНКВД Харьковской обл., 10.38—09.41; комендант УНКВД Харьковской обл., Купянск, Саратов, 09.41—06.43; командир батальона ОКР СМЕРШ, Брянский фронт, 06.43—10.43; нач. Комендантского отдела НКГБ УССР, Киев, 11.43—01.44.
В РККА: слушатель курсов усовершенствования старшего комсостава Наркомата обороны, Киев, 01.44—07.44; слушатель курсов военных комендантов городов на территории иностранных государств, 1 Украинский фронт, 07.44—08.44; военный комендант Упр. 1 Украинского фронта, 08.44—11.44; военный комендант Сандомирского плацдарма, 1 Украинский фронт, 11.44—12.44; военный комендант, нач. гарнизона, представитель Военного Совета Северной группы войск в Келецком воеводстве, 12.44—02.47.
Нач. ОРС Обл. упр. стройматериалов, Полтава, 02.47—06.49; зам. директора «Масложирокомбината», Полтава, 06.49—11.51; не работал, Полтава, 11.51—03.52; нач. Отдела снабжения Упр. дороги Харьков — Киев, Полтава, 03.52—02.53; директор обл. базы «Маслотехснабсбыта», Полтава, 02.53—19.06.58; не работал, Полтава, 07.58—07.64; нач. снабжения автомехбазы, Полтава, 08.64—03.66; пенсионер с 03.66, Полтава. Партдокументы погашены Полтавским обкомом КПУ 16.11.59 как на исключенного. Жил в Полтаве, умер от гипертонической болезни 3 степени.

Звания: младший лейтенант ГБ, 19.08.39; старший лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из младшего лейтенанта); подполковник (упом. 06.54).
Награды: орден Красной Звезды; медаль.

КУПРИЯНОВ
Емельян Иванович

(1897, д. Дедово Николо-Ветлицкой вол. Бельского уезда Смоленской губ. — 09.1966, Рославль) — родился в семье ткача. Русский. В КП с 11.24. Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва (доизбран).
Образование: сельская школа, д. Кудиново, 1911; курсы пропагандистов, Москва, 07.29—10.29; курсы партийного актива, Звенигород, 11.33—02.34. Рабочий у сапожника-кустаря Алексеева, Бельский уезд Смоленской губ., 09.12—12.14; ткач на фабрике, с. Кунцево Московского уезда, 01.15—01.17.
В РККА: красноармеец 85 запасн. полка, 01.17—10.18; красноармеец 243 полка 12 стр. див., 10.18—11.21. Ткач на фабрике им. Свердлова, Кунцево Московского уезда, 11.21—09.22; ткач на фабрике им. Свердлова, с. Щелково Московского уезда, 09.22—05.26; пред. фабкома фабрики им. Свердлова, 05.26—08.28; заведующий Отделом снабжения фабрики им. Свердлова, 08.28—07.29; заведующий Агитационно-пропагандистским отделом Уваровского райкома ВКП(б), 10.29—02.30; народный судья Уваровского района, 03.30—10.31; секретарь парткомиссии Бабынинской районной КК — РКИ, 10.31—08.32; заведующий Бабынинским райземотделом, 08.32—08.33; заведующий Бабынинским райотделом снабжения, 08.33—11.33; заведующий Бабынинским райфинотделом, 02.34—09.37; пред. Бабынинского райисполкома, 09.37—06.38; 1 секретарь Бабынинского райкома ВКП(б), 06.38—12.38.

В органах НКВД: слушатель краткосрочных курсов при Центральной школе НКВД СССР, 01.01.39—28.01.39; нач. УНКВД Смоленской обл., 28.01.39—26.02.41; нач. УНКГБ Смоленской обл., 26.02.41—31.07.41; зам. нач. УНКВД Смоленской обл., 08.41—09.09.41; нач. Оперативного отдела Упр. Ягринского ИТЛ и Строительства № 203 НКВД СССР, 09.09.41—10.02.42; нач. Оперативного отдела Упр. Богословского ИТЛ и Строительства алюминиевого завода НКВД, 10.02.42—02.43; зам. нач. комбината «Тулуголь» по оперативной части, Тула, 02.43—14.04.44; зам. нач. Упр. фронтового лагеря военнопленных № 270 НКВД СССР по политчасти, Ленинградская обл., 14.04.44—17.07.45; нач. Упр. лагеря военнопленных № 340, пос. Парахино Новгородской обл., 17.07.45—03.10.45; уволен в запас с 03.10.45. Пред. Рославльского райисполкома, 10.45—10.47; пред. Рославльского горисполкома, 10.47—03.53; директор Рославльского хлебокомбината с 04.53. Персональный пенсионер, Рославль.
Звания: капитан ГБ, 21.02.39; подполковник ГБ, 11.02.43.
Награды: орден «Знак Почета», 26.04.40; 2 медали.
Некролог: Рославльская правда. 1966. 13 сентября.

ЛАЗАРЕНКО (ЛАЗАРЕНКОВ) Семен Матвеевич

(1911, д. Шаровичи Руднянской вол. Смоленской губ. — 16.07.1941[1]) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ в 1935—1939. В КП с 04.41 (кандидат с 04.39, по другим данным — с 1935).
Образование: начальное, 4 класса сельской школы, д. Бельцы Руднянской вол.

[1] Согласно списку погибших сотрудников Смоленского УНКВД, погиб 16 июля 1941 г. при наступлении немцев. См.: URL: http://www.migup67.ru/userfiles/file/ob_sovet/pogibshie%20sotrudniki_2014.06.05.pdf (дата обращения: 05.07.2016).

Работал в хозяйстве отца, колхозник в колхозе «Вперед к социализму», Шаровичи, до 11.33.
В РККА: красноармеец инженерно-технической части 19 батальона, 11.33—12.35.
В органах НКВД—НКГБ: надзиратель, вахтер 2 категории комендатуры УНКВД Западной обл., 02.01.36—04.04.37; надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Западной — Смоленской обл., 04.04.37—15.05.38; старший надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Смоленской обл., 15.05.38—15.07.38; надзиратель 1 категории тюрьмы УГБ УНКВД Смоленской обл., 15.07.38—03.41; надзиратель АХО УНКГБ Смоленской обл. с 03.41 (упом. 04.41). Партийные документы погашены Смоленским обкомом ВКП(б) 02.03.50 как на пропавшего без вести.

ЛЕБЕДЕВ
Михаил Дмитриевич

(1909, с. Заборовье Медновской вол. Тверского уезда Тверской губ. — ?) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ в 1928—1938. В КП с 04.39 (кандидат с 02.38).
Образование: начальное, сельская школа, Заборовье, 1922.
Работал в хозяйстве отца, Заборовье, 05.22—04.23; пастух, д. Кодино Медновской вол., 04.23—11.23; работал в хозяйстве отца, Заборовье, 11.23—05.24; пастух, Кодино, 05.24—11.24; работал в хозяйстве отца, Заборовье, 11.24—05.25; пастух, д. Горлово Новинской вол. Тверского уезда, 05.25—11.25; работал в хозяйстве отца, Заборовье, 11.25—05.26; пастух, д. Каликино Тверского округа, 05.26—11.29; чернорабочий конторы «Тверстрой», Тверь, 11.29—01.31; слушатель Московской областной профсоюзной школы, 01.31—12.31.
В войсках и органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: красноармеец 23 погранотряда, Каменец-Подольский, 12.31—03.34; надзиратель тюрьмы НКВД, Калинин,

03.34—05.38; сотрудник АХО УНКВД Калининской обл. с 05.38 (упом. 04.39); надзиратель 1 категории тюрьмы № 5 УНКВД Калининской обл. с 01.11.41; сотрудник Отдела «В» УМГБ Калининской обл. (упом. 1947). Партдокументы погашены Калининским обкомом ВКП(б) 01.04.48 как на исключенного[1].
Звание: лейтенант (упом. 1947).
Награды: орден Красной Звезды, 21.05.47; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45.

ЛЕВАНЧУКОВ (ЛЕВАНЧЮКОВ) Григорий Кузьмич

(1915, д. Денисковичи Рогачевского уезда Могилевской губ. — ?).
В органах НКВД: надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД Калининской обл. в 1940; старший надзиратель Осташковской тюрьмы УНКВД Калининской обл. с 1940.

ЛОГИНОВ Николай Васильевич

(21.11.1911, д. Волынцево Медновской вол. Тверского уезда Тверской губ. — ?) — русский. Беспартийный.
В органах НКВД: библиотекарь-документовед внутренней тюрьмы УГБ УНКВД Калининской обл. в 1940; делопроизводитель-машинист внутренней тюрьмы УГБ УНКВД Калининской обл. с 1940.

ЛУГИНИН[2] Михаил Петрович

(1898, д. Лугиновка Орловского уезда Вятской губ. — 1965, Калинин) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 12.37 (кандидат с 07.32).

---

[1] Исключен решением бюро Калининского горкома ВКП(б) 15 сентября 1947 г. за то, что, «будучи исполняющим обязанности секретаря парторганизации Отдела «В», систематически присваивал партийные взносы с коммунистов, в результате им было присвоено 3386 рублей. Преступные действия свои Лебедев признал. Присвоенная сумма внесена им в сберкассу полностью».

[2] В картотеке награжденных ГА РФ на него представлена карточка с написанием фамилии — Лучинин.

Образование: среднее, 4-классное высшее начальное училище, Орлов Вятской губ., 1914.
Письмоводитель уездного казначейства, Орлов, 08.15—02.17.
В армии: писарь Упр. воинского нач., Орлов, 02.17—02.18.
В РККА: делопроизводитель уездного военкомата, Орлов, 02.18—08.19; нач. мобилизационного отдела военкомата, Темясово Башкирской республики, 08.19—01.21; сотрудник для поручений при вол. военкомате, Яранск Вятской губ., 01.21—08.23; секретарь военного трибунала 48 див., Тверь, 08.23—10.26.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: пом. уполномоченного Окружного отдела ГПУ, Тверь, 10.26—09.30; пом. уполномоченного Тверского оперсектора ГПУ, 09.30—12.31; уполномоченный Оперсектора ГПУ, Калинин, 12.31—01.35; старший инспектор УНКВД Калининской обл., 01.35—1939; пом. нач. 1 спецотдела УНКВД Калининской обл., 1939—03.41; нач. отдела УНКГБ Калининской обл., 03.41—08.41; нач. Тюремного отдела УНКВД Калининской обл., 08.41—04.43; нач. отделения Отдела «А» УНКГБ Калининской обл., 04.43—09.44; зам. нач. Отдела «А» УМГБ Великолукской обл., 09.44—08.52.
Пенсионер с 08.52, Великие Луки. Партдокументы погашены Калининским обкомом КПСС 15.04.65 как на умершего.
Звания: сержант ГБ, 07.04.36; младший лейтенант ГБ, 19.06.39 (упом. 26.10.40); подполковник (упом. 10.49, 01.54).
Награды: орден Ленина, 21.02.45; 2 ордена Красного Знамени, 19.01.45, 25.07.49; 3 медали.

МАКАРЕНКОВ
Григорий Иванович

(05.08.1911, д. Середнево Краснинского уезда Смоленской губ. — 05.03.1976, Смоленск) — родился

в семье крестьянина-батрака (отец после 1917 — крестьянин-середняк, с 1931 — в колхозе). Русский. В ВЛКСМ в 1930—1940. В КП с 04.39 (кандидат с 04.38).

Образование: низшее (упом. в 1954); неполное среднее, 7 классов заочной средней школы, Иваново, 1953.

Чернорабочий «Мосгорпромтранссоюза», Москва, 09.30—06.31; шофер «Мосгорпромтранссоюза», 06.31—10.31; кладовщик багажного бюро «Мосгорпромтранссоюза», 10.31—11.33.

В погранвойсках ОГПУ–НКВД: красноармеец Гродсковского погранотряда, Дальневосточный край, 11.33—12.36.

В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: шофер УНКВД Западной — Смоленской обл., 01.37—03.41; шофер УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; шофер УНКГБ—УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; шофер УНКВД, Москва, 10.41—01.42; шофер УНКВД—УНКГБ Смоленской обл., Кондрово, 02.42—09.43; шофер УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 09.43—11.49; инспектор АХО УМГБ Смоленской обл., 11.49—03.51[1]; пом. оперуполномоченного, оперуполномоченный УМГБ—УМВД Ивановской обл., 03.51—06.53; инспектор УМВД Ивановской обл., 06.53—04.54; оперуполномоченный УКГБ Ивановской обл., 04.54—10.55; инспектор Учетно-архивного отдела УКГБ Ивановской обл., 10.55—04.59.

Пенсионер, Иваново, 04.59—07.61; пенсионер, Херсон, 07.61—08.64; стрелок п/я 70, Херсон, 08.64—03.66; пенсионер, Херсон, 03.66—07.66;

---

[1] В 1950 г. потерял партбилет, Смоленским горкомом ВКП(б) 21 сентября 1950 г. ему объявлен выговор «за халатное отношение к хранению партбилета».

стрелок охраны электролампового завода, Смоленск, 07.66—08.66; инспектор Отдела охраны райотдела милиции Промышленного района Смоленска, 08.66—06.68; кладовщик-учетчик фотоателье № 27, Смоленск, 06.68—08.70; пенсионер, Смоленск, 08.70—11.70; сменный мастер участка мелькомбината, Смоленск, 11.70—12.70; нач. материально-технической службы проектного института «Смолоблколхозпроект», Смоленск, 01.71—08.71; пенсионер с 08.71, Смоленск.

Звания: младший лейтенант (упом. 01.12.50); старший лейтенант (упом. 1954).

Награды: орден Красного Знамени, 05.11.54; орден Красной Звезды, 25.07.49; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 5 медалей.

МАРУСЕВ
Алексей Егорович (Георгиевич)

(1911, д. Никулино Тверского уезда Тверской губ. — 1942?) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ в 1934—1939. В КП с 07.40 (кандидат с 04.39).

Образование: 4 класса сельской школы, Никулино.

Чернорабочий хлебзавода № 1, Тверь, 01.30—11.31; токарь по металлу на вагоностроительном заводе, Калинин, 12.31—09.33.

В РККА: красноармеец в/ч 1007, станц. Люблино Московско-Курской ж.д., 10.33—03.35.

В органах НКВД: вахтер тюрьмы УНКВД Калининской обл., 04.35—01.03.36; вахтер 2 категории тюрьмы УНКВД Калининской обл., 01.03.36—01.05.38; надзиратель-вахтер тюрьмы УНКВД Калининской обл. с 01.05.38 (упом. как сотрудник УНКВД 15.07.40). Партбилет погашен Рязанским обкомом ВКП(б) 06.08.42 как на умершего.

МЕДВЕДЕВ
Иван Борисович

(1912 — ?) — родился в семье крестьянина. В ВЛКСМ с 1935.
Образование: низшее.
В органах НКВД с 31.08.37: надзиратель-вахтер комендатуры АХО УНКВД Смоленской обл.

МЕЛЬНИК
Антон Тихонович

(1895, с. Большая Даниловка Харьковского района Харьковской обл. — ?) — украинец. Беспартийный.
Образование: низшее.
В РККА и ОГПУ в 1918–1923 и с 1927: сотрудник УМГБ Харьковской обл. (упом. 10.47).
Звание: старшина (упом. 1947).
Награды: орден Ленина, 21.05.47; орден Красного Знамени, 19.01.45.

МЕЛЬНИК
Никита Васильевич

(1893, с. Большая Даниловка Харьковского района Харьковской обл. — 1974, Большая Даниловка Харьковского района) — родился в семье крестьянина. Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 12.43 (кандидат с 05.39).
Образование: начальное, церковно-приходское училище, Большая Даниловка, 1908.
Грузчик на ж.д., Харьков, 05.14–02.15.
В армии: рядовой 10 Финляндского полка 3 див., Австрийский фронт, 02.15–06.17.
Работал в хозяйстве отца, Большая Даниловка, 06.17–05.19.
В РККА: красноармеец отдельного полка связи, Харьков, 05.19–07.19.

Санитар 2 Советской больницы, Харьков, 07.19—07.23; работал в своем хозяйстве, Харьков, 07.23—06.29.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: надзиратель внутренней тюрьмы ГПУ, Харьков, 06.29—01.30; пом. нач. внутренней тюрьмы ГПУ, Харьков, 01.30—07.34; пом. нач. внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 07.34—10.41; красноармеец 3 полка войск НКВД, Южный фронт, 11.41—07.42; красноармеец 3 полка войск НКВД, Северо-Кавказский фронт, 07.42—08.43; дежурный пом. нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Харьковской обл., 08.43—09.52; дежурный пом. коменданта административного отделения АХО УМГБ Харьковской обл., 09.52—01.53. Старший препаратор Политехнического института, Харьков, 01.53—05.54; пенсионер, Харьков, 05.54—06.55; пожарный вахтер предприятия п/я 301, Харьков, 06.55—09.55; пенсионер, Харьков, 10.55—12.55; ассенизатор завода № 711, Харьков, 12.55—12.56; пенсионер с 12.56, Большая Даниловка. Партдокументы погашены Харьковским обкомом 30.10.74 как на умершего.

Звание: лейтенант (упом. 1951).

Награды: орден Красного Знамени, 01.06.51; орден Красной Звезды, 30.04.46; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45.

МЕРКУЛОВ
Всеволод Николаевич

(1895, Закаталы Закатальского окр. Кавказского наместничества — 23.12.1953, Москва) — родился в семье капитана царской армии. Русский. В КП с 09.25. Член ЦК ВКП(б) (18 съезд). Переведен в кандидаты 08.46. Кандидат в члены ЦК КПСС, 23.08.46—18.09.53. Депутат Верховного Совета СССР 1—2 созывов.

Образование: 3 мужская гимназия, Тифлис, 1913; физико-математический факультет Петроградского университета, 09.13—10.16; Оренбургская школа прапорщиков, 11.16—03.17.
Давал частные уроки, 09.13—10.16.
В армии: рядовой студенческого батальона, Петроград, 10.16—11.16; прапорщик запасн. пех. полка, Новочеркасск, 04.17—08.17; прапорщик маршевой роты, Ровно, 09.17—10.17; прапорщик 331 Орского полка, 10.17—01.18; по болезни эвакуировался в Тифлис 01.18.
Безработный, Тифлис, 03.18—08.18; делопроизводитель, учитель в школе для слепых, Тифлис, 09.18—09.21.
В органах ВЧК–ОГПУ: пом. уполномоченного Грузинской ЧК, 09.21—1921; уполномоченный, старший уполномоченный ЭКО Грузинской ЧК, 1921—05.23; нач. 1 отделения ЭКО Закавказской ЧК, 1923—23.01.25; нач. ИНФАГО Закавказской ЧК, 23.01.25—1925; нач. ЭКО Грузинской ЧК, 1925—20.07.26; нач. ЭКО ГПУ ГрузССР, 20.07.26—1927; нач. ИНФАГО и ПК ГПУ ГрузССР, 1927—02.29; нач. СОЧ и зам. пред. ГПУ Аджарской АССР, 02.29—05.31; врид пред. ГПУ Аджарской АССР, 04.05.30—07.30; нач. СПО ПП ОГПУ по ЗСФСР и ГПУ ЗСФСР, 05.31—29.01.32[1].
Пом. секретаря Закавказского крайкома и 1 секретаря ЦК КП(б) Грузии, 12.11.31—02.34; заведующий Отделом сов. торговли Закавказского крайкома ВКП(б), 03.34—11.36; заведующий Особым сектором Закавказского крайкома ВКП(б), ?—11.36; заведующий Особым сектором ЦК КП(б) Грузии, 11.11.36—09.09.37; заведующий Промышленно-транспортным отделом ЦК КП(б) Грузии, 22.07.37—10.38.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ: зам. нач. ГУГБ НКВД СССР, 29.09.38—17.12.38; нач. 3 отдела ГУГБ НКВД СССР, 26.10.38—17.12.38; 1 зам. наркома внутренних дел СССР, 17.12.38—03.02.41; нач. ГУГБ НКВД СССР,

[1] Перешел на партийную работу уже в ноябре 1931 г.

17.12.38—03.02.41; нарком ГБ СССР, 03.02.41—20.07.41; 1 зам. наркома внутренних дел СССР, 31.07.41—14.04.43; нач. 1 отдела НКВД СССР, 17.11.42—14.04.43; нарком — министр ГБ СССР, 14.04.43—04.05.46. Зам. нач. ГУСИМЗ при МВТ СССР, 30.08.46—25.04.47; нач. ГУСИМЗ при СМ СССР, 25.04.47—27.10.50; министр госконтроля СССР, 27.10.50—17.09.53. Арестован 18.09.53; приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.53 к ВМН. Расстрелян. Определением ВКВС РФ от 29.05.2000 признан не подлежащим реабилитации.
Звания: комиссар ГБ 3 ранга, 11.09.38; комиссар ГБ 1 ранга, 04.02.43; генерал армии, 09.07.45.
Награды: орден Ленина, 26.04.40; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Кутузова I степени, 08.03.44; орден Республики (Тува), 18.08.43; 9 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (V)» (№ 649), 1931.
Сообщение о суде и расстреле: Правда. 1953. 24 декабря.
Сочинения: Рокк[1] Всеволод. Инженер Сергеев: Пьеса. М., 1951. 78 с. (1-е изд.: Тбилиси, 1942).

МИЩЕНКОВ
Нестор Абрамович

(1912, д. Голяши Касплянского района Смоленской обл. — 17.01.1987, Смоленск) — беспартийный.
Образование: 4 класса школы.
В РККА с 1934 (с перерывом): красноармеец 137 стр. полка, рядовой 540 зенитного арт. полка, 08.42—11.45.
В органах НКВД–МГБ: шофер УМГБ Смоленской обл. (упом. 1951).
Звания: рядовой (упом. 1943); младший сержант (упом. 1951).
Награды: орден Отечественной войны II степени, 11.03.85; медаль «За боевые заслуги», 24.11.50; 3 медали.

---

[1] Псевдоним Меркулова.

МОИСЕЕНКОВ
Афанасий Анисимович

(1910, д. Конюхово Смоленского уезда Смоленской губ. — 04.1980, Смоленск) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1934—1940. В КП с 05.40 (кандидат с 04.39).

Образование: начальное, 5 классов школы для взрослых, Смоленск, 1939.

До 1928 работал в хозяйстве родителей, Конюхово; чернорабочий строительства Белорусского ВО, Смоленск, 1928—1929; рабочий совхоза «Семичевка», Смоленск, 1929—01.31; курсант строительных курсов арматурщиков, Смоленск, 01.31—05.31; арматурщик треста «Запстрой», Смоленск, 05.31—10.32.

В РККА: красноармеец, младший командир 99 арт. полка, 20.10.32—04.11.34.

В органах НКВД: милиционер отдельного ведомственного взвода УРКМ, Смоленск, 20.12.34—03.12.35; милиционер УРКМ УНКВД Западной обл., 03.12.35—06.37; надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Западной — Смоленской обл., 10.07.37—07.41; надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; надзиратель колонии ОИТК УНКВД Омской обл., 10.41—01.42.

В РККА: курсант полковой школы 88 зенитно-арт. полка, 01.42—06.42; нач. прожекторной станции 35 зенитно-прожекторного полка, 06.42—12.45.

В органах НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: надзиратель УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 02.46—04.52; старший надзиратель УМГБ Смоленской обл., 04.52—03.53; старший надзиратель УМВД Смоленской обл., 03.53—04.54; старший надзиратель тюрьмы УКГБ Смоленской обл., 04.54—05.56.

Пенсионер, Смоленск, 05.56—10.56; подменный кочегар домоуправления ХОЗО УКГБ Смоленской обл.,

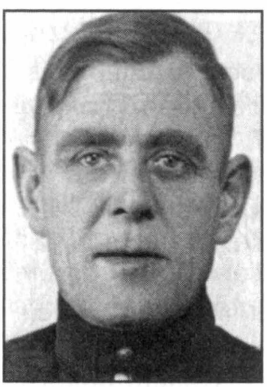
10.56—02.57; вахтер Территориального упр. материальных резервов, Смоленск, 02.57—11.57; пенсионер, Смоленск, 11.57—08.60; вахтер ликероводочного завода, Смоленск, 08.60—04.63; вахтер головного объединения «Спиртообъединение», Смоленск, 04.63—09.64; сторож консервного завода, Смоленск, 10.64—06.65; сторож льнокомбината, 09.65—11.66; сторож Заднепровского отдела милиции, Смоленск, 11.66—12.69; сторож Заднепровского РОВД, Смоленск, 12.69—08.79; контролер Отдела вневедомственной охраны при Заднепровском РОВД, Смоленск, 08.79—04.80.
Звание: старшина (упом. 1954).
Награды: орден Красного Знамени, 05.11.54; орден Красной Звезды, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 30.04.46; 2 медали.

МОИСЕЕНКОВ
Василий Петрович

(1912, д. Середнево Мерлинской вол. Краснинского уезда Смоленской губ. — 1967, Смоленск) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ в 1936—1944. В КП с 03.46 (кандидат с 03.44).
Образование: неполное среднее, сельскохозяйственная школа в совхозе Маньково Краснинского района, 1929.
Огородник совхоза Александровское Смоленского района, 03.29—10.32; рабочий совхоза Маньково, 10.32—10.34.
В РККА: писарь-красноармеец райвоенкомата, Починок Западной обл., 10.34—10.35; пом. командира взвода 12 стр. полка 4 див. 5 корпуса, Белорусский ВО, 10.35—11.37.
В органах НКВД–МГБ–МВД: инспектор ХОЗО УНКВД Смоленской обл., 11.37—07.41; инспектор ХОЗО УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; де-

журный комендант ОИТК УНКВД Чкаловской обл., Соль-Илецк, 10.41—02.42; инспектор ХОЗО УНКВД Смоленской обл., Кондрово, Смоленск, 02.42—12.45; оперуполномоченный УМВД Смоленской обл., 12.45—08.50; оперуполномоченный Упр. милиции УМГБ Смоленской обл., 08.50—03.51; старший оперуполномоченный Упр. милиции УМГБ Смоленской обл., 03.51—03.53; старший оперуполномоченный Упр. милиции УМВД Смоленской обл. с 03.53 (упом. 19.07.56, 16.06.58). Партдокументы погашены Смоленским обкомом 26.06.67 как на умершего.
Звания: сержант ГБ, 20.10.42; лейтенант интендантской службы, 24.01.46 (упом. 1952); капитан милиции (упом. 06.58).
Награды: орден Красной Звезды, 23.05.52; медаль «За боевые заслуги», 12.05.45; 2 медали.

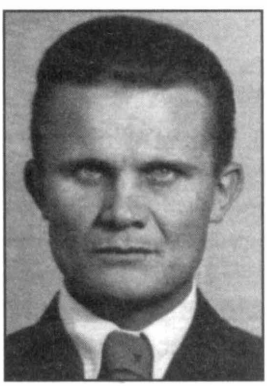

МОКРИДИН
Иван Прокофьевич

(1913, д. Леоново Клинского уезда Московской губ.[1] — 05.1990, Калинин) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ в 1935—1942. В КП с 09.43 (кандидат с 08.42).
Образование: низшее, неполная средняя школа, Клин, 1929.
Колхозник в колхозе «Культура», Леоново, 09.29—03.31; кузнец в колхозе «Культура», 03.31—10.35.
В войсках НКВД: красноармеец 135 отдельного дивизиона войск НКВД Московского округа, 27.10.35—30.11.37.
Слесарь ж.-д. депо станц. Калинин, 12.37—08.39.
В органах НКВД–МВД: охранник УНКВД Калининской обл., 08.39—10.41; заведующий складом 36 ба-

[1] По данным наградной карточки, родился в д. Клещево Завидовского района Калининской области.

тальона механизации ж.-д. работ 6 ж.-д. бригады Упр. ж.-д. войск, Калининский, Прибалтийский, Забайкальский фронты, 11.41—04.06.46; не работал, Калинин, 06.46—12.46; заведующий складом Отдела материально-технического обеспечения УМВД Калининской обл., 12.46—02.52; надзиратель 1 категории тюрьмы № 1, Калинин, 17.02.52—01.64; надзиратель, старший надзиратель следственного изолятора, Калинин, 01.64—06.70; старший контролер следственного изолятора, Калинин, 06.70—06.74.
Пенсионер, Калинин, 06.74—05.90.
Звание: старший сержант (упом. 1954).
Награды: орден Отечественной войны II степени, 11.03.85; медаль «За боевые заслуги», 05.11.54; 8 медалей.

НОВОСЕЛОВ
Иван Иванович

(1909, д. Жабкино Новоторжокского уезда Тверской губ. — 07.1975, Москва) — родился в семье служащего-сортировщика. Русский. В ВЛКСМ в 1932—1939. В КП с 10.42 (кандидат с 12.38).
Образование: 9-летняя школа, Москва, 1926.
Ремонтный рабочий трудколлектива № 13, Москва, 01.27—08.29; чертежник-конструктор треста «Орхим», Москва, 08.29—11.31.
В РККА: курсант, красноармеец 76 Карельского полка 26 стр. див., Никольск-Уссурийский Дальневосточного края, 11.31—01.33.
Техник треста «Орхим», Москва, 01.33—10.34; техник треста «Союзхиммонтаж», Москва, 10.34—05.36; инженер проектно-монтажной конторы треста «Теплоконтроль», Москва, 05.36—01.39.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: сотрудник 1 спецотдела НКВД, Москва, с 01.39; зам. нач. 5 от-

деления 1 спецотдела НКВД СССР, 06.03.41—11.08.41; старший оперуполномоченный 5 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 11.08.41—07.12.41; старший оперуполномоченный 6 отделения 1 спецотдела НКВД СССР с 07.12.41; сотрудник НКГБ—МГБ СССР с 05.43; зам. нач. отделения Отдела «А» МГБ СССР, ?—03.53; сотрудник МВД СССР, 03.53—03.54; сотрудник КГБ при СМ СССР, 03.54—05.61.
Пенсионер, Москва, 05.61—05.62; инженер СМУ «Индустрой», Москва, 05.62—04.63; заведующий отделением Вечернего металлургического института, Москва, 04.63—07.75.
Звания: сержант ГБ, 25.03.39 (упом. 26.10.40, 07.12.41); майор (упом. 1949).
Награды: медаль «За боевые заслуги», 25.07.49; 8 медалей.

ОКУНЕВ
Алексей Васильевич

(1901, д. Киселево Мышкинского уезда Ярославской губ.[1] — 05.01.1966, Москва) — родился в семье служащего-кладовщика (отец в 1914—1916 имел чайную торговлю). Русский. В ВЛКСМ в 1919—1927. В КП с 11.25 (кандидат с 07.21).
Образование: неполное среднее, начальная школа, Москва, 1914; Социалистическая академия, Москва, 1918.
Чернорабочий фирмы «Сибирская компания», Москва, 06.16—04.18; ученик конторщика «Главтекстиля», Москва, 04.18—12.18.
В РККА: красноармеец 2 Московского полкового округа, 12.18—08.19.

[1] По данным пенсионного дела в Службе регистрации архивных фондов УФСБ по Москве и Московской области, родился в Коломне Московской губ.

В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: сотрудник ВЧК с 08.19; секретарь, пом. уполномоченного, уполномоченный активного отделения Оперативного отдела ОГПУ СССР, 01.10.25—01.05.29; уполномоченный, старший уполномоченный 2 отделения Оперативного отдела ОГПУ СССР, 01.05.29—01.01.30; пом. нач. 2 отделения Оперативного отдела ОГПУ СССР, 01.01.30—01.06.31; пом. нач. 4 отделения Оперативного отдела ОГПУ СССР, 01.06.31—01.07.31; нач. школы Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР (упом. 03.06.36); пом. нач. отделения Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР (упом. 19.12.36); зам. нач. 1 отделения 1 отдела ГУГБ НКВД СССР, 01.39—03.41 (упом. 1940); зам. нач. 1 отделения 1 отдела НКГБ СССР, 03.41—08.08.41; зам. нач. 1 отделения 1 отдела НКВД СССР, 08.08.41—17.05.43; зам. нач. 5 отделения 4 отдела 6 упр. НКГБ СССР, 17.05.43—04.46; зам. нач. 9 отделения Оперативного отдела Гл. упр. охраны МГБ СССР, ?—21.05.49; уволен по болезни 21.05.49. Пенсионер с 02.50, Москва. Состоял на партийном учете в тресте «Мосгормебельпром» (упом. 08.54). Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 31.03.66 как на умершего.
Звания: старший лейтенант ГБ, 08.01.36 (упом. 03.06.36); капитан ГБ, 26.04.38; майор ГБ, 22.03.40; полковник ГБ, 14.02.43.
Награды: орден Ленина, 21.02.45; 3 ордена Красного Знамени, 28.10.44, 03.11.44, 25.07.49; орден Красной Звезды, 22.07.37; орден «Знак Почета», 19.12.37; 4 медали; знак «Заслуженный работник НКВД», 28.01.44; приказом НКВД СССР № 289 от 27.04.40 награжден боевым оружием «за выполнение заданий правительства»[1].

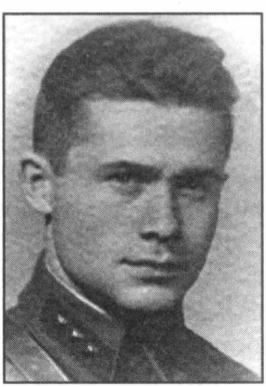
ОРЛОВ
Дмитрий Иванович

(1898, д. Мехи Асенской вол. Прохоровского уезда Псковской губ. — 1945, Калинин) — родился

[1] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 9. Д. 78.

в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 02.31 (кандидат с 01.30). Состоял в КП в 1917—1919, выбыл по болезни.
Образование: самоучка.
Работал в хозяйстве отца, Мехи, 05.10—08.13; грунтовщик на фабрике Офенбахера, Санкт-Петербург, 08.13—08.14; работал в хозяйстве отца, Мехи, 08.14—02.17.
В армии: рядовой 7 роты 120 пех. полка, Порхов, 02.17—05.17; рядовой 7 авиавоздушного парка, Псков, 05.17—08.18.
В РККА: кладовщик, красноармеец 7 авиавоздушного парка, Тверь, 08.18—07.24.
Сверловщик, фрезеровщик на фабрике им. Вагжанова, Тверь — Калинин, 07.24—07.35.
В органах НКВД–НКГБ: фельдъегерь УНКВД Калининской обл., 07.35—08.38; сотрудник УНКВД Калининской обл. с 08.38; сотрудник УНКГБ Калининской обл. (упом. 1945). Партдокументы погашены Калининским обкомом ВКП(б) 10.12.45 как на умершего.
Звание: младший лейтенант ГБ (упом. 1945).
Награда: медаль «За боевые заслуги», 19.01.45.

ОФИЦЕРОВ
Алексей Назарович

(1914, пос. Дубна Одоевского уезда Тульской губ. — 1966, Москва) — родился в семье рабочего-доменщика (отец умер в 1920). Русский. В ВЛКСМ в 1929—1939. В КП с 10.39 (кандидат с 01.38).
Образование: незаконченное высшее, фабрично-заводская семилетка, Дубна, 1931; машиностроительный техникум, Тула, 1937; 4 курса Юридического института.

Массовик редакции газеты «Сталинец», Дубна, 08.31—10.31; пред. базы пионеров фабрично-заводской семилетки, Дубна, 10.31—12.31; инструктор орготдела райпотребсоюза, Дубна, 12.31—09.32; студент машиностроительного техникума, Тула, 09.32—03.37; конструктор завода № 173, Тула, 03.37—03.38.

В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: слушатель Московской межкраевой школы НКВД, 19.03.38—01.11.38; пом. оперуполномоченного 11 отделения 1 спецотдела НКВД СССР с 01.11.38; старший оперуполномоченный 3 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 07.09.40—03.41; старший оперуполномоченный 2 отделения 2 отдела НКГБ СССР, 30.03.41—11.08.41; сотрудник 1 спецотдела НКВД СССР, 08.41—01.42; сотрудник УНКВД Смоленской обл., 01.42—02.43; оперуполномоченный 2 отделения СПО УНКВД Смоленской обл., 01.02.43—05.43 (штатная расстановка 01.02.43); сотрудник УНКВД Смоленской обл., 05.43—01.44; сотрудник 1 спецотдела НКВД—МВД СССР, 29.01.44—29.11.46; откомандирован в МГБ СССР, 29.11.46 (приказом № 1642); сотрудник Отдела «А» МГБ СССР, 11.46—03.53 (упом. 27.03.47); старший оперуполномоченный КГБ при СМ СССР с 03.54 (упом. 07.54). Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 11.11.66 как на умершего.

Звания: сержант ГБ, 03.01.39; младший лейтенант ГБ, 25.03.39; старший лейтенант ГБ, 11.02.43; капитан ГБ, 17.01.44; майор (упом. 07.54).

Награды: орден Красной Звезды, 25.06.54; медаль «За боевые заслуги», 25.07.49; 4 медали.

ПАВЛОВ
Василий Павлович

(1910, д. Большая Руя Гдовского уезда Санкт-Петербургской губ. — 03.04.1962, Ленинград) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец умер в 1922, мать — в 1926). Русский. В ВЛКСМ в 1925—1935. В КП с 01.32 (кандидат с 07.30).

Образование: высшее, сельская школа, с. Выскатка Гдовского уезда, 1922; школа ФЗУ государственного завода № 4, Ленинград, 09.25—09.28; вечерняя рабочая школа повышенного типа, Ленинград, 1929; 1 курс вечернего отделения Механического техникума, Ленинград, 1930; Горный институт, Ленинград, 09.30—06.35.

Работал в хозяйстве матери, Большая Руя, 06.22—05.23; пастух в сельском обществе, Большая Руя, 05.23—05.25; на иждивении дяди, Ленинград, 05.25—09.25; слесарь на государственном заводе № 4, Ленинград, 09.28—09.30; нач. группы изысканий под строительство Куйбышевской ГЭС Московского треста «Гидроэнергопроект», с. Переволоки Куйбышевского края, 06.35—10.36; аспирант кафедры геологии Ленинградского горного института, 10.36—03.38.

В органах НКВД–МВД: слушатель Центральной школы НКВД, Москва, 20.03.38—23.08.38; стажер, оперуполномоченный 3 отдела УГБ УНКВД Свердловской обл., 23.08.38—05.01.39; нач. Кировоградского райотдела НКВД, Невьянск Свердловской обл., 05.01.39—04.12.39; зам. нач. УНКВД Калининской обл., 04.12.39—26.02.41; нач. УНКВД Калининской обл., 26.02.41—31.07.41; нач. военно-полевого строительства 2 упр. оборонительных работ, Северо-Западный фронт, 08.41—05.42; зам. нач. УНКВД Калининской обл., 05.42—07.05.43; нач. УНКВД Калининской обл., 07.05.43—26.07.45; нач. УМВД Челябинской обл., 26.07.45—27.04.48; нач. 1 упр. и зам. нач. Дальстроя МВД СССР, Магадан, 27.04.48—24.09.51; в распоряжении Упр. кадров МВД СССР, 24.09.51—07.01.52; нач. УИТЛ и Строительства Вытеграгидрострой МВД, 07.01.52—17.01.53; нач. УИТЛ и Строительства Омскстроя МВД, 17.01.53—01.04.53; нач. Упр. Омск-

строя Министерства нефтяной промышленности с 01.04.53 (упом. 01.54); нач. Упр. Строительства медного рудника Главпромстроя МВД Челябинской обл. с 08.07.54; по совместительству нач. Макаровского лагерного отделения МВД, 10.12.54—07.05.55.
Звания: младший лейтенант ГБ, 13.06.39; старший лейтенант ГБ, 04.12.39 (произведен из младшего лейтенанта); капитан ГБ, 04.06.42; подполковник ГБ, 11.02.43; полковник ГБ, 12.05.43; комиссар ГБ, 09.06.45; генерал-майор, 09.07.45.
Награды: орден Красного Знамени, 21.06.45; 2 ордена Красной Звезды, 20.09.43, 20.03.52; 6 медалей.

ПРУДНИКОВ
Прохор Григорьевич

(1905, д. Щелбица Кощинской вол. Смоленского уезда Смоленской губ. — 1967, Смоленск) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.40 (кандидат с 05.39).
Образование: 4 класса сельской школы, Щелбица, 1918.
Пастух общественного стада, Щелбица, 05.12—10.20; батрак у кулака Романенкова, д. Обухово Кощинской вол., 10.20—11.22; работал в хозяйстве родителей, Щелбица, 11.22—10.30.
В органах милиции и НКВД–НКГБ: милиционер 3 отдела милиции, Смоленск, 10.30—08.34; младший надзиратель ДПЗ в Смоленске, 08.34—01.02.37 (упом. 20.10.34); старший надзиратель ДПЗ УНКВД Западной — Смоленской обл., 01.02.37—11.07.38; старший по корпусу тюрьмы УНКВД—УНКГБ Смоленской обл., 11.07.38—07.41.
В РККА: командир взвода 2 роты 20 отдельного дорожно-эксплуатационного полка, Западный фронт, 07.41—02.42; политрук роты 20 отдельного дорожно-эксплуатационного полка, Западный фронт, 02.42—

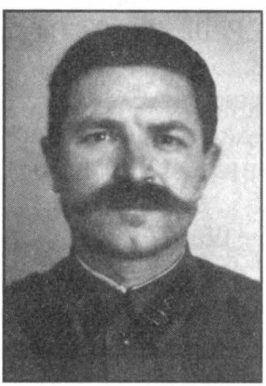
06.43; слушатель инженерных курсов, Ростов Ярославской обл., 06.43—05.44; старший техник отдела Львовского военного склада, 1 Украинский фронт, 05.44—04.46.
В органах МГБ–МВД: инспектор АХО УМГБ Смоленской обл., 06.46—10.46; заведующий складом административного отделения АХО УМГБ Смоленской обл., 10.46—03.48; комендант уездного отдела Оперсектора МГБ земли Мекленбург, Шверин, 03.48—06.49; комендант УМГБ—УМВД Смоленской обл. с 06.49 (упом. 01.54). Партдокументы погашены Смоленским обкомом КПСС 26.06.67 как на умершего.
Звание: старший лейтенант (упом. 30.03.49, 08.51).
Награды: орден Красного Знамени, 01.06.51; орден Красной Звезды, 21.05.47; 2 медали.

РАЗОРЕНОВА
(в замуж. БУЛАХОВА)
Анна Ивановна

(1919, д. Кожухово Можайского уезда Московской губ. — ?) — родилась в семье рабочего. Русская. В ВЛКСМ в 1936—1946. В КП с 04.49 (кандидат с 07.46).
Образование: неполное среднее, школа-семилетка, Можайск, 1933. Учащаяся курсов машинописи и стенографии при Мосгороно, 10.34—10.35; машинистка Наркомата обороны СССР, 10.35—07.38.
В органах НКВД–СМЕРШ–МГБ–МВД–КГБ: машинистка-стенографистка секретариата 9 отдела 1 упр. НКВД СССР с 02.08.38; стенографистка 2 отдела ГУГБ НКВД СССР, 1938—27.04.39 (упом. 1938); машинистка-стенографистка 1 категории секретариата 3 отдела ГЭУ НКВД СССР, 27.04.39—06.40 (приказ № 00447 от 27.04.39, упом. 10.10.39); стенографистка-машинистка Вильнюсского отдела НКВД, 06.40—03.41; машинистка Вильнюсского городского упр.

НКГБ, 03.04.41—06.41; в резерве Упр. кадров НКГБ с 29.06.41; в резерве УНКВД Новосибирской обл. с 21.09.41; сотрудница УНКВД Новосибирской обл. (упом. 15.04.42, штатная расстановка); стенографистка НКВД СССР, 1942—12.43; стенографистка ГУКР СМЕРШ, 12.43—07.46; сотрудница 3 гл. упр. МГБ СССР, 07.46—03.53; сотрудница 3 упр. МВД СССР, 03.53—03.54; сотрудница 3 гл. упр. КГБ при СМ СССР, 03.54—05.55; учетчик партдокументов парткома КГБ при СМ СССР, 05.55—02.61; машинистка редакции журнала «Пограничник» Политуправления погранвойск КГБ, Москва, 03.61—12.66; машинистка-стенографистка редакции журнала «Пограничник», 12.66—10.75; пенсионерка с 10.75, Москва. Выбыла из КПСС по личному заявлению 12.06.90.
Звание: лейтенант (упом. 1955).
Награды: медаль «За боевые заслуги», 25.07.49; 5 медалей.

РУБАНОВ
Андрей Максимович

(1902, хут. Петровка Милютинского района Ростовской обл. — 03.1982, Казань) — родился в семье ткача (мать — прачка, умерла в 1913). Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 10.24 (кандидат с 11.22).
Образование: начальное, общеобразовательные курсы при профкомиссии сотрудников НКВД, Москва, 1934.
Коногон на руднике Розета, станц. Лихая Юго-Восточной ж.д., 09.12—08.13; батрак у кулака Изварина, хут. Караич станицы Каменская Донецкой обл., 08.13—06.16; ученик сапожника у кустаря Рубанова, станица Каменская, 06.16—01.18.
В РККА: красногвардеец отряда Щаденко Е.А., станица Каменская, 01.18—06.18; красноармеец 1 Донецкого полка 38 Морозовской див. 10 армии Южного

фронта, Царицын, 06.18—10.20; курсант красноармейской школы, Краснодар, 10.20—05.21.
В органах ВЧК–ОГПУ: красноармеец ОО ВЧК 9 армии, Краснодар, 05.21—07.21; красноармеец войск ВЧК—ОГПУ, Москва, 07.21—10.23; сотрудник ОГПУ, Москва, 10.23—06.24.
Агент по снабжению Московской конторы Северо-Западного торга, Москва, 06.24—02.29; комендант зданий жирового техникума, Москва, 02.29—03.30; ответственный исполнитель треста «Дубитель», Москва, 03.30—03.31.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: сотрудник ОГПУ—НКВД, Москва, 03.31—08.36; пом. коменданта УНКВД Калининской обл., 08.36—09.36; комендант пункта «Заготзерно» Ржевского горотдела милиции НКВД, 09.36—04.39; комендант АХО УНКВД Калининской обл., 04.39—05.43; нач. Комендантского отдела АХФО УНКГБ Калининской обл., 05.43—11.44; комендант УНКГБ Великолукской обл., 11.44—02.45; комендант НКГБ ЭстССР, 02.45—07.45; комендант НКГБ—МГБ ТаджССР, 08.45—06.48; комендант и зам. нач. АХО МГБ Татарской АССР, 06.48—03.53; нач. отделения и комендант МВД Татарской АССР, 03.53—04.54; нач. отделения ХОЗО КГБ при СМ Татарской АССР, 04.54—06.55; комендант КГБ при СМ Татарской АССР, 06.55—08.57.
Пенсионер, Казань, 08.57—08.72; инспектор спасательной службы Татарского республиканского совета Общества спасения на водах, 08.72—10.72; пенсионер с 10.72, Казань.
Звания: младший лейтенант ГБ; старший лейтенант ГБ, 17.03.40 (произведен из младшего лейтенанта); майор ГБ, 11.02.43; подполковник ГБ, 21.09.43 (упом. 1951).
Награды: орден Ленина, 24.11.50; орден Красного Знамени, 04.12.45; 3 ордена Красной Звезды, 20.09.43, 19.01.45, 28.10.67; орден «Знак Почета», 31.05.45; 8 медалей; награжден боевым оружием Коллегией ОГПУ в 1932 «за беспощадную борьбу с контрреволюцией».

РЫБАКОВ
Алексей Александрович

(1901, с. Тихонова Пустынь Калужского уезда Калужской губ. — 11.1968, Крымская обл.) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец умер в 1914). Русский. В ВЛКСМ в 1918—1924. В КП с 08.20 (в кандидатах не состоял). **Образование:** начальное, приходская школа, Тихонова Пустынь, 1914.

Откатчик частного лесопильного завода, Тихонова Пустынь, 02.15—03.16; ученик токаря частного механического завода, Москва, 03.16—03.17; работал в хозяйстве матери, Тихонова Пустынь, 03.17—12.17; пред. сельсовета, Тихонова Пустынь, 12.17—07.19; рамщик лесопильного завода, Калуга, 07.19—02.20. **В РККА:** красноармеец 29 стр. полка, Калуга, 02.20—05.20; красноармеец 2 запасн. стр. полка, Серпухов, 05.20—12.20.

В войсках ВЧК–ОГПУ–НКВД: красноармеец отряда ОСНАЗ ВЧК, 12.20—02.21; секретарь военкома отряда ОСНАЗ ВЧК, 02.21—05.21; инструктор политотдела боевого участка, Кирсанов, 05.21—11.21; инструктор политсекретариата 5 отдельного батальона ВЧК—ГПУ, Калуга, 11.21—09.22; политрук 1 отдельного дивизиона ГПУ, Тула, 09.22—07.23; военком дивизиона 6 полка ОГПУ, Москва, 07.23—11.23; военком 61 особого дивизиона ОГПУ, Суздаль, 11.23—03.24; военком 19 отдельной конвойной роты, Нижний Новгород, 03.24—09.28; командир роты 6 отдельного конвойного батальона, Нижний Новгород, 09.28—08.30; слушатель Высшей стрелково-тактической школы «Выстрел», Москва, 08.30—07.31; командир батальона 3 конвойного полка 2 Украинской див., Харьков, 07.31—10.32; командир-военком 8 отдельного конвойного батальона 2 Украинской див., Артемовск, 10.32—10.33; командир-военком 1 отдельного

конвойного батальона 2 Украинской див., Одесса, 10.33—01.35; командир-военком 229 конвойного полка, 01.35—10.37; командир 156 полка войск НКВД, Шостка Черниговской обл., 10.37—04.39; командир 15 отдельной бригады конвойных войск, Минск, 04.39—01.40; нач. Оперативного отдела Гл. упр. конвойных войск НКВД СССР, 01.40—01.03.41; врид зам. нач. Отдела службы Упр. конвойных войск НКВД, 01.03.41—08.41; нач. 3 отдела 1 упр. ГУПВ НКВД, 08.41—11.41; нач. отдела МПВО НКВД УзбССР, 11.41—25.07.45; нач. отдела МПВО УНКВД—УМВД Крымской обл., 25.07.45—02.46; уволен из НКВД 11.02.46 с должности нач. МПВО УНКВД Крымской обл. Пенсионер, Симферополь, 07.46—07.47; нач. отдела кадров спецторга, Симферополь, 07.47—12.47; пенсионер, Симферополь, 12.47—11.48; директор треста столовых и ресторанов, Симферополь, 11.48—05.51; пенсионер, Симферополь, 05.51—11.52; нач. окружной торгово-заготовительной базы Крымвоенторга, 11.52—09.53; пенсионер с 09.53, Симферополь. Партдокументы погашены Крымским обкомом КПУ 31.03.69 как на умершего.
Звание: полковник, 17.04.39.
Награды: орден Ленина, 12.05.45; орден Красного Знамени, 15.01.45; орден Красной Звезды, 28.10.67; 2 медали.
Некролог: Крымская правда. 1968. 16 ноября.

САФОНОВ
Петр Сергеевич

(1907, Екатеринослав — 03.1974, Харьков) — родился в семье рабочего (отец и мать умерли в 1918). Украинец. В ВЛКСМ с 1923. В КП с 06.29[1].
Образование: 5 классов начальной школы при заводе, Екатеринослав, 1916—1919; ФЗУ при Брянском металлургическом заводе, Екатеринослав, 1920—1923.

[1] Краснобаварским райкомом КП(б) Украины в августе 1937 г. объявлен выговор за утерю партбилета, выговор снят в июне 1938 г.

Ученик слесаря на Брянском металлургическом заводе, Екатеринослав, 08.19—02.20; ученик школы ФЗУ при металлургическом заводе им. Петровского, Екатеринослав, 02.20—06.23; кузнец на металлургическом заводе им. Петровского, 06.23—01.25; кузнец на трубопрокатном заводе им. Ленина, Днепропетровск, 01.25—10.29.

В войсках ОГПУ: красноармеец 16 погранотряда ОГПУ, мест. Койданово БССР, 10.29—06.32.

Зам. нач. АХО Всесоюзного электротехнического объединения, Харьков, 06.32—08.32; секретарь Решетиловской районной КК — РКИ, Харьковская обл., 08.32—01.34; зам. пред. районной КК — РКИ, с. Великий Бурлук Харьковской обл., 01.34—04.34; инструктор Великобурлукского райкома КП(б) Украины, 04.34—09.34; секретарь заводского парткома Центрального вагонного ж.-д. парка № 2, Харьков, 09.34—08.37; заведующий отделом кадров Центрального вагонного ж.-д. парка № 2, 08.37—05.38; 2 секретарь Краснобаварского райкома Харьковского горкома КП(б) Украины, 05.38—08.38; 1 секретарь Краснобаварского райкома Харьковского горкома КП(б) Украины, 08.38—01.39.

В органах НКВД–НКГБ: нарком внутренних дел Молдавской АССР, 15.01.39—03.09.39; нач. УНКВД Харьковской обл., 03.09.39—28.03.41; нач. УНКГБ Харьковской обл., 15.04.41—08.41; нач. УНКВД Харьковской обл., 08.41—10.41; нач. УНКВД Харьковской обл., Купянск, 10.41—06.42[1]; зам. нач. опергруппы НКВД при Штабе по руководству обороной перевалов Гл. Кавказского хребта, 06.42—01.43; оператив-

[1] Формально числился в должности начальника УНКВД по Харьковской области до мая 1943 г.

ник опергруппы ГУКР СМЕРШ на Брянском фронте, 01.43—09.43.
Приговорен военным трибуналом войск НКВД Приволжского округа 10.06.43 к 8 годам лишения свободы за «злоупотребление служебным положением и расхищение государственных средств». Исполнение приговора отсрочено до окончания войны.
Зам. директора электромеханического завода, Харьков, 10.43—02.48; зам. директора завода № 157, Харьков, 02.48—08.66; зам. директора завода электроаппаратуры, Харьков, 08.66—05.68; нач. бюро завода электроаппаратуры, Харьков, 05.68—01.70; персональный пенсионер с 01.70.
Звания: капитан ГБ, 17.01.39; майор ГБ, 17.03.40; полковник ГБ, 02.43.
Награда: орден Красной Звезды, 26.04.40.

СЕМЕНИХИН
Демьян Эммануилович

(1894, с. Казаки Елецкого уезда Орловской губ. — 08.1975, Москва) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 09.24 (кандидат с 02.21).
Образование: начальное, 3 класса сельской школы, Казаки, 1906.
Пастух, Казаки, 04.06—09.09; чернорабочий у помещика Засайлова и братьев Богомоловых, Елецкий уезд, 09.09—04.11; рабочий-каменщик у подрядчика Добрина, Елец, 04.11—10.13; рабочий-каталь металлургического завода Русско-Бельгийского общества, пос. Енакиево Бахмутского уезда Екатеринославской губ., 11.13—01.15.
В армии: рядовой 3 запасн. пех. полка, Петергоф, 01.15—05.17; старший унтер-офицер 74 див., Западный фронт, 05.17—02.18.
Работал в хозяйстве отца, Казаки, 02.18—08.18.

В РККА: курсант 2 сводного полка, Орел, 08.18—01.19; пом. командира взвода караульного полка, Орел, 01.19—09.20.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: инструктор бригадной школы войск ВЧК, Орел, 09.20—08.21; пом. командира взвода 25 батальона войск ВЧК—ГПУ, Орел, 08.21—12.22; командир взвода 10 дивизиона ГПУ, Орел, 01.23—02.24; командир взвода 61 дивизиона ОГПУ, Суздаль, 02.24—07.24; командир взвода 2 полка див. ОСНАЗ ОГПУ, Москва, 07.24—12.24; дежурный по приему арестованных комендатуры ОГПУ СССР, 10.02.25—01.11.25; делопроизводитель комендатуры дома № 14 на ул. Большая Лубянка, 01.11.25—? (в расст. с 01.11.26); дежурный приема арестованных комендатуры ОГПУ СССР, ?—01.02.31 (в расст. 01.12.29); нач. приема арестованных комендатуры ОГПУ СССР, 01.02.31—10.07.34; нач. приема арестованных комендатуры АХУ НКВД СССР, 10.07.34—01.02.37 (упом. 19.12.36); сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД СССР с 01.02.37 (упом. 01.11.38, 16.09.39); зам. нач. 5 отделения Комендантского отдела ХОЗУ КГБ при СМ СССР, 03.54—03.55; уволен 03.55[1].
Пенсионер с 03.55, Москва. Состоял на партийном учете в Московском упр. «Союзглавлес».
Звания: старший унтер-офицер (упом. 1917); лейтенант ГБ, 11.04.36; старший лейтенант ГБ, 19.12.36; капитан ГБ, 16.04.42; подполковник ГБ, 11.02.43 (упом. 09.49); полковник (упом. 03.55).
Награды: орден Ленина, 21.02.45; 3 ордена Красного Знамени, 20.09.43, 03.11.44, 25.07.49; орден Красной Звезды, 28.11.36; орден «Знак Почета», 19.12.37; 7 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 20.12.32.

---

[1] Приказом КГБ при СМ СССР № 35 от 24 марта 1955 г. «за долголетнюю и безупречную работу в органах государственной безопасности» ему объявлена благодарность, и он награжден «деньгами в размере месячного оклада».

СЕНЮШКИН
Николай Михайлович

(1906, с. Романовское Весьегонского уезда Тверской губ. — 07.1974, с. Романовское Весьегонского района Калининской обл.) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 01.30 (кандидат с 02.29). **Образование:** начальное, 4 класса начальной школы, Калинин, 1946.

Рассыльный главного склада 2 участка Весьегонской ж.-д. ветки, 01.20—05.20; работал в хозяйстве отца, Романовское, 05.20—11.21; ученик слесаря в мастерской сельскохозяйственных орудий, Весьегонск, 11.21—06.23; чернорабочий кожевенного завода и артели «Красный кожевенник», Романовское, 06.23—02.24; работал в хозяйстве отца, Романовское, 02.24—08.25; грузчик Тверского отдела автотранспорта, 08.25—12.25; шофер рабочего кооператива, Тверь, 12.25—02.28.

В РККА: шофер кав. школы, Тверь, 02.28—03.31.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер Оперсектора ГПУ—НКВД, Калинин, 03.31—02.35; шофер УНКВД Калининской обл., 02.35—04.37; заведующий мастерскими гаража УНКВД Калининской обл., 04.37—11.37; нач. гаража УНКВД Калининской обл., 11.37—05.43; нач. автотехнического отделения УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—05.48; сменный механик автоколонны № 85, Калинин, 05.48—01.50; нач. гаража АХО МГБ Якутской АССР, 01.50—12.52; автоинспектор горотдела милиции, Кимры, 01.53—02.54; старший госавтоинспектор Отдела ГАИ Упр. милиции УМВД Калининской обл., 02.54—08.56; автоинспектор райотдела милиции Пролетарского района, Калинин, 08.56—08.58; старший госавтоинспектор Отдела ГАИ УВД Калининского облисполкома, 08.58—08.59; уволен 20.08.59 по возрасту.

Пенсионер, Калинин, 08.59—01.60; шофер автохозяйства легковых автомобилей, Калинин, 01.60—04.60; пенсионер, Калинин, 04.60—10.60; шофер хозяйства легковых автомобилей, Калинин, 10.60—04.64; шофер в колхозе «Труженник», Романовское, 04.64—07.74.

Звания: лейтенант (упом. 1946); старший лейтенант ГБ (упом. 1952); капитан внутренней службы, 30.11.54.

Награды: орден Красной Звезды, 30.04.46; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 5 медалей.

СИЛЬЧЕНКОВ
Иван Михайлович

(1908, д. Андрейково Смоленского уезда Смоленской губ. — 01.1978, Смоленск) — родился в семье крестьянина (отец убит немцами в 1942). Русский.
В ВЛКСМ не состоял. В КП с 07.40 (кандидат с 05.39).

Образование: начальное, 4 группы сельской школы, д. Самолюбово Монастырщинского района Смоленской губ., 1922.
Пастух у кулака, д. Галино Починковского района Смоленской губ., 1924—1929; колхозник в колхозе «Правда», д. Лаптево Смоленского района, 02.29—11.29.

В РККА: командир отделения 1 арт. полка, Белорусский ВО, 11.29—12.31.
Бригадир-бетонщик Смолстроя, Смоленск, 12.31—12.33.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: милиционер 2 отделения УРКМ, Смоленск, 12.33—05.37; надзиратель УНКВД Западной обл., 05.37—10.37; надзиратель, старший надзиратель, старший по корпусу тюрьмы УНКВД Смоленской обл., 10.37—07.41; в пути в эвакуацию в составе УНКВД Смоленской обл.,

07.41—11.41; ответственный дежурный внутренней тюрьмы УНКВД Иркутской обл., 11.41—05.42; старший по корпусу тюрьмы № 1 УНКВД—УНКГБ Смоленской обл., Кондрово, 05.42—09.43; дежурный пом. нач. тюрьмы, старший вахтер административного отделения АХО УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 09.43—1952; дежурный бюро пропусков административного отделения АХО УМГБ Смоленской обл., 1952—09.52.
Завхоз областной библиотеки им. Ленина, Смоленск, 09.52—12.59; пенсионер по инвалидности, Смоленск, 12.59—05.63; сторож-бригадир вневедомственной охраны горотдела, затем райотдела милиции, Смоленск, 05.63—09.70; пенсионер, Смоленск, 09.70—10.71; сторож Отдела вневедомственной охраны РОВД Промышленного района Смоленска, 10.71—01.78.
Звание: старшина (упом. 1952).
Награды: орден Красного Знамени, 23.05.52; орден Красной Звезды, 21.05.47; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 3 медали.

СИНЕГУБОВ
Николай Иванович

(30.12.1895, станц. Дебальцево Екатерининской ж.д. — 1971, Москва) — родился в семье кузнеца. Украинец. В КП с 02.20 (исключен 11.08.58 КПК при ЦК КПСС за «нарушения советской законности»). Герой Социалистического Труда, 05.11.43[1].
Образование: начальное, Дебальцевское 2-классное ж.-д. училище, 1910.

---

[1] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1959 г. лишен звания Героя Социалистического Труда, орденов и медалей СССР. Предложение о лишении наград было внесено КПК при ЦК КПСС, утверждено Секретариатом ЦК 23 декабря 1958 г. (ст. 88) и Президиумом ЦК КПСС 30 декабря 1958 г. (П199/7). В решении КПК говорилось, что Синегубов исключен из партии «за фальсификацию следственных материалов и применение незаконных методов при допросе арестованных в период его работы в 1937—1939 гг. в Главном транспортном управлении НКВД СССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 247717).

Ученик маляра, молотобоец, табельщик, старший дворник 15 участка службы пути, Дебальцево, 1910—1913; пом. смотрителя зданий, Дебальцево, 1913—1914; десятник постройки зданий, станц. Гришино Екатерининской ж.д., 1914—05.15.

В армии: рядовой 4 запасн. саперного батальона, Самара, 05.15—1916; старший унтер-офицер 15 особого полка 3 особой див., Северный фронт, 1916—01.18.

Конторщик 15 участка службы пути, Дебальцево, 03.18—09.18; конторщик 20 участка службы пути, станц. Сватово Северо-Донецкой ж.д., 09.18—12.19; комиссар 20 участка службы пути, секретарь ревкома, Сватово, 12.19—07.20.

В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД: секретарь отделения РТЧК, станц. Попасная Северо-Донецкой ж.д., 07.20—1921; пом. нач. секретной части отделения РТЧК, Попасная, 1921—02.22; инспектор и нач. организационной части ДТО ГПУ, Харьков, 03.22—03.23; нач. отделения ДТО ГПУ, станц. Славянск Северо-Донецкой ж.д., 03.23—04.24; нач. отделения ДТО ОГПУ, станц. Красный Лиман Северо-Донецкой ж.д., 04.24—03.26; старший уполномоченный, старший инспектор Южного окружного ТО ОГПУ, 05.03.26—17.06.27; пом. нач. ДТО ОГПУ Южных ж.д., 17.06.27—10.04.28; нач. ДТО ОГПУ Екатерининской ж.д., Днепропетровск, 10.04.28—17.05.31; зам. нач. ДТО ОГПУ Южной ж.д., 17.05.31—06.10.31; нач. ДТО ОГПУ Забайкальской ж.д., 06.10.31—13.12.32; в резерве назначения Отдела кадров ОГПУ СССР, 13.12.32—01.05.33[1]; пом. нач. ж.-д. части ТО ОГПУ СССР,

[1] В 1933 г. по решению Коллегии ОГПУ арестован в дисциплинарном порядке на 30 суток «за покупку для ДТО ОГПУ автомашины, которая, как оказалось, принадлежала иностранному посольству».

01.05.33—01.10.33; старший инспектор ТО ОГПУ СССР, 01.10.33—10.07.34; зам. нач. 4 отделения ТО ГУГБ НКВД СССР, 10.07.34—27.04.35; нач. 3 отделения ТО ГУГБ НКВД СССР, 27.04.35—01.07.37 (упом. 02.37); пом. нач. 6 отдела ГУГБ — 1 отдела 3 упр. НКВД СССР, 01.07.37—16.06.38; зам. нач. 1 отдела 3 упр. НКВД СССР, 16.06.38—29.09.38; зам. нач. 1 отдела ГТУ НКВД СССР, 29.09.38—05.08.39; нач. следственной части и зам. нач. ГТУ НКВД СССР, 05.08.39—05.11.40; нач. 1 отдела и зам. нач. ГТУ НКВД СССР, 05.11.40—27.02.41; нач. Отдела ж.-д. милиции и зам. нач. ГУМ НКВД СССР, 01.03.41—31.07.41; нач. ТУ НКВД СССР, 31.07.41—24.09.42.

Зам. наркома — министра путей сообщения СССР, 25.03.42—01.07.48; зам. министра путей сообщения СССР по путевому хозяйству, 01.07.48—25.06.51; главный ревизор по безопасности движения МПС СССР, 01.07.48—30.04.53; член Коллегии МПС СССР, 25.06.51—09.04.53; нач. Упр. защитных лесонасаждений Гл. упр. пути и сооружений МПС СССР, 09.04.53—05.53; нач. Отдела защитных лесонасаждений Гл. упр. пути и сооружений МПС СССР, 05.53—07.05.56; пенсионер с 07.05.56. Похоронен на Донском кладбище в Москве.

Звания: старший унтер-офицер, 1917; капитан ГБ, 14.12.35; майор ГБ, 04.09.39; старший майор ГБ, 14.03.40; комиссар ГБ, 16.08.43; вице-генерал директор путей сообщения 2 ранга, 03.05.44; вице-генерал директор путей сообщения 1 ранга, 25.05.49.

Награды: медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, 05.11.43; 3 ордена Ленина, 24.11.42, 05.11.43, 06.08.54; орден Красного Знамени, 19.01.45; орден Кутузова I степени, 29.07.45; орден Красной Звезды, 22.07.37; орден «Знак Почета», 26.04.40; 5 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (V)» (№ 482), 1930.

СКОРОДУМОВ
Василий Егорович

(04.03.1906, д. Ильинское Тургиновской вол. Тверского уезда Тверской губ. — ?) — русский. Беспартийный. **В органах НКВД:** шофер Автотехнического отдела АХО УНКВД Калининской обл. в 1940.

СМИРНОВ
Сергей Петрович

(1898, с. Орехово Покровского уезда Владимирской губ. — 1948, Киев) — родился в семье учителя. Русский. В КП с 08.19.
Образование: фабричная школа при фабрике Морозова, Орехово, 1909; 4 класса гимназии, Орехово, 1915; 5 класс гимназии, Покровск, Владимирской губ., 1916.
Табельщик лесопромышленного общества, Гагры, 06.16—11.16.
В армии: рядовой 15 запасн. полка, 11.16—07.17; младший писарь 215 пех. запасн. полка, Елизаветполь, 07.17—10.17; младший писарь 216 пех. запасн. полка, Владимир, 10.17—04.18.
В РККА: делопроизводитель, нач. отделения губвоенкомата, Владимир, 04.18—10.19; информатор разведывательного отдела штаба Тульского укрепрайона, 10.19—03.20.
В органах ВЧК–ГПУ: следователь Тульской губЧК, 03.20—02.21; нач. уездного Политбюро ЧК, Ефремов Тульской губ., 02.21—08.21; уполномоченный Тульской губЧК — губотдела ГПУ, 08.21—05.22.
Пом. нач. уездной милиции, Ефремов, 05.22—11.22; народный следователь суда, Ефремов, 12.22—12.23; народный следователь, старший следователь губсуда, Тула, 12.23—02.26; запасной судья, член губсуда, Тула, 02.26—02.29; в распоряжении губсуда, Тула, 02.29—09.29; член Московского облсуда, 09.29—03.30.

В органах ОГПУ–НКВД–МВД: уполномоченный, старший уполномоченный, нач. отделения ПП ОГПУ по Средней Азии, Ташкент, 03.30–07.34; нач. отделения ЭКО УГБ УНКВД Воронежской обл., 08.34–01.37; нач. отделения 3 отдела УГБ УНКВД Воронежской обл., 01.37–01.38; нач. отделения 3 отдела УГБ НКВД УССР, 02.38–04.38; нач. учебного отдела Киевской межкраевой школы НКВД, 04.38–11.38; зам. нач. 1 спецотдела НКВД УССР, 11.38–05.42[1]; и.о. нач. 1 спецотдела НКВД УССР, 07.05.42–04.44; нач. 1 спецотдела НКВД–МВД УССР с 04.44. Партдокументы погашены Киевским обкомом КП(б) Украины 13.08.48 как на умершего.
Звания: младший лейтенант ГБ, 02.03.36; лейтенант ГБ, 22.06.39; подполковник ГБ (упом. 03.44, 1945).
Награды: орден Красного Знамени, 30.04.46; орден Отечественной войны I степени, 10.04.45; орден Красной Звезды, 15.01.45; орден «Знак Почета», 20.09.43; медали; награжден «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» Коллегией ОГПУ часами в 1933 и ПП ОГПУ по Средней Азии — маузером в 1932.

СМЫКАЛОВ
Иван Павлович

(1903, с. Кобелевка Пушкарской вол. Белгородского уезда Курской губ. — 10.1985, Харьков) — родился в семье рабочего (отец погиб на фронте в 1915). Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 04.39 (кандидат с 04.32).
Образование: низшее, 4 класса школы, Кобелевка, 1915.

[1] В 1940 г. «занимался оформлением справок-заключений на узников тюрем и составлением списков-предписаний, по которым расстреливались узники тюрем» (Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. С. 631).

Ученик слесаря Дмитро-Тарановского сахарного завода, Кобелевка, 06.17—08.23; работал в своем хозяйстве, Кобелевка, 08.23—06.24; рабочий, стрелочник, дежурный по станц. Толоконное Южной ж.д., 06.24—10.25; слесарь треста «Тепло и Сила», Харьков, 10.25—04.30; бригадир-слесарь «Укрпромстроя», Харьков, 04.30—05.32.

В органах ОГПУ–НКВД–СМЕРШ–МГБ: заведующий мастерскими ГПУ—НКВД УССР, Харьков, 05.32—11.34; дежурный пом. коменданта УНКВД Харьковской обл., 11.34—05.39; комендант ОО НКВД 134 стр. див. Харьковского ВО, 05.39—01.40; дежурный пом. коменданта УНКВД Харьковской обл., 01.40—08.41; дежурный пом. коменданта ОО НКВД Харьковского, Сталинградского ВО, 08.41—04.42; комендант ОО НКВД 184 стр. див., Сталинградский, Степной фронты, 04.42—01.43; комендант ОО НКВД 48 гвардейской стр. див., Юго-Западный фронт, 01.43—04.43; оперуполномоченный ОКР СМЕРШ 48 гвардейской стр. див., 1 Украинский, 2, 3 Белорусский фронты, 04.43—01.45; нач. фронтовой тюрьмы УКР СМЕРШ 3 Белорусского фронта, 01.45—06.45; оперуполномоченный оперативно-следственной группы НКВД при тюрьме, Инстербург (упом. 23.04.45); комендант ОКР СМЕРШ 1 гвардейской стр. див., 3 Белорусский фронт, Особый ВО, 06.45—12.45; комендант ОКР СМЕРШ 16 гвардейского стр. корпуса, Прибалтийский ВО, 12.45—05.46; комендант ОКР МГБ 1 гвардейской стр. див., Прибалтийский ВО, 05.46—07.49; комендант ОКР МГБ 65 воздушной истребительной армии ПВО, войска ПВО Донбасского района, 07.49—09.52. Пенсионер, Харьков, 09.52—12.52; зам. нач. предприятия п/я 301, Харьков, 12.52—10.57; слесарь-сантехник, слесарь-трубопроводчик Физико-технического института АН УССР, Харьков, 10.57—12.76; пенсионер с 12.76, Харьков.

Звания: старший лейтенант, 11.02.43 (упом. 23.04.45); капитан, 1945 (упом. 07.49).

Награды: орден Отечественной войны II степени, 23.04.45*; орден Красной Звезды, 17.07.44*; 8 медалей.

СОЛОВЬЕВ
Владимир Александрович

(1912, Гродно — 1974, Смоленск) — родился в семье работника по найму (отец не вернулся с 1-й мировой войны, мать умерла в 1914). Воспитывался в детском доме. Русский. В ВЛКСМ в 1928—1939. В КП с 05.40 (кандидат с 01.39).

Образование: начальное, 4 группы начальной школы, пос. Серебрянка Смоленского района, 1927; 2 класса профессионально-технической школы, Серебрянка, 1929.

Машинист профессиональной школы, Серебрянка, 02.29—02.31; слесарь-шофер Союзтранса, Смоленск, 03.31—01.34.

В РККА: красноармеец, пом. командира взвода 5 механизированного полка 5 механизированной бригады, 05.03.34—10.37.

В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер гаража УНКВД Смоленской обл., 10.37—07.41; шофер УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—09.41; шофер опергруппы УНКВД, д. Малые Вяземы Московской обл., 09.41—03.42; шофер УНКВД–УНКГБ Смоленской обл., Кондрово, 03.42—09.43; шофер Автотранспортного отдела УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 09.43—03.53; шофер гаража УМВД Смоленской обл. с 03.53 (упом. 02.54). Партдокументы погашены Смоленским обкомом КПСС 22.02.74 как на умершего.

Звание: старшина (упом. 1952).

Награды: орден Красной Звезды, 23.05.52; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 3 медали.

СОЛОВЬЕВ
Михаил Матвеевич

(08.11.1896, станица Чамлыкская Лабинского отдела Кубанской обл. — 1982, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец убит на фронте в 1915). Русский. Беспартийный.

Образование: начальное.
Работал по найму в деревне до 1915.
В армии с 1915: в партизанском отряде после 10.17.
В РККА: в 55 Красногусарском полку с 1918.
В органах ВЧК–МГБ: в отряде по борьбе с бандитизмом с 1921; сотрудник УМГБ Смоленской обл. (упом. 17.12.46, 1951).
Звания: старшина (упом. 17.12.46); лейтенант (упом. 1951).
Награды: орден Ленина, 06.11.46; 2 ордена Красного Знамени, 30.04.46, 24.11.50; медаль «За боевые заслуги», 21.06.68.

СОПРУНЕНКО
Петр Карпович

(18.05.1908, с. Исайки Киевской губ. — 23.06.1992, Москва) — родился в семье рабочего-шахтера. Украинец. В ВЛКСМ в 1925–1932. В КП с 09.28.
Образование: школа 1 ступени, Исайки, 1920; Школа красных старшин РККА, 09.28–04.31; Военная академия РККА им. М.В. Фрунзе, 05.35–09.38.
Саночник, крепильщик, дверовой, лампонос на шахте № 1 Аненского Рудника, Донецкая губ., 05.23–12.24; безработный, пос. Аненский Рудник, 12.24–05.25; рабочий на складе Рудоуправления, Аненский Рудник, 05.25–04.28; ученик, маркшейдер в Рудоуправлении, Аненский Рудник, 04.28–09.28.
В РККА: курсант Школы красных старшин, 09.28–04.31; командир пулеметного взвода 288 стр. полка 96 стр. див., 04.31–11.31; пом. командира роты команды № 1016 УНР № 52, 11.31–02.33; пом. командира части № 1471 УНР № 52, 02.33–05.35.
В органах НКВД–МВД: в распоряжении 5 отдела ГУГБ НКВД СССР, 09.38–12.38; нач. курсов руководящих оперативных работников НКВД СССР, 12.38–03.39; пом. нач. секретариата НКВД СССР,

17.06.39—19.09.39; нач. УПВИ НКВД СССР, 19.09.39—12.02.43; зам. нач. УПВИ НКВД СССР, 12.02.43—05.44; нач. Хреновского лагеря для военнопленных № 81 НКВД, Воронежская обл., 03.03.43—06.04.43[1]; нач. УНКВД Каменец-Подольской обл., 05.44—07.09.45; нач. УНКВД Закарпатской Украины — УНКВД—УМВД Закарпатской обл., 05.45[2]—21.10.46; в распоряжении Упр. кадров МВД СССР, 21.10.46—10.03.47; зам. нач. Упр. Строительства № 865 по военно-строительным батальонам, Свердловская обл., 10.03.47—06.04.49; нач. военно-строительных частей Упр. Строительства № 313 МВД, 06.04.49—16.10.50; в распоряжении Упр. кадров МВД СССР, 16.10.50—06.04.51; зам. нач. Упр. Строительства № 585 и ИТЛ Главпромстроя МВД, Шатки, 06.04.51—03.53; нач. 55 военно-строительного упр., Москва, 03.53—11.53; зам. нач. 168 военно-строительного упр., Москва, 27.01.54—02.01.56; нач. штаба военно-строительной части п/я 2510 Главспецстроя МО СССР, Москва, 02.01.56—30.09.63; уволен в запас 30.09.63. Пенсионер с 1963, Москва.
Звания: капитан, 1936; майор, 23.12.38; капитан ГБ, 14.03.40; майор ГБ, 17.02.42; полковник ГБ, 14.02.43; комиссар ГБ, 14.12.43; генерал-майор, 09.07.45.
Награды: орден Красного Знамени, 03.11.53; орден Отечественной войны I степени, 10.04.45; 2 ордена Красной Звезды, 20.09.43, 15.01.45; орден «Знак Почета», 26.04.40; 2 медали; знак «Заслуженный работник НКВД», 18.02.46.

СОРОКИН
Василий Кузьмич

(1899, Тверь — 1967, Калинин) — родился в семье сторожа пристани (отец умер в 1919, мать — в 1920). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.30 (кандидат с 04.30).

---

[1] Согласно приказу НКВД СССР № 00673 от 6 апреля 1943 г., лагерь был ликвидирован «как непригодный для содержания военнопленных».

[2] Приказ НКВД СССР о назначении датирован 7 сентября 1945 г.

Образование: начальное, 4-классная начальная школа, Тверь, 1914.
Разнорабочий на фабрике Морозова, Тверь, 06.15—10.19.
В РККА: телефонист отдельной роты связи 39 стр. див., Южный фронт, 10.19—04.22.
Безработный на бирже труда, Тверь, 04.22—03.24; браковщик на фабрике «Пролетарка», Тверь — Калинин, 03.24—02.35.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: вахтер УНКВД Калининской обл., 03.35—05.37; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 05.37—10.41; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., Кашин, 10.41—12.41; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД—УНКГБ Калининской обл., 12.41—09.44; старший вахтер комендатуры УНКГБ Калининской обл., 09.44—04.46; надзиратель внутренней тюрьмы УМГБ—УМВД Калининской обл., 04.46—05.53; старший надзиратель УМВД—УКГБ Калининской обл. с 05.53 (упом. 03.54).
Партдокументы погашены Калининским обкомом КПСС 18.10.67 как на умершего.
Звание: старшина (упом. 1954).
Награды: орден Красного Знамени, 05.11.54; орден Красной Звезды, 25.07.49; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 2 медали.

СТЕКОЛЬЩИКОВ
Иван Александрович

(1905, д. Мергусово Переславского уезда Владимирской губ. — ?) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. Член КП с 03.31.
Образование: 7 классов школы; 1 курс рабфака при ОГПУ в 1933.
Мальчик в мастерской Власова, Москва, 12.15—11.17; работал в хозяйстве отца, Мергусово, 11.17—09.27.

В РККА: красноармеец 15 погранотряда, мест. Заславль БССР, 09.27—07.30.
Токарь на заводе «Манометр», Москва, 08.30—05.31; безработный, Москва, 05.31—07.31.
В органах ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ: фельдкурьер Отдела связи ОГПУ СССР, 07.31—01.04.33; фельдкурьер по негласному штату Отдела связи ОГПУ СССР, 01.04.33—01.10.33; фельдъегерь по городу Отдела связи ОГПУ СССР, 01.10.33—25.02.34; экспедитор 2 разряда Отдела связи ОГПУ СССР, 25.02.34—10.07.34; делопроизводитель 3 отделения Отдела связи АХУ НКВД СССР, 10.07.34—15.11.34; фельдъегерь по перевозкам АХУ НКВД СССР, 15.11.34—01.03.36; фельдъегерь 2 разряда НКВД СССР, 01.03.36—08.03.39; исключен по сокращению штата с 08.03.39; оперуполномоченный 1 спецотдела НКВД СССР, 07.39—03.41; оперуполномоченный 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 06.03.41—11.08.41; оперуполномоченный 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 11.08.41—07.12.41; оперуполномоченный 11 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 07.12.41—05.43; оперуполномоченный 1 спецотдела НКВД—МВД СССР, 05.43—01.50; переведен в МГБ СССР с 21.01.50; уволен из МГБ 01.12.52 по сокращению штатов.
Пенсионер с 12.52, Москва. Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 07.12.57 как на «выбывшего механически» из партии.
Звания: отделенный командир, 15.07.36; старшина, 10.04.38; сержант ГБ (упом. 26.10.40, 07.12.41); капитан (упом. 1949, 1952).
Награды: орден Красного Знамени, 06.08.49; орден Красной Звезды, 03.11.44; 3 медали.

СТЕЛЬМАХ
Иван Иванович

(03.09.1882, с. Омеленец Верховической вол. Брест-Литовского уезда Гродненской губ. — 02.12.1957, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.38 (кандидат с 12.31).
Образование: не учился.
Пастух в сельской общине, Омеленец, 03.1890—03.1895; работал в хозяйстве отца, Омеленец, 03.1895—11.1903.
В армии: рядовой, старший унтер-офицер 3 пех. Нарвского полка, 11.03—03.09.
Кондуктор службы движения станц. Смоленск, 03.09—09.11; ремонтный рабочий трубочно-артиллерийского завода, Санкт-Петербург, 09.11—07.14.
В армии: старший унтер-офицер 223 Одоевского пех. полка, 07.14—03.15; военнопленный, Тухель, Германия, 03.15—11.18.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ: сотрудник военного контроля ВЧК, Смоленск, 11.18—01.19; сотрудник ОО ВЧК 16 армии, 01.19—07.20; пом. коменданта, комендант ПП ОГПУ — УНКВД Западной обл., 07.20—03.38; уволен в отставку 25.03.37 с должности коменданта УНКВД Западной обл., принят вновь; нач. внутренней тюрьмы УГБ УНКВД Смоленской обл., 03.38—03.41; нач. внутренней тюрьмы УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; нач. внутренней тюрьмы УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; не работал, пенсионер, Давлеканово Башкирской АССР, 10.41—03.42; нач. комендантского отделения УНКВД Смоленской обл., Кондрово, Смоленск, 03.42—05.43; нач. комендантского отделения АХФО УНКГБ Смоленской обл., 05.43—02.46.
Пенсионер с 02.46, Смоленск. Партдокументы погашены Смоленским обкомом КПСС 31.12.57 как на

умершего. Похоронен на Братском кладбище Смоленска.
Звания: старший унтер-офицер (упом. 1909); лейтенант ГБ, 09.02.36; майор ГБ (упом. 14.01.44); подполковник, 12.10.45.
Награды: орден Ленина, 21.02.45; орден Красного Знамени, 19.01.45; 2 медали; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 20.03.36.

СТЕПАНОВ
Иван Александрович

(23.07.1890, д. Батавино Орловского уезда Орловской губ. — 1953, Москва) — родился в семье крестьянина-середняка. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 03.39 (кандидат с 08.31).
Образование: неполное среднее, церковно-приходская школа, с. Паслово Орловского уезда Орловской губ., 1903; низшая земская сельскохозяйственная школа, станц. Змиевка Московско-Курской ж.д., 1907.
Практикант сельскохозяйственной школы, Змиевка, 04.08—05.10; практикант в имении Куприянова, станц. Благодатная Юго-Восточной ж.д., 05.10—12.11; инструктор полеводства землеустроительной комиссии, с. Львово, с. Сиргиевское Крапивенского уезда Тульской губ., 01.12—07.14.
В армии: рядовой 95 пех. Калужской дружины, Северо-Западный фронт, 07.14—07.15; юнкер школы прапорщиков, Псков, 07.15—11.15; командир взвода, командир роты 436 пех. полка 109 стр. див., Северо-Западный фронт, 11.15—12.16; на лечении в военном лазарете МПС, Петроград, 12.16—25.02.17; заведующий хозчастью 172 запасн. пех. полка, Вильманстранд (Финляндия), 02.17—08.17; заведующий

хозчастью 38 Туркестанского полка 10 див., Северо-Западный фронт, 08.17—03.18.
Работал в хозяйстве отца, Батавино, 04.18—06.18.
В РККА: руководитель вол. военкомата, д. Платоново Орловского уезда, 06.18—04.19; делопроизводитель 4 батальона связи, Орел, Борисоглебск, 04.19—08.19; командир взвода, командир роты 2 отдельного инженерного батальона военно-полевого строительства, Южный фронт, 08.19—07.21; нач. отделения связи военно-полевого строительства, Одесса, 08.21—06.22.
В войсках ГПУ–НКВД–МВД: инструктор связи 104 отдельного дивизиона войск ГПУ, Курск, 07.22—03.23; пом. командира отдельной конвойной роты, Тула, 03.23—12.25; командир отдельной конвойной роты и пом. командира конвойного батальона, Саратов, 12.25—03.30; нач. штаба 5 конвойного полка, Минск, 03.30—10.31; командир 16 отдельного конвойного батальона, Ярославль, 10.31—11.32; пом. нач. Отдела боевой подготовки Центрального упр. конвойных войск, Москва, 11.32—10.34; инструктор Отдела внутренней службы ГУПВО НКВД СССР, 10.34—10.38; старший пом. нач. отделения Отдела службы ГУПВО НКВД СССР, 10.38—03.39; нач. отделения Оперативного отдела Гл. упр. конвойных войск НКВД СССР с 03.39; нач. 1 отделения и пом. нач. 1 отдела штаба Гл. упр. конвойных войск НКВД СССР (упом. 1940); уволен в отставку 02.01.47 по болезни с должности зам. нач. Оперативного отдела Упр. конвойных войск МВД СССР. Партдокументы погашены Московским горкомом КПСС 26.04.53 как на умершего.
Звания: прапорщик, 11.15; подпоручик, поручик, 12.16; майор (упом. 02.39); полковник, 15.07.39.
Награды: орден Ленина, 21.02.45; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Отечественной войны I степени, 21.04.45; орден Отечественной войны II степени, 07.07.44; орден Красной Звезды, 20.09.43; медаль «За боевые заслуги», 14.04.43; медали.

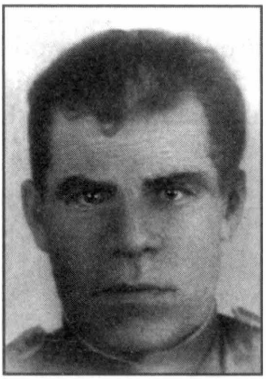

СУХАРЕВ
Николай Иванович

(1910, д. Заручье Бежецкого района Калининской обл. — 1964, Казань) — родился в семье рабочего железной дороги. Русский. В ВЛКСМ в 1929—1935. В КП с 04.48 (кандидат с 05.46). **Образование:** незаконченное среднее, 4 класса начальной школы, Тверь, 1924; школа ФЗУ, Тверь, 1927.
Курьер Государственной медицинской торговли Тверской губ., 1927—12.29; слесарь Шенкурского леспромхоза, Шенкурск Северной обл., 12.29—10.30; слесарь на заводе им. 1 мая, Тверь, 10.30—11.32.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер див. ОСНАЗ ОГПУ—НКВД, Москва, 11.32—01.35; шофер УНКВД—УНКГБ Калининской обл., 01.35—02.45; нач. гаража, механик НКГБ—МГБ ТаджССР, 02.45—05.48; шофер МГБ—МВД Татарской АССР, 07.48—07.53; автотехник Упр. пожарной охраны МВД Татарской АССР, 07.53—1954; инспектор отделения безопасности движения ГАИ Упр. милиции Казани с 1954; уволен из МВД Татарской АССР по возрасту 01.01.59. Партдокументы погашены Татарским обкомом КПСС 22.12.64 как на умершего.
Звание: старший лейтенант (упом. 1952); старший лейтенант милиции (упом. 01.01.59).
Награды: орден Красной Звезды, 23.05.52; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 2 медали.

СЫРОМЯТНИКОВ
Митрофан Васильевич

(1908, с. Зарожное Чугуевского уезда Харьковской губ. — 08.06.1995, Чугуев) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец умер в 1918). Русский. В ВЛКСМ в 1926—1930. В КП с 11.46 (кандидат с 09.45). Состоял в ВКП(б) в 1931—1934, выбыл механически.

Образование: начальное, 5 классов вечерней средней школы, Харьков, 1940.
Батрак у кулаков, Зарожное, 05.21—06.26; слесарь сельскохозяйственной кооперации, Зарожное, 06.26—05.27; слесарь-клепальщик, с. Эсхар Чугуевского района, 05.27—04.29; заливальщик на заводе № 75, Харьков, 05.29—09.30.
В погранвойсках и органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: стрелок погранполка, Ахалцих ГрузССР, 09.30—03.33; старший милиционер особого взвода милиции, Харьков, 03.33—02.36; вахтер, надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 16.02.36—08.36; надзиратель 1 категории внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 08.36—01.39; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 01.39—10.39; старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., 10.39—10.41; старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской обл., Купянск, 10.41—11.41; пом. военного коменданта, красноармеец 25 погранполка НКВД, Южный фронт, 11.41—03.43; дежурный пом. нач. КПЗ областной милиции, Ростов-на-Дону, 03.43—09.43; старший по корпусу внутренней тюрьмы УНКГБ Харьковской обл., 09.43—05.45; дежурный пом. нач. тюрьмы УНКГБ—УМГБ Харьковской обл., 05.45—03.53 (упом. 09.51); дежурный пом. нач. тюрьмы УМВД Харьковской обл., 03.53—04.54; дежурный пом. нач. тюрьмы УКГБ Харьковской обл., 04.54—12.55; уволен 30.12.55.
Инспектор МПВО горисполкома, Харьков, 01.56—03.56; пом. нач. охраны Завода огнеупоров, Харьков, 03.56—07.56; пенсионер, Харьков, 07.56—02.57; разнорабочий продкомбината Горобщепита, Харьков, 02.57—11.57; пенсионер, Харьков, 11.57—12.57; пожарный библиотеки им. Короленко, Харьков, 12.57—

12.58; пенсионер, Харьков, 01.59—08.59; охранник ВОХР Упр. п/я 91, Харьков, 08.59—01.62; пенсионер с 01.62, Харьков. Жил в Чугуеве с 1965; допрашивался в 1990—1992 прокуратурой в ходе расследования дела о расстреле польских офицеров в 1940.
Звания: старший сержант; лейтенант (упом. 09.51).
Награды: орден Красного Знамени, 01.06.51; орден Красной Звезды, 30.04.46; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 3 медали.

СЫТИН
Василий Михайлович

(1904, д. Дмитровское Новинской вол. Тверского уезда Тверской губ. — 04.1987, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.39 (кандидат с 08.31).
Образование: начальное, 3-классная сельская школа, Дмитровское, 1916.
Молотобоец механической мастерской артели инвалидов № 2, Тверь, 08.18—09.20; работал в хозяйстве отца, Дмитровское, 09.20—08.25; рессорщик на вагонном заводе, Тверь, 08.25—05.27.
В РККА: красноармеец санитарной части 48 див., Тверь, 05.27—08.27.
Рессорщик на вагонном заводе, Тверь — Калинин, 08.27—11.37.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: вахтер АХО УНКВД Калининской обл., 02.11.37—08.39; надзиратель тюрьмы УНКВД Калининской обл., 08.39—10.41; надзиратель УНКВД Калининской обл., Кашин, 10.41—12.41; надзиратель УНКВД Калининской обл., 12.41—05.43; надзиратель УНКГБ Калининской обл., 05.43—04.46; надзиратель внутренней тюрьмы УМГБ Калининской обл., 04.46—03.53; надзиратель внутренней тюрьмы УМВД Калининской обл., 03.53—04.54; надзиратель внутренней тюрьмы УКГБ Кали-

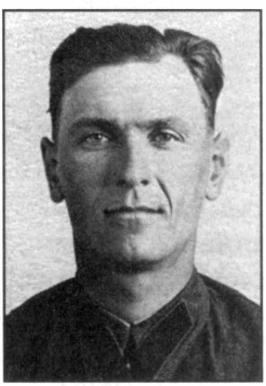
нинской обл., 04.54—01.55; надзиратель тюрьмы № 1, Калинин, 01.55—08.57.
Пенсионер с 08.57, Калинин.
Звание: старшина (упом. 1954).
Награды: орден Красной Звезды, 05.11.54; 7 медалей.

СЮРИН
Андрей Борисович

(1912, д. Уварово Ярцевского уезда Смоленской губ. — 1993, Смоленск) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец погиб на войне в 1918). Русский. В ВЛКСМ в 1933—1940. В КП с 02.40 (кандидат с 02.39).
Образование: незаконченное среднее, 5 групп сельской школы, Богородок Ярцевского уезда, 1925; 8 классов вечерней средней школы, с. Барятино Барятинского района Калужской обл., 1947.
На иждивении родителей, д. Синиково Ярцевского уезда, 06.25—05.26; пастух у кулака Бабурова, Синиково, 05.26—11.28; грузчик пристани Абокша, Архангельск, 11.28—03.29; чернорабочий, подручный слесарь на заводе им. Сталина, Магнитогорск, 03.29—12.29; колхозник в колхозе «Общий труд», с. Уварово Ярцевского района, 12.29—09.30; тракторист Ярцевской МТС, 09.30—01.33.
В РККА: курсант, младший командир, шофер отдельного батальона связи 11 стр. корпуса, Смоленск, 01.33—10.36.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: шофер АХО УНКВД Западной — Смоленской обл., 10.36—03.41; шофер УНКГБ Смоленской обл., 03.41—07.41; пом. оперуполномоченного УНКВД Смоленской обл., Гжатск, 07.41—11.41; пом. оперуполномоченного УНКВД Омской обл., 11.41—04.42; контролер 1 категории «ПК» 2 спецотдела УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 04.42—05.43; пом. оперуполномоченного УНКГБ Смо-

ленской обл., Кондрово, Вязьма, Смоленск, 05.43—08.44; оперуполномоченный Барятинского райотдела УНКГБ—УМГБ Калужской обл., 08.44—07.48; старший оперуполномоченный ОКР внутренних войск МГБ в Германии, 07.48—04.49; старший оперуполномоченный Отдела «ВВ» Аппарата уполномоченного МГБ—МВД в Германии с 04.49 (упом. 04.54). На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звания: сержант ГБ, 27.09.42 (приказ № 3041); младший лейтенант ГБ, 11.02.43 (упом. 06.45); капитан (упом. 04.54).
Награды: орден Красной Звезды; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45 (вручена 26.06.45 в Калуге); 2 медали.

ТАРАСОВ
Георгий Никонорович

(1908, Смоленск — 10.1975, Смоленск) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 03.39 (кандидат с 10.32).
Образование: начальное, 4 класса начальной школы, д. Курдымово Смоленского уезда, 1917.
До 1926 работал в хозяйстве родителей, д. Кирякино Смоленского уезда; чернорабочий горкомхоза, Смоленск, 04.26—1927; бетонщик на строительстве ж.-д. клуба, Смоленск, 1927—11.29; киномеханик потребкооперации, Смоленск, 11.29—10.30.
В войсках и органах ОГПУ: красноармеец 24 погранотряда, Могилев-Подольский, 11.30—02.33; вахтер ПП ОГПУ по Западной обл., 15.03.33—30.07.33. Заведующий бензоскладом 450 авиабазы, Смоленск, 07.33—02.35; пом. коменданта Спецколлегии облсуда, Смоленск, 02.35—12.35; не работал, Смоленск, 12.35—05.36; рабочий треста «Союзконсервсбыт»,

Смоленск, 05.36—06.36; агент по снабжению, комендант общежития, 2 строительного участка Западной ж.д., Смоленск, 08.36—03.38.
В органах НКВД–МВД: старший надзиратель тюрьмы № 1 УНКВД Смоленской обл., 01.04.38—01.10.39; старший по корпусу тюрьмы № 1 УНКВД Смоленской обл., 01.10.39—01.07.41; дежурный пом. нач. тюрьмы № 5 УНКВД Иркутской обл., с. Александровск Кировского района Иркутской обл., 07.07.41—09.43; инспектор по учету тюрьмы № 1 УНКВД Смоленской обл., 09.43—01.09.44; пом. оперуполномоченного тюрьмы № 4 УНКВД Смоленской обл., 01.09.44—01.01.45; пом. оперуполномоченного тюрьмы № 1 УНКВД—УМВД Смоленской обл., 01.01.45—10.04.47; инспектор по учету тюрьмы № 1 УМВД Смоленской обл., 10.04.47—01.11.50; цензор отдельного лагерного пункта № 5 ОИТК УМВД Смоленской обл., 01.11.50—01.10.51; нач. режима и охраны отдельного лагерного пункта № 8 ОИТК УМВД Смоленской обл., 01.10.51—10.05.52; цензор лагерного отделения № 1 ОИТК УМВД Смоленской обл., 10.05.52—20.06.53; инспектор спецчасти пересыльной тюрьмы ОИТК УМВД Смоленской обл., 20.06.53—02.04.54; инспектор спецчасти тюрьмы № 1 УМВД—УВД Смоленской обл., 02.04.54—04.59; уволен из УВД Смоленского облисполкома 14.04.59 по возрасту. Пенсионер, Смоленск, 04.59—04.63; вахтер штаба Гражданской обороны Смоленской обл., 04.63—05.68; пенсионер с 05.68, Смоленск. Похоронен на Гурьевском кладбище Смоленска.
Звания: младший лейтенант ГБ, 23.03.45; лейтенант, 01.10.47 (упом. 04.52).
Награды: орден Красной Звезды, 20.03.52; медаль «За боевые заслуги», 30.04.46; 5 медалей.

ТИВАНЕНКО (ТИВАНЕНКОВ) Лазарь Андреевич

(1908 — 07.08.1942) — родился в семье батрачки (об отце сведений нет). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.31 (кандидат с 02.30).

Образование: 3 класса сельской школы, д. Шаровичи Руднянской вол. Смоленской губ.; 1 год вечерних курсов рабфака, Смоленск, 1934; 1,5 года Смоленской городской партшколы.
Батрак, Шаровичи, 03.24—04.29; колхозник, член правления колхоза «Вперед к социализму», Шаровичи, 04.29—10.30.
В РККА: красноармеец, курсант, пом. командира взвода 5 полка связи, 10.30—10.32.
В органах ОГПУ–НКВД: вахтер комендатуры ПП ОГПУ по Западной обл., 17.10.32—15.04.34; фельдъегерь по диспетчерской оперсвязи ПП ОГПУ — УНКВД Западной обл., 15.04.34—25.05.37; дежурный комендант комендатуры УНКВД Западной — Смоленской обл. с 25.05.37; политрук роты 60 гвардейского стр. полка 20 гвардейской стр. див. Погиб на фронте.
Звание: старшина (упом. 1938).
Награда: знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 09.05.38.

ТИКУНОВ
Иван Егорович (Георгиевич)

(1910, Санкт-Петербург — 02.1988, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1930—1939. В КП с 08.40 (кандидат с 03.39).
Образование: начальное, 4 класса школы, д. Почеп Тверского уезда, 1922.
Работал в хозяйстве матери, Почеп, 07.22—06.29; землекоп, профсоюзный работник торфопредприятия «Васильевский мох», Тверской район, 06.29—09.31.
В погранвойсках ОГПУ: пограничник 25 погранотряда, Тирасполь, 29.09.31—03.32; курсант школы

младшего начсостава, Тирасполь, 03.32—10.32; пом. командира взвода 25 погранотряда, Тирасполь, 10.32—30.03.34.
Токарь вагонного завода, Калинин, 03.34—03.35.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: сотрудник комендатуры АХО УНКВД Калининской обл., 15.03.35—09.40; нач. внутренней тюрьмы УНКВД—УНКГБ Калининской обл., 09.40—10.44; нач. Комендантского отдела УНКГБ Калининской обл., 10.44—04.46; нач. внутренней тюрьмы УМГБ Калининской обл., 04.46—06.48; старший инспектор УМГБ Калининской обл., 06.48—07.52; нач. курсов школы милиции УМГБ—УМВД Калининской обл., 07.52—09.54; старший преподаватель военных дисциплин учебного пункта, инспектор отделения подготовки Упр. милиции УМВД Калининской обл., 09.54—12.58; инспектор Отдела службы УВД Калининского облисполкома, 12.58—03.60; инспектор, инструктор собаководства Отдела охраны при УВД—УООП Калининского облисполкома, 03.60—02.64.
Пенсионер, Калинин, 02.64—02.65; дежурный пульта охраны райотдела милиции, Калинин, 02.65—07.67; пенсионер, Калинин, 07.67—08.71; каменщик РСУ в Упр. торговли, Калинин, 08.71—10.76; сторож-истопник РСУ в Упр. торговли, Калинин, 10.76—05.77; пенсионер, Калинин, 05.77—10.77; сторож-истопник РСУ в Упр. торговли, Калинин, 10.77—05.78; пенсионер, Калинин, 05.78—01.84; плотник областного предприятия Ростекстильторга, Калинин, 01.84—02.88.
Звание: капитан (упом. 1954).
Награды: орден Красного Знамени, 25.06.54; орден Красной Звезды, 24.11.50; 2 медали «За боевые заслуги», 20.09.43, 19.01.45; 6 медалей.

ТИМОШЕНКО
Григорий Иванович

(1912, с. Пироги Кременчугского уезда Екатеринославской губ. — 24.07.1958, Харьков) — родился в семье крестьянина-бедняка. Украинец. В ВЛКСМ в 1936—1940. В КП с 07.41 (кандидат с 12.39).

Образование: начальное, 2 класса сельской школы, Пироги, 1924. Чернорабочий стройконторы, Макеевка, 10.31—01.32; прокатчик на заводе «Серп и Молот», Днепропетровск, 01.32—08.32; колхозник в колхозе «Нове життя», Пироги, 08.32—05.33; пом. кладовщика в совхозе «Большевик», Глобинский район УССР, 05.33—10.34.
В РККА: красноармеец, Кирово Одесской обл., 10.34—10.36.
В органах НКВД–МВД–МГБ: милиционер дивизиона РКМ, Харьков, 11.36—10.37; вахтер комендатуры УНКВД Харьковской обл., 10.37—05.41; вахтер, дежурный бюро пропусков, дежурный комендатуры УНКВД Харьковской обл., 05.41—04.42; надзиратель тюрьмы № 1 НКВД, Омск, 04.42—10.43; дежурный бюро пропусков УНКВД—УМВД Харьковской обл., 10.43—12.48; пом. оперуполномоченного УМВД Харьковской обл., 12.48—02.50; пом. уполномоченного УМГБ Харьковской обл., 02.50—01.03.51; инспектор (дежурный) 8 отделения милиции Харькова, 01.03.51—1951; секретарь Регистрационно-учетного отдела Упр. милиции УМГБ—УМВД Харьковской обл. с 1951 (упом. 06.54).
Звание: младший лейтенант милиции (упом. 01.55).
Награды: орден Красной Звезды, 25.06.54; медаль «За боевые заслуги», 12.05.45; 2 медали.

ТИХОНОВ
Дмитрий Федорович

(1899 — ?) — беспартийный.
В органах НКВД с 1934: младший надзиратель ДПЗ УНКВД Западной обл. с 25.08.34; надзиратель-вахтер 1 категории ДПЗ УНКВД Западной — Смоленской обл. с 01.02.37; сотрудник УНКВД Хабаровского края (упом. 15.04.42)[1].

[1] На карточке в ГА РФ помета: «Служебная карточка не найдена».

ТИХОНОВ
Павел Павлович

(1909, д. Костинка Малоярославецкого уезда Калужской губ. — 16.01.1990, Киев) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ в 1925—1936. В КП с 11.28 (кандидат с 11.27).

Образование: высшее, 4 класса сельской школы, Костинка, 1923; школа ФЗУ при главных вагонных мастерских Курской ж.д., Москва, 08.24—05.28; рабфак при Институте стали, Москва, 08.31—06.32; Институт стали, 06.32—03.37.

Столяр на вагоноремонтном заводе им. Войтовича, Москва, 05.28—08.31; мастер на Ижорском заводе, Колпино, 03.37—05.38; парторг ЦК ВКП(б) Ижорского завода, 05.38—10.38; секретарь парткома Ижорского завода, 10.38—01.39.

В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: слушатель краткосрочных курсов при Центральной школе НКВД СССР, 15.12.38—17.01.39; зам. нач. УНКВД Харьковской обл., 17.01.39—28.03.41; нач. УНКВД Харьковской обл., 28.03.41—08.41; зам. нач. УНКВД Харьковской обл., 08.41—21.12.42; прикомандирован к УНКВД Пензенской обл. с 21.12.42; нач. УНКГБ Харьковской обл., 14.06.43—24.11.45; нач. УНКГБ—УМГБ Сумской обл., 24.11.45—19.02.51; на курсах Высшей школы МГБ СССР, 09.47—07.48; нач. УМГБ Днепропетровской обл., 19.02.51—09.01.52; уполномоченный СМ СССР по курорту Сочи — Мацеста, Сочи, 09.01.52—05.53; в распоряжении МВД УССР, 05.53—23.09.53; нач. УМВД Одесской обл., 23.09.53—04.54; нач. УКГБ Одесской обл., 04.54—03.07.54; зам. пред. КГБ при СМ УССР, 03.07.54—07.08.59; нач. УКГБ Киевской обл., 10.59—10.70.

Звания: капитан ГБ, 17.01.39; подполковник ГБ, 11.02.43; полковник ГБ, 10.12.43; генерал-майор, 18.02.58.

Награды: орден Красного Знамени, 30.10.67; 2 ордена Трудового Красного Знамени, 28.08.44, 23.01.48; 2 ордена Красной Звезды, 20.09.43, 05.11.54; 6 медалей.

ТОКАРЕВ
Дмитрий Степанович

(01.10.1902, с. Исаево-Дедово Оренбургского уезда Оренбургской губ. — 19.11.1993, Владимир) — родился в семье крестьянина (отец умер в 1903). Русский. В РЛКСМ в 1923—1925. В КП с 07.27. Депутат Верховного Совета СССР 1—2 созывов.
Образование: 4 группы 2-классного училища МНП, Исаево-Дедово, 1915.
Батрак у кулаков и частных лиц, Исаево-Дедово, 1911—11.17; ученик-переписчик в волправлении, Исаево-Дедово, 11.17—03.18; делопроизводитель земельного отдела волисполкома, Исаево-Дедово, 03.18—06.18; работал в хозяйстве отчима, Исаево-Дедово, 06.18—08.19; делопроизводитель-счетовод в райпрофбюро, Исаево-Дедово, 08.19—11.22; секретарь Экономического совещания УИК, Исаево-Дедово, 11.22—04.24.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: красноармеец 9 полка ОГПУ, Новониколаевск, 05.24—07.24; библиотекарь 50 Зайсановского погранотряда ОГПУ, 07.24—03.25; пом. нач. заставы по политчасти 50 Зайсановского погранотряда ОГПУ, 03.25—03.26; контролер контрольно-пропускного пункта, пом. уполномоченного, врид уполномоченного 50 Зайсановского погранотряда ОГПУ, 03.26—08.27; курсант Высшей погранШколы ОГПУ, 09.27—08.29; уполномоченный 49 погранотряда ОГПУ, Джаркент, 09.29—09.30; оперуполномоченный УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Казахстану, 09.30—04.33; пом. нач. 30 погранотряда ОГПУ—НКВД по СОЧ, 05.33—01.37; курсант Высшей погранШколы НКВД, 01.37—05.37; в загранкомандировке по линии НКВД в Париже, 05.37—12.37; пом.

нач. 1 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД СССР, 10.01.38—01.06.38; пом. нач. отделения 3 отдела 1 упр. НКВД СССР, 01.06.38—1938; зам. нач. отделения 3 отдела 1 упр. НКВД СССР, 1938—10.38; зам. нач. следственной части 3 отдела ГУГБ НКВД СССР, 10.38—05.12.38; врид нач. УНКВД Калининской обл., 05.12.38—27.04.39; нач. УНКВД Калининской обл., 27.04.39—26.02.41; нач. УНКГБ Калининской обл., 26.02.41—31.07.41; нач. УНКВД Калининской обл., 31.07.41—07.05.43; нач. УНКГБ Калининской обл., 07.05.43—10.02.45; нарком — министр ГБ ТаджССР, 10.02.45—09.04.48; министр ГБ Татарской АССР, 09.04.48—16.03.53; нач. 5 отдела УМВД Владимирской обл., 06.05.53—27.02.54; уволен в запас МВД по болезни 27.02.54.
Пенсионер, Владимир (упом. 11.67, 1991). Допрашивался в 1991 прокуратурой в ходе расследования дела о расстреле польских офицеров в 1940.
Звания: капитан, 11.04.36; полковник, 23.12.38 (произведен из капитана); майор ГБ, 14.03.40; комиссар ГБ, 14.02.43; генерал-майор, 09.07.45.
Награды: орден Ленина, 25.07.49; 2 ордена Красного Знамени, 20.09.43, 03.11.44; орден Отечественной войны II степени, 30.11.46; 2 ордена Трудового Красного Знамени, 24.02.48, 24.06.50; орден «Знак Почета», 26.04.40; медаль «За трудовую доблесть», 28.10.67; 4 медали; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 13.06.34.

ТОЧЕНОВ
Афанасий Матвеевич

(1910, д. Белогурово Зубцовского уезда Тверской губ. — 12.1989, Жуковский Московской обл.) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В КП с 12.43 (кандидат с 08.39).
Образование: 5 классов сельской школы, Белогурово, 1926.
Тракторист Зубцовской МТС,

09.29—02.31; милиционер райотдела милиции, Зубцов, 02.31—10.32.
В РККА: красноармеец инженерно-аэродромного батальона, Ржев, 11.32—11.34.
Заведующий избой-читальней, Белогурово, 11.34—08.35.
В органах НКВД–МВД–МГБ: заведующий камерой хранения ДПЗ УНКВД, Смоленск, 08.35—01.02.36; надзиратель-выводной ДПЗ УНКВД, Смоленск, 01.02.36—25.10.36[1]; надзиратель Смоленской тюрьмы ГУГБ НКВД, 25.10.36—05.38; старший надзиратель Смоленской тюрьмы ГУГБ НКВД, 05.38—01.02.39; старший надзиратель следственной тюрьмы УНКВД Смоленской обл., 01.02.39—01.12.39; вахтер Тюремного отдела УНКВД Смоленской обл., 01.12.39—21.12.40; вахтер ДТО НКВД Западной ж.д., Смоленск, 31.12.40—29.04.41; вахтер по спецработе УНКВД Смоленской обл., 29.04.41—10.41; надзиратель ТО НКВД—НКГБ Московско-Рязанской ж.д., Москва, 10.41—1944; старший надзиратель ТО НКГБ Московско-Рязанской ж.д., 1944—04.46; проводник служебного вагона Отдела фельдсвязи МВД СССР, 04.46—07.46; старший проводник служебных вагонов отделения спецперевозок МВД Московско-Донбасской ж.д., 07.46—01.07.47; проводник 1 категории 1 отделения ХОЗУ МВД СССР, 01.07.47—18.10.47; уволен из МВД по семейным обстоятельствам с 18.10.47; надзиратель внутренних тюремных камер Упр. охраны МГБ — ДТУ МВД Московско-Рязанской ж.д., 10.47—06.54; старшина отделения милиции станц. Москва-Пассажирская Северной ж.д., 06.54—03.61. Старший по смене охраны холодильника, Жуковский, 03.61—08.62; стрелок охраны электромеханических мастерских проектно-монтажного треста № 5, Жуковский, 08.62—01.67; стрелок охраны электроме-

[1] В учетной карточке члена КПСС при обмене партдокументов в 1973 г. указана должность: мастер весоремонтной мастерской, Смоленск, 04.36—06.37, затем надзиратель Смоленской тюрьмы с 06.37.

ханических мастерских Московского упр. проектно-монтажных работ, Жуковский, 01.67—05.71; стрелок охраны конструкторского бюро радиостроения, 06.71—11.71; пенсионер с 11.71, Жуковский.
Звание: старшина (упом. 1949, 1954).
Награды: орден Красной Звезды, 25.07.49; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 6 медалей.

ФАДЕЕВ
Александр Михайлович

(1910, д. Жолтиково Тверского уезда Тверской губ. — 1956, Калинин) — родился в семье крестьянина-бедняка. Русский. В ВЛКСМ в 1933—1939. В КП с 03.41 (кандидат с 10.39).
Образование: начальное, 4 класса сельской школы, Жолтиково, 1922.
Моторист треста «Калининстрой», 05.30—11.32.
В войсках и органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: красноармеец, командир отделения отдельной мотостр. див. ОСНАЗ при ОГПУ—НКВД, Москва, 11.32—01.35; сотрудник АХО УНКВД Калининской обл., 01.35—02.37; старший надзиратель УНКВД Калининской обл., 02.37—07.37; надзиратель 1 категории тюрьмы № 1 НКВД, Калинин, 07.37—01.38; старший надзиратель тюрьмы № 1 НКВД, Калинин, 01.38—03.41; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКГБ Калининской обл., 03.41—06.41; пом. нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УНКВД Калининской обл., 06.41—05.43; дежурный пом. нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—04.48; дежурный комендант административного отделения АХО УМГБ Калининской обл., 04.48—15.09.50; уволен 15.09.50 по болезни. Пенсионер с 10.50, Калинин. Партдокументы погашены Калининским обкомом КПСС 22.03.56 как на умершего.

Звание: младший лейтенант ГБ (упом. 1945, 15.09.50).
Награды: медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 3 медали.

ФЕДОРЫШКО
Семен Михайлович

(1914, д. Седич Говиховского района БССР[1] — ?) — беспартийный.
В органах НКВД: надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл. в 1940; надзиратель Осташковской тюрьмы УНКВД Калининской обл. с 1940.

ФЕЛЬДМАН
Иван Иванович

(10.05.1893, Вандзенская вол. Тальсенского уезда Курляндской губ. — 08.03.1954, Москва) — родился в семье садовника. Латыш. В КП с 11.30.
Образование: низшее, 4 класса реального училища, Рига, 1908.
Ученик слесаря телеграфных мастерских, станц. Торнсберг в Риге, 06.1909—06.1911; слесарь на суконной фабрике «Текстиль», Рига, 06.1911—02.1914; слесарь на резиновом заводе «Проводник», Рига, 02.1914—09.1915; монтер, шофер в лаборатории акционерного общества «Русско-краска», Москва, 09.15—09.18.
В РККА: шофер полка ОСНАЗ, Москва, Курск, Воронеж, 15.09.18—04.19; шофер издательства ВЦИК, Москва, 05.19—01.20; шофер Военавтотранспорта, Москва, 01.20—1921; шофер 103 автогрузового отря-

[1] В служебной карточке так указано место рождения (письмо Информационного центра УМВД РФ по Тверской области № 3/200 от 20 января 2016 г. на запрос НИПЦ «Мемориал»).

да, Кокчетав, 1921—10.21; шофер 64 автогрузового отряда, Москва, 10.21—01.10.23.
Безработный на бирже труда, Москва, 10.23—05.24; шофер Административного отдела Моссовета, шофер Московского УГРО, 05.24—06.27.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ: шофер гаража Отдела связи ОГПУ—НКВД, Москва, 01.06.27—29.08.34; шофер гаража № 1 Отдела связи АХУ НКВД СССР, 29.08.34—04.07.38 (упом. 19.12.36); шофер автобазы № 1 Автомобильного отдела АХУ НКВД СССР, 01.07.38—13.08.41; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 13.08.41—15.05.43; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХФУ НКГБ—МГБ СССР, 15.05.43—06.07.46; нач. группы Комендантского отдела АХФУ МГБ СССР, 06.07.46—12.12.46; нач. группы Комендантского отдела Упр. делами МГБ СССР, 12.12.46—20.05.49; уволен в запас по состоянию здоровья, 20.05.49.
Пенсионер с 01.06.49 (оформлена пенсия 2322 руб. в месяц с выплатой единовременного пособия 10 800 руб.). Имел инвалидность 2 группы (гипертоническая болезнь 3 степени). Умер 08.03.54 в Москве, диагноз — коронарокардиосклероз.
Звания: сержант ГБ, 19.12.36; лейтенант ГБ, 07.07.37 (произведен из сержанта ГБ); старший лейтенант ГБ, 17.03.40; майор ГБ, 11.02.43; подполковник ГБ, 10.12.43 (упом. 20.05.49).
Награды: орден Ленина, 25.07.49; орден Красного Знамени, 03.11.44; орден Трудового Красного Знамени, 20.09.43; орден Красной Звезды, 28.11.36; орден «Знак Почета», 19.12.37; медали; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 20.12.32.

ФРОЛЕНКОВ
Иван Леонович

(25.08.1906, д. Морачево Краснинского уезда Смоленской губ. — ?) — родился в семье батрака. Русский. В КП с 10.39.

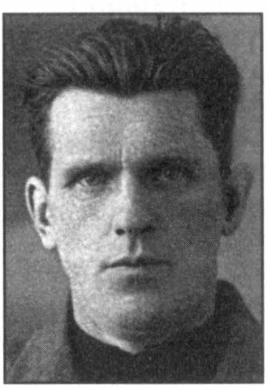
Образование: низшее — самообразование, вечерняя партийная школа, Смоленск, 1948[1].
Пастух в имении Скреплево, мест. Монастырщина Краснинского уезда, 1914—1918; работал в хозяйстве отца, Монастырщина, 1918—09.28.
В РККА: телефонист 8 отдельной роты связи 8 стр. див., 09.28—11.30.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД: вахтер комендатуры ПП ОГПУ по Западной обл., 28.11.30—25.08.33; экспедитор 1 разряда Демидовского райотдела ГПУ, Демидов Западной обл., 25.08.33—15.07.34; фельдъегерь 2 разряда Демидовского райотдела НКВД, 15.07.34—23.10.34; фельдъегерь 2 разряда Отдела связи УНКВД Западной обл., 23.10.34—05.11.37; фельдъегерь 1 разряда УНКВД Смоленской обл., 05.11.37—15.07.38; дежурный бюро пропусков комендатуры АХО УНКВД Смоленской обл., 15.07.38—01.04.41[2]; дежурный бюро пропусков комендатуры УНКГБ Смоленской обл., 01.04.41—08.41; дежурный пом. коменданта УНКВД Смоленской обл., 1941—1943 (упом. 01.02.43); дежурный бюро пропусков УНКГБ Смоленской обл., 1943—02.44; разведчик 2 категории 8 отделения 2 отдела УНКГБ Смоленской обл., 23.03.44—13.04.46; сотрудник для оперативных поручений 1 категории Оперативного отдела УМГБ Смоленской обл., 13.04.46—15.10.46; разведчик 2 категории группы охраны объекта 5 отдела УМГБ Смоленской обл., 15.10.46—30.12.46; пом. оперуполномоченного Отдела «А» УМГБ Смоленской обл., 30.12.46—30.09.47; пом.

---

[1] В регистрационном бланке члена КПСС 1954 г. указано: «самоучка» и отсутствуют сведения об окончании каких-либо учебных заведений.

[2] Имел строгий выговор «за нарушение правил внутреннего распорядка и дачу незаконного распоряжения», объявленный приказом УНКВД № 432 от 4 июля 1939 г.

оперуполномоченного 1 отделения Отдела «А» УМГБ Смоленской обл., 30.09.47—30.12.49; пом. оперуполномоченного группы 7 отдела УМГБ Смоленской обл., 30.12.49—15.02.51; откомандирован в УМГБ Архангельской обл. с 15.02.51; пом. оперуполномоченного в резерве УМГБ Архангельской обл., 24.02.51—17.04.51; нач. группы 2 отделения 7 отдела УМГБ Архангельской обл., 17.04.51—13.08.52; откомандирован в Упр. ИТЛ и Строительства № 510 МВД СССР с 13.08.52; нач. надзорслужбы лагерного пункта № 104 Упр. ИТЛ и Строительства № 510 МВД, 13.08.52—24.06.53; нач. надзорслужбы лагерного пункта Усть-Вымского ИТЛ МВД с 24.06.53; уволен в запас по возрасту 19.12.55 с должности командира взвода 7 отряда ВОХР Усть-Вымского ИТЛ в звании лейтенанта.
В 1973 прошел обмен партдокументов в парткоме Львовского промышленно-технического объединения «Электрон». На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звания: младший командир взвода, 15.07.37; старшина, 27.04.40; младший лейтенант ГБ, 31.08.43; лейтенант ГБ, 09.02.45; лейтенант внутренней службы (упом. 1955).
Награды: орден Красного Знамени, 24.11.50; орден Красной Звезды, 19.01.45; медали.

ЦИКУЛИН (ЦЫКУЛИН)[1]
Михаил Васильевич

(1903, д. Озерецко Тверского уезда Тверской губ. — 08.1988, Калинин) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 03.41 (кандидат с 12.39).
Образование: начальное, сельская школа, Озерецко, 1916.

[1] В 1974 г. партбилет нового образца был выдан на фамилию Цыкулин на основании написания фамилии в паспорте.

Каменщик промсантехстроя, Клин, 05.24—11.24; каменщик цементного завода, Подольск, 11.24—12.29; на курсах слесарей при вагонном заводе, Тверь, 12.29—11.30; пожарный военизированной пожарной команды вагонного завода, Тверь, 11.30—12.31; не работал, Калинин, 12.31—03.32.

В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: сотрудник тюрьмы Оперсектора ГПУ—НКВД, Калинин, 14.03.32—02.35; сотрудник Тюремного отдела УНКВД Калининской обл., 02.35—05.37; надзиратель, старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 05.37—09.38; вахтер комендатуры АХО УНКВД Калининской обл., 09.38—02.39; надзиратель, старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 02.39—10.41; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 12.41—05.43; старший надзиратель внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—03.53; старший надзиратель внутренней тюрьмы УМВД Калининской обл., 03.53—04.54; старший надзиратель тюрьмы УКГБ Калининской обл., 04.54—05.55; надзиратель тюрьмы № 1, Калинин, 05.55—08.55; старший по корпусу тюрьмы № 1, Калинин, 08.55—04.58.

Пенсионер, Калинин, 04.58—05.58; приемщик базы «Главобувьторг», Калинин, 05.58—04.59; истопник Научно-исследовательского института войск ПВО, 04.59—05.59; пом. нач. пожарной охраны Научно-исследовательского института войск ПВО, 05.59—12.69; пом. нач. пожарной охраны в/ч 03444, Советская Армия, 01.70—04.70; экспедитор открытой медсанчасти № 1, Калинин, 04.70—04.71; пенсионер с 04.71, Калинин.

Звание: старшина (упом. 1954).

Награды: орден Красного Знамени, 05.11.54[1]; орден Красной Звезды, 21.05.47; 9 медалей.

---

[1] Орден Красного Знамени не указан в регистрационном бланке члена КПСС при обмене партбилета в 1974 г.

ЦУКАНОВ
Алексей Ильич

(1907, Коломна, Московской губ. — 06.1975, Калинин) — родился в семье рабочего. Русский. В ВЛКСМ в 1924—1931. В КП с 11.37 (кандидат с 09.31).
Образование: начальное, 3-классная городская школа, Коломна, 1918.
Воспитанник авиаотряда морских сил Балтийского флота, Петроград, 06.20—04.23; разнорабочий совхоза завода Воздухофлота, с. Воловичи Коломенского уезда, 04.23—03.24; токарь по металлу арматурного завода Воздухофлота, Коломна, 03.24—06.27; токарь по металлу Государственного артиллерийского ремонтного завода, Коломна, 06.27—02.29; токарь по металлу Коломенского завода паровозостроения, 02.29—10.29.
В РККА: пом. заведующего складом 1 авиабригады, Красногвардейск Ленинградской обл., 10.29—11.31. Токарь по металлу Коломенского завода Наркомата тяжелой промышленности, 11.31—02.32.
В органах ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: фельдъегерь 2 разряда Коломенского райотдела ГПУ, врид нач. экспедиции связи Коломенского райгоротдела ГПУ, 02.04.32—01.12.33; нач. Отдела связи Вышневолоцкого райотдела ГПУ—НКВД, 01.12.33—04.10.37; пом. нач. Отдела связи УНКВД Калининской обл., 04.10.37—29.05.38; нач. Отдела связи УНКВД Калининской обл., 29.05.38—10.39; нач. внутренней тюрьмы УГБ УНКВД Калининской обл., 10.39—09.40 (упом. 25.01.40); нач. отдела АХО УНКВД Калининской обл., 09.40—05.43; зам. нач. АХФО УНКГБ Калининской обл., 05.43—28.09.44; зам. нач. АХО, нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Великолукской обл., 28.09.44—04.53; нач. внутренней тюрьмы УМВД Великолукской обл., 04.53—04.54; нач. ХОЗО УКГБ Великолукской обл., 04.54—12.57.

Нач. АХО радиозавода, Великие Луки, 12.57—04.62; пенсионер, Калинин, 04.62—10.63; комендант Дома культуры учащихся профессионально-технических учебных заведений, Калинин, 10.63—09.65; пенсионер, Калинин, 09.65—01.67; техник-смотритель домоуправления № 7, Калинин, 01.67—06.68; пенсионер, Калинин, 06.68—09.68; оператор теплового узла домоуправления № 9, Калинин, 09.68—04.69; пенсионер, Калинин, 04.69—10.69; оператор теплового узла домоуправления № 9, Калинин, 10.69—04.70; пенсионер, Калинин, 04.70—09.70; оператор теплового узла домоуправления № 9, Калинин, 09.70—05.71; пенсионер, Калинин, 05.71—09.71; оператор теплового узла домоуправления № 9, Калинин, 09.71—05.72; пенсионер с 05.72, Калинин.
Звание: подполковник (упом. 06.52).
Награды: орден Красного Знамени, 23.05.52; орден Красной Звезды, 04.12.45; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 3 медали.

ЧЕКУЛАЕВ
Василий Константинович

(28.02.1913, д. Пожавка[1] Соликамского уезда Пермской губ. — ?) — русский. Беспартийный.
В органах НКВД: надзиратель внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл. в 1940; старший надзиратель Осташковской тюрьмы УНКВД Калининской обл. с 1940.

ЧУЖАЙКИН
Иван Матвеевич

(1895, д. Холманка Николаевского уезда Самарской губ. — 1967, Смоленск) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 06.30 (кандидат с 12.29).

---

[1] В личном деле указано место рождения: д. Пожавка Чермасского района Свердловской области (письмо Информационного центра УМВД РФ по Тверской области № 3/200 от 20 января 2016 г. на запрос НИПЦ «Мемориал»), возможно, речь идет о пос. Пожва.

Образование: низшее, самоучка. Батрак у кулака, д. Федотово Николаевского уезда, 03.12—05.15.
В армии: рядовой 138 запасн. батальона 73 запасн. кав. полка, 11 Уральского кав. полка, 05.15—01.18. Работал в своем хозяйстве, Холманка, 01.18—05.18.
В РККА: красноармеец 22 стр. див., 05.18—07.21.
Чернорабочий городского транспорта, Смоленск, 08.21—10.35.
В органах НКВД–НКГБ–МГБ: младший надзиратель УНКВД Смоленской обл., 10.35—05.39; старший надзиратель тюрьмы УНКВД—УНКГБ Смоленской обл., 05.39—07.41; старший надзиратель тюрьмы УНКВД Смоленской обл., Вязьма, 07.41—10.41; милиционер райотдела НКВД, с. Маканчи Семипалатинской обл., 10.41—08.42; дежурный бюро пропусков УНКВД Смоленской обл., Кондрово, 08.42—09.43; сотрудник УНКГБ—УМГБ Смоленской обл., 09.43—06.51.
Пенсионер с 06.51, Смоленск. Партдокументы погашены Смоленским обкомом 23.01.68 как на умершего. Похоронен на Тихвинском кладбище Смоленска.
Звание: младший лейтенант (упом. 1949).
Награды: орден Красной Звезды, 25.07.49; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; медаль.

ШЕВЕЛЕВ
Алексей Макарович

(1907, д. Андрониха Ветлужского уезда Костромской губ. — 05.1974, Москва) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1931—1939. В КП с 05.40 (кандидат с 04.39).
Образование: рабфак при Институте им. Плеханова, Москва, 12.31—09.33; 4 курса Историко-архивного института, Москва, 09.33—12.37.

Работал в хозяйстве родителей, Андрониха, 1917—10.29. **В РККА:** красноармеец 1 конвойного полка, 10.29—12.31. **В органах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ:** сотрудник НКВД СССР, 12.37—11.38; зам. нач. 11 отделения 1 спецотдела НКВД, 01.11.38—01.03.39; нач. 11 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 01.03.39—07.09.40; нач. 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 07.09.40—11.08.41; зам. нач. 14 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 11.08.41—07.12.41; зам. нач. 9 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 07.12.41—1942; нач. 15 отделения 1 спецотдела НКВД СССР, 1942—05.43; нач. 5 отделения Отдела «А» НКГБ СССР с 05.43; нач. 12 отделения (архивного) Отдела «А» НКГБ—МГБ СССР (упом. 06.05.46); нач. отделения Отдела «А» МГБ СССР (упом. 1951); секретарь парткома 1 спецотдела МВД СССР до 17.06.53; нач. 3 отделения 2 сектора 1 спецотдела МВД СССР, 17.06.53—31.08.53; нач. 1 отделения 1 сектора 1 спецотдела МВД СССР, 31.08.53—03.54; нач. отделения КГБ при СМ СССР, 03.54—04.57; зам. нач. отделения КГБ при СМ СССР, 04.57—04.59. Пенсионер, Москва, 04.59—06.61; нач. караула Радиотехнического института при АН СССР, 06.61—09.62; пенсионер, Москва, 09.62—10.62; слесарь организации п/я 1457, Москва, 10.62—03.65; пенсионер, Москва, 03.65—02.66; дежурный Всесоюзного общества «Изотоп», Москва, 02.66—05.66; пенсионер, Москва, 05.66—05.74. **Звания:** младший лейтенант ГБ, 25.07.38; лейтенант ГБ, 25.03.39; капитан ГБ, 16.10.42 (произведен из лейтенанта); подполковник ГБ, 11.02.43; подполковник (упом. 06.05.46, 1951); полковник (упом. 13.07.53). **Награды:** орден Красной Звезды, 01.06.51; медаль «За боевые заслуги», 30.04.46; 7 медалей.

ШИГАЛЕВ
Василий Иванович

(15.04.1896, Киржач Покровского уезда Владимирской губ. — 23.08.1942) — родился в семье рабочего-ткача (отец умер в 1912). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.19 (в кандидатах не состоял).

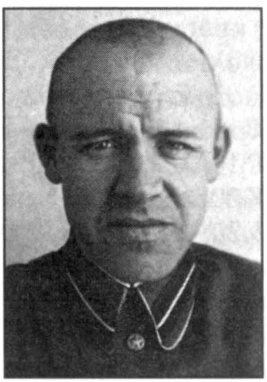

Образование: начальное, 3 класса приходской школы, Киржач, 1909[1].
Сапожник у кустаря Рыбкина, Киржач, 10.09—11.17.
В Красной гвардии: красногвардеец уездного военкомата, Киржач, 11.17—01.18; красногвардеец, пулеметчик 3 Революционного интернационального отряда при Главном штабе Красной гвардии, Москва, 01.18—07.18.
В войсках и органах ВЧК–ОГПУ–НКВД: пулеметчик 1 отдельной роты ВЧК, 14.08.18—05.20; старший надзиратель тюрьмы ВЧК, Москва, 05.20—25.08.21; пом. коменданта дома № 12 на ул. Большая Лубянка, 25.08.21—01.12.22 (упом. 08.22); пом. коменданта домов № 11 и 12 на ул. Большая Лубянка, 01.12.22—15.10.23; пом. коменданта дома № 11 на ул. Большая Лубянка по надзору за предварительным заключением, 15.10.23—02.07.31 (упом. 04.11.25); пом. нач. предварительной тюрьмы ОГПУ СССР, 02.07.31—10.07.34 (упом. 11.04.33); пом. нач. приема арестованных комендатуры АХУ НКВД СССР, 10.07.34—01.02.37 (упом. 19.12.36); сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД СССР, 01.02.37—1941; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 13.08.41—23.08.42. Исключен из списков личного состава приказом ХОЗУ НКВД № 210 от 31.08.42 за смертью. Партдокументы погашены Московским обкомом ВКП(б) 15.05.43 как на умершего.
Звания: младший лейтенант ГБ, 11.04.36; лейтенант ГБ, 20.12.36; старший лейтенант ГБ, 07.07.37; капитан ГБ, 17.03.40.

---

[1] В личном деле сотрудника НКВД указано, что окончил 4 класса приходской школы в 1911 г. в Киржаче.

Награды: орден Красного Знамени, 19.12.37; орден Красной Звезды, 28.11.36; орден «Знак Почета», 26.04.40; медаль «XX лет РККА», 22.02.38; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 20.12.32; золотые часы и грамота от Коллегии ОГПУ, 18.12.27.

ШИГАЛЕВ
Иван Иванович

(28.12.1900[1], Киржач Покровского уезда Владимирской губ. — 26.01.1946, Москва) — родился в семье рабочего-ткача (отец умер в 1912). Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 08.32 (кандидат с 01.31).

Образование: начальное, 3 класса церковно-приходской школы, Киржач, 1911.

Продавец магазина братьев Наумовых, Киржач, 07.11—02.17; продавец прилавка продовольственного магазина при горсовете, Киржач, 02.17—03.18; мельник на мельнице фабрики Соловьева, Киржач, 03.18—08.19.

В РККА: красноармеец караульной роты уездного военкомата, Покров, 15.08.19—10.19; красноармеец 5 запасн. полка, Москва, 10.19—10.09.20; красноармеец 214 полка 24 Симбирской «Железной дивизии», Польский фронт, 10.09.20—15.07.21.

В войсках и органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ: красноармеец 8 отдельного батальона войск ВЧК, красноармеец 1 особого кав. полка, Владимир, 15.07.21—04.22; красноармеец 2 пограничного кав. эскадрона ГПУ, Полторацк, 04.22—11.23; сотрудник опергруппы 17 отдельного батальона 18 погранотряда ОГПУ, Олевск БССР, 11.23—15.05.25; младший надзиратель

[1] Эта дата указана в личном деле, в то же время на надгробии указана дата рождения: 27 июня 1900 г.

внутренней тюрьмы ОГПУ, 25.05.25—10.03.26; вахтер комендатуры ОГПУ, 10.03.26—01.03.29; надзиратель комендатуры ОГПУ, 01.03.29—25.07.29; вахтер комендатуры ОГПУ, 25.07.29—01.09.32; нач. бюро пропусков ОГПУ—НКВД, 01.09.32—01.09.37; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД, 01.09.37—01.07.38; комендант УНКВД Московской обл., 01.07.38—21.05.39; врид нач. АХО УНКВД Московской обл. с 04.08.38—20.12.38; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХУ НКВД СССР, 21.05.39—1941; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 13.08.41—15.05.43; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХФУ НКГБ СССР, 15.05.43—26.01.46. Исключен из списков личного состава приказом АХФУ НКГБ № 38 от 16.02.46 за смертью. Партдокументы погашены Московским горкомом ВКП(б) 14.03.46 как на умершего. Похоронен на межпоселенческом кладбище «Родниковское», ул. Касимовская в пос. Родники Раменского района Московской обл. (известно как Старое Вялковское кладбище).

Звания: сержант ГБ, 11.04.36; младший лейтенант ГБ, 19.12.36; лейтенант ГБ, 07.07.37; старший лейтенант ГБ, 17.03.40; майор ГБ, 11.02.43; подполковник ГБ, 10.12.43 (упом. 22.02.45).

Награды: орден Ленина, 21.02.45; 2 ордена Красного Знамени, 20.09.43, 03.11.44; орден Красной Звезды, 28.11.36; орден «Знак Почета», 19.12.37; медаль «XX лет РККА», 1938; медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», 07.45; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 08.04.34; награжден боевым оружием, 20.12.32.

ШИФРИН
Борис Львович

(12.05.1904, Харьков — 11.1980, Москва) — родился в семье приказчика. Еврей. В ВЛКСМ в 1926—1930. В КП с 12.30.

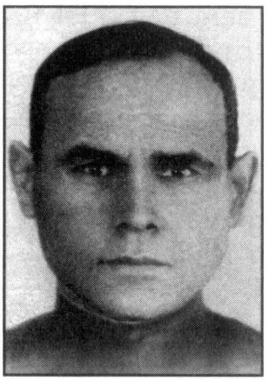
Образование: 3 Харьковское реальное училище, 1919; 2 курса Харьковского института народного образования, 09.21—10.23.
В РККА: красноармеец уездного военкомата, Харьков, 02.19—03.20; красноармеец отдельной команды комендатуры города, Пятигорск, 03.20—06.20; красноармеец отдельной команды комендатуры города, Владикавказ, 06.20—09.20; красноармеец 144 полка 11 армии, Баку, 09.20—12.20; красноармеец-адъютант 144 полка отдельной бригады, Решт, Персия, 12.20—09.21.
Уполномоченный отделения Крестьянского Интернационала, Харьков, 10.23—09.24.
В органах ЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ: сотрудник и контролер СОЧ Азербайджанской ЧК, 09.24—09.26; контролер СОЧ ГПУ АзербССР, 09.26—1927; пом. уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный ИНФАГО ГПУ АзербССР, 1927—1930; оперуполномоченный оперативного отделения ГПУ АзербССР, 1930—1931; нач. оперативного отделения ГПУ АзербССР, 1931—07.34; нач. оперативного отделения УГБ НКВД АзербССР, 07.34—01.37; нач. 2 отдела УГБ НКВД АзербССР, 01.37—02.39; уволен приказом НКВД СССР № 584 от 25.03.39; пенсионер, Баку, 02.39—09.39; приказом НКВД СССР № 1834 от 01.10.39 приказ об увольнении отменен; зам. нач. Следственной части УНКВД Калининской обл., 01.10.39—02.40[1]; нач. Следственной части УНКВД Калининской обл., 02.40—03.41[2]; зам. нач. УНКГБ

---

[1] В 1940 г. «принимал участие в операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря» (Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. Расстрел. С. 636).

[2] В 1940 г. избран членом партбюро УНКВД по Калининской области. В Калинине проживал по адресу: ул. Красноармейская, д. 50/9, кв. 38 (упом. 14.03.41).

Калининской обл., 07.03.41—19.08.41; зам. нач. УНКВД Калининской обл., 19.08.41—16.12.41; отстранен от должности и уволен из НКВД «за проявленную нераспорядительность и растерянность при вступлении немецких войск в г. Калинин» приказом НКВД СССР № 2309лс от 16.12.41.
В РККА: в резерве городского военкомата, Тбилиси, 01.42—04.42; старший инспектор Интендантского упр. Закавказского фронта, Тбилиси, 04.42—11.45.
В органах НКВД–МВД: старший инспектор по антифашистской работе Упр. лагеря № 277 НКВД—МВД для военнопленных, Рига, 11.45—04.46; зам. нач. по производству лагеря № 340 МВД для военнопленных, Рига, 04.46—09.46; зам. нач. по производству лагеря № 28/9 МВД для военнопленных, Рига, 09.46—12.47; зам. нач. по производству лагеря № 9 МВД для военнопленных, Рига, 12.47—01.49. Пенсионер, Москва, 01.49—05.49; и.о. нач. Отдела кадров Специального конструкторского бюро Министерства нефтяной промышленности СССР, 05.49—02.50; пенсионер, Москва, 02.50—10.50; нач. Отдела кадров Особого конструкторского бюро Министерства нефтяной промышленности СССР, 10.50—11.51; пенсионер, Москва, 11.51—10.59; нач. Планового отдела Художественного фонда СССР, 10.59—08.60; искусствовед Упр. реализации Художественного фонда СССР, 08.60—06.63; пенсионер, Москва, 06.63—10.66; младший научный сотрудник, старший техник, старший инженер Центрального научно-исследовательского института «Машдеталь», Москва, 10.66—11.80.
Звания: старший лейтенант ГБ, 13.01.36; капитан ГБ, 28.05.38; подполковник.
Награды: орден Красного Знамени, 30.04.45; 6 медалей; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 12.01.36; награжден наганом в 1926 и пистолетом в 1929 «за активную борьбу с контрреволюцией».

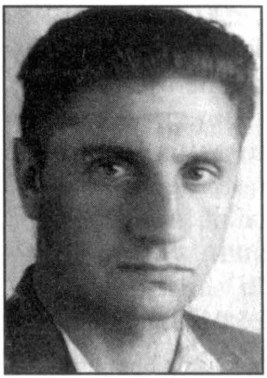

ЩЕПКА
Тихон Сергеевич

(1905, с. Бандурово Балтовского уезда Херсонской губ.[1] — 07.1984, Харьков) — родился в семье плотника. Украинец. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 09.46 (кандидат с 05.45).
Образование: начальное, 6 классов вечерней неполной средней школы, Винница, 1929.
Работал в хозяйстве отца, Бандурово, 05.24—11.27.
В РККА: красноармеец 70 стр. полка, Винница, 11.27—09.29.
Бригадир огорода колхоза, Бандурово, 09.29—10.31.
В органах милиции и НКВД–МВД: милиционер дивизиона наружной службы, Харьков, 10.31—12.37; надзиратель следственной тюрьмы УГБ УНКВД Харьковской обл., 15.12.37—09.40; дежурный по тюрьме № 4 (Сторожинецкой) НКВД, Черновцы, 09.40—06.41; вахтер комендатуры УНКВД Харьковской обл., 06.41—10.41; вахтер комендатуры УНКВД Харьковской обл., Купянск, 10.41—07.42; надзиратель спецтюрьмы НКВД, Омск, 07.42—09.43; дежурный пом. коменданта комендатуры УНКВД—УМВД Харьковской обл., 09.43—10.48; дежурный по тюрьме № 2 г. Балта УМВД Одесской обл., 10.48—05.53 (упом. 01.11.50); уволен из МВД 21.07.53.
Пенсионер, Люботин Харьковской обл., 05.53—08.53; стрелок 3 отряда ВОХР Южной ж.д., Харьков, 08.53—11.81; пенсионер с 11.81, Харьков.
Звание: старший сержант (упом. 1945).
Награды: орден Красной Звезды, 12.05.45; медаль «За боевые заслуги», 15.01.45; 2 медали.

---

[1] Ныне Гайворонский район Кировоградской области Украины.

ЯКОВЛЕВ
Арсений Михайлович

(1915, д. Петрушино Тверского уезда Тверской губ. — 28.05.1993, Тверь) — родился в семье крестьянина-бедняка (отец после 1917 — крестьянин-середняк; с 1929 отец и мать — служащие — санитары). Русский. В ВЛКСМ в 1937—1943. В КП с 07.48 (кандидат с 05.43).

Образование: незаконченное среднее, 7 классов неполной средней школы № 7, Калинин, 1932.

Пом. паровозного машиниста станц. Калинин, 10.34—03.36.

В РККА: пом. командира взвода 114 отдельной див. войск НКВД, Воронеж, 03.36—12.39.

В органах НКВД–МВД: старший надзиратель политизолятора УНКВД Калининской обл., 12.39—09.40; старший надзиратель тюрьмы НКВД, Осташков, 09.40—05.41; командир взвода ИТК УНКВД Калининской обл., Осташков, 05.41—09.41; нач. оперативно-маневренной группы ИТК № 2 НКВД, пос. Пакино Ковровского района Ивановской обл., 09.41—07.43; командир взвода промышленной колонии НКВД, Иваново, 07.43—01.46; слушатель Куйбышевской школы ГУЛАГ МВД, 01.46—03.47; инструктор боевой подготовки ОИТК УМВД Калининской обл., 04.47—11.47; старший инструктор розыска ОИТК УМВД Калининской обл., 11.47—12.48; зам. нач. Отдела оперативного розыска заставы УМВД Калининской обл., 12.48—03.50; нач. Отдела оперативного розыска заставы УМВД Калининской обл., 03.50—02.51; инструктор штаба охраны, инструктор оперативного отделения ОИТК УМВД Калининской обл., 02.51—05.53; уволен в запас по болезни 04.05.53 с должности инструктора штаба ВОХР Упр. юстиции по Ка-

лининской обл.; не работал, Калинин, 05.53—04.54; старший инспектор Упр. сторожевой охраны Упр. милиции УМВД Калининской обл. с 04.54; вновь зачислен в кадры МВД на должность инспектора по вооружению отделения Материально-технического отдела ХОЗО УВД Калининского облисполкома с 07.12.57. На 1991 отчетная карточка на партбилет образца 1973 в ЦК КПСС не погашена.
Звания: младший лейтенант, 02.09.43; лейтенант, 17.02.47; старший лейтенант (упом. 26.02.51, 04.05.53).
Награды: орден Красной Звезды, 20.03.52; медаль «За боевые заслуги», 06.08.49; 2 медали.

ЯКОВЛЕВ
Петр Александрович

(18.10.1892, Нижний Новгород — 15.04.1959, Москва) — родился в семье рабочего (отец умер в 1894), воспитывался в Кутаисовском приюте Нижнего Новгорода. Русский. В ВЛКСМ не состоял. В КП с 11.19 (в кандидатах не состоял).
Образование: начальное, 2 класса городского училища, Нижний Новгород, 1905.
Ученик электромонтера, электромонтер Сормовского завода, Нижний Новгород, 12.03—11.15; электромонтер завода Доброва и Набгольца, Нижний Новгород, 11.15—05.16; электромонтер механического завода Биржевого общества, Нижний Новгород, 05.16—09.18; состоял в отряде Красной Гвардии в Нижнем Новгороде с 10.17.
В РККА: красноармеец в военно-революционном трибунале, Казань, 09.18—12.18.
В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: пом. нач. гаража, нач. гаража ВЧК—ГПУ, Москва, 16.12.18—01.11.22; пом. нач. службы связи АОУ ГПУ—ОГПУ СССР, 01.11.22—05.10.23; нач. службы

связи АОУ ОГПУ СССР, 05.10.23—01.11.25; нач. Отдела связи АОУ ОГПУ СССР, 01.11.25—01.02.31[1]; заведующий гаражом ОГПУ, 01.02.31—01.04.34; пом. нач. автобазы ОГПУ—НКВД, 01.04.34—04.36; пом. нач. Автотехнического отдела АХУ НКВД СССР, 04.36—03.04.37; врид нач. гаража № 1 и пом. нач. Отдела связи НКВД СССР, 03.04.37—10.04.38; зам. нач. Автотехнического отдела АХУ НКВД СССР, 10.04.38—03.08.41; сотрудник для особых поручений спецгруппы Комендантского отдела ХОЗУ НКВД СССР, 03.08.41—15.05.43; сотрудник для особых поручений Комендантского отдела АХФУ НКГБ—МГБ СССР, 15.05.43—03.08.46; зам. нач. Комендантского отдела по специальной работе АХФУ МГБ СССР, 03.08.46—12.12.46; зам. нач. Комендантского отдела АХУ МГБ—МВД СССР, 12.12.46—19.05.53; зам. нач. Комендантского отдела МВД СССР, 19.05.53—03.54; зам. нач. Комендантского отдела КГБ при СМ СССР, 03.54—19.05.54; уволен в отставку 19.05.54 по возрасту.

Пенсионер с 1954, Москва. Похоронен на Донском кладбище.

Звания: старший лейтенант ГБ, 19.07.36; капитан ГБ, 19.12.36; подполковник ГБ, 11.02.43; полковник ГБ, 10.12.43.

Награды: орден Ленина, 21.02.45; 3 ордена Красного Знамени, 20.09.43, 03.11.44, 25.07.49; орден Красной Звезды, 22.07.37; орден «Знак Почета», 19.12.37; 4 медали; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (V)» (№ 68), 1923; знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)», 20.12.32; награжден боевым оружием от Коллегии ОГПУ 18.12.27; золотыми часами с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией — от НКВД», 1937.

---

[1] В 1922—1924 гг. прикомандирован к СНК, работал начальником гаража, шофером у Ленина и Сталина (Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ — НКВД. С. 453).

ЯКУШЕВ
Трофим Павлович

(1908, д. Шилово Ряжского уезда Рязанской губ. — 03.1990, Калинин) — родился в семье крестьянина. Русский. В ВЛКСМ в 1929—1931. В КП с 09.32 (кандидат с 02.32).

Образование: начальное, 4-классная сельская школа, с. Юраково Ряжского уезда Рязанской губ., 1920.

Работал в хозяйстве отца, Шилово, 05.20—06.27; накладчик на кирпичном заводе № 4, станц. Мытищи, 06.27—06.28; чернорабочий депо Северной ж.д., Москва, 06.28—06.29; паяльщик на заводе «Идеал», Москва, 06.29—11.30.

В РККА: красноармеец 19 отдельной стр. роты, Тверь — Калинин, 11.30—12.32.

Рабочий склада мастерской № 138, Калинин, 12.32—07.33.

В органах исполнения наказания и в НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: политорганизатор и инспектор отделения исправительных работ, Калинин, 07.33—10.37; старший надзиратель АХО УНКВД Калининской обл., 10.37—10.41; дежурный пом. внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., Бежецк, 10.41—12.41; дежурный пом. нач. внутренней тюрьмы УНКВД Калининской обл., 12.41—05.43; дежурный пом. нач. внутренней тюрьмы УНКГБ—УМГБ Калининской обл., 05.43—03.53; дежурный пом. нач. внутренней тюрьмы УМВД Калининской обл., 03.53—04.54; дежурный пом. нач. внутренней тюрьмы УКГБ Калининской обл., 04.54—05.55; дежурный пом. нач. тюрьмы № 1 УВД Калининского облисполкома, 05.55—11.05.59; уволен по выслуге лет.

Инспектор снабжения тюрьмы № 1, Калинин, 05.59—09.61; рабочий склада Аптечного упр., Кали-

нин, 09.61—04.62; пенсионер, Калинин, 04.62—10.62; стрелок ВОХР Военной академии ПВО, 10.62—06.70; пенсионер с 06.70, Калинин.
Звания: старший лейтенант (упом. 1952); старший лейтенант внутренней службы (упом. 28.04.55, 11.05.59).
Награды: орден Красного Знамени, 23.05.52; орден Красной Звезды, 06.11.46; медаль «За боевые заслуги», 19.01.45; 5 медалей; знак «50 лет пребывания в КПСС».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов В.С. 46, 47, 125, 143
Александров А.С. 163, 197
Андреев А.А. 10
Андропов Ю.В. 96, 97
Антонов И.И. 56, 57, 134, 145–148, 160, 172, 197
Антонов П.А. 189, 199
Афанасьев Н.П. 140

Бабаян Т.Х. 117, 119, 122, 163, 170, 200
Бакулин А.В. 111, 112
Баранов М.А. 165, 167, 171
Баранов П.М. 164, 201
Баринов И.С. 117, 122, 124, 161, 174, 201
Баштаков Л.Ф. 35–37, 39, 124–128, 149, 178, 188, 189, 202
Безруков И.Д. 104, 114, 160, 170, 204
Белахов И.Л. 123
Белов Иван Иванович 167
Белов Иван Ильич 61, 165, 205
Белогорлов В.А. 63, 65, 163, 169, 171, 205
Белолипецкий С.Е. 157
Берг И.Д. 136
Бережков А.Г. 104, 105, 206
Берия Л.И. 209
Берия Л.П. 7–9, 31, 33–39, 43, 50, 106, 112, 114, 120, 121, 123, 125, 126, 128, 137, 139, 140, 142, 143, 148, 149, 166, 178, 185, 188, 189, 208, 209
Берлинг З. 37
Бирюков 111
Бланк К.Е. 117, 119, 161, 211
Блохин В.М. 53–59, 61–63, 68, 105, 128–131, 134–136, 138–147, 149, 153, 160, 170, 172, 191, 212
Блохин М. 142
Богданов Н.Ф. 83, 165, 214
Богданов П.А. 61, 163, 169, 214
Бондаренко И.В. 191
Борисовец В.П. 217
Борисовец П.Ф. 215
Брежнев Л.И. 25, 91
Бровкин В.Д. 142
Буденный С.М. 62
Буканов В.В. 34
Буланов П.П. 139, 153
Бунцер М.Е. 94
Бурда Т.Д. 102, 165, 217
Бухарин Н.И. 17, 138

Вейс К.И. 130
Виговский Е.А. 96, 102, 165, 218
Власик Н.С. 140, 153–155
Володарский В.В. 172
Ворошилов К.Е. 9, 10, 20–22, 25, 26, 29–32, 84, 123
Вышинский А.Я. 138

Габалин Р.М. 134, 135
Гавриленков Т.К. 84, 164, 219
Галиуллин Х.К. 47, 48
Галицын Н.А. 96, 100–102, 163, 220
Гвоздовский Н.А. 79, 84, 162, 171, 221
Геринг Г. 18

Герцовский А.Я. 126
Гецелевич Р.С. 117, 119, 161, 222
Гитлер А. 13, 18, 19
Голов Г.В. 134, 136, 150, 152, 153
Головинкин Н.И. 65, 66, 164, 223
Горбачев М.С. 176
Горячев М.Д. 63, 161, 171, 223
Градусова 154
Грибов И.И. 79, 84, 160, 171, 225
Григорьев М.П. 82, 83, 163, 171, 226
Гулько Б.Я. 154
Гумотудинов И.А. 165, 167, 171
Гурьянов А.Э. 88

Давыдов М.Е. 166, 228
Дагин И.Я. 138
Девятилов А.Г. 100, 103, 165, 229
Деникин А.И. 149
Дзержинский Ф.Э. 92, 113, 116
Динмухаметов Г.А. 46, 47
Дмитриев А.Д. 134, 145—147, 160, 231
Дорогинин Ф.М. 165, 232
Доронин Ф.И. 95, 102, 162, 171, 232

Егнаташвили А.Я. 155
Егоров А.В. 67, 164, 233
Егоров А.Н. 48
Ежов Н.И. 23, 114, 138—140, 151
Емельянов А.М. 57, 134, 135, 145—147, 160, 172, 234
Епишев А.А. 48, 49

Жаворонков Г.Н. 87
Жданов А.А. 10
Жемчужина П.С. 123
Жила М.А. 162, 167, 171
Жила Митрофан Антонович 168
Жила Михаил Антонович 168
Жила Михаил Артемович 168
Жильцов В.И. 65, 67, 164, 236
Журавлев М.М. 83, 164, 237
Журавлев Н.Т. 163, 238
Журавлева М.И. 238
Журовский И. 88

Зайцев А.Г. 63, 65, 162, 169, 171, 238
Закиров О.З. 87
Запевалин М.А. 50
Захаров А.Е. 164, 167, 171
Зильберман К.С. 113—116, 147, 160, 170, 239
Зимин Г.К. 48
Зиновьев Г.Е. 150, 151
Зиновьев Н.П. 80, 164, 241
Зорин П.М. 164, 242
Зубкин С.Я. 150, 152, 153
Зубов Н.А. 117, 119, 122, 123, 147, 162, 243
Зубцов В.П. 77, 83, 161, 171, 245
Зюськин Г.П. 84, 86, 88, 166, 246

Иванов В.Г. 65, 165, 248
Иванов И.М. 84, 86, 166, 249
Иванская В.Г. 154, 155
Игнатьев И.Г. 134, 135, 152
Игнатьев М.Ф. 66, 163, 250
Ильин Ф.К. 77, 78, 83, 159, 171, 251
Илюшенко В.И. 144, 148

Каганович Л.М. 9, 10, 24—33, 84
Каганович М.М. 26, 27
Каганович Ю.М. 27
Калинин А.М. 117, 119, 122, 152, 160, 253
Калинин М.И. 9, 10, 24, 28—32, 123
Каменев Л.Б. 150, 151
Кандыбин Д.Я. 34
Караваев В.М. 160, 171, 253
Караваева Е.П. 191
Карманов А.А. 95, 96, 100, 103, 162, 171, 255
Карпов Г.Ф. 166, 167, 171
Карцев П.М. 83, 162, 256

Качин Т.Ф. 53, 63, 65, 161, 171, 257
Качиньский Л. 179
Кедров М.С. 148
Кейс И.А. 93, 94
Киров С.М. 209
Киселев Н.А. 117, 118, 122, 161, 259
Киселев Т.Я. 184
Климов П.Ф. 78–80, 84, 87
Кобулов Б.З. 34–37, 39, 50–54, 59, 60, 73, 99, 117, 119, 123–125, 128, 137, 144, 169, 174, 178, 188, 189, 261
Ковалев А.С. 83, 166, 263
Ковтун Г.К. 97
Козлов М.А. 94
Козохотский М.А. 63, 65, 66, 122, 161, 171, 263
Кокурин А.И. 190
Комаровский И.И. 82, 166, 169, 265
Коморовский Б. 180
Кондаков П.П. 80
Королев В.Н. 86, 266
Корытов Г.В. 189, 268
Костюченко В.К. 82, 165, 169, 269
Костюченко Н.К. 82, 163, 169, 271
Красновидов И.И. 163, 272
Кривенко М.С. 54, 55, 74, 76, 161, 170, 272
Кримян Н.А. 137
Круглов С.Н. 51
Кузнецов А.А. 76
Кузнецова С.С. 117, 119, 162, 274
Куприй Т.Ф. 90–96, 99–103, 160, 171, 275
Куприянов Е.И. 77, 174, 175, 189, 277
Куценко А.Н. 196

Лавров С.В. 179
Лазарева Е.П. 108, 109
Лазаренко С.М. 83, 165, 278
Лаконцев В.А. 68
Лебедев М.Д. 65–67, 164, 279
Леванчуков Г.К. 165, 280
Лелюк Н.А. 93, 94
Ленин В.И. 11, 12, 14, 16, 25, 26, 29, 135, 151, 353
Литвинов М.М. 18
Логинов Н.В. 164, 280
Лугинин М.П. 63, 65, 161, 171, 280

Магго П.И. 122, 134–136, 145, 152
Мазуров К.Т. 184
Макаренков Г.И. 84, 166, 281
Маленков Г.М. 46–48, 50
Маргелов М.В. 185
Мариупольский Р.А. 125
Марусев А.Е. 61, 65, 165, 283
Мач Э.А. 134, 135, 145
Медведев Д.А. 181
Медведев И.Б. 166, 284
Мельник А.Т. 96, 163, 284
Мельник Н.В. 96, 100, 102, 103, 164, 284
Меркулов В.Н. 35–37, 39, 57, 121, 124, 128, 178, 188, 189, 285, 287
Мещенкова Т.И. 263
Микоян А.И. 9, 10, 22–26, 29–31, 33
Мильштейн С.Р. 36, 39, 106, 110, 112
Михоэлс С.М. 14
Мищенков Н.А. 164, 287
Моисеенков А.А. 84, 166, 288
Моисеенков В.П. 83, 84, 166, 289
Мокридин И.П. 67, 165, 290
Молотов В.М. 9, 10, 13, 15–20, 22, 24–26, 28–33, 123

Наливайко В.М. 66, 223
Нестеренко П.И. 149, 150, 152, 153

Никитченко В.Ф. 96
Новак Л.Г. 191
Новоселов И.И. 117, 161, 291

Огольцов С.И. 44
Окунев А.В. 134, 135, 145–147, 153–155, 160, 292
Орлов Д.И. 61, 164, 293
Осипов В.А. 64, 159, 163, 166
Осюнькин К.П. 111
Офицеров А.Н. 117, 118, 120, 122, 161, 294

Павлов В.П. 51, 52, 62, 63, 65, 161, 171, 175, 295
Пакалн П.П. 134, 136, 152
Парамонов Г.И. 137
Пегов Н.М. 48
Петров Г.А. 122, 125
Петров М.И. 111
Петровский Ф.П. 111
Пилсудский Ю. 185
Прохоров Т.А. 147
Прудников П.Г. 84, 165, 297
Путин В.В. 181, 182

Радек К.Б. 131
Разоренова А.И. 117, 119, 124, 162, 168, 170, 298
Раков А.М. 140
Рейнсон К.П. 79
Риббентроп И. фон 18
Рогов А.П. 134, 135
Родованский Я.Ф. 134
Родос Б.В. 126, 149
Романов Н.И. 110, 111
Рубанов А.М. 51, 55, 56, 62–65, 160, 171, 299
Руденко Р.А. 37, 209
Рыбаков А.А. 104, 161, 170, 301
Рыков А.И. 17, 138

Савицкий К.С. 137
Сафонов П.С. 92–94, 96, 102, 174, 175, 189, 302
Свердлов Я.М. 29
Свяневич С.С. 70, 71, 74, 76, 77
Семенихин Д.Э. 134, 145–149, 160, 304
Семенов С.Е. 194
Сенюшкин Н.М. 63, 162, 171, 306
Серебрянский Я.И. 42, 43
Сидоров Н.А. 191
Сильченков И.М. 84, 166, 307
Синегубов Н.И. 54, 55, 106–114, 116, 147, 160, 170, 308
Скородумов В.Е. 163, 311
Смирнов И.Н. 151
Смирнов С.П. 189, 311
Смирнов Ю.Д. 196
Смыкалов И.П. 95, 100, 103, 162, 171, 312
Соловьев В.А. 81, 82, 84, 166, 314
Соловьев М.М. 84, 85, 163, 314
Сопруненко П.К. 40, 51, 72–74, 105, 315
Сорокин В.К. 163, 316
Сотников Ф.И. 134, 136, 152
Сталин И.В. 5–19, 21–24, 26–33, 35, 36, 46, 47, 50, 73, 85, 91, 110, 118, 123, 134, 136, 137, 139, 140, 142, 151, 153, 155, 176, 177, 179, 182, 185, 186, 195, 353
Стекольщиков И.А. 117, 120, 162, 317
Стельмах И.И. 76–79, 84, 162, 171, 319
Степанов И.А. 74–76, 161, 170, 320
Суслов М.А. 31
Сухарев Н.И. 53, 61, 62, 64, 65, 163, 169, 322
Сыромятников М.В. 60, 95, 98–102, 165, 174, 322
Сытин В.М. 163, 324
Сюрин А.Б. 86, 164, 325

Тарасов Г.Н. 164, 326
Твардовский А.Т. 176

Тиваненко Л.А. 83, 162, 327
Тикунов И.Е. 162, 328
Тимошенко Г.И. 103, 165, 329
Титков И.И. 77, 169
Тихонов Д.Ф. 166, 330
Тихонов И.М. 100
Тихонов П.П. 95, 96, 103, 161, 171, 175, 331
Тихонова А. 142
Токарев Д.С. 41–64, 67–69, 73, 77, 80, 107, 145, 157, 158, 166, 169, 172, 174, 175, 189, 332
Точенов А.М. 166, 333
Тухачевский М.Н. 138

Ульрих В.В. 34, 138
Устинов 78, 79

Фадеев А.М. 65, 164, 335
Федорышко С.М. 165, 336
Фельдман И.И. 134, 145–147, 160, 172, 336
Фещенко П.В. 97
Фридинский С.Н. 180
Фроленков И.Л. 87, 163, 337

Хазан А.С. 137
Хохлов И.И. 73
Хрусталев Г.В. 134, 135
Хрущев Н.С. 10, 19, 22, 24–26, 28, 31, 91

Цвигун С.К. 97
Цикулин М.В. 164, 339
Цуканов А.И. 63, 162, 171, 341

Чекулаев В.К. 165, 342
Черненко К.У. 20
Чернов А.К. 134, 135
Чубарь В.Я. 24
Чужайкин И.М. 82, 164, 342
Чурносов И.А. 42

Шверник Н.М. 30, 84
Шевелев А.М. 117–119, 161, 343
Шелепин А.Н. 39, 40, 58, 59, 88, 105, 124
Шиверских А.И. 87
Шигалев В.И. 134, 135, 145–147, 160, 172, 344
Шигалев И.И. 134, 135, 145–147, 160, 172, 346
Шикторов И.С. 274
Шифрин Б.Л. 158, 189, 347
Шкирятов М.Ф. 48, 50
Шпигельглас С.М. 42, 43

Щаденко Е.А. 299
Щеглов Н. 24
Щепка Т.С. 101, 103, 165, 350

Эйхе Р.И. 140
Энгельс Ф. 87

Юсис И.Ф. 134, 135

Яблоков А.Ю. 41, 60, 177
Ягода Г.Г. 116, 130, 131, 138, 139, 151
Яковлев А.М. 65, 67, 164, 351
Яковлев А.Н. 87
Яковлев Е.В. 87
Яковлев П.А. 57, 128, 134, 138, 145–147, 160, 172, 352
Якушев Т.П. 67, 162, 354

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзербССР — Азербайджанская ССР
АН — Академия наук
АОУ — Административно-организационное управление
АрмССР — Армянская ССР
арт. — артиллерийский
АССР — Автономная ССР
АХО — Административно-хозяйственный отдел
АХУ — Административно-хозяйственное управление
АХФО — Административно-хозяйственно-финансовый отдел
АХФУ — Административно-хозяйственно-финансовое управление
БССР — Белорусская ССР
в/ч — войсковая часть
ВКВС — Военная коллегия Верховного суда
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН — высшая мера наказания
ВО — военный округ
вол. — волость, волостной
волком — волостной комитет
ВОХР — военизированная охрана
врид — временно исполняющий должность
втуз — высшее техническое учебное заведение
вуз — высшее учебное заведение
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
г. — год
г. — город
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАИ — Государственная автоинспекция
ГБ — государственная безопасность
ГВП — Главная военная прокуратура
гг. — годы
ГКО — Государственный Комитет Обороны
гл. — главный
гор. — город
горком — городской комитет
гос. — государственный
ГПУ — Государственное политическое управление
ГрузССР — Грузинская ССР
ГСОВГ — Группа советских оккупационных войск в Германии
ГТУ — Главное транспортное управление
губ. — губерния, губернский
губЧК — губернская чрезвычайная комиссия
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГУКР — Главное управление контрразведки
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГУМ — Главное управление милиции
ГУПВ — Главное управление пограничных войск
ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ГУПВО — Главное управление пограничной и внутренней охраны
ГУРКМ — Главное управление рабоче-крестьянской милиции
ГУСИМЗ — Главное управление советского имущества за границей
ГЭС — гидроэлектростанция
ГЭУ — Главное экономическое управление
Д. — дело
д. — деревня
див. — дивизия, дивизионный
ДПЗ — дом предварительного заключения
ДПО — дополнительное профессиональное образование
ДТО — Дорожно-транспортный отдел
ДТУ — Дорожно-транспортное управление
ж.д. — железная дорога
ж.-д. — железнодорожный

зам. — заместитель
запасн. — запасной
ЗСФСР — Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
изд. — издание
им. — имени
ИНО — Иностранный отдел
ИНФАГО — Информационно-агентурный отдел
ИНФО — Информационный отдел
информ. — информационный
и.о. — исполняющий обязанности
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
кав. — кавалерийский
КГБ — Комитет государственной безопасности
КИ — Комитет информации
КК — Контрольная комиссия
КП — Коммунистическая партия
КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
КПЗ — камера предварительного заключения
КПК — Комитет партийного контроля
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ — Коммунистическая партия Украины
крайком — краевой комитет
КРО — Контрразведывательный отдел
Л. — лист
ЛитовССР — Литовская ССР
МВД — Министерство внутренних дел
МВТ — Министерство внешней торговли
МГБ — Министерство государственной безопасности
мест. — местечко
МИД — Министерство иностранных дел
мл. — младший
МНП — Министерство народного просвещения
МНР — Монгольская Народная Республика
МО — Министерство обороны
МПВО — местная противовоздушная оборона
МПС — Министерство путей сообщения
МТС — машинно-тракторная станция
нач. — начальник
НИПЦ — Научно-информационный и просветительский центр

НКВД — Наркомат внутренних дел
НКГБ — Наркомат государственной безопасности
НКИД — Наркомат иностранных дел
НКПС — Наркомат путей сообщения
ОБД — объединенная база данных
обком — областной комитет
обл. — область, областной
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оз. — озеро
ОИТК — Отдел исправительно-трудовых колоний
окр. — округ, окружной
ОКР — Отдел контрразведки
ОО — Особый отдел
Оп. — опись
ОРС — Отдел рабочего снабжения
ОСНАЗ — особого назначения
ОСО — Особое совещание
п/я — почтовый ящик
ПВО — противовоздушная оборона
ПВС — Президиум Верховного Совета
пех. — пехотный
ПК — политический контроль
пом. — помощник
пос. — поселок
ПП — полномочное представительство
пред. — председатель
прод. — продовольственный
райком — районный комитет
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКМ — Рабоче-крестьянская милиция
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РЛКСМ — Российский ленинский коммунистический союз молодежи
РОВД — Районный отдел внутренних дел

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСО — Регистрационно-статистический отдел
РСУ — Ремонтно-строительное управление
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТЧК — Районная транспортная чрезвычайная комиссия
РФ — Российская Федерация
с. — село
с. — страница
СВАГ — Советская военная администрация в Германии
СМ — Совет министров
СМЕРШ — военная контрразведка «смерть шпионам»
СМУ — Строительно-монтажное управление
СНК — Совет народных комиссаров
СО — Секретный отдел
сов. — совершенно
сов. — советский
сост. — составитель
СОУ — Секретно-оперативное управление
СОЧ — Секретно-оперативная часть
СПО — Секретно-политический отдел
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — старший
ст. — статья
станц. — станция
стр. — стрелковый
СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия
т. — товарищ
Т. — том
ТаджССР — Таджикская ССР
ТО — Транспортный отдел
тов. — товарищ
ТУ — Транспортное управление
ТЧК — Транспортная чрезвычайная комиссия
УВД — Управление внутренних дел
УГБ — Управление государственной безопасности
УГРО — уголовный розыск
УзбССР — Узбекская ССР
УИК — уездный исполнительный комитет

УИТЛ — Управление исправительно-трудовых лагерей
УК — Уголовный кодекс
УКГБ — Управление Комитета государственной безопасности
уком — уездный комитет
УКР — Управление контрразведки
УМВД — Управление Министерства внутренних дел
УМГБ — Управление Министерства государственной безопасности
УНКВД — Управление Наркомата внутренних дел
УНКГБ — Управление Наркомата государственной безопасности
УНР — Управление начальника работ
УООП — Управление охраны общественного порядка
УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных
УПО — Управление пограничной охраны
упом. — упоминается
упр. — управление
УРКМ — Управление рабоче-крестьянской милиции
УСО — Учетно-статистический отдел
УССР — Украинская ССР
Ф. — фонд
ФЗУ — фабрично-заводское ученичество
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ХОЗО — Хозяйственный отдел
ХОЗУ — Хозяйственное управление
хут. — хутор
ЦА ФСБ России — Центральный архив Федеральной службы безопасности России
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦСУ — Центральное статистическое управление
ЧК — чрезвычайная комиссия
ЧОН — части особого назначения
ЭКО — Экономический отдел
ЭстССР — Эстонская ССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Глава 1. Кто принимал решение 7
Глава 2. Тайный круг 41
Глава 3. «Старикашка» 70
Глава 4. Комендант Куприй 90
Глава 5. Герой социалистического труда 106
Глава 6. Первый спецотдел НКВД 117
Глава 7. «Спецгруппа» Блохина 129
Глава 8. Загадки наградного списка 156
Глава 9. «Катынское дело» в российско-польских отношениях 176

Приложение 188
Именной указатель 356
Список сокращений 361

НАГРАЖДЕНЫ ЗА РАССТРЕЛ. 1940

Н.В. Петров

Оригинал-макет подготовлен ООО «БЕТА-Фрейм»

Подписано к печати 13.09.2016.
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Балтика. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1617470.

Общественный фонд
«Международный фонд "Демократия"
(Фонд Александра Н. Яковлева)»
123242, Москва, ул. Малая Грузинская, д. 15, стр. 3
Тел. 8-499-252-69-21. Факс 8-499-252-51-22
E-mail: mfdemo@idf.ru
www.alexanderyakovlev.org

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

«В камеру, где расстрел производился, я не заходил. Там технология была отработана Блохиным, вот, вместе с комендантом нашего управления Рубановым. Они обшили кошмой двери, которые выходили в коридор, чтобы не были слышны выстрелы в камерах. Потом проводили осужденных, будем так говорить, через коридор, сворачивали налево — тут "красный уголок". В "красном уголке" сверяли по списку, совпадают ли данные, установочные данные, нет ли тут ошибки, вот, а потом, когда удостоверялись, что это тот человек, который должен быть расстрелян, тут же надевались на него наручники и вели его в камеру, где производился расстрел, стены которой тоже были обшиты звукопоглощающим материалом. Вот и все»
(Д.С. Токарев)

Токарев никак не мог забыть совсем молодого польского паренька, из пограничников, всего-то прослужившего полгода. Токарев видел, как его опрашивают в «красном уголке», перед тем как наденут наручники и втолкнут в расстрельную комнату. Не удержался, спросил, сколько ему лет. Тот ответил. И Токареву наказанием, как гвоздь в голову, эта сцена запечатлелась на всю жизнь. «И улыбался так... мальчишка, совсем мальчишка — 18 лет», — повторял он на допросе в 1991 г.

«У нас ведь не так, как у немцев. Там повели в Бабий Яр, да постановили всех с детьми и постреляли. А это у нас как положено, как говорится, по уставу. Решение такое. Какой бы он ни был ответственный, а получал свое наказание. И положат так, как положено»
(М.В. Сыромятников)

«...тем, кто стрелял людей, и тем, кто возил, давали спирт и закуску бесплатно. Они еще, помню, после расстрела мыли руки спиртом. Я тоже протирал руки спиртом, после того как смывал кровь. Спирт хранился у меня в подвале, а закуску брали в столовой (колбаса, осетрина и др. продукты)»
(П.Ф. Климов)